

КИРИЛЛ

Патриарх Московский и всея Руси

СЛОВО НА ЦЕРЕМОНИИ ВРУЧЕНИЯ ПАТРИАРШЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ 2019 ГОДА

23 мая 2019 года в Зале Церковных Соборов кафедрального соборного Храма Христа Спасителя в Москве Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил девятую церемонию избрания и награждения лауреатов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Перед началом церемонии Предстоятель Русской Православной Церкви обратился к собравшимся со словом.

Ваше Высокопреосвященство! Досточтимые отцы, дорогие братья и сестры! Сердечно приветствую всех вас. В этом году мы собрались в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя, чтобы в девятый раз избрать и наградить лауреатов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Главными целями присуждения этой высокой награды являются, с одной стороны, поощрение талантливых писателей, вносящих вклад в развитие отечественной словесности, с другой – привлечение внимания читателей к творчеству достойных с точки зрения Церкви литераторов.

Сегодня существует великое множество литературных премий, присуждаемых государством, общественными, профессиональными организациями в самых различных номинациях. Всё это отражает современный и по-своему мозаичный литературный процесс. Но вместе с тем за обилием существующих наград, отмечающих творческие способности писателей и художественные достоинства их произведений, нередко забывается главное. То, ради чего, собственно говоря, и существует искусство. Оно призвано, в первую очередь, раскрывать замысел Божий о мире, свидетельствовать о высоком призвании человека, возвышать его ум и сердце, приподнимая над суетой повседневности и ставя перед человеком “вечные вопросы” о добре и зле, о смысле и главной цели жизни.

Критерием настоящей литературы является не изощрённость форм и новаторство писательской техники, а устремлённость к небу, творческий поиск Божественной правды. Очевидно, что любая литературная форма, сколь бы совершенна она ни была, без нравственного наполнения остаётся пустой и бесплодной. Поэтому основное внимание при выборе лауреатов нашей премии уделяется именно мастерству в воплощении христианского идеала в писательском творчестве. Но это совсем не означает, что при оценке творчества мы игнорируем форму, в которой воплощается литературный замысел.

Иван Александрович Ильин, рассуждая о природе и предназначении искусства, называл русскую литературу особым видом духовного творчества. Именно таким родилось искусство в нашей культуре – как “творчество из

главного”, как творчество, “возносящее человека к Богу” и “проливающее в его душу Божественный свет и чистоту”¹. Таким оно и было на протяжении многих столетий. Как здесь не вспомнить известные слова академика Лихачёва о том, что в целом древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы, и тема эта – смысл человеческой жизни в свете Евангелия!²

С торжеством идей секуляризма в Западной Европе, а позднее и в нашей стране христианская “закваска” в культуре постепенно ослабевает. Основной темой становится трагическое противоречие между величием интеллектуальных и творческих возможностей человека и далёкими от идеала условиями земного бытия.

Вместе с тем замечу, что этот вопрос, волновавший в своё время античных авторов, был совершенно преодолён в христианстве, ибо, в отличие от писателей дохристианской эпохи, оно говорило уже не на языке падшего мира, а исходило из преобразённой Спасителем реальности – Царствия Божия, которое внутри нас (см. Лк. 17:21). Благодаря Христу люди осознали, что зло и смерть не всесильны. Они осознали, что нет никакого довлеющего над человеком рока, что мир задуман и устроен прекрасно. Каждый без исключения человек – это образ Божий, который, быть может, потускнел и исказился, но человек, если захочет, может вернуть своё богоподобное достоинство и обрести вечную жизнь. Христианские идеи повлияли на осмысление места культуры в жизни человечества.

Но творческие поиски западноевропейских авторов, увлечённых красотой и величием античности, обратились совершенно в другую сторону. Христианские ценности безжалостно высмеивались в трудах французских писателей эпохи Просвещения. Братоубийца Каин с лёгкой руки Байрона вдруг оказался окружен романтическим ореолом бунтаря, а зло получило неожиданное оправдание в известных словах гётевского Мефистофеля.

Включённая в общеевропейский культурный контекст русская литература XVIII и начала XIX века также пыталась найти выход из духовного кризиса. И, как мы помним, блестяще сделать это удалось Александру Сергеевичу Пушкину. В этом году исполняется ровно 220 лет со дня рождения “солнечного гения” нашей литературы, и думаю, было бы справедливо в преддверии знаменательной даты сказать несколько слов о той замечательной роли, которую он сыграл в истории русской культуры.

Ильин, уже упоминавшийся мною сегодня, не без причины считал Пушкина “главным входом в классическую русскую культуру”³, подчёркивая при этом, что без осознания этого невозможно правильно воспринимать творчество всех последующих классиков отечественной литературы. Пушкин стал оплотом, родоначальником русской классической литературы, подарившей миру Гоголя, Достоевского и Толстого, – литературы, которую немецкий писатель Томас Манн устами одного из своих героев назвал святой⁴.

Так за что же мы так ценим Пушкина? Почему ведём отсчёт классической русской литературы и современного русского литературного языка именно с него? Очевидно, что одно только художественное совершенство не позволило бы Александру Сергеевичу претендовать на столь значимую роль в нашей культуре.

Творчество любого художника – это его духовная биография. Неслучайно Спаситель сказал: “Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его” (Лк. 6:45). Творческий путь Пушкина – это путь к свету и добру.

Воспитанный в европейской культуре, Пушкин был, безусловно, человеком нового мира. Это очень хорошо заметно на примере его ранней лирики, отличающейся резкостью суждений и острой жаждой свободы. Но постепенно что-то сомнительное, злое, не самое удачное со временем отпадает, как шелуха. И он пишет “Капитанскую дочку”, “Отцы пустынники и жены непорочны...”, “Памятник”. Пушкин отыскал в русской жизни Татьяну – и Онегин ушёл

¹ Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики (Бунин, Ремизов, Шмелёв). Мюнхен, 1959. С. 19.

² Лихачёв Д. С. Великий путь: становление русской литературы XI–XVII веков. М., 1987. С. 11.

³ Ильин И. А. Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры // Московский пушкинист: ежегодный сборник. М., 1997. Вып. IV. С. 383.

⁴ Новелла Т. Манна “Тонио Крёгер”.

от неё пристыженный, ведь ему самому ещё нужно было до неё дорасти, чтобы стать достойным.

Пушкину удалось показать, что идеалы могут жить и в реальном мире, что далеко не всегда торжествует неправда, а если и торжествует какое-то время, то в итоге всё равно побеждает истина и добро.

“Лучшие люди Европы не смогли найти в жизни того, что бы примирило неправду действительности с невидимыми, но всем бесконечно дорогими идеалами... Этот вопрос поставила и разрешила русская литература... Пушкин первым не ушёл с дороги, увидев перед собой страшного сфинкса... Сфинкс спросил его: “Как можно, глядя на жизнь, верить в правду и добро?” Пушкин отвечал ему: “Да, можно”, – и насмешливое и страшное чудовище ушло с дороги”¹, – напишет позднее Лев Шестов.

Будучи писателем исключительно светским, Пушкин в то же время отразил в своём творчестве христианский взгляд на мир, смог восстановить духовную родословную русской культуры, прерванную произошедшим в результате петровских преобразований резким разворотом на Запад и разрывом многих связей с нашей многовековой традицией. Пушкин сумел примирить новый мир со старым, вернее, с вечными основами бытия. Он сумел выразить этот хрупкий баланс удивительно точным и образным языком, вобравшим в себя богатства церковнославянского и меткость разговорного народного языка.

Сегодня мы вновь стоим перед подобным культурным вызовом. Современное литературное творчество воспринимается большинством писателей и читателей как своеобразная форма игры, где нет и не может быть по определению сколь-либо серьёзных и глубоких идей. Торжество нигилизма и эстетики декаданса, циничного гедонизма и вызывающего эпатажа – вот печальные плоды постмодернистской реальности в литературе.

Но справедливости ради стоит отметить, что литературный процесс все же неоднороден. К счастью, нашёл свой отклик в литературе и запрос части общества на поиск настоящего, жажду подлинного в мире социальных и культурных декораций. И я надеюсь, что таких писателей будет становиться все больше.

Сегодня нам очень нужна литература, которая бы примирила постмодернистскую реальность с вечными нравственными принципами и ценностями. Нам нужны новые “Пушкины”, которые могли бы чувства *добрые лирой пробуждать*, не идеализируя, но и не опошляя при этом мир существующий, а свидетельствуя о высших истинах, стремиться к познанию которых призван каждый человек.

Почему же Церкви так важно, что происходит сегодня в отечественной словесности? Почему мы так близко к сердцу принимаем эти процессы?

Именно в литературе русская культура нашла своё самое глубокое выражение: литературоцентризм – одна из её сущностных особенностей, а изучение классической словесности есть один из важнейших способов национального самопознания. Не будет преувеличением сказать, что будущее России напрямую связано с будущим её литературы. Если не будет по-настоящему значительной русской литературы, не будет и настоящей глубинной России, которую мы любим и которой так дорожим. Очень надеюсь, что усилиями Церкви, писателей и всех неравнодушных к судьбам отечественной словесности людей в нашем обществе будет возрождаться роль литературы как важно-го пространства духовной жизни народа.

Прежде чем выбрать достойнейших из достойных, хотел бы также сообщить вам о том, что со следующего года в день, когда вручается Патриаршая литературная премия, будет также награждаться и лауреат премии “Новая библиотека” в номинации, названной именем Ф. М. Достоевского. Премия “Новая библиотека” обрела новый формат: ранее она вручалась только за рукописи, а отныне ею будут награждаться авторы выдающихся печатных изданий.

Сердечно благодарю всех за внимание и предлагаю перейти к церемонии избрания и награждения лауреатов.

Источник: patriarchia.ru

¹ Шестов Лев. Пушкин // Шестов Лев. Умозрение и откровение. Религиозная философия Владимира Соловьёва и другие статьи. Париж, 1964. С. 334.

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

СИНЕЛА НЕБЕСНАЯ, ЗВОНКАЯ ВЫСЬ...

ТУЧА И СТРИЖ

Когда это было? Не помню, когда...
Но помню: речная сверкала вода,
Синела небесная, звонкая высь,
Где туча и стриж друг за другом неслись.
Запомнилось поле, дорога-большак...
Когда это было? Не вспомню никак.
Но я вспоминаю родные места,
Где вёртких уклеек ловил я с моста,
Где слушал я диких гусей переклик,
Глядел в осветлённый землёю сошник.
Мне помнится дух избяного жилья...
Ушедшая жизнь — неужели моя?!

МОРОЗОВ Геннадий Сергеевич родился в 1941 году в г. Касимове Рязанской области. Учился в средней школе. Окончил Касимовский индустриальный техникум и Литературный институт им. М. Горького в Москве. Работал в геологических экспедициях в Карелии, Эвенкии и Якутии, редактором художественной литературы издательства "Лениздат" в Санкт-Петербурге. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат премии журналов "Огонёк" (1977), "Молодая гвардия" (1985), "Наш современник" (2013). Победитель Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина (2014). Лауреат независимой литературной премии им. Бориса Корнилова (2018). Награждён медалью "Николай Рубцов" (2019). Член Союза писателей СССР с 1977 года и Союза писателей России. Почётный гражданин города Касимова. Профессор международной академии науки, литературы и искусства, Санкт-Петербургское отделение (1998).

Куда он пропал, её трепетный свет?
Когда это было? Давно или нет?
О, жизнь, я к такому пришёл рубежу,
В ушедшие годы прощально гляжу
И словно бы вижу прозрачную высь,
Где туча и стриж друг за другом неслись...

КРУЖЕНИЕ ЯСТРЕБА

Дмитрию Мизгулину

Уже тропинки стали суше
В пролесках, в поле и в бору...
Всё выше, выше ястреб кружит,
Буравя в облаке дыру.
А сквозь неё сквозит, блистая,
Полоской узкой солнца луч,
Краями красными взрезая
Живой подзор летучих туч.
Они ещё не дождевые,
Они почти, как облака.
Верхи их бледно-голубые,
Багровы круглые бока.
Они ещё совсем не грозны,
Грома в них глухо не ворчат.
Они хладят прогретый воздух
И землю тенями чернят.
Когда же тучка чуть качнётся,
Рассыпав капли, как горох,
То в каждой капле отзовется
Сырой земли глубокий вздох.
Но этот вздох не от печалей,
Что землю влажную томят,
А от того, что блёкнут дали,
Озёра меркнут и рябят.
Темней, прохладней стали ночи,
И, ёжась, зябнут зеленыя.
И жизнь становится короче
У наступающего дня.
От этой мысли нет покоя,
И потому ей дорожу...
Любя всё бренное, мирское,
Я с обострённою тоскою
За хищным ястребом слежу.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Цвели в овражках медуницы,
Клубился рой зелёных мух.
И шорох вызревшей пшеницы
Улавливал мой детский слух.
Я убегал по тропке в поле.
И там, в полуденной тиши,
Я обретал не только волю,
Но и бесстрашие души.
И с той минуты заморочил
Я сам себя (Господь, прости!),
Что я могу любую ночью

Один на кладбище пойти.
Нет, местной славы я не жаждал!
Но лишь полночный ветер стих —
Я, расхрабравшись, побрёл однажды
К могилам предков дорогих.
И, положась на милость Бога,
В душе с молитвою простой,
Я шёл не торною дорогой —
Волками меченой тропой.
Ночь пахла запахом бузиным,
Чернели призрачно кресты...
Репьи цеплялись за штанины,
Сигали ящерицы в кусты.
Как цепенел я в час полночный!
Ни звёзд на небе, ни луны.
Мерцал лишь слабенький цветочек
Полузавядшей белены.
И вдруг я вздрогнул... И обратно
Хотел домой рвануть трусцой,
Но что за сила — непонятно
В сей зябкий час владела мной?!
Я ощущал, как руки стынют,
Скользит по телу холодок.
Казалось: кто-то дышит в спину,
Вздыхает... Вдох его глубок.
Я замер. Вздрогнул. Обернулся.
Гляжу... Но — нету никого.
Лишь тени чьей-то клочок метнулся...
Молчать мне было каково?
Хотелось крикнуть: “Призрак, скройся!
Ты кто: нормальный или псих?
А коль не псих — тогда откройся!”
...Шептала ночь мне: “Успокойся...
Ты мёртвых, Геночка, не бойся,
Всё зло исходит от живых...”

ОДИНОЧЕСТВО

Живу один в бревенчатом дому...
Да, я бобыль! Бобылья жизнь — прекрасна!
Влачу постылую житейскую суму,
С утра загружен бытом безобразным.
Но я не жалуясь! Мне даже по душе
Моё уединенье холостое...
Варю картошку в жестяном ковше,
В бутылочках — винишко золотое.
Винишко терпкое, зови к себе, мани!
Ты — яблочное, крепости отменной!
Ах, Боженька, за пьянство не вини,
Когда-нибудь отвыкну постепенно,
Как я отвык от женских ласк твоих,
От поцелуев — пылких и поспешных...
И даже от любви, дарённой на двоих,
Что единила нас — восторженных и грешных.
Где и когда произошёл разлом?
Мы треснули, как две прозрачных льдинки...
Спасай меня, родительский мой дом, —
Жизнь раскололась на две половинки.
Кто виноват? Ужели — я? Винюсь!

Судьба темна, как вырытая яма...
Не ждите! Я над ней — не наклонюсь!
...К избе родной всем сердушком прижмусь —
Так сердцем прижималась ко мне мама!

АВГУСТ

Стало прозрачным озёрное дно
От августовского света...
Сколько тревоги затаено
В шорохе вязовых веток!
Клонятся низко к озёрной волне,
Тронутой тинистой цвилью*.
Сушит стрекозка на валуне
Полупрозрачные крылья.
В небе дневном не кружит высоко,
Знать, не хватает силёнок.
И вылетает из-под облаков
Хитрый и злой ястребёнок.
Воздух под крыльями зыбко дрожит,
Тонко свистит, по-синичьи.
А у ржаной, пожелтевшей межи
Кречет кузнечиков кличет.
Веет овсяница тёплой пыльцой,
Резки ветров разговоры,
Знойный сухмень обжигает лицо...
...Замер я, как перед строгим отцом,
Перед рязанским простором.

* Цвиль — зеленоватая плёнка зацветшей воды.

ЕКАТЕРИНА БЛЫНСКАЯ

ВСЁ, ЧЕМУ ВЕРНА...

* * *

Не догрел мне руки февраль-отталок,
Не качал меня в подолé июнь,
Бьёт меня Создатель, а мне всё мало.
Разотри и сплунь,
Сплунь и разотри, поцелуй легонько,
Разгони мне розгами снежный мрак.
У меня есть старая коногонка
Да родной барак.
В том бараке тепло только тараканам.
Грохают тазами, дитё визжит.
Только там не годы ещё, века нам
Жить да не тужить.
Солнце топит снега из горних кряжей,
Небо соскребаёт кедрач метлой...
Ждёт ли кто нас там, удалых бродяжек,
Где тепло-светло?

БЛЫНСКАЯ Екатерина Николаевна родилась в Москве. Поэт и писатель. Окончила Театральную мастерскую Ролана Быкова, работала в театре. Окончила Экономико-гуманитарный институт. Автор четырёх книг стихов: "Боязнь паденья", "Закон несложный", "Святослово", "Всё забудь" и книги прозы "Змий Огнеярый, повести и рассказы". С 2010 года жила в Сибири, в шахтёрском посёлке Тайжина. Работала в газете "Время и жизнь" в г. Осинники Кемеровской области. В 2013-м вернулась в Москву. Окончила Высшие литературные курсы Литературного института им. М. Горького. Дипломант литературного форума "Золотой Витязь". Публиковалась в журналах "День и ночь", "Зензивер", "Нева", "Сибирские огни", "Дети Ра", "45 параллель", еженедельниках "Поэтоград" (Москва), "Литературные известия" и др. Член Союза писателей XXI века, член Союза писателей Кузбасса. Замужем, воспитывает четверых детей.

Отступи, невзгода моя нелепая,
Родиной стыдила меня судьба.
Опеваёт жаворонок макушку лета,
Где жара скупа.
Лодочка моя омулёвой бочкой
Плавает по морю, не зная дна.
Рваная тропинка, скупая строчка.
Всё, чему верна.

* * *

Кто тебе сказал, румяной, рыжей,
Года в три отнятой от груди,
Что война тебе всю душу выжжет
И крестов наставит на пути?..
Кто предупредил, чтоб саван шила
В гуле пулемётных перестуков,
Что загладишь холмик над могилой,
А не головы кудрявых внуков.
Сделалась до времени седою,
Стала ты до возраста старухой.
Твой сынок лежит в опавшей хвое,
А не на постели с молодухой.
Ты ли не молилась, провожая,
Удивлялась на вселенский вой?
Мы ещё сынов вам нарожаем,
Только не развязывайте войн!
...Защищать нам что-нибудь не ново!
Боль земные наполняет соты...
И по чьей же воле бестолковой
К матери вернулся ты “двухсотым”?
Им, голубокровым, белокостым,
Слышится ль в снарядах и дыму
Вертолёт, зависший над блокпостом,
Не успевший к сыну твоему?..

* * *

Город горит бисерным побережьем,
Запер потоки, линии поломал.
Вместо тайги — сплошь бурелом, валежник,
Стайки пустые, брошенные дома.
Вниз оползают красные терриконы:
Дом для термитов, панцирная гора.
Сушат просторы весенние ветрогоны.
Спрашиваешь: “Замёрзла?” Домой пора.
...Чем же вы тут живёте, какие планы,
Кто не сорвался, видимо, тот привык...
Старыми болями ваши ржавеют раны,
И, как стигматами, ими гордитесь вы.
Разве не жалко своих, что внезапно сгинут?
Встать бы вам всем, и сдвинется пласт беды.
Бедность терпеть и гнуть на кого-то спину...
Им всё равно не хватит угля, руды,
Им всё равно не нужен ваш пот и слёзы,
Только и знают — последнее забирать.
Вы не противитесь, чадный вдыхая воздух.
Разве вам здесь не холодно без костра?

Ты улыбаешься этим моим предложениям,
Гладишь прибрежный камень в кругах веков.
Ты отвечаешь: “Видишь, за дальним логом
Выпас покрылся розами огоньков?
Видишь, деревня около перевала
Сморщилась словно, открытая всем ветрам.
Белые старцы дальнего Алатау
Щербами серыми лыбятся по утрам...”
Ты говоришь: “Не знаю рассказов длинных,
Может быть, я у сердца их приберёг...”
Возле дворов на шорские домовины
Жёлтой пылью ложится цветущий мох.
Так мы глядим с высоты, где овсянка свищет,
Меж первоцветов еле видна тропа.
И, наступая на брошенное кострище,
Траву сминая, ты
Давишь осенний пал.

* * *

Посконь тумана брошена на пашни,
сивеет лента речки ледяной.
Так мало знаю я о дне вчерашнем...
Так говори о завтрашнем со мной!
Всегда одно: не вера поколений,
но мера страсти — спутница войны.
Мы спутаемся с былками растений,
продолжим девясилы, плауны,
дадим другую плоть плодам обычным,
отклеим лист прилипший от пяты...
Но не найдём ни одного отличья
от тех, чьи унаследуем черты.
Храни же, ни к чему не привыкая,
своё в себе, хоть твой спокоен вид.
Посыпал град с подветренного края,
и горный край кинжалами звенит,
и степь тебе грозит стрелой калёной.
Кто, изболевшись праведной виной,
поднимет наши рваные знамёна
над обречённой, раненой страной...

ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ

ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА

* * *

Всё началось год назад, когда, можно сказать, от одной безысходности Евдокимов занялся продвижением дочери на эстраду. Всё сошлось к одному: гибель жены Ани и, как вспышка молнии в беспросветной тьме, сочинительский талант Жени. Натерпевшаяся за свою недолгую супружескую жизнь дочь шла напролом, и, казалось, не было силы, которая могла бы её остановить. Евдокимов поначалу даже испугался, попытался отговорить, пока не понял, что не отговаривать, а помогать надо, и с не меньшим, чем у дочери, рвением занялся возобновлением былых связей. Не так уж и много их на поверку оказалось, можно сказать, почти ничего. Так что вся надежда была на талант, который надо было ещё развивать, а время для этого казалось упущенным. У дочери было только музыкальное училище по классу фортепьяно. И это бы ничего, да имелась более существенная причина, препятствовавшая обучению, — четырёхлетняя дочь, а это означало, что лишь заочная форма оставалась единственно приемлемой. И надо было такому случиться, именно в тот год в их консерватории упразднили заочный факультет по классу композиции. Попробовали они было сунуться в законченный Евдокимовым Московский институт культуры (а попросту “кулёк”), но там всё упёрлось в проживание, и тогда,

ЧУГУНОВ Владимир Аркадьевич родился в 1954 году в Нижнем Новгороде (тогда город Горький). После службы в армии работал на Горьковском автозаводе. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Нижегородский педагогический университет (курс практическая теология). С 1990 года в священном сане. Автор книг прозы: романов “Русские мальчики”, “Мечтатель”, “Молодые”, “Невеста”, “Наши любимые”, книг очерков о святых и подвижниках благочестия “Церковь воинствующая”, “Авва” и других. Член Союза писателей России. Живёт в селе Николо-Погост Городецкого района Нижегородской области.

подумав, он посоветовал Жене поступить в “кулёк” местный и частным порядком брать уроки вокала у хорошего педагога. Постепенно вышли и на приличного аранжировщика — песни буквально тут же расцвели. Теперь не стыдно было показаться с ними на любом конкурсе. И тут подвернулся первый, в одном из ночных клубов. Результаты еженедельно освещались одним из телеканалов. Евдокимов посмотрел пару передач и посоветовал дочери съездить. И хотя конкурс подходил к концу, после прослушивания Женю сразу же ввели в финал и два раза показали по телевизору.

Так впервые после длительного перерыва Евдокимов опять оказался лицом к лицу с эстрадой, а точнее, на гала-концерте.

Это случилось в конце декабря прошлого года. Заваленные непрекращающимися снегопадами улицы стояли в тусклом свете задымлённых морозным туманом фонарей. Убирать сугробы не успевали. Помнится, долго не могли припарковаться. Наконец, пробили колею в глубоком снегу. След в след выбрались на тротуар и направились к клубу.

Без всяких сомнений, Женино выступление было самым лучшим. Да ещё так получилось, что гала-концерт совпал с днём её рождения. Узнав об этом, хозяева заведения организовали презент. В самом конце арт-директор неожиданно объявил в микрофон, что среди участниц гала-концерта находится именинница, и назвал Женю по имени. Послышались аплодисменты, затем потушили свет, и через весь тёмный зал официант пронёс на подносе торт с зажжёнными свечами. Женя задувала их в полной тишине. И, когда погасла последняя, зал вновь оживили аплодисменты. Затем арт-директор объявил:

— А ещё в подарок имениннице будет исполнена песня.

Когда стоявшие во время концерта на подевке девочки запели, Евдокимов невольно обратил внимание на руки одной из них, но только ночью понял, что именно напомнили они ему. Такое же чувство острой жалости и нежности вызвали в нём сбитые от стирки в корыте руки Ани, когда после рождения дочери они целое лето жили на даче его родителей.

И с этой минуты началось...

* * *

Второй раз — в Санкт-Петербурге. Конкурс оказался весьма солидным. Со всех концов страны слетелись на него молодые дарования, выпестованные в стенах музыкальных училищ. Всех разместили в знаменитой Пулковской гостинице. И там его внимание привлекли две яркие красавицы, близняшки-казачки Оля и Таня, да так, что при виде них кровь бросалась в голову. Ничего подобного он не испытывал тысячу лет и совершенно не чувствовал своего возраста, а ему буквально месяц назад стукнуло сорок девять. Голова его плыла, уши заложило, он был полон самых невозможных желаний и не мог произнести ни слова. Потом он со стыдом вспоминал, как во время танца ему ужасно хотелось поцеловать Тане руку, и не сделал этого лишь благодаря невероятному усилию над собой. Ещё неизвестно, как бы она к этому отнеслась.

Женя заняла второе место среди ста пятидесяти претендентов в эстрадном вокале. Попробовала она себя тогда и в народном, а всё потому, что, перекутав фолк-рок с народным вокалом, записалась именно на него (отсылкой документов на конкурс занималась она). Когда по прибытии в северную столицу Евдокимов узнал об этом, тут же переписал заявку, объяснив дочери, что ничего общего с народным вокалом её опусы не имеют. Поскольку *нет пророка в своём Отечестве*, дочь упрямо твердила, что имеют, и, чтобы в очередной раз доказать упрямыце свою компетентность, Евдокимов согласился на участие в том числе и в этом конкурсе, который проводился вместе с академическим вокалом в стенах солидного музыкального заведения.

Прослушивание проходило в пустом зале. Как и полагается, пели без микрофонов. И это первое, что округлило Женины глаза. Акустика всё же имелась, но самая примитивная, обработки голоса никакой, а звукорежиссёр,

как кинооператор, находился где-то под потолком за стеной зала. Заметив, что с дочери спала спесь, Евдокимов сказал:

— Ну? Что?

Женя упрямо отвернулась и обронила в ответ:

— Всё равно буду петь.

— Ну-ну...

И Евдокимов принялся устанавливать камеру. Он был единственный с камерой, и на это конкурсная комиссия сразу обратила внимание, объявив для солидности, что производится запись выступлений и желающие их получить могут обратиться к организаторам конкурса. Евдокимов не стал возражать, и к нему тут же подошли несколько человек с просьбой о получении записи. Евдокимов ответил, что съёмка никакого отношения к организации конкурса не имеет, но свою визитку дал, пообещав выслать записи почтой.

* * *

Списки, наконец, вывесили. И, как уже было сказано, они с дочерью обнаружили себя в числе победителей. Стало быть, к 16:00 надо было вернуться на гала-концерт. Толпившийся возле стенда народ комментировал результаты.

В отличие от Москвы, старый Питер во многом сохранил свой исторический облик. Как и полагается северной столице, то светило солнце, а то валил мокрый снег. В плотном транспортном потоке их “Турист” не спеша пробирался по узким улочкам, вдоль каналов, иногда пересекая их по горбатым, с красивыми чугунными перилами мостам. Остановивались у набережной Невы, у Сфинкса. Река ещё стояла во льдах. Побывали у Зимнего дворца, Медного всадника, Петропавловского собора. Обогнули Исаакий, проехали недалеко от Александро-Невской лавры и последнюю парковку сделали у Николо-Богоявленского собора. Площадь перед собором была в снегу и вся усыпана резвящейся детворой.

Домой ехали на “Сапсане”. И даже не верилось, что появились такие скоростные поезда. Прежде дорога до Питера на фирменном поезде отнимала вечер и ночь, а тут всего семь часов пути. Плавню покачиваясь, поезд мчался со скоростью винтового самолёта. За широким окном, пока не стемнело, проплывали ещё заснеженные, но уже с весенними проталинами поля и леса.

* * *

На юбилей школы народу прибыло много, а вот из их класса — всего лишь один Калинин. Они пожали друг другу руки, разделись, записались и поднялись в спортивный зал. Началось с замечания Калининца:

— Нет, всё-таки красивые у нас бабы!

— Не понял.

— Ездили тут наши мужики в Муром, говорят, не на кого посмотреть, а у нас, на какую ни глянь, все красавицы!

— Так уж и все?

— А ты сам посмотри.

И тогда из чистого любопытства Евдокимов стал поглядывать по сторонам, и, разумеется, ничего особенного не замечал, и, может быть, вскоре перестал бы, кабы случайно не задержал внимание на одном лице. А сидела неподалёку, в профиль, девушка лет двадцати пяти. И впрямь, подумал Евдокимов, красавица. Невольно залюбовался. И, почувствовав его взгляд, девушка сама повернула голову. Буквально на мгновение их взгляды встретились, но и этого оказалось достаточно. Девушка тут же опустила глаза, Евдокимов — тоже, мельком глянул на Калининца, тот ничего не заметил, и, однако же, в одно мгновение Евдокимов выпал из общего интереса. Всё его внимание, даже если не смотрел, сосредоточилось на ней. Он попытался себя усосветить (“в чём, собственно, дело, дорогой товарищ, вы чего это?!”),

а сам продолжал исподтишка наблюдать. И, как бывало когда-то в этой самой школе, девушка это заметила. Разумеется, поворачиваясь в очередной раз в его сторону, ни на кого конкретно она не смотрела, и также было понятно, что время от времени поворачивала она голову совершенно невольно, движимая непреодолимым любопытством. Скользнет мимо его глаз, задержит на пару секунд внимание в пространстве — а Евдокимова словно жаром обдаст. И так продолжалось до конца торжественной части.

После вручения подарков все разом поднялись и стали расходиться. И тут Евдокимов потерял её из виду.

В спортзале меж тем запустили танцы, и на них осталась одна молодёжь. Вскоре “они”. “Они” — потому, что на торжественной части она сидела с подружкой. Контраст удивительный. Такое впечатление, что одну изваял художник, другую вытесал топором пьяный мужик.

Чего Евдокимов не ожидал, так это увидеть подружек на кушетке напротив раздевалки, к которой они с Калининцевым подошли. И тут они уже не просто встретились, а вперились друг в друга. Она смотрела в каком-то ужасе, очевидно, понимая, что так нельзя, и в то же время не находя в себе силы оторваться от его взгляда, а он — от её. Однако Калининцев всё это вовремя прекратил:

— Ну что, пошли?

И они направились к выходу. На улице постояли ещё. Во время ничего не значащего разговора Евдокимова всё подмывало вернуться в школу. Вот так вот просто войти и спросить: девчата, вы откуда будете, в смысле, из какого из четырёх посёлков, дети которых учились в их школе? Но Калининцев и это прекратил:

— Ну что, по домам?

И Евдокимов его проводил. Благо, по пути было. На прощание пожали друг другу руки, дали совершенно необязательное обещание друг друга не забывать. Калининцев спросил напоследок:

— Домой или к родителям?

— К родителям, — ответил Евдокимов, а сам повернул к школе.

Подойти в присутствии такого количества знающего его народа Евдокимов ни за что бы не решился, но притаиться где-нибудь в темноте, чтобы, если повезёт, навязаться в провожатые, был почти готов.

...И вот они уже идут рядом, а понятливая подружка тут же удалилась. Она смотрит перед собой, вся в напряжённом ожидании, что будет дальше. И в нём тоже это ожидание чего-то безумно влекущего. Он берёт её за руку. Она поворачивает голову. В её глазах покорность и страх... И тогда усилием воли Евдокимов обрывает себя: “Нет, дальше нельзя!”

И за всё время пути к станции захватывающая картина знакомства назойливо преследует сердце обманчивой жалостью по чему-то так и не осуществившемуся.

* * *

Они познакомились с Аней на втором курсе музыкального училища, на новогоднем вечере. Тогда Евдокимов сыграл одного из самых забавных персонажей по имени Калибан в переделанной для борьбы с “опиумом для народа” сценке из шекспировской “Бури”.

Потом начались танцы. Евдокимов костюма не снимал и ходил героем, и далеко не сразу заметил, как одна чернявая девица при взгляде на него закрывает ладонью рот и отворачивается. Ему это надоело, и он пригласил её на танец. Тогда он уже играл в вокально-инструментальном ансамбле в местном клубе и очень этим гордился. В училище занимался на отделении музыкального искусства эстрады, Аня — фортепьяно и академическим вокалом. Особыми данными она не располагала и, понимая это, подумывала о преподавательской работе. Евдокимов же был одним из лучших и по окончании училища поступил на третий курс Московского института культуры по классу композиции, который мог бы и не окончить по причине свалившейся

на него сначала подпольной, а потом, благодаря перестройке, всероссийской славы. Это было время самых драматичных отношений. В училище они друг на друга наглядеться не могли, а тут...

Впрочем, всё это было потом, тогда же каждый вечер после занятий Евдокимов провожал Аню. Они долго бродили по улицам, иногда ходили в кино или в кафе-мороженое, но чаще стояли в подъезде. Музыка они любили оба — и классическую, и народную, и эстрадную — и могли говорить о ней часами. И всё-таки музыка не была единственным предметом их разговоров. Говорили и о кино, и о прочитанных книгах. Но ещё больше им нравилось держаться за руки и украдкой целоваться в темноте подъезда.

Первое время, посещая их репетиции, Аня даже пробовала петь, но у них уже была солистка, и пела она, к сожалению, лучше. Ребята понимающе разводили руками, а Евдокимов не решался об этом Ане сказать. И когда она догадалась, произошла первая ссора: почему молчал? Однако дулась недолго. Да и на что? А вообще, как она им гордилась, какими счастливыми глазами смотрела на него во время концертов, на танцах, во время которых никогда и ни с кем не танцевала!

Никогда ещё песня не была таким властелином умов и столь обнажённым нервом жизни, как во времена появления первых электрогитар, в то удивительное время негласного союза молодёжи всей планеты, когда казалось, не было гор, которые нельзя не свернуть. Всё, что происходило вокруг — космонавтика, технический прогресс, противостояние систем, — воспринималось в виде незначительного обрамления того, чем были поглощены буквально все. Невозможное ни для каких идеологических ухищрений время, когда во всех странах мира молодёжь пела одни и те же песни на одном и том же языке. От этих песен, как от родников, по всей земле растекались ручьи и реки, орошая готовую к плодоношению почву новой весны человечества, весны молодых чувств, того неповторимого времени.

Это было время поступи всё новых и новых талантов. Господствующая идеология в сердцах молодёжи была поглощена музыкой совершенно. И хотя чиновники всячески пытались вклиниваться в репертуар, ни одна из обязательных в концертных программах песен не находила отклика ни в одном сердце и не овладела ни одним умом. Они относились к той обязательке, от которой, как от чумы, шарахались со школы. Их просто-напросто терпели, как терпят выживших из ума родственников, брызжащую соседку.

Это было время, когда семиструнные гитары уходили в историю, шестиструнные были в дефиците, а электрогитар не было вообще, и по всей стране развернулось их кустарное производство. Это же касалось и усилителей низкой частоты, и акустики. А микрофоны! А ударные установки! Да что там, даже шнуры и разъёмы!

Качество извлекаемого звука от самодельных гитар было отвратительным, но вскоре появились заводские. Лучшие ударные установки и аппаратура привозились из-за рубежа, гитары — тоже. Всё это стоило сумасшедших по тем временам денег и было доступно далеко не всем. И, однако же, это не мешало появлению всё новых и новых вокально-инструментальных ансамблей.

Ансамбль, в котором играл Евдокимов, был создан задолго до появления названия и, разумеется, до того, как у них появились приличные инструменты и аппаратура. Каждую пьесу они оттачивали до совершенства. На это уходило всё свободное время, и довольно часто приходилось засиживаться в клубе допоздна.

Их посёлок находился на окраине города. Несколько таких же посёлков с различными названиями входили в эту округу. И там, где имелись клубы, гремели свои ансамбли.

В Питере Евдокимов упомянул о своём первом выступлении. Это ещё не было самостоятельным концертом и случилось задолго до того, как они стали играть на танцах, а выступили тогда в составе художественной самодеятельности. Сначала пел хор, потом развлекал публику хореографический ансамбль, и в самом конце выпустили их. Зал был битком, и Евдокимов хорошо помнил, какое волнение вызывало в нём его нетерпеливое гудение.

Наконец, занавес поплыл, волнение в зале стало стихать, сотни любопытных глаз устремились на сцену, а Евдокимову казалось, на него одного, стоявшего впереди перед микрофоном с гитарой.

Когда послышался счёт палочек, Евдокимов от волнения начало вступление пропустил. В зале послышались ехидные смешки. Однако он сумел взять себя в руки и, несмотря на затянувшийся до неприличия проигрыш, начал:

Для меня нет тебя прекрасней...

И, заметив, как по залу прошла трепетная волна, приободрился. Затем пела их солистка. Поскольку далеко не всем из старшего поколения их “модные песни” были по душе, её выступление прошло на ура.

В общем, в институт они поступили в один год и жили в общежитии. И вот там, в нетрезвом виде, в одной из комнат общежития между ними “всё это” и произошло. Для обоих впервые. И хотя между ними о том не говорилось ни слова, как бы само собой разумелось, что рано или поздно они всё равно поженятся. И так бы, наверное, вскоре и произошло, не подхвати его вихрь славы, а вместе с нею и дурные деньги, и море поклонниц. Евдокимов перестал появляться в общежитии.

Аня из прежней гордой девчонки превратилась в какую-то безгласную, покорную, готовую на всё ради него рабыню. Надо ли говорить, как сразу упала она в его глазах? Не то чтобы разонравилась, нет, но после той ночи в их отношения вошло нечто безвкусное, да ещё на фоне шума эстрады, визга толпы, моря эффектных поклонниц.

Это продолжалось около года. Евдокимов разве что ноги об неё не вытирал. Верёвки вил. Аня всё терпела. И даже не терпела, а как должное принимала. Собачонкой за ним таскалась. Не в том смысле, что проходу не давала, а свистнет — прибежит, топнет ногой — в конуре скроется и носа не высовывает, пока снова не позовёт. Но именно это его и бесило. Даже кричал на неё не раз, а если, мол, скажет, чтобы глаза его её больше не видели, тоже буквально исполнит? “Да”. И так это “да” скажет, просто взял бы и задушил! Даже проучить пытался, не появляясь в общежитии месяцами. И первый же этих разлук не выносил. Сначала вроде бы ничего, свобода, что хочу, то и ворочу, а потом сосать начинает. Как представит, что ею уже кто-нибудь владеет, раз безответная она такая, и нехорошо станет. До того аж, что места себе не находил. Со всеми в ансамбле перецапается. Вот так вот стиснет зубы: “Не пойду!” Но стоит принять на грудь, и тащится в общежитие. Аня спускается вниз, подымает на него покорные, готовые на всё глаза. Даже с какою-то злобою он выщедит через зубы: “Пошли”. Ни слова не говоря, оденется, выйдет. Идут. Едут. И всё между ними на квартире приятеля опять происходит. А потом снова, как баран, упрётся: рано, и вообще всё это не то...

А как предложение сделал! Скажи кому, не поверит! После очередного перерыва, весь на взводе, злой, как чёрт, приходит в общежитие. “Одевайся”, — говорит. Оделась. “Идём”. Спускаются в метро. Одну пересадку делают, вторую. Выходят на Воробьёвых горах. Ночь. На улице ни души. Идут. Долго шли. Вдоль чугунного ограждения. Останавливается, наконец, он. Замирает в шаге от него она, как тень. В глазах ужас. Призналась потом: “Думала, убивать меня собрался”. А он с такою злобой, с такою ненавистью, оттого что ничего с собою поделать не может: “Ну всё, — говорит, — хватит, замуж за меня выходи”. Ничего она ему на это не сказала. Да и что говорить? На другой же день и подали заявление. Кто бы знал, в каком раздрае до самой регистрации он находился! Как перед казнью. Жуть внутри, жуть впереди, и в эту жуть его, словно быка, на цепи тянут...

Ну, а потом началась другая жизнь. Родилась Женя. Тогда уже пришла очередь перемениться ему, а вскоре завязал и с эстрадой. Не захотел работать на паханов. Они тогда весь шоу-бизнес данью обложили, и с теми, кто не желал платить, жестоко расправлялись. Да и другие приоритеты объявились. Евдокимовы вернулись на родину. На заработанные им дурные деньги купили трёхкомнатную квартиру. Аня устроилась в музыкальную школу, стала

петь в архиерейском хоре. А вскоре и Евдокимов согласился его посещать, правда, не регулярно, семью надо кормить, и он торговал компьютерами.

Ещё во время учёбы в училище по классу фортепьяно Аня брала дочь на спевки архиерейского хора, а потом ввела в состав. Тогда в кафедральном соборе постоянно появлялись молодые ребята, готовые к принятию сана. С одним из них Женя и завела знакомство. А буквально через месяц вдруг объявила, что выходит замуж, поскольку владыка её избраннику велел срочно подбирать невесту. Так накануне своего совершеннолетия Женя стала женой священника. В дьяконах зятя подержали недолго. Затем иерейская хиротония, а ещё через пару недель отправили на только что открывшийся приход. И хотя это были не руины, однако же, и далеко не то, что можно называть храмом.

Дело прошлое (винил Евдокимов одного себя), ладно Аня, у неё от храмовой идиллии вполне мог помутиться рассудок, но у него-то, человека трезвого и много чего повидавшего, почему не возникло подозрение, когда при первой же встрече с зятем заметил странное подёргивание головы? Подумал, может, волнуется, бывает. Да и стали бы больного человека рукополагать?

Сначала родилась Маша. И когда ей исполнился год, у неё оказалась вывихнутой рука. Евдокимов никогда не умел водить машину, зато Аня, а потом и Женя, как только появилась возможность, сразу выучились на права. Поскольку Евдокимов был занят работой, Аня частенько навещала дочь одна. Да и ехать до райцентра, где жили молодые, не больше часу. И вот вскоре после этих поездок, а становились они всё чаще, Аня стала привозить нередостные вести. Ещё до вывернутой Машиной ручки. Сначала у Жени появился запудренный синяк под одним глазом, затем — под другим, потом ноги, а затем руки оказались в синяках. На всё это следовали невероятные объяснения: споткнулась, запнулась, нечаянно задела за косяк двери... Евдокимову это сразу же показалось странным, но Аня с жаром уверяла, что дочь не стала бы от неё ничего скрывать. И так продолжалось до того дня, когда оказался изувечен ребёнок.

Женя приехала ночью с Машей на такси в слезах и всё рассказала. Оказалось, зять не только постоянно избивал, но и совершенно запугал дочь. Таким образом, бегство стало криком отчаяния и страхом не столько за себя, сколько за малолетнюю дочь.

Евдокимовы тут же пожаловались владыке. Зятя направили на медкомиссию и обнаружили какую-то мерцающую шизофрению. Над Женей и Машей как только он не измывался. Евдокимову бы и в кошмарном сне такое не приснилось. Он готов был зятя убить...

И тут случилась беда с Аней.

Скорее всего, попала она в аварию из-за того, что слишком много думала о постигшем их горе. Она даже спать перестала, так её всё это мучило. Евдокимов несколько раз советовал жене обратиться к врачу, она даже и слушать не хотела. И однажды, очевидно, в таком взвинченном состоянии выскочила на перекрёстке на красный свет, и её на полном ходу сбил огромный джип. Умерла в реанимации. Травмы оказались несовместимыми с жизнью. Таким образом, они остались втроём, если не считать его и Аниных родителей.

Но если бы только это, хотя что может быть хуже, и, тем не менее, это ещё не всё.

* * *

Владыка и не подумал запретить зятя в служении. Более того, он пригласил Женю на приём, после которого она вышла, как из бани, на вопросы не отвечала, смотрела себе под ноги, хмурилась, а потом заявила: “В эту церковь я больше ходить не буду!” Евдокимов пытался выяснить причину, приставал с вопросом, что случилось, на всё Женя упрямо отвечала: “Ничего. Просто не буду, и всё”. А потом всё-таки рассказала, после

чего и Евдокимов перестал ходить “в эту церковь”, хотя от Бога их с дочерью это не оттолкнуло.

А случилось то, что новый владыка устроил в пределах тогда ещё не разделённой епархии нечто вроде той “вертикали власти”, начало которой было положено судьбоносным “Я уйду...”. При официально декларируемой заботе о народе и самом беззащитном вранье, казнокрадство, разбазаривание государственной собственности, методичное высушивание экономики и планомерное обнищание народа достигли катастрофических размеров. Кто на кого повлиял, Евдокимов не знал, но сходство в методах обнуления чужих карманов ради прибавления нулей к единице в своих было очевидным.

Наглядной иллюстрацией новой экономической политики стали ежегодные епархиальные собрания.

“Единица” сидела на сцене, “все остальные” — в зале, и нарушить это соотношение было немыслимо, поскольку “единица” производила впечатление такого подавляющего большинства, перед которым “все остальные” представлялись совершенным ничтожеством.

Справедливости ради надо заметить, что с приходом пообещавшего “мочить в сортире” жизнь действительно стала налаживаться, правда, несмотря на множество упущений, и, однако же, чем дальше, тем их становилось больше. Дошло, наконец, до того, что Евдокимов понять не мог, кто на кого работает: паразиты на страну или страна на паразитов? И главное, какую роль во всём этом играет президент? Почему не принимает никаких мер, а, напротив, всячески опекает присосавшихся к народному телу паразитов? Почему всё отдано в руки “тимуровской команды”, в девяностые годы превратившей страну в настоящий бомжатник и мировое позорище? Почему почти ничего из его ежегодных посланий и указов не претворяется в жизнь? Что или кто этому мешает? Ну, не может же быть, чтобы во внешней политике каждый шаг был безупречным, а во внутренней — почти всё вопреки здравому смыслу, во вред стране и на благо одним ненасытным паразитам.

Впрочем, в очередной раз останавливал себя Евдокимов, во всех этих делах сам чёрт ногу сломит, но чтобы в лоне Матери-Церкви...

Доселе всё, относящееся к вопросам веры, Евдокимов принимал за чистую монету. Вместе со всеми с зажжённой свечой внимал словам “Покаянного канона”: “Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний...”, — а затем под звёздным великолепием шёл крестным ходом, радуясь Светлому Христову Воскресению. Регулярно ездил на исповедь к одному и тому же священнику. Тот с приходом нового владыки подвергся гонению за то, что вместо своевременного налога на нужды далеко не бедной епархии посмел выдать нищенскую зарплату учителям православной гимназии. И за это его сначала отправили в монастырскую тюрьму (за ненадобностью упразднённые революцией, они теперь понадобились опять), затем он сделался “разъездным” и, наконец, был вынужден перейти в другую епархию.

Евдокимов верил всему, что вешали ему с высоты амвона, а когда возникали недоумения, чужими словами уверял себя, что голова ему дана для того лишь, чтобы, во-первых, ею есть, а во-вторых, без рассуждения верить в то, что Бог делает всё для его, Евдокимова, и его близких спасения. Когда же с поущения самого предусмотрительного и справедливого Бога на свете из-под ног была выбита почва, в том числе при содействии нового владыки, устроившего в пределах епархии примерно то же самое, что паразиты со всей страной, Евдокимов озадачился этим вопросом всерьёз и стал копать.

Впрочем, всё началось гораздо раньше, а именно, с гонений на того самого священника, к которому Евдокимов не только каждое воскресенье ездил на исповедь в один из районных центров на электричке, но и помогал его грандиозным, по масштабам епархии, начинаниям. И само собой, оказался среди инициаторов напечатанной в одной из столичных газет статьи, под которой подписались более полутора тысяч “неправильно воспитанных” священником прихожан, что было также поставлено тому в вину, хотя он во всём этом участия не принимал, поскольку лежал с сердечным приступом в больнице. Всё-таки не железный, да и не молодой, как-никак, а было ему в ту пору без году семьдесят.

“Видя происходящий в стране развал девяностых, народ как за единственное спасение ухватился за возрождающиеся храмы, — говорилось в этой статье. — Стараясь оградить от залившего экраны телевизоров смрада, родители потащили детей в церковь. Тогда и появилась нужда в воскресной школе. Но дети только первое время посещали её, а затем их стало приходить всё меньше и меньше. И тогда, посоветовавшись, мы стали устраивать зимние (на лыжах) и летние (с палатками у костров) походы, спортивные соревнования, спектакли и концерты с участием самих детей. Организовали кружки: вокальный, хоровой, хореографический, художественный, гимнастический, русского кулачного боя, кройки и шитья, рисования, конструкторский — и чего только у нас не было.

Результат превзошёл все ожидания. Воскресная школа из десяти учеников выросла до двухсот, и всё продолжали записываться. Места катастрофически не хватало. И тогда встал вопрос о новом помещении. И тут как раз подвернулось старое, требующее огромных затрат на ремонт здание, от которого отказались все бюджетные учреждения и которое мы сразу стали называть просветительским центром.

В нём отвели место для библиотеки. Самую большую комнату превратили в театр, соорудив невысокую сцену. Из заброшенного летнего лагеря привезли детские стулья. На окна повесили красивые шторы. С появлением театра у нас открылось второе дыхание. А вот мысль о создании гимназии была подана покойным владыкой. Как-то посетив наш приход, осмотрев просветительский центр, владыка сказал, что пора бы подумать о чём-то более существенном, чем воскресная школа.

И тогда было решено создать гимназию. Долго рассуждали, пока не пришли к общему мнению, что самое гармоничное развитие личности даёт классическое образование — с преподаванием греческого, латыни. Кстати, насильно нашли учителей. Из областного центра ездили.

Чтобы оценить уровень подготовки учеников, мы постоянно принимали участие в школьных олимпиадах и всегда занимали призовые места. К этой работе наш батюшка привлёк всех своих родственников. Его дочь стала директором гимназии, зять — хореографом и режиссёром театра. Сын, будучи руководителем строительной организации, постоянно осуществлял капитальный и текущий ремонт в долг. Младший брат, проректор университета, регулярно привлекал к участию в конференциях представителей классических гимназий из Германии. В последние годы гимназией заинтересовался МГИМО. Гимназистов стали вывозить в Москву.

Мы были полны энергии трудиться и дальше, как вдруг узнаём об архиерейском Указе: без объяснения причин нашего батюшку отстраняли от всех должностей, или, как было написано в судьбоносной бумаге, послушаний, и направляли для “исправления” в монастырскую тюрьму. Это было такой неожиданностью и, главное, так ошеломило, что в первую минуту никто в это не мог поверить. “Да ну, бросьте, какая-нибудь ошибка! Да быть этого не может! Что они там, не понимают?”

И когда до нас дошло, что никакая это не ошибка, поднялся народ. Такой волны, такого единодушия, наверное, со дня революции не было. В епархию одно за другим полетели письма. В письмах выражались мольба, убедительнейшая просьба и даже опасение за батюшкино здоровье.

Воспитание детей и молодёжи всегда заботило нашего батюшку. В итоге — многочисленные примеры сохранившихся от распада семей. Именно благодаря батюшке в нашем храме всегда слышны детские голоса. А сколько, благодаря ему же, стало у нас многодетных семей! Всё это дорогого стоит. Для многих из нас батюшка стал близким, дорогим человеком. Именно такие люди, как он, заслуживают и почитания, и уважения, и благодарности”.

И в завершение: “...нижайше просим, умоляем...” и — полторы тысячи подписей с домашними адресами. Иначе — хоть сейчас вызывай на суд в качестве свидетелей.

Другое письмо было от педагогического коллектива гимназии с просьбой восстановить “нашего батюшку в полномочиях благочинного и настоятеля храма. Мы решились просить Вас об этом, уважаемый Владыка, так как

состояние души, в которое нас повергло известие о случившемся, более чем недоумение. Если бы Вы только знали, сколько слёз пролито и проливается до сих пор после этого известия и какой резонанс среди общественности оно получило, мы уверены, что Вы не отказали бы нам”.

“Простите, но мы не можем обойти такое решение покорным молчанием. Потому и осмелились просить Вас оставить нам нашего батюшку и надеемся на Вашу милость и добросердечие. Поверьте, мы сегодня осиротели. Ради Христа, смените гнев на милость”.

И подписи, подписи, подписи...

И это не всё.

К “многоуважаемому Владыке” со своими просьбами обратились коллективы учителей средней школы, фабрики, завода, всевозможных ЗАО, ООО, ОАО, ИП, муниципальных учреждений, городских аптек, разных бытовых служб и даже метеорологической станции. И везде одно и то же: обращаемся к Вашему милосердию, надеемся на понимание, ходатайствуем, просим, умоляем.

И это ещё не все! “За активнейшее участие в общественной жизни района протоиерею (такому-то) решением Земского собрания присвоено звание “Почётный гражданин города”.

Мало того! Глава района, глава Земского собрания лично ездили просить архиерея внять мольбам и просьбам общественности.

И что же? Лёд бы от таких прошений растопился, не то что простое человеческое сердце!

Но там, видимо, было сердце иное. И предписали нашему батюшке отправиться в монастырскую тюрьму. После отбывания срока его направили служить в областной центр. Зятю с дочерью пришлось уволиться из гимназии, продать дом и переехать в город, где, слава Богу, сохранилась трёхкомнатная квартира, в которой они с пятью внуками едва поместились.

Дальше началось обычное издевательство по отработанной схеме. Опального батюшку сделали “чредным” священником в городском женском монастыре, а в выходные стали гонять по отдалённым сельским приходам и посылать в непонятно для чего существующий мужской монастырь, там некому было служить за отсутствием монахов. Иными словами, батюшке не давали отдыха, пытаясь вынудить на какой-нибудь опрометчивый шаг, чтобы подвести под запрет и тем самым доказать правоту архиерейского Указа. Не помогло. Однако будучи человеком исполнительным, батюшка так умотался, что вторично попал в больницу. Затем ещё раз, и ещё. И тогда, чтобы окончательно не надорваться, он подал прошение о переходе в другую епархию.

Все эти издевательства совершались руками послушных “князей”, как эту категорию окрестил покойный владыка. Так и заявил однажды на одном из епархиальных собраний, обращаясь к отцам: “Я вас поставил служить, а не княжить”. Да в том-то и беда! Насколько покойный владыка был уверен, что должны “служить”, настолько заступивший на его место считал, что именно “княжить”. И такие “князья” сели повсюду.

В одном районном центре, например, при управлении такого “князя”, завоевавшего высокое доверие путём регулярного писания доносов на собратьев (“Доношу до Вашего Высокопреосвященства...”), произошёл такой случай. Шестидесятилетнего священника сослали на покаяние в монастырскую тюрьму. Будучи больным сахарным диабетом, да ещё гипертоником, от монастырских харчей и тяжёлых условий жизни бедняга угодил в больницу. Кто-то, посочувствовав, помог ему написать прошение (он в этом отношении был совершенно беспомощным), чтобы перевели на более приемлемое для здоровья послушание. К прошению приложили медицинские справки. И что же? “Пожалели”, заставив больного человека с утра до вечера дежурить в центральном храме. И больной человек высиживал то на уличной лавке, в окружении старых могил, поскольку храм был на кладбище, то на такой же лавке в самом храме, привалившись к холодной каменной стене. Негде было даже прилечь, чтобы перевести дух... Дежурство в пустом храме было совершенно бессмысленным, форменным издевательством над больным человеком. И его парализовало.

Другой случай. В течение трёх лет одного молодого священника (у них с матушкой четверо детей мал мала меньше, на подходе в животе брыкался пятый) девять раз переводили с прихода на приход. Матушка дошла до крайней степени отчаяния, глядя на страдания ребятишек. И однажды, не вытерпев, поехала на приём к владыке. Выслушав матушку, на её вопрос, с чем связаны постоянные перемещения, и притом на приходы, где нет условий жизни для детей, владыка ответил: “Целесообразность”. И подарил брошюрку смирительного содержания. Но этим не кончилось. На епархиальном собрании матушку выставили бунтаркой, видите ли, посмевшей побеспокоить владыку по таким пустякам, как “какие-то сопливые дети”.

Другую такую бунтарку, тоже матушку, не сумевшую попасть к владыке на приём и посмевшую во время епархиального собрания с места обратиться напрямую с устной жалобой, поскольку ни на одну из письменных за год не получила ответа, владыка приказал “вывести вон”. И её буквально на руках вынесли из зала здоревенные иподьяконы.

Что из себя представляют эти собрания? Из слушания “царских добродетелей”, разумеется. Знаете, что такое “чёрный кабинет”? Это когда представление идёт на чёрном фоне. А поскольку на чёрном фоне человека в чёрном было бы просто незаметно, “царь” устроился на фоне белом, как бы символизирующем свет, просвещающий всех. Излучение этого света, сопровождавшего зачитывание царских добродетелей, было таким благотворным, что половина зала буквально через минуту засыпала.

В открытую выразить неудовольствие... не царскому величию, нет, что вы, об этом даже и речи не могло быть, а просто каким-нибудь неблагоприятным поступком очередного “князя” — Боже упаси! После того как на первом собрании один священник рискнул, после чего сразу слетел с прихода, больше уже никто не решался. Допускался после этого случая на сцену только один архимандрит, и то для того лишь, чтобы от лица всего “царства” выразить благодарность “царю” за то, что он есть...

Пару слов по поводу посмевшего возвысить голос священника. Знаете, чего он... не потребовал (какие могут быть требования, когда в “царстве” даже “заявления” “прошениями” называются?), а просто предложил? Создать комиссию, которая разбирала бы споры между “князем” и “не князем”, а то ведь, сказал, что получается? Назначили его, и на него вроде как комплекс непогрешимости сразу сошёл, ничего слушать не хочет, чуть что не так — сразу: “Пиши объяснительную!” Это “царю-то”? Что-де на его “князя” комплекс непогрешимости сошёл? Иными словами, что “его величество” ошиблось в назначении? Да это равносильно самоубийству! И потом, какие могут быть комиссии при абсолютной монархии? Крепостное право — да. В государстве оно ещё в 1861 году упразднено, в лоне Матери-Церкви — до сих пор в наличии. Без отпускной грамоты в другую епархию ни один Божий раб не перейдёт. Как в старину: барин захочет, барин отпустит, а не захочет, так и сиди. А то вообще может запретить в служении “за нарушение присяги, данной перед Крестом и Евангелием”, а что это означает, “не вашего ума дело”.

Кстати, о сменившем нашего батюшку “князе”. Свою деятельность, разумеется, тот начал с “целесообразности”, в первую очередь отменив воскресные водосвятные молебны, совершавшиеся неукоснительно в течение пятнадцати лет. Само собой, за это время народ к ним привык. Водосвятные молебны на святой Руси любят, вообще святую воду, которой кропят не только жильё, но и хлев, и домашний скот, и самих себя. И вдруг — нельзя. “Почему?” Однако на такой примитивный вопрос “князь” ответить не соизволил. С гордо поднятым забралом прошёл сквозь “невидимую” толпу, сел в машину и отбыл. Старушки пошептались-пошептались, да и уговорили второго батюшку молебен отслужить — зря, что ли, они трёхлитровые банки с ведёрками “в такую далицу тасчили?” Сказано — сделано. Натаскали из колодца полные баки воды, то-олько начали — появляется “князь” и с ходу задаёт коронный епархиальный вопрос: “Кто благословил?” Ответа на этот вопрос нет, поскольку благословить может только священник, а как он может благословить после того, как “князь” не благословил? Народ замер

в страхе за батюшку, судьба которого повисла на волоске. И тогда, сжалившись над без вины виноватыми, “князь” процедил сквозь зубы: “Всё вылить”. И в его присутствии всю воду вытаскали и выплеснули на землю возле храма.

И такие “князья” до недавнего времени сидели по всей епархии и поголовно “княжили” в многоштатных городских соборах, “эффективно благотворительствуя”, по выражению секретаря.

До недавнего времени, потому что год назад епархию разделили на три части, и многие облегчённо вздохнули, поскольку на окраинах опять появилось, как выражаются некоторые шутники, “православие с человеческим лицом”.

Но это уже была другая история, в которой после такой статьи, гибели жены и посещения дочерью архиерея Евдокимову уже не было места.

* * *

И вот, когда Евдокимов пребывал в такой душевной разлуке, они с Женей полетели в Китай, где ей предложили выступления. Прилетели в Пекин, разместились в гостинице, познакомились с Ириной, ответственной за их пребывание, с другими исполнителями из России.

Постепенно куда-то ушли российские заботы, и, сидя вечером возле фонтана в вестибюле, Евдокимов пошутил, что тоже мог бы выступать, а когда все удивились, он, совсем раскрепостившись, стал петь. И по мере того, как пел, всё объёмнее и сильнее его голос заполнял это огромное, но всё-таки замкнутое пространство. Находившиеся в вестибюле, отложив дела, не отводили от него удивлённых глаз. И когда кончил, Ирина сказала, что, так уж и быть, поговорит с организаторами.

— Ну что вы, — тут же возразил Евдокимов, — не надо. Это я так, для знакомства.

— А-а... Ну, познакомьтесь у нас ещё будет время. Все слышат? Каждый вечер после ужина собираемся у фонтана!

К Евдокимову подошла изящная молодая женщина и сказала, что, если бы знать заранее, они могли бы разучить несколько песен, чтобы составить аккомпанемент во время посиделок у фонтана.

— А вы — это кто?

— Наш квартет — три скрипки и виолончель: Валя, Света, Ксения и я, Таня.

Стоявшие за ней такие же изящные молодые женщины одна за другой мило присели. Евдокимов представился тоже, представил дочь, сказав, что она ещё и композитор. Таня спросила:

— Может, дадите что-нибудь, я распишу на партии, нам частенько приходится выступать в разных местах. Будем ваше творчество продвигать.

— А что вы окончили — консерваторию?

— Консерватории во Владивостоке нет.

— Училище?

— У нас это образование считается высшим.

И тут опять началось...

Но почему-то не Таня, начавшая разговор, привлекла внимание Евдокимова, и не самая симпатичная из всех Ксения, а Света. Может быть, потому, что всё время разговора она смотрела на него с каким-то обворожительным любопытством, будто разгадывая загадку или что-то приятное вспоминая. Евдокимов сначала не обратил на это внимания, потом заметил, бегло взглянул раз, другой, взгляды их встретились, как бы в удивлении, замерли, поняли друг друга и тотчас разошлись. А потом во всё время разговора встречались только на короткие мгновения, точно оба они, прекрасно понимая, что это неприлично, ничего не могли с собой поделаться, смотреть друг другу в глаза их неудержимо влекло.

Когда, наконец, расстались и направились в номер, Евдокимов стал убеждать себя, что всё это мимолётное, как и в Питере, и в школе, скоро

пройдёт, что такое бывает при первом знакомстве, но потом, когда друг к другу приглядишься, да ещё вступишь в обычные, так сказать, нейтральные разговоры, всё это бесследно исчезает, просто не надо об этом думать, и оно само собой отступит. И даже показалось, отступило, когда, войдя в спасительную прохладу номера, по примеру дочери, Евдокимов с размаху плюхнулся поперёк широкой кровати и сказал:

— Это надо! Приехать за тридевять земель и, вместо того чтобы как можно больше всего увидеть, проваляться в номере! До ужина ещё масса времени, можно поехать в центр или побродить по окрестностям — живописнейшая же местность! — но по такой жаре!.. Просто издевательство какое-то!

— По программе в четверг, после завтрака, экскурсия по Пекину. Как уж эта их знаменитая площадь называется, наподобие нашей Красной, с мавзолеем?

— Тянь-ань-мэнь!

Евдокимов произнёс это по складам.

— И не выговоришь даже.

— У них тут ничего не выговоришь, а между тем все прекрасно общаются.

— Кричат.

— Что?

— Как будто всё время радуются или сердятся — сплошные междометия.

— Или хотят друг дружку испугать или удивить! — И он попытался изобразить: — У-унь ё! Ти-и ю! Му-унь ю! Э-энь ё! Ху-у ю! Ху-ун хо! И всё с ударением на последнюю букву. Если они так же поют, немудрено в невзрастеника превратиться. Приедем домой и будем, как эпилептики, дёргаться. А что ты смеёшься? Мне кажется, у них и колыбельных нет. Сама прикинь. То-олько малыш задремал, и вдруг над его ухом: “У-унь ё! Ти-и ю!” И он, как обезьяний детёныш (смотрела “Маугли”?), вскидывается, суча руками и ногами от страха. А объяснения в любви с такими воплями ты себе представляешь? Мне, когда их слушаю, всё время кажется, что они сейчас подерутся. Очень похоже на разборки соседей за стеной. И потом, такому крайне несимпатичному, мягко говоря, рылу ты бы, например, могла в любви объясниться? Да перестань ты хохотать, я совершенно серьёзно! Вот скажи, тебе хоть одно лицо в аэропорту приглянулось? Кроме, разумеется, стюардесс — как говорится, нет правил без исключений, из полуторамиллиардного населения уж сотню-то красавиц можно найти, да и те больше на метисок похожи. Вроде и красивые, а что-то кукольное в их лицах. И это, заметь, всего лишь беглое наблюдение. В их физиономиях совершенно нет очаровательных выражений, а только какие-то гримасы или маски, а то вообще, как деревенские дурачки, развяжут рты и плятятся. На тебя, кстати, в аэропорту многие таким образом пялились. Не обратила внимания? Ну, перестань, ну, ты же взрослая женщина...

И так они около получаса забавлялись.

Потом включили телевизор. Каналов, как и в России, была тьма, только, в отличие от российских — все государственные, а стало быть, допущенные цензурой. В Стране Советов этим прежде занималось КГБ. Передачи, спектакли, фильмы, книжки — всё проверялось “на вшивость”. В Китае, видимо, ещё строже. Поэтому не только “вшей”, но даже “гнид” ни в одной китайской передаче не оказалось. Артистки, как и стюардессы (все до одной красавицы), лишь отдалённо напминали принадлежность к своей нации. И все со вставными зубами. Своих ровных, как у Жени, например, размышлял Евдокимов, тут, видимо, от сотворения мира не было, такими редкозубыми, похоже, они с самого начала были запланированы (для облегчения прохода воздуха при дыхании, видимо, а не для эстетики). Кто же знал, что у них появятся телевизоры? Ну, и пришлось подгонять под голливудский стандарт.

По Пекину, похоже, можно передвигаться совершенно спокойно, никакое женское лицо тебя не покорит. Опять же, любовная лирика, продолжал ехидничать Евдокимов, что-то ничего подобного он не слышал и ничего, кроме сборника китайских шедевров о бесправии бедных женщин под названием

“Шицзын”, не читал, а правильное сказать, ничего из современной китайской литературы не читал вовсе. И всё-таки... Эля, например, когда возвращались после обеда, сказала, что юноша не имеет права жениться, пока не купит квартиру (а стало быть, ни о каком *рае с милым в шалаше* не могло быть и речи!), и что родившую незамужнюю девушку, если работает, тотчас увольняют и никуда не принимают на работу. За рождение второго ребёнка полагается штраф в пятьдесят тысяч юаней. Размер пресловутого материнского капитала в России, который не так-то легко было получить. Каких только препон не устраивают! Либо покупай жильё (а что на эти деньги купишь?), либо закладывай фундамент будущего дома (а на какие шиши его строить?), а потом эту сумму тебе погасят. На руки же никоим образом не дадут. Чтобы не прошили. Молодые мамы в России все же алкоголички. Правда, с потерей тысяч в шестьдесят кое-кому удаётся выцарапать капитал, но махинации эти нередко разоблачаются и за проявленную инициативу дают ордена и медали. Судя по Элиным рассказам, нечто подобное было и у них, поскольку, даже если бы кто и захотел эти пятьдесят тысяч юаней заплатить, если это не простой смерд (а простой человек, получающий зарплату в две-две с половиной тысячи юаней, а многие и вообще, как сказала Эля, всего восемьсот, заплатить такую сумму просто не в состоянии), а, скажем, интеллигент, инженер, преподаватель вуза, чиновник (их зарплаты на несколько порядков выше), его бы тут же уволили с работы, как подающего плохой пример.

Что относительно других передач, параллельно шли два сериала: один — про китайских императоров, второй — про Мао. Евдокимов посмотрел немного тот и другой. Разумеется, императоры были хуже, но всё-таки не до такой степени, чтобы их убивать вместе со всей семьёй, да ещё варварским способом уничтожать останки. А вот сериал про Мао чем-то удивительно напоминал Евдокимову выпущенный в 1949 году (после разоблачения культа личности снятый с проката, а недавно вновь показанный по телевизору) цветной двухсерийный фильм “Падение Берлина”. В этих шедеврах оба вождя не только успешно воевали и руководили, но и сажали деревья, и общались с простыми людьми. Сталин, например, — со сталеваром, которого играет знаменитый Андреев, а в последней сцене даже прилетает (хотя на самом деле этого не было) в столицу поверженного рейха всего лишь для того, чтобы, сказав то, что говорил по радио после победы, выслушать слова благодарности от ставшего солдатом сталевара и его сердечной подруги, а затем показать всему миру, какой же он всё-таки хороший, такой хороший, что и смотреть без слёз нельзя. И это выражено пронизательным, слегка прищуренным взглядом вождя мирового пролетариата, с улыбкой смотрящего в светлое будущее прогрессивного человечества. Таким же изображён и Мао. В окружении красных знамён, моря алых цветов, ликующих масс. Так и хочется грянуть вместе с хором: “Будет людям счастье! Счастье на века! У советской власти сила велика!”

Ни о культурной революции, ни о наложницах, которыми, кроме культа личности, когда дружба с Китаем закончилась, упрекали китайского лидера наши центральные газеты (какой же, мол, это коммунизм, это же какое-то Средневековье!), ни слова. Про китайских воробьёв тоже. В отличие от наших, например, они, вместо того чтобы клевать гусениц, выклёвывали посевы. Поэтому по призыву непогрешимого Мао их съели всех до одного. Евдокимов хорошо помнил документальные кадры, на которых бедных пташек толпы народа (в одной руке — палка, в другой — таз) гоняли по улицам до тех пор, пока обессиленные воробушки не падали замертво и их не увозили целыми грузовиками. Может быть, поэтому не только воробьёв, а вообще никаких птиц Евдокимов пока не заметил? Никакой живности вообще, ни кошек, ни собак беспризорных — ничего подобного на его глаза пока не попало. Ответ напрашивался один — съели. Ну, если у них имеются блюда из собак, змей, крокодилов, голубей, пауков, червяков... наших ручных голубей, кегати, вспомнил Евдокимов рассказ Эли, её китайские сокурсники по иркутскому университету регулярно отлавливали и ели. Так что, когда китайцы нас завоюют, голубей у православных храмов уже не будет.

Переключая программы дальше, Евдокимов неожиданно наткнулся на китайский конкурс “Алло, мы ищем таланты!” Как и в России, просмотр вёлся в присутствии зрителей, только в жюри сидело всего двое — он, иногда со смаком произносивший в конце очередного выступления: “И-и-йес!” — и она, понятно, красавица, всё время с ним соглашалась. И ничего бы особенного, кабы... Как заключённые в лагере, каждый новый претендент на роль будущей звезды выходил с табличкой на шее, на которой был написан номер: например, 400621. Евдокимов даже глазам не поверил.

— Вот это да! Похоже, у них это десятилетиями длится! Такое количество народу прослушать — это сколько же времени надо! А посмотри, как реагирует на это зал. Буря аплодисментов. А ещё говорят, у них не принято хлопать в ладоши.

— Почему?

— Ты разве не слышала, что Ирина рассказывала? Нет? Приехали, говорит, они первый раз сюда с концертом, народу полный зал, и все как один семечки лузгают и прямо на пол скорлупу плюют. Говорит, чем больше намусорят, тем сильнее разобрало. Что относительно аплодисментов — ни одного хлопка. Пластиковыми бутылками на пластиковых палочках вместо аплодисментов гремят. Нет, конечно, могут и похлопать, но тогда уже семечки не полужгашь, а без этого им, видимо, не в кайф, да и есть же, сама понимаешь, всё время хочется. Говорит, хлопают только по команде. Встаёт сбоку сцены человек, все как один на него, а не на то, что на сцене происходит, смотрят, и стоит ему подать знак, начинают хлопать. Прямо как в анекдоте, смеются не оттого, что смешно, а потому что сказали: “Можно!” Понятно, во всём этом есть доля иронии, но даже эти семечки не напоминают тебе наши деревенские посиделки? Сядут на лавку и весь вечер лузгают, в том числе и в избах — только выметай.

— Такая забитая нация?

— Не забитая, а простая, да ещё вечно недоедающая, чему подтверждением иероглиф счастья. Не поверишь, это свинья под крышей — иначе, тёплый хлеб!

— Да-а?

— Но и постулаты видения китайцами картины мира не лучше. Перед поездкой в интернете надьбал. Ну, например: грабь горящий дом. Или: смотри на пожар с другого берега. А вот это, на мой взгляд, вообще можно отнести к нынешнему китайскому экономическому чуду: умный придумает, а гений украдёт.

Позвонила Ирина и велела Жене бегом лететь на репетицию. “Ты что, забыла, что я тебе сказала? Эля тебя там целый час ждёт!” Евдокимов решил сходить тоже. И пока шли, опять поссорились. Оказывается, упрямица всё-таки решила петь “Сказку”.

— Да почему не “Коня”?

И тут Жения его убила:

— Мне не будет её петь хотеться.

— Что?

— Мне не будет её петь хотеться.

— Что называется, по-русски — “петь хотеться”! Ещё кому-нибудь не скажи, чурка ты этакая!

— Я не чурка.

— Ты хуже!

— А ты ничего не понимаешь...

— В твоей “Сказке”! — перехватил Евдокимов. — Как, впрочем, и китайцы совершенно ничегошеньки не поймут, а потому прошу тебя, нет, настаиваю, петь “Коня” или “То ли с неба ясного...”.

— И это же — на конкурсе?

— Тогда пой “Перстенёчек”. На сто процентов уверен, понравится. Ничего же подобного у них нет.

Насилу уговорил. И оказался прав. Даже на репетиции задорный “Перстенёчек”, картинка русских народных игр, на всех произвёл впечатление.

Кстати, тип гостиницы был таким же, как в Питере, — можно было ходить по коридорам кругами. Почти на каждом этаже — довольно солидный по размеру конференц-зал. В них и намечалось прослушивание по номинациям. Списки с очередностью выступлений вывешивали на дверях этих залов с утра, а кто на каком этаже выступает, сказали, объявят после торжественной части на собрании руководителей или когда все соберутся у фонтана.

* * *

Ужинали в тесной столовой с китаизированным “шведским столом”, который оказался просто убогим. Кроме клёклого риса и сильно перчёных подливок неизвестно из каких земноводных, была разве что тонко настроганная, обжаренная в сухарях курица да серо-коричневая соломка, взяв которую Евдокимов просто измучился пластиковыми палочками есть. И так, и эдак наматывал — соскальзывает, и всё, пока, наконец, уборщица, с откровенным смехом простолоудинки за ним наблюдавшая, не принесла ему откуда-то вилку. И что бы не положить их рядом с палочками, подумал Евдокимов? Просто издевательство какое-то! Или в этом пятизвёздочном отеле не бывает русских, и они первые? Тогда откуда у них вилки? Или они только для ВИП-персон?

В конце трапезы неожиданно принесли тонко нарезанные арбузы, и все на них сразу налетели, но оказались они несладкими, как будто недозрелыми, и тем не менее их с жадностью поглощали все. Увидев это, официанты, следившие за трапезой, принесли ещё. И эти съели. Хлеба, кстати, ни в обед, ни в ужин не было.

— Теперь я понял, почему они такие поджарые, — рассуждал Евдокимов вслух, когда следом за инструментальным квартетом они с дочерью шли по коридору к лифту. — С такой пищи не растолстеешь. И это бы ладно — французская худоба теперь в моде, но тут немудрено одичать. Ещё немного, и я буду есть прямо руками.

Остановились у лифта. Таня спросила:

— Что будете пить? Если не секрет.

— Не секрет, а тайна.

И в эту минуту Евдокимов опять обменялся со Светой взглядом. Всего одно мгновение, но и того было достаточно. Их обоих как бы сковало. И теперь, как и он, Света специально старалась смотреть не на него, а на Таню или на Женю, но боковым зрением оба видели только друг друга. Остальные словно стали прозрачными.

Когда подошёл лифт, неторопливо в него вошли. Двери сомкнулись, плавно тронулся роскошный зеркальный лифт. Окружная зеркальность делала всех открытыми и закрытыми одновременно, поскольку, благодаря зеркалам, невозможно было понять, кто на кого смотрит, и можно было, не стесняясь чужого присутствия, смотреть друг другу в глаза, что они со Светой и делали. Раз, два, три — и лифт остановился. Евдокимовым выходить, остальным подниматься выше. При выходе Евдокимов постарался никого не задеть, а затем — не оглянуться.

В номере он с минуту рассматривал себя в зеркале ванной комнаты и, разумеется, в очередной раз не понимал, чем тут можно прельститься такой молодой симпатичной женщине. В том, что она была замужем, он не сомневался. Разве что внимания со стороны мужа ей не доставало. Или, может быть, он у неё был загульным, и она, как это часто бывает, мечтала ему при удобном случае отомстить? И вот, наконец, такой случай вдали (уж куда дальше?) от дома представился. И совершенно никакого контроля над тобой — подруги по ансамблю не в счёт, они всё прекрасно понимают, и человек, судя по обоюдной симпатии, подходящий подвернулся, правда, немолодой, но и не сказать, чтобы старый, разве у стариков бывают такие громкие голоса и бесстыжие глаза? “Но, может быть, хватит об этом?” — остановил себя Евдокимов. Зачем прежде времени накручивать? Хватило же силы воли взяться за ум в Питере, у школы, хватит и теперь.

Нагнетание атмосферы началось за полчаса до открытия конкурса.

Женя была внизу, Евдокимов с установленной на штатив камерой — на балконе. На груди у него висела ламинированная табличка с названием фестиваля, именем, фамилией, с цветной фотографией и красной печатью с пятиконечной звездой. С этими табличками велено было ходить и ездить всюду.

Начали ровно в 19:30, как и полагается, торжественно. Даже наверху оставили только дежурный свет, сияла во мраке одна сцена. Зачин сделал узбекский ансамбль. Затем под звуки фанфар вышли ведущие и, объявив по-китайски открытие конкурса, стали представлять почётных гостей и жюри. Это отняло уйму времени. Затем на сцену по одному стали подниматься представители власти и произносить речи. До того длинные и по манере произношения своеобразные, что можно было подумать, в этом только и заключался смысл их жизни. Всё это снимали и фотографировали. Сняли и сфотографировали Евдокимова — как представителя Российского телевидения. Потом молодой китаец покривлялся на сцене под “плюс” (заученно изобразил поющего человека). Песня была на китайском, но не китайская, а как-то интернациональная, как объяснили Евдокимову, про море, солнце, ветер и про то, как хорошо на свете жить. Затем опять завели говорильню и утомили всех до невозможности.

Атмосфера становилась невыносимой, как вдруг выпустили Женю, и всё, как от дуновения свежего ветерка, в одно мгновение преобразилось. В белой блузке, укороченной юбке от красного расшивного сарафана, придававшего особенную стройность фигуре, в белых сапожках-казачок, с выпущенной на грудь косой Женя смотрелась настоящей русской красавицей. Лицо сияло радостью, озорно блестели глаза, очаровательная улыбка обнажала ровненькие зубки.

*Перстенёчек дорогой,
Ненаглядный золотой,
Светлой памятью любви
В очи чёрные гляди.*

От каждого озорного возгласа на припевах хотелось пуститься в пляс. Да что там! Стоило ей запеть, как тотчас стал прихлопывать зал. А в конце разразился бурей аплодисментов.

— Bravo! — вместе с аплодисментами послышалось за спиной Евдокимова.

Он обернулся — и замер от неожиданности. Одетые в одинаковые длинные вечерние платья, за его спиной стояли Таня, Валя, Ксения и Света, причём Света смотрела так, как будто это он, а не его дочь, только что исполнил песню.

— И остальные песни такие же — имею в виду, в стиле фолк-рока? — спросила Таня.

— Ну, почему... Всякие есть: и гимны, и военные марши, и колыбельные, и даже романсы.

— Талантливая, видно, девочка.

— У девочки своей девочке четыре года.

— Нашим не меньше. Светиному так вообще двенадцать. Только у Ксении дочери года нет.

— И с кем оставила?

— С мамой.

Таня спросила:

— Одна у вас?

— Увы! И, как и я теперь, одинока... Ну, да это отношения к делу не имеет. А вы на посиделки так нарядились?

— Ну, что вы! Это наши концертные костюмы. Надели, чтобы сфотографироваться. Фотографировать же всех вместе будут. А завтра (сегодня

уже не будем, и так затянулось), как вы изволили выразиться, на посиделках что-нибудь исполним. В самом деле, нравится?

— Да-а! И очень, кстати, вам идёт. Обратите внимание, как на вас китайцы смотрят.

— Мы заметили. Особенно на Свету. Она одна из нас светленькая да синеглазая, да ещё с такой длинной косой! Настоящая Алёнушка! Не находите?

— Ещё бы! Даже влюбиться хочется!

Все мило улыбнулись, и Таня сказала:

— Ну, это никому не возбраняется.

— Правда? Учту.

Ответом был дружный смех.

— Ну вот, кажется, и конец, — подытожила Таня. — Идёте фотографироваться?

— Не могу, я на работе.

Фотографировались сидя и стоя во всю ширину ступенек и сцены, а двое ребят из узбекского ансамбля даже посадили своих девчат на плечи. Женя оказалась вверху, между струнным квартетом, в окружении узбекского ансамбля, и на фоне стильных вечерних платьев и ярких национальных костюмов гармонично смотрелась её белая блузка и выпущенная на грудь коса.

* * *

На посиделки Женя переделалась в короткое платье, распустила косу и сразу стала похожа на девочку. Евдокимов даже поснимал её для будущих клипов на фоне стеклянного входа, у карликовых пальм.

Шёл десятый час, и, если бы не гирлянды лампочек, обрамлявших кафе у фонтана, тьма была бы просто кромешной. Если и опустилась температура, то буквально до тридцати градусов. Разве что невидимое солнце не давило. Не веяло прохладой и от бьющих строго вверх, подсвеченных с боков разноцветными огнями струй прямоугольного фонтана, обложенного белым мрамором и состоявшего из таких же мраморных, в виде газетного ребуса, тропинок. За пределами кафе буквально в нескольких шагах ничего не видеть, лишь на фасаде пятизвёздочного отеля драконьей премудростью вызывающе горели китайские письмена да едва желтели окрашенные тусклым светом дежурных фонарей стёкла вестибюля.

Ввиду позднего часа, дорожной усталости, затянувшейся торжественной части к фонтану вышли не все. Узбекского ансамбля не было вообще, потому что их поселили в другом отеле, зато, кроме инструментального квартета, успевшего переодеться в лёгкие светлые платья, за соседним столом рядом с хмурой Ириной, деловито шелестевшей судьбоносными бумагами, сидела Эля, а за её спиной, с фотоаппаратом на груди, стоял высокий симпатичный китаец лет сорока по фамилии Ли, который рядом с Евдокимовым фотографировал церемонию. Ли сносно говорил по-русски. Как представители похожего жанра, они тут же сошлись, особенно после того, как Евдокимов произнёс выученную перед поездкой волшебную фразу: “Мао чжу-си Вань-суй”, — на что Ли, внимательно на него глянув и, видимо, никакого подвоха или скрытой иронии ни в его улыбке, ни в интонации голоса не обнаружив, тепло улыбнулся сам и ответил наполовину по-русски:

— Да, действительно — Вань-суй!

— Ли, наверное, учился в России? — поинтересовался Евдокимов, когда они оказались за одним столом.

Принесли пива. Кружки были из оргстекла, лёгкие, необычные, как, впрочем, и само пиво на вкус, как будто разбавленное дистиллированной водой.

— Нет. Но я десять лет был, когда постановил цель учить русский язык. Я двадцать лет читал русский книги.

— Двадцать лет — большой срок. За это время у вас произошли большие перемены.

— У вас тоже.

- У нас, как и всегда, через пень-колоду.
- Русский пословица? Я пословица знаю мало. Что это значит?
- Хреново.
- Хреново — знаю! Значит, плохо, да? Но почему? Эля без ума от

Путина.

И Эля, услышав знакомую фамилию, сразу выдала:

— Пу-утин — о-о! Самый люпи-имый!

— Он тебе нравится как мужчина или как президент? — поинтересовался Евдокимов.

— Мущина? Та-а! И пириситент!

— Такая безответная любовь, — заключил Евдокимов.

Ли улыбнулся, а Эля, покопавшись в закромах памяти, подтвердила:

— Та-а, такой писопитный люпоф!

Тут уже и за соседними столиками послышались смешки.

Ли повторил свой вопрос:

— Так почему — плохо?

— Чем больше изучаю историю наших государств, тем больше прихожу к выводу, что только у нас, а с начала революции особенно, правительство ведёт планомерную войну со своим народом.

— И сейчас?

— Всегда.

— Но раньше ты не мог ехать Китай, а теперь можешь ехать куда хочешь, хоть Америка.

— Только для этого надо было пожертвовать горстке олигархов природные богатства, заводы, фабрики, разрушить военную промышленность, армию (правда, сейчас взялись за её восстановление), загубить сельское хозяйство (ты не представляешь, сколько у нас заброшенных полей) и много чего ещё, чтобы, наконец, под лозунгом демократических свобод поставить народ на грань выживания. Процветает у нас только крупный бизнес да банкиры. Среднего нет вообще. Малый под видом государственной поддержки планомерно уничтожается. Да что там! В настоящее время у нас небольшому проценту населения принадлежит девяносто процентов всех богатств. А ты говоришь — перемены!

— Мы сюда приехали не для того, чтобы говорить о политике, — не отрываясь от бумаг, заметила Ирина.

— Понятно, Ли? Мы, оказывается, приехали сюда не для этого. Благодарю за напоминание, гражданин начальник. Позвольте узнать, в каком вы звании?

— Но это же, в конце концов, никому не интересно!

— Тебе не интересно, Ли?

— Интересно.

— Ну, и валите за другой стол, а нас избавьте от вашей долбаной политики!

— Ли, не будем дамам портить вечер. Я думаю, у нас ещё будет время поговорить.

— Та-а, портить ни ната! — подхватила Эля.

— А может, идём другой стол? Вон их сколько, никто не сидит, — возразил Ли.

— *Прошу отметить*, — обратился Евдокимов к Ирине, — *не я это предложил.*

Ирина фыркнула, а они с Ли со своими кружками пива направились за другой столик. Жёня осталась на месте. Света проводила Евдокимова внимательным взглядом. И он чуть было не ляпнул на ходу: “Не желаете присоединиться?” Но тут же себя осадил: “Что-то вы, дорогой товарищ, раздухарились. Не с пива ли?” И специально сел так, чтобы предмет соблазна остался позади, как бы давая этим понять, что они люди серьёзные.

— Ли, а что ты о нас знаешь вообще?

— Я знаю, что вы начал стоять на но-оги, и эта один даёт надежда, другой боится.

— А ты как на это смотришь?

— Надежда.

— Спасибо. Только у меня по этому поводу большие сомнения. И потом, нас уже столько раз обводили вокруг пальца. Достаточно вспомнить перестроечный бардак и время ельцинского правления, когда нас обирали самым наглым образом. Мне почему-то кажется, что и на этот раз всё может оказаться очередным спектаклем, хотя и питаю надежду на лучшее. А вообще, у нас теперь только ленивые не говорят, что надо было идти по вашему пути, и вас в пример ставят. Локомотив мировой экономики! Только что-то настораживает меня этот ваш локомотив.

— Меня тоже.

— Вот как! Почему?

Ли опасливо оглянулся и заговорил на пониженных тонах:

— Такой торговли детьми, как у нас, нет больше ни одна страна. Знаешь, сколько стоит девочка, а сколько стоит мальчик чёрный рынка? Мальчик пять, шесть тысяч юаней, девочка — пятьсот. Продаёт родители большой ну-ужда. Продаёт в ра-абы. Которых нет в книге записи детей продают. Знаешь, сколько народ, больше женщин, живёт в сельской местности без регистрации?

— А почему без регистрации?

— Потому что все хочет родить мальчик, наследник, а родить девочка. Тогда председатель совета посёлка берёт взятка, и девочка жить без регистрация. Это норма, который знает все, а делает вид, что не знает, потому что все берёт взятка. Девочка — это плохо для семья. Девочка это понимает. Если у неё есть паспорт, она едет город работать на фабрика за очень маленький зарплата. Или работает проститутка. Часто прямо в посёлок приезжает мафия уговаривать стать проститутка. Даже замужние женщины соглашаются, чтобы жить. Можно делать аборт. У нас запрещено говорить, кто будет, когда глядит у-узи. Но все даёт взятка, и всем говорят, кто будет. А когда один, два, три аборт, может никто не родить. А дети надо. И тогда родит и не записывает, чтобы не пла-атить штраф. Он большой. Можно целый жизнь пла-атить. Столько деньги сельский местность никогда не заработать, чтобы можно пла-атить штраф. Лучше не родит или не записывать. Это меньше деньги. У-узи врач или взятка председатель. И не записывает. И не родит. Даже по триста или пятьсот тысяч юаней на тысяча семья в сиретнем посёлок, триста или пятьсот тысяч юаней взятка врач или председатель получает. Врач меньше. Председатель больше. А в каких условиях живут? Как несколько ве-эков назад. Раньше так не был. Нет, и раньше так был. Но тогда все жил одинаково. А теперь один, который меньше, как ца-ари живут, а другой, который больше, как ра-абы нескалька ве-эков назад.

— Странно. А я в интернете наткнулся на одну деревню, в которой даже гостиница высотой с небоскрёб и такие шикарные двухэтажные коттеджи у всех, по две, три машины у подъезда, солидные счета в банке.

— Всего один такой деревня на весь страна. А больше живёт бедно. Бедных очень много, богатых очень мало. Как думаешь, почему стал казать сериал Мао?

— Почему?

— Спроси любой бедный китайца, он тебе скажет: я верю, что станет справедливо.

— Ты это про что?

— Думай.

— Неужели опять всё отберёте и поделите?

— Я не знаю, как это будет, но это будет. В это верит много люди. Иначе в один день локомотив на большой скорость па-адет с рельсы, и тогда всем будет плохо.

— Я об этом думал. Я перед поездкой к вам столько материала о вас перелопатил. Перелопатить — значит, как можно больше и внимательнее прочитать, докапываясь до истины, как во время судебного следствия — копаешь и копаешь.

— Я запомню. Взял лопата и копать. И что пе-ре-ло-па-тил?

— Надо говорить: нарыл.

— Почему?

— Особенности русского языка.

— А-а... И что на-рыл?

— Много чего, а такое впечатление, что ничего.

— Как?

— Да так. Я думаю, и у вас о нас не больше понимания, чем у нас о вас. Я не о менталитете, Ли, а так сказать, о загадочной русской душе.

— Загадочный русский душа — это что значит?

— Как тебе сказать... Если в двух словах, это чрезмерная склонность к созерцательности. Ничего общего с фантазией, Ли, не думай. Достоевский (читал, поди?) это объясняет таким эпизодом. Идёт русский мужик лесом, вдруг остановится и смотрит на вершину сосны. Час смотрит, два смотрит. А потом пойдёт и родную деревню сожжёт.

— Его за это поймать и казнить?

— А он никуда и не убежит. Во всё время пожара будет стоять и глядеть на горящую деревню с таким же вниманием, как недавно на сосну, а потом пойдёт и при всём народе скажет: мой грех, прошу предать смерти.

— У вас много таких?

— Зачем много? На деревню, например, и одного достаточно. В городах, само собой, побольше. Так что, когда вы построите свой коммунизм, нас за стол не зовите.

— Почему?

— Среди нас обязательно найдётся такой, что во время торжества на себя скатерть потянет, и всё торжество вам испортит, как уверяет тот же Достоевский.

— Да-а? Это потому, что такой загадочный русский душа?

— Совершенно верно. Только проявляется это у всех по-разному. У Бунина, например, есть рассказ, в котором описывается, как один купец, почтенный семейный человек, член разных благотворительных обществ, прилежным трудом и бережливостью скопивший большой капитал, однажды пошёл вразнос. Пойти вразнос — значит, пить напропалую день, два, три, неделю. И вот в один из таких чумных дней он несётся по пыльной дороге на тройке взмыленных лошадей. Сам ими, стоя, правит. Проносится мимо того, от чьего имени ведётся рассказ. А тот пешком шёл. Понятно, был сильно удивлён. Что за притча? Идёт дальше. Примерно через полторы версты смотрит, стоит на обочине бричка, а в бричке тот самый купец рыдает. Он к нему, тормозит, спрашивает: что случилось? Купец поднимает голову и, глядя полными слёз глазами, говорит: “Э-х, ба-арин, журавли-и улете-эли”.

— Куда?

— На юг.

— И что?

— Ничего. Они улетели, а ему от этого грустно, и он за неделю прокутил половину состояния.

— Да-а? И много у вас такие?

— Хватает... Ли, скажи: я прав? Даже если у китайца есть деньги в записке и его об этом спросят, он обязательно скажет, что у него ничего нет. Так?

— Так.

— И никогда последнее не пропьёт. Верно?

— Да.

— А у нас легко спустит до копейки. Будет копить, копить, а потом вдруг его переклинит, и он за несколько дней всё пропьёт. Всю пьянь, всех бомжей со всей округи соберёт и с ними всё просадит. У нас большинство не то чтобы не умеют, а просто не желают копить. Им это не интересно. У нас и причины массового героизма с вами разные. Я читал. У вас во время вьетнамской войны солдаты предпочитали смерть позору перед людьми. У нас такого позора не боятся. В нашем массовом героизме преобладает стихия. Словно что-то подхватывает и несёт, как ураганом, понимаешь? Всё, что там заливают про идеологию, ерунда. Ни за какого Сталина у нас никто и никогда в атаку не ходил и не умирал. Кричать кричали, но это так, чтобы от

других не отличаться... Ближе всех, на мой взгляд, к пониманию этого подошёл Пушкин (читал, поди?). Он пишет: “Есть упоение в бою...” Упоение — что-то вроде адреналина, Ли. И дальше: “Итак, — хвала тебе, чума, // Нам не страшна могилы тьма, // Нас не смутит твоё призванье!..” Иными словами, чем хуже — тем лучше. Эта подсознательная вера в бессмертие души в нас, видимо, так глубоко сидит, как, может быть, ни в каком другом народе. Не знаю только, хорошо это или плохо. Но есть и другая сторона медали. О ней с беспощадной точностью написал Достоевский. Он сказал, что русский человек без веры — дрянь. И это доказала практически вся наша новейшая история. Особенно во времена пресловутой классовой борьбы, репрессий, как у вас во времена культурной революции, когда даже дети на родителей обязаны были доносить... И получается по слову: хрен редьки не слаще. Имею в виду классовую борьбу и нынешний либерализм американского пошиба, да и ваш теперешний НЭП. Ленина же вы, в том числе, и за это чтите...

А вообще о Китае Евдокимов мог рассуждать часами, но, как уже было сказано, это не приближало к пониманию. Он делал выписки, пытался их систематизировать, ничего путного из этого не выходило. Получалась сумма знаний, под которой невозможно было подвести итог. А может, этого и не стоило делать, иногда думал он? И потом, что значит — подвести итог, сделать вывод? Сколько их подводили, сколько делали выводов, и что?

К сожалению, вздыхал Евдокимов, непредсказуемость не делает Россию надёжным партнёром для Китая. И, тем не менее, Китай заинтересован в экономическом подъёме России, поскольку ещё не дорос до того, чтобы сказать своё слово миру. Сейчас Россия воспринимается Китаем не как старший брат, как это было при Сталине, а как старшая сестра, которой оказывается почтение, но решение принимается без её участия.

— И всё-таки, Ли, у нас много общего! — продолжал Евдокимов. — Вы, как и мы, многонациональное государство. Ни вы, ни мы никогда бы не пошли на то, что сделали в своё время США с коренным населением лишь потому, что оно не пожелало быть рабами. У нас с вами очень близкие понятия не только о справедливости, но и о чести, и о супружеской верности, о любви к детям и ответной любви детей к родителям. Я тут в интернете один документальный фильм про жизнь вашей деревни видел. Муж, находясь на заработках в городе, изменил жене. У них ребёнок. Она ему не простила, Ли, не согласилась, когда он предложил жить на две семьи. То же самое у нас. Душа так устроена. А самое главное, Ли, вы, как и мы, слишком большая и оригинальная величина, чтобы стать зеркальным отражением кого бы и чего бы то ни было... И ещё, на мой взгляд, не менее важное из того, что нас сближает. Один мой знакомый, ещё до перестройки, увлёкся ушу. И когда в начале перестройки у него по линии комсомола появилась возможность, он поехал в Китай в поисках мастера. Если бы это не с моим другом было, Ли, я бы ни за что не поверил. Он улетел с пятнадцатью долларами в кармане. Такой поступок, кстати, тоже надо отнести к нашему менталитету, мы на этот счёт ребята отчаянные. Адресок, правда, какой-то всё же имелся. Прилетает в Пекин, приходит по этому адресу, а там уже давно никого нет. Кругом, как он мне сказал, одни “хугуны” — грязные переулки. Сейчас их вроде бы нет. Показали ему гостиницу, в которой можно было остановиться за гроши, сказали: постарайтесь найти тех, кто по этому адресу жил. И что бы ты думал, Ли? Буквально на другой день на пороге появляются натуральные гангстеры из боевиков, лица в шрамах, однако вежливые. Они переселяют моего приятеля в приличную гостиницу, просят подождать. А дня через два к нему приходит наставник по тому же стилю и говорит, что знает этого мастера, но он теперь в другом городе. И с этого момента, Ли, начинается китайское чудо. Моего приятеля перевозят с места на место за счёт школы, он занимается, и так целых два месяца. Это сработало, считает он, потому, что иностранцы тогда были в диковинку, а иностранцы с китайским языком — тем более, а он китайским неплохо владел. Да ещё оказался первым иностранцем, который не требовал, чтобы его научили “смертельным касаниям”. Такого до него, оказывается, не бывало. Когда он ехал на

поезде в школу, на остановках к нему приходили китайцы (а найти его было несложно по внешности) и говорили: я из такой-то школы, и приносили небольшую коробку с едой: булочки, рис. Так они передавали его с рук на руки, и он вернулся в Россию с теми же пятнадцатью долларами, не потратив ни копейки, Ли, представляешь! Такого Китая, правда, теперь уже нет, уверяет он, и всё-таки как это на нас похоже!.. Ли, скажи, — наконец решился Евдокимов спросить о том, что ему больше всего казалось непонятным, — ты слышал что-нибудь про архив Берии? Я недавно ваш мультфильм на эту тему в интернете видел, “Вперёд, товарищи” называется. Случайно не смотрел?

— Смотрел.

— И что по этому поводу думаешь?

— Это о крушении СССР. О том, как вы нас предали.

— Это понятно, Ли. И потом, кого мы не предали? Я другого понять не могу. Почему в фильме фигурирует имя Берии и сделан намёк на то, что его бесследно исчезнувший архив якобы находится в Китае? Некоторые считают, что этого архива боятся не только у нас, но и в США, и в Европе, и только не боятся у вас? И как ты думаешь, почему?

— Потому что мы на правильном пути, а вы ещё не выбрали, и те, кто этого не хочет, боится, а с ними боится тот, на кого они работают за большой деньги, чтобы погубить вашу страну.

— Это понятно, Ли. Но, видимо, есть что-то ещё. Кое-кто, например, утверждает, что расстрелом Белого дома в девяносто третьем году завершился начатый двадцать шестого июня пятьдесят третьего года переворот. Двадцать шестого июня, по одной из версий, на своей московской квартире, без суда и следствия был убит Берия, а суд потом инсценирован. Я этим заинтересовался. И кроме статей, трёх документальных фильмов, посмотрел ещё два сериала на эту тему. И получается, для одних Берия — злодей, для других — талантливый управленец и чуть ли не продолжатель правого дела Сталина.

— Я это читал. Надо доказательства.

— Какие? Ли, сам подумай, какие в таком деле могут быть доказательства? И тем не менее, они есть, их немного, да, по мне, и того вполне достаточно. Во всяком случае, лично у меня и тени сомнения нет, что двадцать шестого июня пятьдесят третьего года, а точнее — накануне того рокового дня... Одним из свидетелей последствий вооружённого нападения на дом Берии, Ли, был его сын Серго, прибывший на место с генералом Ванниковым. От предложения бежать за границу Серго отказался, поскольку не мог бросить тень на отца, и полтора года провёл в одиночной камере. К нему приходил Маленков, пытаясь выяснить, где находится тот самый архив, о котором был сделан намёк в вашем мультфильме. Серго на это с недоумением заявил: “Неужели вы полагаете, что отец мог доверить мне такую секретную информацию?” Всё это, Ли, вовсе не означает, что плохие парни порешили хороших. Все, кто принимал в этом участие, сами были жертвами той бесчеловечной машины (имеется в виду “классовая ненависть”, а не “классовая борьба” или “охота на ведьм”, что одно и то же), которая не может работать без пролития крови, искусственно подогреваемой ненависти и подавления всякого инакомыслия. Как только перестали лить кровь, машина сразу забуксовала. На одних лозунгах и сознании трудящихся далеко не уедешь. И потом, если, как у нас тогда пели, “я, ты, он, она — вместе дружная семья”, о какой “классовой борьбе” может идти речь? И хотя некоторые уверяют, что иначе было нельзя, время было такое, дело не во времени, Ли, а в том, что “классовая борьба” из той же бесчеловечной категории: разделяй и властвуй. Но разве такими методами может быть установлен и гармонично развиваться строй, о котором с таким энтузиазмом когда-то пели: “Я другой такой страны не знаю, // где так вольно дышит человек”? Достоевский, например, считал, что нет. И, хотя утверждал также, что “не может одна малая часть человечества владеть всем остальным человечеством как рабом”, в то же время не признавал насилия над личностью ради того, чтобы, наконец, осчастливить это самое человечество. И я это мнение разделяю. И всё-таки Сталину надо отдать должное

уже за одно то, что он следом за Лениным отказался от безумной идеи мировой революции, на которой настаивал Троцкий со своими единомышленниками и в которой России отводилась роль хвоста, и взял курс на построение социализма в одной стране, основополагающие идеи которого были изложены им в работе “Экономические проблемы социализма в СССР”... Увы, не получилось! 26 июня 1953 года власть в стране перехватили те, кто в 1993-м развалил страну, в результате чего образовалось далеко не социальное, как записано в нашей Конституции, государство, на котором вот уже более двадцати пяти лет паразитирует “тимуровская команда”. Кстати, после смерти Сталина один из бывших партийных работников сказал потрясающие слова, которые на многое открывают глаза. Он сказал, Ли: “Сталин призывал нас жить по совести, а мы смотрели только, как бы кого спихнуть”. Это говорит о том, что большинство к жизни по совести было не способно.

Все уже дано разошлись. И Женя ушла вместе со всеми. И когда выключили фонтан и погасили освещавшие кафе гирлянды, наступила такая тишина, а Евдокимова с Ли объяла такая тьма, которая была разве только перед первым днём творения. На небе ни звезды. Его как будто и не было, этого неба. И только рубиновыми огнями горели на слившемся с небом фасаде пятизвёздочного отеля китайские письмена.

Наконец поднялись и Евдокимов с Ли, молча пожали друг другу руки и разошлись.

* * *

К завтраку Евдокимов вышел, как варёная курица. И ладно если бы в освежительную прохладу раннего утра, а то наоборот: из прохлады — в баню. Шведский стол на этот раз устроили в холле, где вчера было открытие конкурса, расставив вокруг круглых столов, покрытых белыми скатертями, зачехлённые кумачом стулья, перед сценой разместили стойки с едой. В отличие от ужина, на завтрак был подан тонко нарезанный из круглых караваев пшеничный хлеб, но, сколько Евдокимов ни смотрел, так и не смог обнаружить сливочного масла. Имелось только клубничное варенье, и многие китайцы намазывали его на хлеб, которым покрывали небольшие пиалы с молоком — в отличие от грандиозных сооружений и посуда, и порции были миниатюрными. При виде молока Евдокимов даже обрадовался. Было оно горячим, но без пенки. Он налил в пиалу, положив сверху четыре склеенных между собой вареньем по два куса хлеба — наконец-то душевную отведёт! Но молоко оказалось какою-то безвкусной жидкостью, может быть, разведённой соевой мукой или уж очень обезжиренным. Насилу выпил. Затем опять помучился с вермишелью (на этот раз вилку никто не предложил), обглодал какие-то косточки (возможно, утиные), съел пару кусков несладкого арбуза и следом за дочерью поднялся. Женя вообще скушала полкуска хлеба с долькой арбуза.

— С такой пищи немного напоёшь, — заметил Евдокимов.

— Зато мне кажется, я уже похудела.

— А через три дня будешь говорить, дошла.

И тут появился квартет. Лица у всех четверых были сонные, волосы прибраны кое-как, движения вялые, но от этой домашней растрёпанности на Евдокимова неожиданно пахнуло притягательностью супружеской постели.

Остановились.

— На каком этаже выступаете? — спросила Таня.

Евдокимов ответил:

— На третьем. А вы?

— На первом. Списки уже вывесили. Мы выступаем восемнадцатыми и сорок пятыми. До вечера, видимо, сидеть придётся.

— Сразу по два номера? Говорили же — по одному!

— Китайцы опять всё переиначили. За один день решили прогнать всех. Завтра отдых. Послезавтра перед гала-концертом объявление результатов и награждение.

— Ничего себе новости! Ну что — удачи!

— И вам.

И разошлись. Разговаривая с Таней, Евдокимов специально старался не смотреть на Свету, но именно оттого что не смотрел, то грозное и влекущее, что началось между ними вчера, лишь усугубилось. Когда симпатизирующие друг другу люди постоянно общаются, как правило, стирается первая острота обоюдного влечения, но если на пути поставить плотину, вряд ли она устоит. Нечто похожее происходило с ними. Чем упорнее они старались не смотреть друг на друга, тем сильнее их друг к другу влекло. А может, это китайский климат, благоприятствующий размножению, на обоих так одурманивающе действовал. Как бы то ни было, а спокойствия в душе Евдокимова после встречи не осталось и следа. И всё вставал перед глазами образ очаровательной синеокой блондинки, на которую вчера с таким откровенным восхищением глазели китайцы.

Евдокимов себя и укорял, и осуждал, но всё напрасно. Да ведь ничего ещё и не произошло, оправдывал он себя, и скорее всего, ничего не будет, и потом, что такого предосудительного в том, что они понравились друг другу? И было лишь одно маленькое “но”. И оно уже не первый раз перед ним встало. Вся разница лишь в том, что раньше была как бы недостаточная удобная ситуация, теперь более удобного случая, казалось, и придумать нельзя. И если тех молоденьких девчат влекло к нему обыкновенное любопытство, теперь совсем иное — перед ним оказалась прекрасно всё понимающая молодая женщина.

Между тем они поднялись с Женей на третий этаж. Их номера оказались 37-м и 51-м.

Но вот чего они никак не ожидали, так это того, что прослушивание делается закрытым. По этому поводу сразу поползли слухи, что-де китайцы хотят протащить на первые места своих, поскольку жюри состояло из них. Ирина даже сказала: “Всё! Золота не ждите!”

— Именно поэтому ты должна выложиться на полную, — сказал Евдокимов Жене, когда они вошли в номер. — Это хорошо, что выступаешь не с утра, когда ещё не проснулся голос. Ложись и лежи. Внутренне настройся. В том числе и на победу. Нужно как можно больше сохранить сил для выступления.

— Я не могу лежать, я уже сейчас, как на взводе.

— А я говорю — лежи. Я буду следить за очередью.

Женя недовольно огрызнулась:

— Лежи, лежи...

И в знак протеста закрылась в душевой.

— Через десять минут приду, и чтобы была в постели! — крикнул ей вслед Евдокимов. — Пойду посмотрю аппаратуру и спрошу, будет ли репетиция.

Но спросить было не у кого, установкой аппаратуры занимались китайцы. И тогда Евдокимов поднялся на пятый этаж, где расположилось руководство.

— Какая репетиция — столько народу! — вытаращила на него бешеные глаза Ирина. — Вы профессионалы или кто?

— А если — “или кто”, что тогда?

— Тогда нечего было сюда приезжать!

— Я смотрю, вы с китайцами заодно.

— Мы просто живём рядом, а значит, лучше друг друга понимаем. Для нас, для всей Сибири и Дальнего Востока, вы все там с вашей долбаной политикой хуже китайцев. Благодаря им да японцам мы теперь только и живём, а вы мало того, что отняли у нас всё, все привилегии, все надбавки, но ещё и последней возможности существования пытаетесь лишить.

— Это я пытаюсь лишить?

— И вы в том числе!

— Ну, спасибо!

И они “расстались друзьями”.

Сказать, что Евдокимов волновался, значит, ничего не сказать. Он поднимался на лифте наверх, подходил к истомившейся от жары и ожидания

толпе, спрашивал, какой номер ушёл, прикидывал в уме и возвращался назад. Дочь всякий раз встречала его испуганным взглядом, Евдокимов отвечал: “Ещё только двадцатый, стало быть, минут сорок ещё”, — и тогда дочь оставалась в постели. Но когда пришёл в очередной раз, она была уже в полном облачении.

— Ещё минут двадцать.

— Я уже не могу, я лучше туда пойду.

— В сарафане? Ты же спаришься!

— Но я не могу тут больше сидеть!

И тогда они пошли. Он — с установленной на штатив камерой на плече.

Выступившие на вопрос: “Ну, как?” — глядели отсутствующим взглядом и пожимали плечами. И это ещё больше придавало волнения. Стоявшая у двери на страже китайская девица не позволяла приоткрывать дверь, чтобы хотя бы краем уха послушать, а звукоизоляция оказалась на высоте, слышно было только содрогание от низких звуков и отдалённый бой ударника.

Наконец запустили их с Женей. Пускали по двое, по трое. Евдокимов тут же сориентировался, где лучше встать с камерой.

Чего он никак не ожидал, “Сказка” даже его задела. Задела той абсолютно точно переданной жутью, с которой, подобно древней ведунье, Жёня ворожила над книгой судьбы. И всё остальное исполнила без единой запинки. Жюри смотрело не отрываясь. Особенно, когда, подняв над головой раскрытую книгу, Жёня медленно её закрыла, а затем опустила вниз.

— Ну, как? — спросили их, когда они вышли.

— Не знаю... Хотя... в какую-то минуту мне показалось, что жюри стало моим зрителем.

Они уже собирались уйти, когда вышедшая из двери Ирина сказала:

— Жёня, если желаешь, через двадцать минут можешь исполнить второй номер.

— А может, так и лучше, а то перегоришь, — сказал Евдокимов.

И они дали согласие, сказав, что сейчас переоденутся и придут.

Второй костюм состоял из всего ослепительно белого — комбинезона, сапог, длинных перчаток, расшитой золотом накидки.

Когда Жёня появилась в нём наверху, все ахнули. Обратило внимание и жюри. И сидевший с правого края китаец что-то спросил у стоящей рядом с ним со списком и микрофоном в руках Эли. Эля утвердительно кивнула.

Выступление прошло на одном дыхании и гармонично завершилось торжественным аккордом.

Аплодировать было некому. На этот раз следом за ними вышла Эля и протянула Евдокимову визитку.

— Эта ивесный вы Китай паратюсар, каторый работает са Расией.

Визитка была с одной стороны — на китайском, с другой — на русском. Евдокимов сразу всё понял и, достав из кармана свою визитку, попросил Элю передать продюсеру.

Когда оказались в номере, Жёня заявила:

— Хочу вышить.

— Давай повременим до объявления результатов.

Но она упрямо повторила:

— А я хочу!

Пришлось открывать бутылку коньяка и разливать по чайным чашкам. Вышили, зажевав шоколадными конфетами, которые по приезде засунули в холодильник. Кстати, конфет, вообще сладостей за китайским “шведским столом” не было тоже.

— Как думаешь, что мне дадут?

— Десять лет без права переписки.

— Нет, правда.

— Ты же слышала: золото возьмут китайцы. Они, кстати, и на Олимпиаде почти всё золото забрали. И вообще, всё. Говорят, куда ни сунутся с бизнесом, в любом конце планеты одни китайцы сидят.

До обеда оставалось совсем немного. Кроме кудрявого супа, который китайцы пили прямо из пиал, поскольку ложек тоже не было, да игрушечных

пашлыков, он ничем не отличался от вчерашнего. Они с Женей вяло поклевали и убралась отдыхать. И, неожиданно уснув, проспала до вечера. Вернее, узнали, что уже вечер, то есть что пора идти на ужин, опять же по ступе в дверь.

— Ужинать! — послышался знакомый голос.

Насилу поднялись. Так их обоих, даже несмотря на комфортную температуру, развезло. Не с коньяка ли?

* * *

Весь следующий день их таскали по экскурсиям. Евдокимова так развезло от жары, что по возвращении в номер он принял душ и завалился спать и как убитый проспал не только ужин, но и всё на свете.

Очнувшись глубокой ночью от пения “китайского соловья”. И часа два лежал без сна, досадуя и на “соловья”, и на себя, и на дочь, смутно припоминая, однако, что несколько раз она всё-таки пыталась его разбудить, хотя прекрасно понимал, что надо же было когда-то организму взять своё и хорошо выспаться. Завтра, вернее, уже сегодня — объявление результатов и гала-концерт. Сказать, что Евдокимов внял совету Ирины и ни на что не надеялся, конечно, нельзя. Как ни крути, а Женино выступление было великолепным. И подаренная китайским продюсером визитка должна же что-то означать. Поэтому хотя бы на второе, в худшем случае, на третье место Евдокимов всё же рассчитывал, ни слова не сказав при этом, а также о визитке, Жене. Пусть для неё это будет сюрпризом. Она ни на что не надеется, а ей возьмут и дадут. И покажут по китайскому телевидению. И, может быть, даже предложат турне по Китаю. И тогда у Евдокимова будет больше возможности понять, что из себя представляет эта загадочная страна.

* * *

До начала заключительного мероприятия оставалось полтора часа. И когда вошли в зал, там уже полным ходом шла подготовка. На месте задника установили крупнейшего размера монитор, по бокам невысокой сцены — аппаратуру, две световые пушки на высоких постаментах в конце зала. Перед сценой поставили накрытые кумачом столы для жюри. Вперемешку со звучанием фонограммы в зале было слышно непрерывное говорение, кто-то время от времени под сопровождение пытался петь, туда и сюда сновала с озабоченными лицами обслуга, прокладывали через весь зал к центральной камере шнуры, кричали, спорили, составляли предполагаемую программу, кто что, если повезёт, будет петь. Они с Женей решили всё-таки повторить есенинского “Коя”, хотя Ирина категорически настаивала на чём-нибудь патриотическом.

— “Не слышны в саду даже шорохи”, что ли, или “Расцвели яблони и груши”?

— И что?

— А то, что мы приехали сюда петь свои, а не чужие песни.

— Это “Подмосковные вечера” и “Катюша” для вас чужие песни?

— Та-а! Отшэнь! Ми па-аём толика на сываём ратыном ясыкь!

Стоявшая рядом Эля засмеялась. А Ирина, водевильно закатив глаза, протянула:

— Кошма-ар!

Так ни до чего и не договорились. И когда подошло время, все ушли переодеваться.

И на этот раз снимали. И опять несчётное количество раз с каким-то издевательством было произнесено приглянувшееся китайцам всего лишь единственное, но очень распространённое в России нецензурное слово на букву “х”. Всё это безобразие снимали три китайских оператора. Ли время от времени фотографировал. Евдокимов вместе с залом томился в ожидании,

как вдруг сначала по-китайски, а потом Элиным голосом объявили, что сейчас назовут имена победителей конкурса. Называли по каждой номинации отдельно. И сразу пошли китайцы. Все, кого называли, выходили на сцену и выстраивались в ряд. Когда дошла очередь до эстрадного вокала, произошла небольшая заминка, как будто уронили микрофон, и вдруг громогласно на весь зал прозвучал Элин голос:

— А ситяс на сыцену приклашаеца аплататильница салатова приса в наминации эстратный вакал Евгения.

Евдокимов не поверил своим ушам, оглянулся на стоявшую за спиной дочь. Она растерянно пожала плечами. И тогда над всем залом командирским голосом пронеслось:

— Женья, бегом на сцену! Бего-ом!

Проходя мимо, дочь с потрясённым недоумением успела обронить на ходу:

— Мне что, золото дали?!

Когда объявление результатов закончилось, на сцену поднялся председатель жюри и, пожимая всем по очереди руки и скаля зубы, стал вручать награды.

Затем начался заключительный концерт, точку в котором, как и на открытии, опять поставила Женья. Само собой, поднялся вой, буря аплодисментов, которые ещё усилились, когда дочь победоносно проскандировала в микрофон: “Ра-си-я! Ра-си-я!”

Ли фотографировал Женю во время выступления, а после концерта сфотографировал вместе с Евдокимовым. Они были счастливы, они улыбались. Подошла Эля и, отведя Евдокимова в сторону, сказала, что с ними хочет поговорить тот самый продюсер.

— Где же он?

— Он путит вас шытать низу. Ресепшна.

— А как мы его узнаем?

— Он сам к вам патайтёт.

Евдокимовы спустились в номер, ополоснули холодной водой горячие лица. Во время переодевания взволнованно переговаривались:

— Я чуть живая. Так я не поняла, кто с нами хочет поговорить?

И тогда Евдокимов сказал, что имел удовольствие после прослушивания получить визитку от известного китайского продюсера.

— Почему не сказал?

— Чтобы не расслаблялась.

— Так ты думаешь...

— Пока только надеюсь.

— А давай сегодня напьемся?

— Не возражаю. Только, чур, с пивом не мешать, а то, пожалуй, и на Китайскую стену не попадём.

— Или с неё навернёмся. Говорят, она такая высокая.

— И длинная. Шесть, кажется, тысяч километров длиной. А что ты удивляешься? Около двух тысяч лет строили. Знаешь, почему у нас нет Китайской стены? У них каждая новая династия продолжала строить новый участок. Сто лет одна, сто лет другая. У нас одни строят, другие ломают. Поэтому у нас нет Китайской стены. Ну что, идём? Тебе очень идёт это платье! Боюсь, вместо гастролей тебе предложат руку и сердце.

Но предложили именно гастролы, и притом с хорошими условиями. Правда, высказано было в виде обязательного условия наличие балета и проведение программы к единству.

— Только народный песня и танца, — сказал невысокий живой китаец, лицо которого, как и у стюардесс, отличалось отсутствием загара и морщин. Манера поведения тоже заметно отличалась. Было в ней что-то такое самоуверенное.

Договорились держать связь по электронной почте. И тут же стали прощаться. Евдокимов проводил продюсера до автомобиля, который ожидал напротив входа. На прощание пожали друг другу руки. Мягко хлопнула дверь. Блеснув чёрным лаком, машина неслышно отъехала.

На ужин сходили только затем, чтобы взять немного закуски. И, пообещав Ирине, что у фонтана будут непременно, направились в номер.

У лифта столкнулись с выходящим из широко раздвинувшихся дверей квартетом.

— Вы уже поужинали?

И Евдокимова словно дёрнули за язык.

— Мы решили взять сухим пайком, а точнее говоря, напиться. Не желаете составить компанию?

— Я, во всяком случае, нет, — сразу же отказалась Ксения.

— И я, — поддержала Валя.

— А вы?

— А что, пошли? — глянув на Свету, сказала Таня, и та как бы нехотя согласилась:

— Разве что за вашу победу.

— Если не возражаете, я позову Ли (полчаса назад он сидел в вестибюле), а потом все вместе пойдём к фонтану.

— Тогда и мы что-нибудь на закуску сейчас принесём — не пропадать же добру. А что у вас — сухое, водка?

— Коньяк и...

— Газированная вода, — ловко зажилила ирландский ликёр Жёня.

Это было уже второе застолье в номере и по своей беспешачности удивительно напоминало первое. Если бы случайно не встретились с квартетом, Евдокимову бы и в голову не пришло их пригласить, и позвал бы он только Ли, потому что сразу решил это сделать, но словно кто специально подстроил и эту нечаянную встречу, и в решительный момент дёрнул за язык, хотя Евдокимов и пытался себя уверить, что сделал он это исключительно из желания не пить вдвоём, и потом, должен же был кто-то ещё разделить радость победы.

Таня со Светой, кроме закуски, догадались прихватить третью чайную чашку для Ли. Евдокимов разлил коньяк. Все подняли чашки и, слегка чокнувшись ими, стоя, сказав по очереди “за победу”, выпили. Евдокимов закусил шоколадной конфетой, как и все остальные. Жёня с Таней устроились в низких креслах вокруг журнального столика, Света между Евдокимовым и Ли на широкой кровати.

— А вы заметили, насколько дружнее становятся соотечественники на чужбине?

— Ещё бы!

— Да ещё когда ни слова не понимаешь по-китайски.

— От их постоянного крика можно с ума сойти.

— А давайте по второй? Вы что же ничего не едите? Бережёте фигуры?

— Конфетой, видно, отбило последний аппетит. Мы от жары эти дни почти ничего не едим. Только одни арбузы.

— Нас не развезёт с коньяка?

— У нас ещё ликёр имеется. Имеется, имеется, не жмотничай. Потрясающий, должен вам сказать, ликёр.

— Уж не Старый ли Таллин?

— Нет. Ирландский.

— А-а, бело-коричневый такой! Я лично ни разу не пробовала: уж больно дорогой.

— И я не пробовала, — наконец подала голос Света. От неё (или от Евдокимова?) несло жаром, как от печки.

— Тогда давайте попробуем. Надо бы сразу наоборот.

— Почему?

— Градусы не понижают, а повышают. Ну да они, кажется, почти одного состава. Так сказать, тот же чёрный кофе, только со сгущённым молоком.

Евдокимов извлёк из чемодана бутылку ликёра.

— Ли, ты чего будешь?

— Коньяк.

— И я коньяк.

— А мне ликёра, — сказала Жёня. — Я уже пробовала. От такого спиться можно.

— Прямо заинтриговали.

Ликёр всем понравился.

— И закусывать не надо.
— Напиток для вельможных дам.
— Что ж, хотя бы на полчаса будем вельможными дамами.
— Ли, подтверди, участницы струнного квартета — самые изящные из всех наших дам.

— Да!

— Спасибо.

— За ваше здоровье! И за твоё, Ли! Или как там по-старинному — “многая лета”?

— А давай споем “Многая лета”? — предложила Жёня.

И они на два голоса исполнили.

— У вас хорошо получается! Вы, случайно, не в церкви поёте?

— Пели.

— Серьёзно?

— Уж куда серьёзнее. Но... это уже в прошлом.

— А я так с пятнадцати лет в архиерейском хоре с мамой пела. И муж у меня был священником.

— И что случилось?

— Это не интересно, — перебил Евдокимов и соврал: — В общем, он уехал в Иерусалим и там пропал без вести.

— А с мамой что случилось?

— На машине разбилась.

— Жёня, — посмотрел с укором Евдокимов, — может, хватит об этом?

— Нет, а всё-таки что произошло? — спросила уже Света. — Тем более что вы сказали, что это в прошлом.

— Как вам сказать... Мы плыли на корабле, и началась буря. Да-а! А во время бури — кораблекрушение. У Шекспира, кстати, есть пьеса “Буря”. Мы из неё сценку на новогоднем вечере когда-то ставили, и я главного героя играл. Так в этой пьесе рассказывается о том, как во время бури, когда, скажем, я по верёвочной лестнице (видели в кино верёвочные лестницы на парусниках?), так вот, когда я полез на мачту, чтобы свернуть парус, от сильно напора ветра мачта сломалась, и я вместе с ней улетел в море, остальных — кого смыло, кто сам кинулся в пучину с гибнущего корабля. Но никто не утонул. Так было заранее задумано. Потом скажу — кем. И так, кто на чём, спаслись, попав на не совсем необитаемый остров, скажем, недалеко от Китая. Один матрос даже умудрился спастись на бочке с хересом. На этом острове жил чудом уцелевший от казни китайский император. И жил он на острове не один, а с дочерью уже много лет. За это время, овладев магией, он подчинил духа по имени Ариэль. Может, кто помнит фильм про Ариэля? Нет? Ну, это неважно. Так этот Ариэль и устроил на море бурю, чтобы незаконно захвативший престол родной брат императора, плывущий на нашем корабле, попал на остров и таким образом свершилось бы правосудие. Остальные были ни при чём, но, как говорится, попали под горячую руку. С высших сил не принято спрашивать справедливости, хотя, собственно, никто не пострадал. До появления китайского императора хозяином острова было чудовище по имени Калибан, которого я играл. Китайский император его тоже подчинил, превратив в недовольного, ропщущего на судьбу и желающего хозяину смерти раба. Это ведь только христианским рабам запрещено желать смерти угнетателям, потому что нет власти не от Бога, ну, а Калибан был созданием непросвещённым, никто ему про это спасительное смирение не сказал, вот он и роптал. И когда спасшийся на бочке с хересом матрос дал ему глотнуть хереса, Калибан тут же провозгласил его своим богом, архиереем и царём, а себя — лизальщиком его сапог. У нас это сейчас в большом почёте, Ли.

— И что это значит?

— А ты как думаешь?

— Ты раньше жил дворец, но твоего царя свергли, и ты оказался Китай.

— Железная логика.

— Только пессимистического настроения нам не хватало, — заметила Таня.

— Я тоже думаю, что для пессимизма повода нет, — подхватил Ли.
 — Вы так считаете? Тогда за победу! В том числе — над фашистами! Евдокимов налил женщинам ликёр, себе и Ли коньяк.
 — Ну, как у нас говорят, поехали? А у вас, Ли, как говорят?
 — У нас, прежде чем выпить, три раз макать палец пиал с водка, после того как макал, возвращать пиал тому, кто даёт. Только после третий раз делает один глоток, всего один.
 — И большая пиала?
 — Меньше этой чашки три раз.
 — Ну, такую пиалу что одним глотком не выпить? Когда-то на проводах в армии одноклассника я залпом выпил целый стакан. Целый гранёный стакан водки, Ли!
 — Зачем?
 — Чтобы доказать, что я мужчина. За русско-китайскую дружбу, Ли! За то, чего больше всего боятся американцы!
 — Да, у нас когда-то был хороший отношений к вам. Вы дали нам государственность. Китай это помнит. Американцам у нас не верят. Даже эмигранты деньги в американских банках не хранят. Но что касается вас... Отец переписывался с русским, они посылали друг другу подарки. Многие тогда Китай переписывались с русским. Мы тогда с вами дружили...
 — А не пора ли к фонтану? — перебила Таня.

* * *

При их появлении поднялся радостный вой, раздались нестройные аплодисменты. От прошедшего дождя осталась только влага на бетонных плитах. Столы были заставлены кружками с пивом, однако делегация была уже далеко не в полном составе. Видимо, ещё до их появления многие ушли, но любители пива были на месте и ощутимо потели.

— Ну, сколько можно ждать?
 — Вы к нам неровно дышите, Ирина.
 — Я ко всем неровно дышу. Ваше пиво.
 — Они и без пива уже хорошие, — заметил кто-то.
 — Мы не хорошие, мы лучшие!
 — Я и говорю.

Когда пристроились на свободные места, Ли, открыв свою походную сумку, достал из неё оригинальный плеер в виде фонарика и губную гармошку. Плеер поставил на середину стола, нажал кнопку и приложил гармошку к губам. Однако стоило зазвучать музыке, все один за другим подхватили:

*Не слышны в саду даже шорохи,
 Всё здесь замерло до утра.
 Если б знали вы, как мне дороги
 Подмосковные вечера.*

И Евдокимов сразу понял, что был неправ: “Подмосковные вечера” всё-таки породнили нас со всей планетой!”

Ли изобразил замечательный проигрыш на губной гармошке. И ему за это, а также за инициативу устроили овации.

— Вы знаете, что завтра в гостиницу не возвращаемся? — спросила Ирина. — Ну, да вы же не слышали, вы, не знаю только, в прямом или в переносном смысле, всё время где-то пропадаете. В общем, так. После завтрака сдаёте номера и с вещами садитесь в автобус. После Китайской стены нас отвезут на вокзал, а вас — в другую гостиницу. На этих организаторов у меня надежды нет, а там наши партнёры по бизнесу вам обеспечат трансфер, и я буду спокойна.

Вскоре опять остались в прежнем составе. Ли ушёл вместе со всеми, сказав Евдокимову отчётливо:

— Возьми на память. Это фотографии моя деревня. Я там родился. Они крепко пожали друг другу руки.

Затем Женя принесла остатки коньяка с ликёром. И, время от времени наполняя разовые стаканчики кому коньяком, а кому — ликёром, не спеша выпили всё. Пили ещё и ещё раз за победу, за знакомство, за Россию, за дружбу... Флегматичный Вася, скрестив на груди волосатые руки, обильно потел, Таня о чём-то разговаривала с Женей, а Евдокимов со Светой обменивались выразительными взглядами. До сих пор они так ни о чём и не разговорились. “Разве недостаточно смотреть друг другу в глаза и нужны ещё какие-то слова?” — как бы говорил её взгляд. И это действительно было неплохо, но это было далеко не всё, потому что было всего лишь началом. Так Евдокимову, во всяком случае, казалось. А ещё казалось, что он смотрел в Светины глаза, как пел когда-то, “как в зеркало”. И его неудержимо влекло к ней.

Дочь, наконец, поднялась.

— Ну что, пойдём?

Но Евдокимов на этот раз, как можно естественнее изображая благоразумие, сказал:

— Ты иди. А я, пока ты душ принимаешь, ещё немножко посижу.

— Я боюсь одна.

— Чего?

— Идти.

— Да тут два шага всего.

Но Женя опять настойчиво повторила:

— А я боюсь.

И тогда, скрипя зубами, Евдокимов поднялся.

— Ну, пошли. Ну, где твоя дрожащая рука?

И как только поднялся, понял, как его развезло. Шёл, как во сне. И скорее не он, а дочь вела его за руку. Поднялись по ступеням, прошли через крутящиеся стеклянные двери, через погружённый в полумрак совершенно пустой вестибюль. В коридоре Евдокимов вдобавок ко всему на ровном месте споткнулся. Надо же так напиться! Войдя в номер, прямо в одежде он ничком плюхнулся на кровать. И пока дочь принимала душ, от веяния кондиционированной прохлады всё куда-то плыл, пока над ним не прогрелось. Он в испуге приподнял от подушки голову.

— Что?

— Мыться, спрашиваю, пойдёшь?

— А почему ты повышаешь голос?

— Я ложусь спать!

“Это чего она на меня взъелась?”

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи! — опять огрызнулась Женя.

“Этого ещё не хватало!” — подумал Евдокимов.

Вставать не хотелось, но он всё-таки пересилил себя и, насилу поднявшись, ушёл в душ. Начал с горячего и постепенно довёл до самого холодного.

Он докрасна растёрся махровым полотенцем, а затем решил посмотреть, на кого он всё-таки стал похож, но от горячей воды зеркало успело запотеть, и тогда Евдокимов тщательно его вытер. Когда, наконец, себя узрел, стало отчего-то стыдно. Оттого, может быть, что дочь, заметив его симпатию, всё это решительно пресекла. А если бы не дочь? Неужели бы он решился переступить?.. Но Света... Что-то такое пришло ему в голову, когда они смотрели друг другу в глаза, о чём-то он подумал. Кажется, о зеркале. Да-да, он вспомнил слова из песни: “гляжу в тебя, как в зеркало...” И как-то это было связано с её именем... Света, свет...

Но Евдокимов так и не смог разгадать этот ребус. Очевидно, для этого необходимо было состояние более трезвое.

* * *

Свету Евдокимов не видел с самого утра. Вероятно, они сели в автобус раньше где-то сзади и почему-то не вышли вместе со всеми. Собственно, и не смотрел. Незачем, да и слишком поздно. И только назойливо вертелось

в голове, пока снимали друг друга с дочерью на Великой Китайской стене, это странное сочетание пришедших вчера на ум слов: Света и свет. Какая-то заклочалась в этом мысль, которую Евдокимов всё никак не мог уловить.

Делегацию напоследок решили покормить в ресторане. На этот раз была подана запечённая рыба под чёрным соусом, и на каждую крутящуюся столешницу поставили, как сообщили, бесплатно, по стограммовому пузырьку китайской водки. Она была 52 градуса. Все отказались, а Евдокимов с флегматичным Васей решили отведать. Рюмки оказались из белого фарфора, размером с напёрсток. Покрутив по очереди стол, наполнили их всклень, вознесли.

— Хун хо! — сказал Евдокимов по-китайски.

— Хо! — вяло отозвался Вася.

Выпили. Вернее, что-то растеклось и тут же впиталось в полость языка. Они и дальше решили общаться по-китайски.

— И-и-и тё? — спросил Евдокимов.

— Тё! — согласился Вася.

И, покрутив стол, налили и выпили ещё, а затем ещё, и ещё, пока не уделали весь пузырёк.

— Какие ощущения? — спросил Евдокимов по-русски.

— Ничего.

С обеих сторон Васи сидели Тania со Светой. И Света смотрела хоть и устало, но всё так же внимательно. Как ни крути, а Евдокимова по-прежнему волновал её взгляд, но он изо всех сил старался изображать независимость.

“Света, свет”, — время от времени всплывало в его разгорячённом китайской водкой сознании, но и на этот раз он так и не сумел за шевелившуюся где-то рядом мысль ухватиться.

Ввиду интенсивного движения транспорта к вокзалу подъехали затемно. Дальневосточной делегации до отправления поезда осталось полтора часа. Евдокимов долго крепился, а потом всё-таки не выдержал и вышел проводить. Дочь осталась в автобусе.

Ирина первая протянула ему руку. Евдокимов сказал:

— Вы уж извините меня за дерзость.

— Да все нарма-альна! — отмахнулась она, но явно была довольна.

Затем протянула руку Тания, за нею — Ксения, потом — Валя и, наконец, — Света. И все уже взялись за чемоданы, когда Евдокимов попросил Свету на минутку задержаться.

Когда остались наедине, сердце у Евдокимова заколотилось, как у мальчишки, а с языка как бы само собой сорвалось:

— Хочу, чтобы вы знали. Вы для меня... я даже не знаю... словно свет с Востока.

— Ну, во-первых, с Дальнего Востока, а во-вторых, никакой не свет, а просто Света.

— Знаете, о чём я больше всего жалею?

— И о чём же?

Она всё пыталась и никак не могла превратить прощание в простую забаву.

— Что вы замужем.

— Это кто же вам об этом сказал?

— Ну как... ребёнок...

— А разве незамужним запрещается иметь детей?

— Так вы...

— Све-ета-а! — напомнили о себе стоявшие в десяти шагах подружки.

Евдокимов поспешно достал визитку.

— Напиши... или позвони... или пришли СМСку...

Он даже не заметил, что перешёл на “ты”, как-то само собой это произошло.

— А надо?

— Это не мне решать.

Света вздохнула, покачала головой, взяла визитку и, внимательно посмотрев Евдокимову в глаза, сказала:

— Ну, хорошо, я подумаю.

Евдокимов вернулся в автобус, как во сне. И промолчал всю дорогу. Дочь во время пути внимательно к нему присматривалась.

* * *

Прошедшая бессонная ночь дала о себе знать сразу после завтрака. Однако сказать, что Евдокимов спал, нельзя. И вообще с ним творилось что-то странное. Он вроде бы и спал, и не спал одновременно. Мысль его ни на секунду не переставала работать как бы уже сама по себе и, как это бывает только во сне, то текла в пределах логики, а то становилась бессвязной, перескакивая с одного на другое, чем дальше, тем больше напоминая ту самую соломинку, за которую он всё пытался и никак не мог ухватиться. Выхода из личной, а тем более общественной катастрофы он по-прежнему не видел. Да и какой может быть выход, когда в его родном Отечестве вот уже на протяжении тысячелетия не в состоянии были устроить нормальную жизнь ни при помощи религии, ни отказавшись от неё, ни теперь? И сердце его обливалось кровью от мысли, что и на этот раз ничего хорошего не достанется ни его дочери, ни его внучке.

Мысль о внучке коснулась одного из самых больных мест в его сердце. Так иногда её доверчивые глаза задерживали на нём внимание, ожидая ответа на очередной неразрешимый вопрос. Таким же образом смотрела когда-то Женья. Давно это было, как будто в другой жизни. Так вышло, что ему пришлось испытать отцовское чувство и ответную детскую любовь дважды.

Бывало, когда они гуляли в городском парке, как и Женья когда-то, Маша просила взять её на руки. И это не от усталости — пугал огромный парк, в котором никого, кроме них, в эти последние дни золотой осени не было. Давно уже застыли над вершинами голых лип кабины “колеса обозрения”, слегка покачивались, поскрипывая на влажном ветру, цветные карусели с прилипшими к сиденьям золотыми листьями. Застопоренные лодки качелей навевали грусть.

“Кази”, — просила Маша. И Евдокимов начинал: “У Лукоморья дуб зелёный...” Самое сильное впечатление производили слова: “Там царь Кащей над златом чахнет; // Там русский дух... там Русью пахнет!” На минуту водворялось молчание, после чего следовал глубокий вздох и очередное “кази”.

Когда укладывались спать, обе просили сказку про “цая” (царя). От частого повторения Евдокимов выучил её наизусть. Это было настоящим представлением. Сначала дочь, а затем внучка принимали в нём участие. Евдокимов выключал свет, а чтобы не было так страшно, оставлял открытой дверь.

Однажды он нечаянно подслушал Машин разговор с подружкой: “Мой дедушка всё знает! Мой дедушка самый умный! Дедушка меня никогда не обманывает”, — с непоколебимой уверенностью говорила Маша.

А он чем дальше, тем больше убеждался, что не знает ничего или так мало, что любому здравомыслящему человеку показалось бы по меньшей мере странным отправиться в дальний путь с таким скудным багажом. Так получилось, обо всём этом он узнал слишком поздно, и что теперь с этим делать, не ведал. И в то же время видел, что работа в этом направлении шла. Сотни тысяч молодых и не молодых людей искали выход из создавшегося тупика, в котором на пороге XXI века оказалось человечество. Не только в России, во всём мире шла напряжённая работа над выработкой новой повестки дня. Выпестованные последними двумя тысячелетиями понятия давно себя дискредитировали и никого не удовлетворяли. И одни искали выход в язычестве, сакральные знания которого были утеряны. Другие считали человека продуктом генной инженерии некогда заглянувших на Землю инопланетян и ждали решения всех проблем от них. Третьи усматривали проблему в причинах гибели Атлантиды. Относительно истории вообще творилась полнейшая неразбериха, и тем не менее, каждая из версий претендовала на истину в последней инстанции.

Обо всём этом во время полёта в Евдокимове шли не прекращающиеся ни на секунду разговоры. И только одна во всей этой кажущейся сумятице казалась совершенно определённой мысль: надо устраивать свою жизнь.

А между тем некто продолжал задавать вопросы, а порою на них отвечать.

Вы никогда не задумывались о язычестве с точки зрения Творца? Не думали, например, о том, что, если в языческих верованиях не было ничего опасного для жизни, с какой стати Творцу гневаться на своё непросвещённое создание, если даже земные родители терпеливо переносят незрелый возраст своих детей? Если человеку невозможно познать Бога и для этого понадобилось Откровение, на каком основании наказывать его за то, что до получения Откровения он шёл к познанию через обожествление природы, космоса и даже высокопоставленных тварей? Другое дело — кровавые жертвы, но их приносили и Единому Богу. А нынешнее распределение обязанностей между святыми (этот — покровитель скота, этот — путешественников, этот — воинов) разве не те же самые элементы язычества? И почему это Бог перестал собственноручно “прибирать” уклоняющихся от единственно правильного пути, как это было в истории Ветхого Завета, и на место необузданного властолюбия, презрения и ненависти к человеку и даже целым народам вдруг двоякое действительно покоряющее сердца кротость и смирение, отвергая всякое насилие над личностью?.. Если Сын Человеческий по воскресении не явился гонителям из уважения к их свободе, почему такое неуважение оказал апостолу Павлу по дороге в Дамаск, ослепив и подавив волю?.. А “кротчайший из всех людей на земле” за что лишился земли обетованной? Неужели только за то, что убедил евреев в том, что Адонай и Элохим — одно? Но разве это не две совершенно разных религии: лунная, образом которой был тот самый телец, перед которым скакали отверженные, и солнечная, образом которой было небесное светило с любовно протянутыми к дольнему миру лучами реформатора? Когда светит луна, на улице темно, звёздное небо над головой, и так иногда страшно, особенно в пути. Ну, а когда светит солнце, о каком страхе может идти речь? Обе религии на протяжении тысячелетий соперничают в истории человечества: религия дня и религия ночи. Если поискать аналогии в истории, можно указать на разделение на два календаря: лунный и солнечный. Две ветви непрестанно ведут борьбу. Всё-то у нас разделено на две части: наука, экономика, политика, литература, искусство и душа каждого человека. Видимо, по той же причине во все Писания вошло ровно столько, сколько необходимо для отрицания и утверждения... Гениев никто не душил в зародыше, а просто используют в тех или иных целях. Всё это устроено для усвоения того самого знания, куском которого по причине младенчества подавились Адам и Ева. Плод, о котором идёт речь, до сих пор стоит поперёк горла. Никакого изгнания из Рая не было, да и Рая на земле не было никогда, а было восприятие мира как благодати бытия, пока не была предпринята попытка к его качественному улучшению. С той поры это стало главной целью для всего человечества. Но разошлись пути, о чём свидетельствует разделение послепотопного человечества. У допотопного было одно направление. Только не подумайте, что его истребил Бог. С какой стати? Нет, были такие же, как и теперь, дотошные учёные, и было предложено испытание одного из самых современных открытий, которое воспринималось очередным прорывом в науке, и одни были “за”, другие “против”, ибо в случае неудачи эксперимента это грозило гибелью всей цивилизации. И было проведено нечто вроде референдума, и победили дотошные, и произошла катастрофа. Однако не сразу, поскольку было оговорено время для принятия мер для спасения. И вот это время настало. Земля повернулась по своей оси и воды океанов смыли всё и вся, а там, где было лето, мгновенно наступила зима. И чтобы этого больше не повторилось, человечество разделилось... А что же Он? Его вмешательство в наши дела надо понимать по тому, когда нам что-то не удаётся. Иногда мы узнаём об этом слишком поздно, поскольку какое-то время действуем на голым энтузиазме или по инерции. Все народы “заклочены в непослушание” — это верно, но заключены не Им, а “нами”, и об этом знаем только “мы”. Его же пути “нам” неведомы... Вы не задумывались, например, о том, а что, если есть всего лишь неправильное использование

божественной энергии, как и всего, что создаёт человек? Аналог — атомная энергия, используемая в тех и других целях. Воскрешает и убивает одна и та же энергия, неправильно используемая по причине неправильного подхода. Как, например, в торсионных полях, где правое кручение живит, а левое — умерщвляет: “нельзя человеку увидеть Меня и не умереть”... Мы с вами жертвы вмешательства одних и тех же сил сначала в язычество, потом в христианство, затем в коллективизм. Когда становится очевидным, что проект утратил актуальность, его меняют на нечто противоположное, чаще всего, кровавыми методами, когда в первую очередь вырезаются имеющие знание, и для этой цели мобилизуется ничего не знающая, а потому не рассуждающая молодёжь, потом переписывается история и насаждается очередная ложь. Но душа не терпит лжи, на дух не переносит фальши, и всё возвращается на круги своя: гибель цивилизации, “вода иже бе над твердью...” Сто лет назад мы дали хотя и фальшивую, но всё-таки новую повестку дня, в которой были слова о справедливости, и это было подхвачено. Теперь пришло время новых идей, против которых никакая армия не устоит, потому что в жизнь мира входит новое поколение...

* * *

Всё это прекратила дочь:

— Па-а, просыпайся, прилетели!

Когда оказались в очереди на выход из самолёта, в голове у Евдокимова радостно пронеслось: “Ну, вот мы и дома!” И хотя после Пекина Москва представлялась захолустьем, всё-таки это был уже свой родной “странно-примный дом”.

От Пскова до Толбы добрался на такси, договорившись с водителем по телефонному звонку прибыть за ним, когда вернётся назад.

У пристани стояли два туристических автобуса. Паломники выстроились в длинную очередь на широких деревянных мостках, метров на двадцать выдвигавшихся в озеро, с одной стороны поджимаемых высокой стеной камыша. К мосткам был пришвартован старенький катер, на который по одному поднимались по трапу пассажиры.

С другой стороны мостков на расчищенной от камышей заводи покачивались с пяток рыбацких моторных лодок, в одной из которых сидел краснокожий мужик в фуфайке, с хищно очерченными ноздрями.

— На остров? — обратился он к Евдокимову, заметив его замешательство при взгляде на длинную очередь.

— Сколько?

— Семьсот.

— Шестьсот.

— Поехали.

Евдокимов осторожно спустился в качавшуюся на волнах железную плоскодонку. Мужик тут же вручил ему спасательный жилет, сказав, что без него перевозить пассажиров запрещено.

— Почему?

— Лодка недавно перевернулась, и все утонули.

— Как же это могло случиться?

— Подкинуло на большой волне.

— И сколько до острова плыть?

— При хорошей погоде минут двадцать, но сегодня большая волна, так что минут сорок, не меньше, пропдюхаем.

“Нечего сказать, обрадовал, большая волна”, — подумал Евдокимов, но идти на попятную было поздно. Устроившись за рулём, мужик запустил двигатель и, лихо развернувшись, устремил плоскодонку по неширокому фарватеру, с обеих сторон поджимаемому плотными зарослями камышей, по верху которых гулял ветер. Поверхность воды была гладкой. Но вот камыши стали расступаться всё больше и больше, и вскоре лодка выскочила на простор безбрежного озера. Нужный Евдокимову остров был первым в гряде

таких же небольших островов, и, по мере того как подбрасывало и жёстко ударяло днищем о воду посудину, так что приходилось крепко держаться за лавку, он то вырастал, то скрывался под водой.

С первой же минуты Евдокимов почувствовал тревогу, пожалуй, не меньшую, чем в самолёте, и стал молиться. Лодка, не сбавляя скорости, продолжала взлетать и со всего маху биться днищем. Брызги, вздымаясь, хлестали в лицо. Напористый ветер пронизывал насквозь, несмотря на застёгнутые пуговицы ветровки. Очевидно, желая ободрить, мужик время от времени оглядывался, задирая вверх хищную ноздрю и посасывая торчащую во рту сигарету. “Да он пьяный!” — подумал в ужасе Евдокимов, но попросить везти поаккуратнее не решился: неизвестно, как отнеслась бы к этому загадочная русская душа?

Остров, наконец, перестал нырять под воду, всё больше и больше вырстая над поверхностью, а под конец совершенно закрыл собою озеро. Причалили к мосткам для полоскания белья. Евдокимов спросил ноздрястого, возможно ли с его помощью выбраться назад, на что получил резонный ответ: “На свете нет ничего невозможного, только дешевле, чем за тыщу, вы отсюда не уедете”.

Обычная деревенская улица привела прямо к храму. Недалеко от храма на довольно просторном пустыре уже успели воздвигнуть памятник. Во дворе храма шли строительные работы. Служба уже закончилась. И Евдокимов отправился к батюшкиному дому. Справа и слева от открытой калитки находились три огромных “дикаря”, которые в старину служили для устройства фундамента церквей. От калитки вдоль стены с двумя небольшими оконцами вела к маленькому крылечку под навесом выложенная каменными плитами, тщательно выметенная тропинка. Справа от неё — небольшой садик с вишнями и яблонькой, в правом углу сада стояла банька. Дверь в сени была настежь. Чтобы войти в дом, надо было подняться по трём ступеням и повернуть налево. В саду копошились два бородатых мужичка пятидесяти и тридцати лет. Евдокимов спросил их:

— Можно войти?

— Только разувшись.

И Евдокимов, разувшись и наклонившись, чтобы не удариться о низкий косяк двери, вошёл. Справа от входа он увидел небольшую каменную печь, напротив, у окна, фисгармонь, за нею — небольшого размера кухонный стол с начищенным самоваром посередине, макушку которого увенчивал белый фарфоровый заварной чайник. Этот стол с самоваром Евдокимов уже видел в документальных фильмах. Далее шла келья, внутренность которой ни разу не показывали, а лишь серенькую двустворчатую дверь, из которой выходил к посетителям старец. Правая створка оказалась открытой. Евдокимов через неё вошёл.

У правой стены стояла аккуратно заправленная односпальная железная кровать, прикрываемая от входа голландкой, а с другой стороны — книжным шкафом со стеклянными дверками. На стене, вдоль которой стояла кровать, висел настенный коврик с прикрепленными фотографиями, иконой святителя Николая и другими бумажными иконами. У левой стены, сплошь увешанной иконами и фотографиями, под расшитой бархатной накидкой стоял узкий комод. На комод — два старинных мощевика, церковная утварь. За комодом, в углу, — аналой с серебряным крестом и напрестольным Евангелием с широкой атласной закладкой. За аналоем центром иконостаса являлась икона в богатой золочёной резной оправе, перед иконой светилась лампадка. На полке под иконой стояла фигурка преподобного Серафима Саровского, изображавшая знаменитое *моление на камне*. Справа от аналоя, под окном и в правом углу — накрытые скатертями столы, на одном из которых находилась ваза с букетом гвоздик, а вся лицевая стена, а также часть правой, до самой кровати, словно бронёй, была плотно увешана старинными и современными иконами. И было такое впечатление, что именно тут, в этой келье, а не в храме, всё самое сокровенное происходило.

Достав из кармана тысячу, Евдокимов положил её в стоявшую на полу коробку, на которой было написано “на содержание дома”, и, когда повернулся

к выходу, нос к носу столкнулся с молодой женщиной такой удивительной красоты, что даже опешил. Женщина была в чёрной косынке, которая только подчёркивала её удивительную красоту.

Евдокимов посторонился. И тогда, немного помедлив, как бы решая, уместно ли подобного рода рыцарство, женщина слегка нахмурилась и, дрогнув бархатными ресницами, поднялась по ступенькам, ни разу на Евдокимова не глянув. Оказалась она среднего роста, в перетянтом в узкой талии чёрном плаще. Присущим только женщинам способом, немного наклонившись и по очереди поджав под себя ноги, она сняла руками чёрные туфли и, аккуратно поставив в сторонке, узкой изящной ножкой, обтянутой чёрным капроном, подобно балерине неслышно переступила через порог открытой двери.

При встрече с подобного рода красотой в былые времена Евдокимов, в первую очередь, жалел, почему она принадлежит не ему, и прилагал все усилия, чтобы добиться взаимности. И, когда это удавалось, очень этим гордился. После женитьбы подобного рода отношение к женской красоте значительно притупилось, и тем не менее, красота никогда не оставляла его равнодушным. Теперь же случилось нечто иное. Прощедшая мимо женщина своей необыкновенной красотой неожиданно пролила свет в его избранную душу.

Когда вышел из дома и повернул к калитке, увидел через каменную арку кладбищенских ворот, что на могиле старца началась панихида. На фресках арки были изображены лики царственных стасотерпцев. Могила находилась напротив арки, без ограды, с двумя крестами — небольшим и огромным, с резным распятием и деревянной табличкой. По утоптанной вокруг могилы земле можно было заключить, что её посещало немало паломников. И теперь собралось человек тридцать, а пока служили панихиду, подошли ещё — очевидно, прибывшие на том стареньком катере. Панихиду служил местный священник, судя по мантии, иеромонах. Певчим подпевали все, кто умел. Во главе могилы стоял врытый в землю, изготовленный из витого железного прутка аналой.

Иеромонаху прислуживали два мальчика лет семи. Голуби стаей порхали и ходили вокруг и между ног молящихся. Один неожиданно опустился на поднятую для крестного знамени руку Евдокимова, посидел, помахивая крыльями, и, вспорхнув, с лёгким свистом опустился на землю.

По окончании панихиды выстроилась очередь для помазания елеем из лампадки, горевшей перед фотографией старца. Евдокимов обратил внимание на молодую чету (она — в длинной ситцевой юбке, в платочке, и он — с курчавой бородкой, в сандалиях на босу ногу, держит на руках ребёнка, у обоих в глазах совершенная отрешённость) и подумал, что, видимо, всё земное связано с вечностью посредством таких островов. И, сколько бы ни “взросло” человечество, стяхивая с себя “темноту”, в нём никогда не переведутся подобные этой молодой чете люди, потому что на свете ещё есть такие острова.

Мало того, в его беспокойную голову взбрела довольно странная мысль. Если всё-таки не “они”, а, как утверждает апостол Павел, “Бог всех заключил в непослушание” для того, чтобы “всех помиловать”, это что же получается? Это же получается, что все до последнего человека на земле, в том числе и в государственном масштабе, независимо от убеждений, “заключены” в своё упорное “непослушание” и намерены стоять в нём до конца. Даже если бы кто и захотел свернуть с пути, тысячелетние традиции не позволяют этого сделать, ибо это такая сила, которая даже “избранный народ” понудила на богоубийство, поскольку “заключённые в непослушание” думают, что они-то как раз и есть самые послушные, обладающие истиной в последней инстанции, и во утверждение её пролили и впредь готовы проливать реки крови.

И всё это попущено для того, чтобы в итоге всех помиловать? Постой-постой, остановил себя Евдокимов, это что же получается? Это же получается, режь, жги, убивай, воровй, грабь, обманывай, растлевай, насилуй, распутничай, и тебе за это ничего? Ну, если ты во всю эту мерзость “заключён”, какой с тебя может быть спрос? “Извините, — скажет на Страшном Суде мучитель матери растерзанного на её глазах борзыми собаками ребёнка,

или богач обобраным до нитки миллионам нищих, или убийца своим жертвам, или ростовщик, — мы не виноваты в том, что нас Бог во всё это “заклучил”. Кабы не “заклучил”, мы бы этого и не делали, а коли “заклучил”, куда было деваться, как говорится, против Бога не попрёшь...” В другом месте тот же апостол на подобное заявление с возмущением возражает: а ты, мол (тварь дрожащая), кто такой, чтобы указывать Господу Богу, и приводит в пример горшечника, который по своему усмотрению лепит горшки, не спрашивая у них согласия, для какой цели их собирается употребить. Иначе: что хочу с вами, то и делаю. И в этом, по апостолу, Божия премудрость? Ну нет, быть этого не может! А как же свобода? Или он чего-то не понимает?

По всему острову шёл листопад. С едва слышным кликом вытянулись над свинцовой поверхностью озера живые нити гусиного косяка. Солнца по-прежнему не было видно, и всё небо от края до края было затянуто грядями кучевых облаков, и всё-таки то место, где находилось солнце, Евдокимов угадал сразу. Угадал потому, что это было солнце. И он сказал тихо, так тихо, что могло услышать лишь Солнце:

— Боже, изведи из темницы душу мою.

* * *

Когда оказались в поезде, Евдокимову пришла первая СМСка:

“Мы уже дома. А вы?”

Евдокимов ответил, что они ещё в дороге и будут на месте только через три с половиной часа.

“Счастливого пути”.

“Спасибо”.

“Сообщите, когда будете дома”.

“Ок!”

Женя поинтересовалась:

— С кем это ты переписываешься?

— С китайским продюсером.

— Чего пишет?

— Рад нашему знакомству.

— А ты что?

— Собираюсь ответить: мы тоже. Или нет?

— Па-а, ну, конечно!

— Так и напишу.

ВИТАЛИЙ КРЁКОВ

РАЗВЕ МЫ НА ЗЕМЛЕ НЕ ЛЮБОВЬ?

* * *

Из берёзовых ран я не пил свежий сок,
Не сушил лебединые груди.
Я берёз красоту, как святыню, берёг,
Чтоб лечились берёзами люди.

Я поверил поверью ещё с детских пор,
Что душа её схожа с любовью:
Опущу на неё этот острый топор —
Ствол окрасится алою кровью.

КРЁКОВ Виталий Артемьевич (1946–2016) — русский поэт и прозаик. С 1993 года — член Союза писателей России. Родился в городе Бийске Алтайского края. Окончил фабрично-заводское училище по специальности “каменщик-обмуровщик”. Занимался в литературной студии “Притомье”. Работал каменщиком, клал печи и каминны. Автор публикаций в центральных и региональных изданиях, книг стихотворений и прозы “Лицо твоё”, “Цветы картофельных полей”, “Всё родное, хорошее”, “Наша бедность граничила с Богом”, “Соломенный мост”, “Дереьев люд смиренный”, “Воспитание кривых брёвен”, уникальных публикаций в альманахе “Университет культуры” (2015, 2016), где напечатаны не подвергшиеся правке прозаические произведения писателя и представлен почти весь свод его стихотворений. Виталий Крёков — лауреат премии “Молодость Кузбасса” (1979), литературной премии имени Виктора Баянова (2015), награждён медалью Кемеровской области “За служение “Кузбассу”.

* * *

Как детский сон после обеда,
Как зелень после тёплых влаг,
На чердаке нашёл я лето
Среди исписанных бумаг.

О, сколько розовых восходов
Среди неровных строк стоит!
Там, за плетнями огородов,
Рожок курёнком голосит.

Там, встретив красотою звонкой,
Взглянув украдкой в лицо,
Моя знакомая девчонка
Начнёт скоблить и мыть крыльцо.

Там дни любви моей несмелой
Никак не могут отцвести.
Я всё хочу ей иней белый
С берёз в лукошке принести.

* * *

И хлеб, и соль, и винограда гроздь,
И сотни дней, торжественных и разных...
О жизнь, в твоих глазах я — скромный гость,
Пришёл к тебе на самый главный праздник.

Так властвуй, коль такая власть дана,
Твой свет величье помыслов умножит.
Как отрочество гения, весна
Меня апрельским воздухом встревожит.

Я вскину руки, твой услышав зов,
Очеловечу небо голубое
И буду плакать. И не хватит слов
Воспеть твоё величие земное.

Так я живу и тихим гневом зол
На то, что столько нам ещё бороться,
Чтоб каждый в сердце каждого вошёл,
Облитый светом утреннего солнца!

* * *

Незабудки голубеньким снегом
На зелёном лугу вновь и вновь
Вопрошают: “Мы разве не небо?
Разве мы на земле не любовь?”

И прохладят любимым, далёким
С детских лет. Вот уже потому
Эту весть о покое высоком
Принимаю один к одному.

Здесь, где северный ветер наводит
Облаков необъятную мощь

И просёлок, петляя, уходит
В занавесы редящих рощ,

Слёзы смоят безумство и важность...
Всемогущий! На лике земли
Ты прости и хоть в малую тварность
На исходе пути посели.

Незабудками, веточкой вербы
Наши души проклюнутся вновь,
Вопрошая: "Мы разве не небо?
Разве мы на земле не любовь?"

* * *

Как остро чувствуют глаза:
Над крышами нависла нега,
Собачий лай и голоса,
Воскресшие от хлопьев снега.

Герани поздней алый ком
В окне. Забота утро будит.
Уже за ранним молоком
Спешат с бидончиками люди.

И там, где замирают дни,
Высокое тревожит слово.
Как будто детство пронесли
Охапкой сена молодого.

* * *

Если станет с деньгами получше,
Не в Москву, не в Париж и Берлин,
Я уеду скорее в Урумчи.
Загляну к русской Нине в Инин.

Может, там отмеряют полозья
Санний путь за потаем потай.
Там в суровом полынном межзвёздье
В такт Вселенной вздыхает Китай.

Я не стану для Родины грузом.
Я не буду вымаливать мзду,
Но, как женщину, русскую музу
От разбойных людей уведу.

Будут плыть облака, будут ветры
Тополя серебристые сечь.
В лунных сумерках яшмовой флейтой
Будет слышаться русская речь.

Оглянусь я на дали и шири:
Не возмёшь Томь блестящую впрок,
Что течёт в притаёжной Сибири,
Где шахтёрский стоит городок.

Там разрезы, там шахты и штольни,
А горняк только славою сыт:

За копейки из преисподней
Выдаёт на-гора антрацит.

И всегда время подлое в силе.
Горький плач там и скрежет зубов.
Помню день: из домов выносили
В раз шестнадцать шахтёрских гробов.

Резанул мужиков взрыв кинжальный.
От железа осталась труха.
И на лицах погибших лежали,
Как на ликах святых, воздуха.

Что за мною: судьба ли, судьбина?
Только крест свой несу не один.
Ты жена — дочь шахтёрская, Нина.
Даст нам Бог, доберёмся в Инин.

Небеса сеют снежной порошей.
Вот Берёзовский город возник.
Ты со мною, кулёма-матрёша,
Ненаглядный мой снеговик.

ЛАРИСА ЖЕЛЕНИС

И ДЕНЬ МОЙ РАСПРАВЛЯЕТ ПЛЕЧИ

НЕ БОМБИТЕ ДОНБАСС!

Не бомбите Донбасс — довольно!
Вся в крови ты, нелепая власть...
Мне за малую родину больно —
я в Дебальцево родилась.

Пусть давно я живу в Ярославле,
но от прошлого не бегу:
я частицу Донбасса оставляю
и в душе, и в стихах сберегу.

В храм хожу к ярославским иконам,
душу лечит мне Волги вода,
но донецкие терриконы
с детства в сердце моём навсегда.

...Мчим с отцом в тепловозе вместе,
огоньки терриконов горят,
льёт динамик шахтёрские песни,
и они над Донбассом парят...

ЖЕЛЕНИС Лариса Эдуардовна родилась в г. Дебальцево Донецкой области. Окончила Литинститут им. М. Горького. Поэт, автор трёх поэтических сборников. Печаталась в журналах "Литературная учёба", "Крым", "Луч", "Полярная звезда", в "Петербургской газете". Член Союза писателей России. Живёт в Ярославле.

А сейчас под железным градом
заставляют Донбасс умирать.
Смерть тут запросто ходит рядом:
кто убит будет — сын или мать?..

Вы же люди, и вам будет больно,
не простит вас отечество, и...
Не бомбите Донбасс — довольно.
Пожалейте вы души свои!

СЫН И МАТЬ

1

Заблудилась на этой планете?
Затерялась в стихиях, веках...
После нас жить должны наши дети,
но... уж мальчик мой на небесах.

Как в бреду, я бреду по аллее.
Я не вижу себя в зеркалах.
Меня взгляды изрежут, жалея.
Нет!..
Но мальчик мой — на небесах.

Кто-то скорбно идёт мне навстречу,
развевается чёрный пиджак.
Холодны поминальные свечи.
Память чётко печатает шаг.

2

Дождь проливает много слёз —
я больше пролила...
В могиле сын. Охапку роз
ему я принесла.

Несла, как будто бы дитя
качала на руках —
воспоминание, летя,
исчезло в облаках.

Лишь свежий траурный букет
прижат к моей груди.
И как понять, что сына нет?
Не будет... жди — не жди...

А раньше розы он дарил
и обнимал, любя...
Зачем он так бесстрашно жил,
так не берёг себя?!

3

Мы друг друга не увидим старыми.
Всё. От рая держишь ты ключи...
Сердце грудь мою сечёт ударами,
а твое уж сорок дней молчит.

Милый, наши души не состарятся,
Нам любить друг друга и летать.
Наяву мне образ твой не явится,
но всегда мы рядом — сын и мать.

ВСЁ — ТОЛЬКО ЖИЗНЬ

Пока жива, я благодарна буду
под ярким солнцем и в кромешной мгле
великому, немыслимому чуду —
дышать, любить, смеяться на Земле.

И людям — за нечаянные встречи,
за роскошь взглядов, за переполох
души счастливой в синий лунный вечер,
за то, что в каждом проявился Бог

и вёл меня тихонько за собою
полями цветов, долиной слёз.
Я принимала всё, роднилась с болью,
я жить училась набело, всерьёз.

И все мои открытия и ошибки
мне под ногами выстилали твердь.
И пусть туман вокруг, от горя зыбкий,
всё — только жизнь,
лишь часть от жизни — смерть.

* * *

Просите у небес!..
Просите,
достигнув Стикса страшных вод...
Является тогда Спаситель
и крепко за руку берёт.
Вновь глыбы мрака исчезают,
вновь лики смерти далеки,
а звёзды нежными глазами
глядят из-под Его руки.
Его дыханьем веет ветер.
Он — в разговорах соловья.
Он — в лучшей музыке на свете,
что знала, да забыла я,
что волжскою волною шепчет
или в лесу шумит сосной...
И день мой расправляет плечи,
и жизнь моя опять со мной!

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

НЕКОТОРЫЕ НЕ ПОПАДУТ В АД

РОМАН-ФАНТАСМАГОРИЯ*

* * *

Кажется, я спутал, смешал воедино какие-то события: провёл в Донецке четыре зимы, три лета, — поневоле смешаешь. Отчего помню времена года? Просто у меня день рождения летом, и три дня рождения подряд я встречал там.

Три лета сплываются в одно.

В каком-то смысле, оно и было одно.

Кому нужно, попробуйте разложить кубики заново, я соглашусь и с вашим представлением, но сам не буду пересказывать ещё раз.

Однажды я уже говорил, что правда — это как запомнилось.

Правда — как спето.

Иногда бывает так: историк всё разложит по датам, по этапам, вычленил, зафиксирует, классифицирует, мумифицирует.

Потом мимо плывёт лодка, в лодке сидят люди, поют песню; слушаешь песню и понимаешь: всё было, как в песне.

Но это — если песню сложили. И если она прижилась, если поётся.

Про донецкую герилью мы ещё не знаем, как приживётся, — у нас нет возможности забежать вперёд, чтоб оглянуться и оттуда крикнуть: “Есть! Помнят! Поют!”

Из той точки, где мы находимся сейчас, оглянись — и снова видишь: князь Игорь закусывает губу, чтоб не закричать, а Ярославна — кричит себе со стены; город Козельск держит оборону, пока не выгорит весь, до последней потной пряди на детском виске; Марфа Посадница и слезы не проронила — вызывает к людям: “Очнитесь!”; авантюрист Ванька Болотников собирает разбойничков, улыбается, глаз вот только щиплет, что-то в глаз попало, — может, выколуют его, тогда пройдёт; казак Некрасов, борода лопатой, уводит донских казачков за пределы звероватой Московии, чтоб выстроить на многие века старообрядческую общину; Емелька Пугачёв показывает сотоварищам царские знаки на теле — на самом деле обычные родимые пятна; крестьянин Герасим Курин, собрав шесть тысяч с вилами и косами,

* Окончание, начало читайте в №5 за 2019 год. Журнальный вариант. Печатается с сокращениями. В интернет-версии журнала не публикуется. Полностью читайте в отдельном издании: Издательство “АСТ”, 2019.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

ЛЮДИ ПРОЗРАЧНЫ

СТАДИОН “КРЫЛЬЯ СОВЕТОВ”

Я плачу от бессилья,
Жизнь не воротишь вспять.
Я не вернусь на “Крылья” —
В футбол, хоккей играть.

Я не увижу снова
Былые времена;
Олежку Кузнецова
И Женьку Чижмина.

Где Мухин и Малина,
Орел и Коновал?
Жаль, нет такого джинна,
Чтоб снова нас собрал.

Друзья мои, собратья,
Я знаю, не секрет,
Что трудно нам собраться —
Прошли десятки лет.

СТЕПАНОВ Евгений — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах “Наш современник”, “Нева”, “Знамя”, “Дружба народов”, “Звезда”, “Урал”, “Арион”, “Юность”, “Дон”, “Волга” и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журнала “Дети Ра” и портала “Читальный зал”. Лауреат премии имени А. Дельвига и премии журнала “Нева”.

Но не забуду напрочь,
Как жили мы в “застой”.
И все мне снится Палыч,
Наш тренер золотой.

Футбольная поляна,
Где, руки в ноги взяв,
Носился неустанно
Я, мальчик, левый хав.

Хоккейная коробка,
Московский звонкий лед,
Где как-то раз неробко
И я под шайбу лег.

...Пока не рухнул навзничь,
Я помню стадион.
И все мне снится Палыч,
Все время снится он.

БЫКОВО, 5 ЯНВАРЯ 2019 ГОДА

Нет для отчаянья веских причин,
Жизнь — пусть не самая долгая — длится.
Пес подбегает соседский Лачин,
И подлетает за кормом синица.

Дятел долбит... Смотрит кошка Монро
По телевизору фильм про животных.
Может, и есть где-то в мире добро?
Может, оно в этих стенах добротных?

Это Быково. С которым родство
Я ощущаю и сердцем, и кожей.
Здесь я увидел себя самого —
В день замечательный, зимний, погожий.

ПОСЕЛОК

Как-то невесомо здесь, в Быково.
...Уменьшаясь до размера слова,
Облачка лилового души,
Я живу в нечаянной глуши.

Как-то здесь, в Быково, все понятно.
На участке множество опят на
Деревях, которым нет числа.
И гудит, как времечко, пчела.

Как-то здесь, в Быково, все иначе.
И другие у меня задачи...
И по даче ходит даже тот,
Кто на белом свете не живет.

ЭПОХА ПЕРЕМЕН

И будет богаче богатый,
Гребя вороватой лопатой
Кровавые пачки банкнот.
А бедный — бедняга — умрет.

Но бедный мгновенно воскреснет.
Богатый от зависти треснет.
Богатый — бедняга — умрет.
А жизни продолжится ход.

А кто же останется? Кто же?
Останутся те, кто моложе.
Попасть нежелательно в плен
Эпохи крутых перемен.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Гибельно-глобальной фирмы винтики.
Бизнес под прикрытием политики.

Лозунги красивые, как фантики.
Фюреров истошные фанатики.

Гении, забытые литаврами.
Бездари, увенчанные лаврами.

Как-то по-другому здесь не принято.
Страшно здесь, в четвертом нашем Риме-то.

МЫ

И — тесно папироске в пачке.
И — тесно костерочку в печке.
И — тесно в конуре собачке.
И — тесно бабкам на крылечке.

И — тесно мне в квадрате неба,
В прямоугольнике державы.
Но — плакать, плакаться нелепо.
Всем — тесно, всем, о Боже правый...

ТЫ И Я

Не видно согласия меж нами,
Нам очень непросто вдвоем.
Как “Наш современник” и “Знамя”,
Мы вряд ли друг друга пойдем.

Ты нежная, хрупкая нимфа,
Я груб и суров, как Жеглов.
А все-таки неотменима
Взаимная тяга полов.

А все-таки соединила
Нас вряд ли случайно судьба.
Хоть я и красив, как горилла,
А ты лучезарна, слаба.

Ты стала моей половиной,
Я верую, как в коммунизм,
Что мы однозначно единый,
Как жизнь и как смерть, организм.

РАЗРЫВ

...Я смирю раздражение,
Афоризм не забыв:
Чем теснее сближение,
Тем большее разрыв.

Я уйду в направлении
Трав, цветов и деревьев,
В благодарном смирении
Руки к небу воздев.

Поздравляем нашего друга и автора с юбилеем!

Редакция

АНАТОЛИЙ ГРЕШНЕВИКОВ

ЛЕСНОЙ КЛЕВЕР

РАССКАЗЫ

Наша повозка, застланная охапкой свежевысушенного сена, двигалась медленно на фоне затопленного туманом леса. Лошадь, понуро опустив голову, устало брела по знакомой тропинке. Я вслушивался в тишину. Буквально три часа назад в этом сосняке протяжно, хрипло и гулко ухал филин. Теперь птица молчала. Покой проснувшегося леса нарушал лишь скрип колес да довольный Василич, то и дело поправляющий в телеге косу и грабли, подпихнутые под сено.

Василич сидел ко мне спиной. Но я чувствовал, с каким радостным настроением он возвращается домой после удачной косьбы. До работы оставался час времени, а он успел накосить четыре небольших копенки душистой травы. Я расстелил ее граблями по лесной опушке — пусть просохнет.

Место для сенокоса Василич нашел вчера вечером, а уже сегодня он поднял меня спозаранок на косьбу, переживал, как бы кто из деревенских мужиков не оприходовал эту лесную полянку раньше него. Конюх дядя Коля по прозвищу Индюк разрешил взять лошадь. Добравшись до приметного места, Василич с ходу прыгнул на землю, сунул мне в руки грабли и ловко замахал косой. Под рубахой у него заметно зашевелились бугры мышц. От торопливого ворошения травы у меня взмокли спина и лоб.

ГРЕШНЕВИКОВ Анатолий Николаевич, политик и писатель, родился в 1956 году на Алтае. В 1982 году окончил Ленинградский государственный университет им. Жданова по специальности “журналистика”. Работал журналистом, избирался народным депутатом Ярославского областного Совета. В 1990-1993 гг. – народный депутат РСФСР, член Верховного Совета. Избирался депутатом Государственной Думы РФ семи созывов. Член Союза писателей России.

Возвращение домой после тяжелого труда скрашивает тишина лесного царства. Вдоль дороги стоят редкие рослые сосны, огороженные березами, как белой изгородью. От теплого свежего воздуха меня тянет ко сну. Но безбрежный вершинный шум деревьев, то затихающий, то вновь зарождающийся, принуждает бодрствовать.

— А ну-ка, Буян, постой, остановись, — неожиданно резко скомандовал лошади Василич. — Что я тут вижу..?

Буян встал, как вкопанный. Конюх при мне предупреждал Василича, что лошадь не любит крика и ругани, а тем более кнута и управления вожжами, ей достаточно одной команды.

Я решил, что Василич увидел филина, ту раннюю птицу с рыжим и серо-охристым окрасом, что наблюдала за нами по дороге на сенокос. Я тогда заметил, как она, прижавшись к стволу, ловко замаскировалась среди еловых лап и шевелила торчащими на голове пучками перьев — ушами. На широкой ее груди заметно виднелись струйчатые поперечные рисунки.

Обшарив глазами ближайшие кроны деревьев и ничего в них не обнаружив, я недоуменно набросился на Василича:

— И где он, этот твой филин?

— Какой филин? — переспросил Василич.

— Ты же сказал — я вижу...

— Клевер я вижу вон...

— При чем тут клевер?

— Корова наша очень его обожает.

Василич подошел к полянке, где яркими розоватыми головками цвел луговой клевер. Его пышные шапочки невозможно было не заметить. Все глухие уголки в округе от них преображались. Однако, если бы не Василич, я бы на них не обратил никакого внимания. Мало ли кругом растет разных привлекательных и празднично нарядных растений.

— Эх, нет, это не просто трава, это полезная трава, — заговорил вдруг скороговоркой Василич, разгадав, по всей видимости, мое недоумение. — Одним словом — лекарство. Понимаешь? Лекарство! И грех проходить мимо него.

Василич обошел поляну вокруг и принялся быстро-быстро освобождать траву от сухих сосновых веток. Понятно было — бережет косу. И только я подумал об этом, как Василич сволок с телеги холщевый мешок, взял косу и пошел за клевером.

Косил он осторожно, без должной размашистости. Тяжелый клевер не позволял делать широкий размах, нависал на лезвии. Сыроватый, темно-коричневый клевер сбивался не в валок, а в кучу. Я попытался помочь Василичу и руками нарвать той лекарственной травы, ради которой он остановился посреди леса, благо, рядом с его полянкой я обнаружил еще небольшую розовую клумбу. Первая попытка оказалась неудачной. Приглянувшиеся мне прямостоящие растения было выдрать нелегко, так как их оплел дикий мышиный горшок, крепкий, как проволока. Пришлось приложить усилия. Сорванную охапку травы я положил на телегу.

Над лесом в белесых размывах клубилось широкое небо.

Только Василич закончил втискивать и утрамбовывать клевер в мешок, как прямо перед его носом появился лось с горбатой мордой и отвислой верхней губой. Не боясь ни людей, ни лошади, фыркнувшей от неожиданной и неприятной встречи, дикое животное уставилось большими любопытными глазами на косца. Глядело долго, и, кажется, с осуждением: только что была на полянке лакомая травка и вот ее уже нет.

— Поди прочь, — прикрикнул Василич, шумно взгромоздясь на телегу вместе с мешком. — Иди своей дорогой, этот клевер я первым нашел.

Лось послушал косца и быстро убрался восвояси.

— Откуда тебе известно, что ты раньше него нашел этот клевер? — задал вопрос я, в который раз поражаясь тому, как Василич интуитивно разгадывает мои мысли, в том числе, и мое предположение о том, что лось глядел на него с осуждением.

— Знаю, — по-детски улыбнулся Василич.

— Так откуда? — наседал я.

— От верблюда, — прыснул он опять от смеха. — Лось — та же корова, любит все полезное. Пришел бы он раньше, и клевер бы достался ему.

В дороге я вспомнил, как неделю назад Василич приносил уже откуда-то два мешка с клевером. Вытряхивал его в кормушку корове и смотрел, как та лихо и смачно уплетала его. Тогда мне и невдомек было, что там, в мешке, за трава, и зачем нужно искать ее в лесу.

Сегодня у коровы будет очередное лакомство и лекарство.

— Василич, а ты не пошутил, что корову можно клевером лечить? — задаю я вопрос, застрявший в голове. — И чем он полезен?

— Полезен и все, — медленно и безучастно ответил Василич.

— Нет уж, давай рассказывать, не зря же я охажу тоже нарвал.

— А чо тут рассказывать? Моя мать еще в старину давала клевер скотине. То в сыром виде, то отваром. На зиму порой собирала соцветия и сушила их на чердаке. А когда у коровы появлялись нарывы или она простывала, то мать делала отвар и давала его в качестве болеутоляющего средства. Оказывает он и хорошее противовоспалительное действие.

— Тогда тебе надо заготавливать и зверобой, и подорожник, и пастушью сумку. Я читал, эти травы тоже лечебные.

— Насчет подорожника не знаю. Его листья прикладывают к ране обычно, чтобы обезвредить ее и кровь остановить. А вот зверобой мать тоже заготавливала. Из него делала и отвар, и мазь для заживления ран и язв.

— Почему ж ты его не собираешь?

— А ты встречал в лесу поляну из зверобоя? — перебил меня Василич. — Не растет он кучно. А искать его по лесу у меня времени нет. Да и ни к чему. Клевера достаточно... Вон какую поляну я сегодня нашел.

Наш разговор о лекарственных свойствах клевера не выходил у меня из головы целый день. Вечером я даже засел за книги. Слова Василича подтвердились. За клевером числится много медицинских достоинств. Он способствует и улучшению плодородия почв, а еще чистит почву от тяжелых металлов. В природе, оказывается, живет клевер не только с розовыми и красными головками-соцветиями, но и с белыми, и называют его ученые ползучим из-за ползучего стебля или просто кашкой белой. Есть еще пашенный... Но о нем мало чего известно, да и не встречал я его в природе. Другое дело — ползучий или кашка белая. Во время чтения статьи о нем во мне не раз просыпались воспоминания о том, что где-то в лесу он мне попался на глаза. И вскоре я догадался, где видел это белоголовое растение. На той березовой опушке, где растут семьями крупные боровики, и которая окружена с одной стороны сосняком, с другой — полем, а с третьей — болотом.

На следующий день рассветной ранью я решил проверить себя, не ошибся ли с опушкой. Нашел ее сразу. И радости моей не было края — весь березняк, за стеной которого провисали простыни туманов, светился от белых соцветий знакомого мне растения. Кашка белая... Не знаю, откуда у нее такое прозвище. Вроде научное, а ни в одной книге нет объяснения, что означает слово “кашка”.

Нарвав букет, я долго рассматривал белые трубчатые цветки. Птичий гам и безлюдье уже хозяйничали в округе. “Интересно, — подумал я, — что творится в тканях этих растений, отчего одни соцветия-головки красные, а другие — белые? Вот лишил я жизни кашку, а какие изменения происходят сейчас в корнях и стеблях? Придет время, и ученые придумают аппарат, который сделает жизнь растений прозрачной, а человек расшифрует язык и растений, и птиц.

Правда, ничего лестного от них царь природы — человек не услышит.

И все-таки... Василич как-то говорил, что бесхитростный мужик полагает, что природа не может мстить человеку за его безобразия, а ежели происходят какие-либо катаклизмы, то гнев этот у природы беспричинный. Зря он, мол, так полагает. Природа не может не мстить человеку за его неразумность и хищность. В ее недрах всегда клокочет черный деготь мести. И пока человек не научится жить в ладу с природой, не будет согласовывать свои действия с долгом перед окружающим миром, а долг — с совестью, пока не воспыхает кипящей злобой негодования при виде браконьерства, природа не будет щадить человека, ей просто будет не под силу остановить наводнения, засухи, оползни, цунами”.

Вспоминая разговор с Василичем о бесхитростном мужике, жаждущем перехитрить себя и природу, я почувствовал, что в душе защемила грусть. Невольно счел себя равнодушным вытапывателем лугов и опушек. Захотелось подняться с травы и вернуться домой. И тут, повернув голову в сторону болота, я увидел пару дремавших уток, беспечно уткнувших головы под крылья. Пришлось затихнуть, понаблюдать за птицами. Они долго спали. По высоким стеблям осоки пробежал игривый ветерок. На один из них села вдруг стрекоза, трепеща слюдяными крыльями. Казалось, что растения, да и сама стрекоза, шепнули уткам слова пробуждения. Но те были глухи к естественному привычному действию.

Опять вспомнился Василич... Вспомнилось, как он учил меня правильно заготавливать дрова, трелевать срубленное дерево. Он брал срубленную сосну за вершину и тащил ее вперед, показывая тем самым, как сохраняется лесной покров. Если тащить комель вперед, то он сдирает не только траву и мох, но и верхний слой живой земли. Говорят, человека следует учить радоваться красоте, учить тому, чтобы не знание опережало сознание, а наоборот. Василич не умел учить, потому и ничему меня не учил... Не говорил про любовь, про ответственность, про иные ценности, которые, по мнению педагогов, формируют личность. Я просто ходил с Василичем на сенокос, собирал в лесу грибы и ягоды, ухаживал за домашними животными... То, что он делал, я запоминал. И, оказывается, я научился слышать первый шёпот весенних проталин, различать сверлящий свист стрижей от свиста ласточек... Я узнал, что дятлы в случае беды переносят яйца из одного дупла в другое.

Дремавшие утки вызвали искреннее удивление. Пристав на колени, вытащив из травы румяную землянику и положив ее в рот, я полагал, что спугну пернатых соседей. Но не тут-то было. Тогда я встал в полный рост, укоризненно взглянув на смельчаков, вежливо кашлянул... Утки, не успев открыть глаза, со скоростью молнии метнулись в сторону болота. Пять-семь секунд — и след их простыл.

Облегченно вздохнув, что расставание с утками прошло на радостной волне, я побрел домой. Душа жаждала встречи с Василичем. Хотелось подарить ему новую клеверную опушку.

День клонился к закату. Сразу после работы Василич, не заходя домой, уехал тихо, чтобы лишний раз не попадаться на глаза соседям, в лес за вчерашним скошенным сеном. В совхозе существовал негласный закон, что косить сено для личного хозяйства директор разрешит только тогда, когда мужики заготовят сено для общей фермы.

Та минута встречи с Василичем, которая произошла у меня сразу по возвращении его из леса, лучше бы не состоялась... Он молча распряг лошадь, непослушными ногами дошагал до дома, присел на скамейку и жадно закурил. Его твердо сжатые губы, неподвижный взгляд придавали лицу суровое выражение. Через пару минут он уже смотрел как-то задумчиво-рассеянно. И лишь нехарактерная бледность продолжала разливаться по сухим щекам. Какое-то душевное затруднение мешало мне заговорить первым.

— Украл, выходит, все сено, — пробормотал он нехотя.

— Какое сено? — недоуменно спросил я.

Вступать в разговор Василичу не хотелось, и взгляд его уперся в землю. Время тянулось мучительно долго.

— Неужели пропало то сено, что мы с тобой вчера заготавливали? — догадался я о пропаже.

Он кивнул головой.

— Как же так! — вырвалось у меня. — Быть этого не может! Там никто нас не видел. Может, ты перепутал место, в другое приехал, а твое сено лежит-полеживает на прежней опушке?

Сердитый взгляд Василича остановил меня.

Мне ничего не оставалось делать, как попытаться пошутить и шуткой сгладить беду.

— Ладно, не горюй, там и сена-то было не ахти много, завтра пойдем — больше накосим.

Но ответом опять была немая тишина, в теплом и влажном воздухе давящая на уши, как в бане.

— Сено твое, скорее, не украли, а лось съел. Помнишь, как он мрачно наблюдал за тобой, когда ты опередил его и скосил клевер... Вот он нашел нашу поляну и в отместку сжевал весь укос...

— Мели Емеля — твоя неделя, — проворчал сердито Василич.

Его загрубевшие руки со скрытыми под кожей натруженными мозолями лежали на коленях. По ночам украдкой выезжать за сеном в лес ему было тяжело: глаза смыкались от недосыпа, тело еще не успокоилось от дневной тяжелой сборки бревенчатых домов в соседней деревне, куда их бригаду снаряжали целый месяц, ноги гудели от напряженной усталости и подкашивались на ходу. На опушках едва-едва проступал свет сквозь крошечную тьму, а его коса уже звенела, срезая сочную траву. Столько сил, здоровья уходило на внеурочный труд, на то, чтобы не оставить корову зимой без корма, дать ей душистого сена и в ответ получить нужные большой семье молоко, сметану, сыворотку, творог! А тут приходит на твою поляну ворюшка и стаскивает чужое сено, не приложив к заготовке никаких усилий, глумится над твоими заботами и тревогами, сидит теперь дома у окна, развращенный ленью, и посмеивается.

— Пусть подавятся, — продолжаю бубнить я, прекращая шутить.

— Знаешь, мне на днях бригадир предложил вступить в партию, — вдруг переменял тему Василич, сокрушенно вздыхая. — Надо, мол, готовиться к жизни в коммунизме. А я его спрашиваю: “А сколько мне будут приплачивать к зарплате за то, что я вступлю в партию?” “Ты, Василич, — заорал бешено бригадир, — находишься в нравственном тупике, не понимаешь линию партии...” “Да нет, — говорю я, — это вы в нравственном тупике. С одной стороны, запрещаете крестьянину сено косить на свою корову, а с другой — запретили выписывать молоко на ферме. Скажи, чем мужику деревенскому кормить семью? Разве это по-коммунистически, когда в прошлом году вы выгребли у меня из сарая все сено, которое я ночами косил, увезли на совхозную ферму, а меня, плотника, построившего десяток домов для совхоза, и моих троих ребятшек обрекли на голод?! Да-а, я успел перед тем, как выпасть снегу, накосить с вашего позволения пару копеночек... Но эту пожухлую траву корова ела с таким отвращением, с таким презрением к жизни, что вам лучше не знать”.

Рассказ Василича разбередил мне душу. Ночью я долго не мог заснуть, пытался найти ответ на вопрос, по какому такому закону крестьянину непозволительно косить сено для своей буренки в выходной день или после работы. И как так получается, что не бригадир и не директор, а простой плотник Василич знает, что крестьянский труд тем и отличается от заводского, что он сезонный и его следует выполнять ко времени. Если подшипник к машине можно выточить и в дождь, и в снег, то сено заготавливают только в пору готовности травы и в теплую погоду. К тому же, Василич больше них понимает, что сенокос — пора ответственной, требующая максимума старания и смекалки, а не директивных указаний, что чем сытнее накормишь корову, добавишь ей в рацион отвара из лекарственного клевера, тем больше будет надой, а значит, и доход семьи.

Долго мучили меня и всякие нелепые подозрения. А не сам ли бригадир своровал у Василича сено с лесной поляны?! Если в прошлом году у него хватило наглости опустошить его сеновал, то почему бы и сейчас не нагадить сноровистому плотнику? Усердно размышляя над этими вопросами, я склонялся к мысли, что вором был все-таки бригадир, выследивший каким-то образом нас в ту ночную поездку на лошади в лес. Моему нарушенному душевному покою и измученному сердцу нанесен был последний удар. Уснул я лишь к утру.

На следующий день я побежал искать конюха дядю Колно. Прозвище Индюк односельчане дали ему то ли за долговязый рост и важную походку, то ли за грозный вид и резкие суждения в разговоре. Меня вдруг осенила радостная мысль: а не сгладить ли горе Василича тем, что съездить в лес на знакомую опушку, накосить там белоголового клевера и привезти ему большой воз в подарок? Заодно насолить бригадиру, показать этому бездушному существу, что есть и другие справедливые законы жизни в деревне.

Конюха удалось застать в огороде среди неровных грядок, зеленеющих ботвой картофеля и кудрявыми султанчиками моркови. Он за последние годы крепко сдал. В приземистом старике, обветренном, высушенном и выдубленном морозными сквозняками в конюшне, едва угадывался тот дядя Коля, который катал нас, мальчишек, на лошадях по пыльным сельским дорогам.

Я рассказал ему без утайки про украденное сено у Василича, про свой план с клевером и попросил лошадь. Постоянная серьезность, с которой я вел разговор, видимо, произвела на конюха впечатление, и он согласился дать мне лошадь.

— Запрягай вон Буяна и поезжай, — скомандовал дядя Коля. — Приедешь, поставь его на место.

Легко сказать — запрягай, будто я знал, как это делается, будто позавчера не Василичу, а мне пришлось справляться с Буяном.

Страх и робость не успели парализовать мою волю, на помощь вовремя пришли уроки Василича. Я вспомнил, как ему ловко и расторопно удавалось запрягать лошадей.

Найдя в конюшне стойло с Буяном, я подошел к нему и протянул кусочек засохшего пряника, завалившегося в кармане. Лошадь молча уткнулась мне в ладонь, слизнула шершавым языком сладость, и я стал гладить ее по морде, по обманчиво мягкой гриве.

— А не сделать ли нам доброе дело, Буян?! — ласково завел я разговор с четвероногим другом, продолжая его поглаживать. — Не съездить ли в лес?.. Там, на живописной поляне, растет много-много сочного клевера. Знаю, тебе он очень придется по вкусу.

Без особого труда я вывел Буяна на волю, подвел к телеге, оглобли которой лежали, уткнувшись концами в землю. Зато хомут, хранящий острый запах лошадиного пота, пришлось тащить почти по земле, держа его двумя руками.

— Ну что, Буян, давай делать все по порядку, как учил нас Василич, — напряг я лоб, пытаясь вспомнить очередность действий. — Двигайся давай задом к телеге, заходим в оглобли... Молодчина. Все так...

Хоть Василич меня и не учил специально тому, как запрягают лошадей, но я часто пристально наблюдал за ним, потому помнил каждое движение его рук.

Надев на Буяна хомут, седелку, я остановился вытереть выступивший на лбу пот и передохнуть. Непростое это занятие — впрячь лошадь в телегу. Василич рассказывал, что у него в первые разы случалось, что хомут натирал животному шею до крови. Затем я поднял по очереди оглобли и начал запрягать. С силой, через ногу, стянул клещевину хомута, кряхтя замотал и заправил сыромятную супонь, подседлал, завожжал и громко, удовлетворенно рассмеялся.

— Могем, ежели захочем, — вырвались знакомые поговорки из моей груди. — Труд создал человека.

Поговорки эти Василич часто вставлял в разговор на любую тему.

Через пять минут телега заскрипела, застонала и двинулась вперед. На лице конюха я заметил холодную рассеянность, тотчас сменившуюся на озорной восторг. По всей видимости, он не ожидал от меня такого лихого обхождения с лошадью.

— Но-но, пошел, Буян, пошел быстрее! — понукал я, тихонько стукая его откормленные бока вожжами.

Какая-то слепая сила с острой злостью гнала меня вдаль. Решительность и безграничная уверенность в правоте своих действий придавали мне силы. “Только бы успеть, только бы никто не обкосил раньше меня примеченную опушку с клевером”, — трепыхалась тревожно в моей голове одна и та же назойливая мысль. В такие минуты лошадь бьет вожжами по хребту и подгоняют, но у меня не поднимались руки причинять Буяну боль. Я лишь угрожающе поднимал вожжи и стегал ими воздух. Буян понимал меня, прижимал уши и ускорял ход.

Клеверная поляна ждала меня в целостности и сохранности. Я привязал лошадь к березе, обросшей иван-чаем, кинул ей под ноги клочок сорванного

клевера и присел на высокий бугорок... Вокруг меня царствовала природа во всей своей первозданной красе, вознеся к небу верхушки старых берез, одичавших яблонь, неизвестно откуда здесь зародившихся. Вдали стояли могучие сосны. Прямо у самых ног вытягивались в шеренгу свежие белые ромашки, по их стеблям, повитым вьюном, сновали муравьи. Точно такие же белые по цвету, но мелкие по размеру, и в большом количестве глядели на меня головки лесного клевера. Знают ли они, что я приехал за ними...

Сорвав головку клевера и вытащив из нее несколько тычинок, я стал слизывать нектар и закрыл глаза от блаженства. То моя давняя привычка — угощаться дарами леса, пить росу из листьев манжетки, жевать застывшие капли сосновой смолы, есть стебли дудника и листья подорожника. Из рассказов бабушки я знал, что семена пастушьей сумки летат желудок, а листья подорожника очищают организм от шлаков. А вот про обычную скромную белую кашку, окружившую меня на поляне, я узнал от Василича, начитавшегося газет, что ученые называют ее не только клевером-чистильщиком, но и металлосборщиком. Оказывается, это растение накапливает в своих тканях редчайший металл — тантал, который является ценным сырьем для электровакуумной промышленности.

Лес продолжал успокаивать меня, отвлекать от тягостных мыслей. Я находился в совершенном уединении, радовался тишине и бросал в рот вкусные белые тычинки клевера. Что-то мучительно сладкое разлилось по телу, а потом кольнуло в сердце. Пришла пора браться за косу.

Я пристально всматривался в опушку в поисках места, откуда стоило пойти в наступление на траву. Василич обычно начинал косьбу с конца дуга, чтобы не ослаблять скорость движения и видеть начало. Точно так же поступил и я. Взявшись за рукоятку косы, взмахнул ею легко и непринужденно, лезвие тотчас сверкнуло в воздухе и с резким звоном вошло в траву. Легко прорвавшись сквозь стену густого клевера, оно пошло на один повтор, на другой, на третий. Невысокие валы скошенной травы ложились в один продолговатый ряд.

Первые минуты я не чувствовал усталости. Наоборот, в душе зарождалось гордое сознание своей удали, своего мастерства. Вскоре я почувствовал, как кровь отлила к сердцу, и на лице появилась ощутимая внезапная горячая краска. Останавливаться мне не хотелось. Коса резала клевер, и он шумно поддавался, ложась на землю.

Небо над опушкой то заволакивалось рыхлыми белесыми облаками, то расчищалось ветерком и обнаруживало тревожную глубину и радостную синь.

Когда я дошел до центра опушки и скосил у березок белую кашку, из-под моих ног неожиданно выпорхнула перепелка. Сердце застучало, будто часы, и успокоилось, когда робкая птица, пытаясь возвысить голову над травой, вытягивая при этом шею, прихрамывая, скрылась в небольших зарослях зверобоя. Прежде чем скосить зверобой, я осмотрел это место. Вместо перепелки обнаружил там подберезовик. Я с осторожной нежностью сорвал его, расшатал в земле ножку, и почувствовал, как упругий гриб холодит ладонь.

Встреча с перепелкой оказалась не единственной. На краю опушки, за ивняком, сквозь заросли которого проросли молодые березки, вдруг показалась громадная голова лося с наглыми глазницами. Он смотрел в мою сторону так продолжительно, будто ждал, когда я удалюсь. Наверняка он долго наблюдал за моей работой, за тем, как я провожал взглядом перепелку и срывал гриб.

Пришлось свистнуть и припугнуть лося. Тот неуверенно неуклюже, лениво поковылял прочь, показывая всем видом, что на испуг его возьмишь. Тогда я крикнул громко:

— На дармовщинку смотришь. Фига тебе, а не клевер. Я сегодня же его увезу, гуляй себе в другом месте.

Лось развернул в мою сторону широкий лоб и сверлящим взглядом еще раз продемонстрировал свою силу. Усиливающийся крик человека вынудил его прибавить ходу, удалиться, сокрушая кустарники непомерно длинными ногами.

Наконец-то настала очередь отдохнуть. Я присел на край телеги. Зверье и птицы попрятались в лесу. Буян в который раз глянул на меня с осуждением... Зачем, мол, свистеть и кричать. Лось сам уйдет. А так напугал

и меня, привязанного к трепетной березке, и неожиданного гостя с рогами на голове. Треск обломившихся ивовых веток, убегающая черная спина лося крепко напугали Буяна. Его тело дрожало минут пять.

Когда на моих руках чуть успокоились появившиеся мозоли, я продолжил покос. Движения моих рук были уже не так размашисты и точны, как прежде. И все-таки я уверенно держал косу и продолжал валить клевер. К моему удивлению, в валках появились не только стебли вереска, но и головки другого клевера – красно-бордового. Они были крупнее и слаще. Я пробовал их соцветия на вкус. Во рту у меня пересохло, и так как под рукой не оказалось привычного стакана густого, светящегося янтарным светом чая, то я съел не один десяток сладких тычинок.

Скошенный на опушке клевер я сноровисто закидал вилами на телегу. Получилась большая копна. Чувство выполненного долга переполняло душу. С радостными воплями я вскарабкался на вершину клеверной пирамиды и взмахнул вожжами. Дорога домой после опустошительного вторжения на опушку всегда легка и приятна. Про то знал и Буян. Его натруженные ноги понесли телегу со мной по знакомой заросшей дороге.

Нигде так много и хорошо не думается, как сидя в копне свеженахнувшего клевера. Мысли то роились, как пчелы на пасеке, то бились, как червяки на крючке. Вот въеду я сейчас в деревню, а навстречу выйдет бригадир с вспыхнувшей на лице завистью, испепеляющей его чувства и мысли. Проеду мимо него молча, с презрением. У двора встретит меня Василич. Он посмотрит на меня воспаленными покрасневшими глазами и спросит: “Это ты мне привез клевер?”. Я улыбнусь и утвердительно кивну головой. Тогда он поправит кепку на голове, и на его лице загорится вежливая, слабая улыбка. Несказанным счастьем залется тогда мое сердце.

Въехав в деревню, я отогнал от себя все назойливые мысли. Время хоть и было послеобеденное, несвободное от работы, но я ждал состыковаться с бригадиром, презрение к которому полыхало в груди ярким костром, но его неуклюжая фигура нигде не показывалась. И сам Василич еще не пришел домой.

Я свалил у двора Василича копну лесного клевера. Она вышла не такой большой и значимой, как мне казалось раньше. Пришлось вилами сбить траву в более высокую кучу. Лесной ее запах тотчас разносила корова, подав со двора жалобный голос. Я порывался поделиться с растревоженным животным привозным клевером, но пожалел. Копна тогда стала бы еще меньше, и подарок Василичу оказался бы незначительным.

Отведя Буяна на конюшню, я, вытащив из дома табуретку, присел на нее в ожидании... Василич появился вместе с другими уставшими плотниками. Увидев меня и копну свеженакошенного клевера, он удивленно спросил, разведя руки по сторонам:

– Откуда это богатство такое?

– Из леса, вестимо, – выпалил шутливо я. – Лось вернул должок.

Давно я не видел такого улыбочивого и доброго лица Василича. То, может, была самая редкая его улыбка.

ПОДШИТЫЕ ВАЛЕНКИ

Вокруг дороги все было покрыто пушистым снегом. Я шел в школу и чем дальше продвигался, оставляя за спиной березовые перелески и белые простыни полей, тем острее ощущал желание свернуть в сторону, пропустить уроки, как это случилось вчера и позавчера. Наверняка учительница Мария Александровна будет ругать за прогулы, стыдить перед всем классом, обзывать лентяем, и краска стыда залетит все мое лицо, а в коленках появится неприятная досадная дрожь. Валерка Гладышев вместо сочувствия будет строить ехидные гримасы и отпускать колкие шутки.

Лучше, конечно, и сегодня прогулять уроки, чтобы избежать правоучительной порки. Но ведь в школу все равно придется идти, и растягивать переживания до другого дня не имело смысла. К тому же, вчерашние прогулы объяснялись уважительной причиной — у меня прохудились валенки, а иной обувки идти в мороз в такую далёкую школу не было. Сегодня валенки подшиты и, значит, прогул в школе ничем толковым не объяснишь.

Назойливые мысли о том, как меня будет отчитывать учительница, переставали преследовать лишь тогда, когда я переключался на наблюдения за природой. В кронах берез суетливо порхали в поисках пищи самые маленькие синички — гаечки. На краю поля, проснувшегося от морозной ночи, бегала плутовка-лиса. Она то скребла снег лапой, то судорожно засовывала морду в разрытую норку. Вдруг на поверхность выскочила мышь, ткнулась в снег, вся дрожа мелкой дрожью, и тихо запищала. Рыжая бестия подпрыгнула, как мячик, и молнией бросилась на нее.

Холодоватый воздух вскоре наполнился затяжной тишиной. Редкие снежинки ровно опускались с неба на землю, без всякого усилия и торопливости. Я прислушался к их полету, но все было бесполезно — они падали беззвучно.

Дорога завернула в деревню Вертлово. У колодца с ведрами в руках стоял дед Федор по фамилии Жильцов. В летние дни я частенько заглядывал к нему в гости полюбоваться солдатами-ветряками, вырезанными из дерева. Он даже подарил мне одного из них за пятерку по ботанике.

— За какими отметками идем? — спросил дед голосом, в котором слышалось любопытство глубоко неравнодушного человека.

— За пятерками, — без раздумий сухо ответил я.

— Неужели за пятерками, едрена-корень? — переспросил дед, и его круглое лицо расплылось в улыбке. — Эт-т мы еще посмотрим... Ты на обратном пути не забудь, покажи мне дневник.

По привычке я подошел к колодцу и напился легкой ледяной воды из ведра, привязанного к срубу. На обратном пути я делал то же самое, с единственным отличием — по дороге покупал в магазине в деревне Лехоть на десять копеек, что давала мне мать, два пряника с четвертинкой. Отрезанный на моих глазах продавщицей душистый ломтик-четвертинку я мгновенно, выйдя за порог, бросал в рот. Один пряник смаковал по дороге. А третий, последний, ел в деревне Вертлово, запивая его колодезной водой.

Дед за осень похудел, глаза его ввалились, походка сделалась вялой, голос огрубел. Окинув меня взглядом с ног до головы, он опять весело и озорно загоготал:

— Чует мое сердце, не видать тебе сегодня пятерки.

— Эт-т, почему? — сердито переспросил я.

— А не получишь и все.

— А вот возьму и получу.

— Как же ты ее получишь, ежели у тебя валенки на одну ногу, обе пары — левые?!

— Неправда, один валенок правый, другой левый, — запальчиво отбил нападки я. — Вот, смотри...

Я решительно выдвинул правую ногу вперед и, едва повертев носком валенка взад-вперед, тотчас убрал его назад. На верхнем носке валенка красовалась маленькая коричневая заплатка. Напоминала она прилипший осенний лист... Испугавшись такого сравнения, и того, что дед высмеет сейчас мои валенки, я бросился науток.

Дед вдогонку кричал:

— Смотри, ноги не сотри. Да слухай на уроках хорошенько учительницу.

Мимо меня промелькнули старенькие избы с дымящимися трубами, карнизы с выпиленными узорами, покрашенные наличники, фигурчатые столбы крылец. В этой деревне я застал и местные обряды в их полной, неторопливой гармонии, и песни старушек, и пастушью игру на деревянной дудке, и хороводы... Сейчас меня интересовало только одно: неужели подшитые Василичем валенки так смешно будут смотреться, что дед Федор решил поиздеваться над мной? Никакие валенки не одинаковые, они на разные ноги. Просто правый чуть покосился в сторону из-за твердой нашитой заплатки из кожи. Левый

тоже прошел ремонт: на нем аккуратно была наложена и прихвачена дратвой другая заплатка. Правда, она более громоздкая и заметная.

Продырявил я валенки в выходные дни на пруду во время игры в хоккей. Следовало нахлобучить на них резиновые калоши, но тогда бег превратился бы в тяжелое испытание, будто к ногам соперники привязали гири. Играли в хоккей мы с мальчишками не только в выходные дни, но и по вечерам. Сами очищали посиневший лед от снега, сами делали из березовых коряг клюшки. От сумашедшего бега и скольжения по льду, от частых резких и больших ударов клюшкой, наконец от постоянного отбивания шайбы валенки мои не выдержали и дали слабину. Дырки появились по-предательски сразу и заметных размеров, одна — на пятке, другая — на носке.

Дома я получил хорошую трепку от матери. Теперь ни выйти на улицу, ни сходить в библиотеку, а тем более в школу было не в чем. Да и морозы трещали немалые. Валенки были спасением. Полдня я переживал, сидя у окна, стыдил себя за потерянную обувь. На улице ходили мужики в фуфайках, бегали собаки, поджав хвост от морозца. А я продолжал изображать молчаливого сидельца, внутренне боролся с собой, восставая против безделья и одиночества. Спустя полчаса мне уже не хватало обычного общения. Через улицу в доме сидит вот так же у окна целыми днями, облокотясь на подоконник, тихая, пришибленная бабушка Колесова. У нее никого на свете нет, она одна-одинешенька. На стенах не висит ни одной фотографии родственников, все сгорело в старом доме, остался лишь из журнала портрет леонардовской Джоконды. Меня такая участь и такая душевная затхлость напугали. Я взял валенки и в который раз стал горестно рассматривать позорные дырки. Чем можно было их заделать, я не знал. Моего детского ума не хватало осилить эту беду. Сердце у меня заньло, губы задрожали. От бессилия и немощи на душе стало еще хуже. Глотая слезы обиды, я ничком бросился на диван и безутешно заплакал, зарыдал. Откуда-то пришла мысль, будто я на всю зиму останусь без валенок, буду сиднем сидеть дома и смотреть в окно.

На улице заметно пришла ночь, такая густая и беспросветная, какая возможна лишь в лесной деревушке. На обломанной верхушке старой березы повисла, будто фонарь, оранжевая луна.

Только я подумал, что из плачевной ситуации меня может вытащить лишь Василич, как его небольшого роста фигура появилась в проеме двери. Скидывая фуфайку, он со свойственным ему хладнокровием сказал:

— Крепчает мороз. Утром шел на работу — дым из трубы в колочьях улетал, а сейчас столбом стоит.

На бледном, энергичном лице Василича с заснеженными ресницами, с нависшими сросшимися бровями светились ласковые глаза. Подозрительно посмотрев в мою сторону, он добавил:

— И ветер вон как в окна поддает. Давно такого мороза не было.

Мне ни о чем не хотелось говорить. А поведать с ходу о своей беде, о прогулянном из-за дырявых валенок дне, я робел. Неизвестно, как воспримет Василич мои прегрешения. Лучше помолчать, выждать время и в нужный момент рассказать обо всем как на духу.

И когда такая минута настала, грудь спокойно задышала, я выпалил всю историю с валенками и взмолился о спасении. К удивлению, Василич не то, что не выругался, а даже косо не посмотрел на меня. Наоборот, сочувственно повздыхал, а затем спокойно и деловито проворчал:

— Подумаешь, беда. Дратва у меня есть, игла в наличии... Нет только кожи. Завтра возьму у Грамагина кусок и вечером залатаю тебе валенки, будут, как новенькие.

— А ты можешь? — с потаённой надеждой спросил я, не веря в то, что дырки на обуви можно чем-то залатать.

— Да я всю молодую жизнь валенки только и чинил, — тяжело вздохнул Василич. — То валял, то заплатки ставил.

В каждом слове Василича, во всем его облике сквозила уверенность. Она незаметно передалась и мне.

— Валял? А как это?

— Ну, то целая наука. Без умения и опыта валенки не получаются. Меня этому ремеслу отец перед войной научил. Сам сгинул на фронте, а знания свои оставил. Что бы я без них делал? С голоду бы помер. И мать, и отца, и дядьев — всех война забрала, не пожалела даже братишку. Остался, помню, я один с маленькой сестренкой. Вот и кормил себя да ее тем, что валял валенки.

— Ты умеешь до сих пор делать валенки?

— Так это вы, молодые, ни к чему не приспособленные. У вас там насчет крестьянских-то знаний и умений конь не валялся. А я, когда один на белом свете остался, без дома, без денег, без харчей, с одной лишь маленькой сестренкой, понял: без ремесла — никуда.

— Расскажи мне, пожалуйста, как ты валенки валял.

— Тебе-то зачем?

— Интересно ведь...

— Тогда садись, слушай.

Я присел на табуретку поближе к окну. Свет от лампочки падал на высокий лоб Василича, изборожденный морщинами. Он неуклюже присел рядом и уверенным голосом повел рассказ. Много было доброго, стариковского чувства в этих воспоминаниях.

— Сделать хорошие валенки непросто. Они не игрушка. Вырезать коня с гривой и посадить его на колесо, чтобы катился, можно за пару часов. А валенки, дай Бог, неделю работы требуют. Они последовательно, день за днем, проходят одну технологическую операцию за другой. Причем, все операции ручные... Тут проморгаешь одну операцию, либо пожалеешь время для другой, и смотришь — нет у тебя валенок, первая пара разваливается прямо в руках, вторая ломается, получается грубой, жесткой, негодной к носке. Бывало, целый день уходит только на то, чтобы из шерсти сделать заготовку для будущей обуви. Заготовку ту я по десять-пятнадцать часов вымачивал в растворе серной кислоты, а потом закладывал в печной котел. Отец этот котел на ярмарке приобрел. Катать валенки следует только горячими. У меня руки все были обожжены, так как через каждые полчаса мне приходилось пихать заготовку в котел. И эту операцию я проделывал десятки раз. До ломоты в руках. Обжигающие заготовки бросал на валки и катал их до нужной кондиции, обрабатывая при этом прутком, еще колотушкой... Делал это на трех колодках, аккуратно, последовательно. Затем обработанные заготовки перебрасывал на большие и малые терки. Когда появлялись почти готовые валенки, я их красил, затем сушил, шлифовал, закаливал в огне. Понял, какой трудоемкий и тяжелый этот труд — валять валенки?! Пока они переходят из рук в руки, со счету собьешься. Зато радости при виде готовой обуви было хоть отбавляй.

После рассказа Василича я долго расспрашивал и задавал ему уточняющие вопросы, пытаясь постичь древнюю науку делать себе обувь, ту, что легка, удобна и не боится морозов. Промысел предков был так увлекателен, что ночью во сне уже не деловой Василич, а я сам валял валенки. Получалось все плохо, обувь разламывалась пополам. Одноклассник Валерка Гладышев беспрестанно хохотал, хватаясь за живот. А учительница Мария Александровна наклонилась вперед так, что глаза зеленые и сердитые стали близко-близко сверлить меня. “И тут ты набедокурил”, — заворчал ее голос. Не вынеся долгого и ядовитого разоблачения, я проснулся. Пот градом катился с горячего лба.

Следующий день принес успокоение и радость. Василич пришел с работы рано, принес большой кожаный лоскут и кинул его на пол.

— Давай, горе луковое, чинить будем твои валенки, — бросил он простодушный взгляд в мою сторону. — Где у нас ножницы? В столе, поди, давай, тащи их.

Я не знал, что означает “горе луковое”, но пулей полетел искать ножницы. Осмотрел всю мебель в доме, проверил ящики в столе и тумбочке... Утешение пришло, когда обнаружил их на телевизоре.

Василич присел на табуретку, подвинув к себе другую. Разложил на ней по очереди нужный инструмент, ближнее место заняло шило с деревянной

ручкой. Его острый кованый наконечник внушал доверие. Далее расположились игла серебристого цвета, наперсток, перочинный ножик, клубок черной, как уголь, дратвы, ножницы и щипцы.

— А щипцы-то зачем? — удивился я при виде их.

— Язык тебе прищемить, чтоб помалкивал и не мешал, — пробасил Василич.

Тишина в работе была главной для Василича. Если другие плотники из его бригады любили посудачить или попеть песни во время строительства дома, то для него это было неприемлемо. Тут одно допустимо — либо топором орудовать, либо песни петь. И сено косил Василич в тишине, и лошадь запрягал, и огород копал — все без словословия. А вот как закурит в перерыв, так тут ему хоть рот зашивай, расскажет не одну байку из своей богатой биографии — про войну кровавую, про целину заснеженную, про сибиряков, которые умели выручать друг друга...

Мне ничего не оставалось, как замолкнуть и в тишине наблюдать, как Василич ремонтирует испорченные валенки. На стене монотонно тикали часы. Лохматый кот спрыгнул со струганой лавки, важно прошел по застираным разноцветным половичам и решительно запрыгнул на печку, недавно побеленную с добавлением синьки.

Заскорузлые пальцы Василича ловко вдели длинную дратву в иглу. Отрезанная кожаная заплатка мягко легла на продырявленную пятку валенка, который Василич сильно зажал между ног. Острая игла вошла в кожу и под давлением наперстка прошла валенок насквозь. Таким манером строчка за строчкой прошивалась заплатка. Стоило игле увязнуть в твердо свальной шерсти, как Василич в ход пускал щипцы, просовывал их внутрь обуви, стискивал иголку и вытаскивал ее вместе с дратвой. “Понятно, для чего щипцы нужны”, — подумал я, глядя на то, как быстро заплатка срастается в одно целое с валенком.

— Видишь, как красиво все выходит, — сказал Василич с оттенком самодовольства, заметив, что я люблюсь его работой.

— Не знаю, — пожал плечами я.

— Чего так?

— Заплатка-то вся на виду. Валенки серый, а заплатка коричневая. Ее бы закрасить.

— Ты у нас больно прыткий. Закрасить? Да кто ж так делает?!

— Никто не ходит в заплатанных валенках. Меня засмеют в школе.

— Ошибаешься. Еще как ходят. На прошлой неделе Тоське Рыжовой, соседке, чинил валенки, и она ходит, знай, форсит себе.

— Она большая.

— И что из того, что большая?! У тебя всю зиму ноги в тепле будут — вот что важно.

Моему разочарованию при виде готовых валенок не было предела. Глаза начали слезиться. Я заранее представлял, как Валерка Гладышев высмеет меня перед всем классом. Заплатки, конечно, сидели крепко, даже как-то ладно, обволакивая и пятку, и носок, будто лоскутное одеяло. И шов из дратвы напоминал оригинальную строчку из стежки-молнии на кофте. Но эти коричневые застешки смотрели на меня с таким укором, что я их уже не мог принять и проклинал на чем свет стоит.

По настоянию Василича, я прошелся взад-вперед по дому в заштопанных валенках.

— Жмут? — спросил Василич.

Мне не хотелось говорить. Хотя нога в валенках чувствовала себя свободно и легко, будто никакого ремонта и не производилось.

— Нитки внутри не мешают? — опять задал Василич вопрос.

— Нет, — нехотя пробормотал я.

Сдержав в себе ненужные, бесполезные слезы, я поставил валенки на печку, а сам лег спать. Завтра в школу, и ничего тут не изменишь, возражай — не возражай, а идти придется в любом случае. Валенки стояли перед моими раздраженными глазами, я пытался их загипнотизировать, чтобы они свалились на пол. Однако я представил себе, что останусь без них и в школу

придется идти в летних сандалиях... На улице пронизывающий холод, одеревеневшие ноги превращают каждый шаг в мучение... Нет, подумал я, пусть уж будут залатанные валенки, важно, как говорит Василич, чтобы ноги были в тепле. С этой мыслью я сразу заснул легким, беспечным сном.

Утром с тяжелым сердцем я отправился по заснеженной дороге в школу. Пока шел, все глядел на валенки. Заплатки все больше казались мне позорными нашивками.

...Наконец передо мной появилось школьное крыльцо. Я обмел веником валенки от снега, зашел в помещение и подождал несколько минут в раздевалке, чтобы войти в класс последним. В моей душе застенчивость боролась с решимостью, порожденной отчаянием, я стоял у дверей не в силах заговорить с одноклассниками, ни тем более открыть дверь.

И только когда следом за мной в класс вошла Мария Александровна, я немного успокоился. Никто из ребят не успел разглядеть мои валенки.

Учительница пристально обвела взглядом весь класс и тотчас остановилась на мне. Густые брови, чуть обвисшие над ее глазами, заметно вздрогнули, поднялись.

— Смотрите-ка, прогульщик наш дорогой появился, — громко сказала она. — Встань-ка, любезный мой, и скажи, почему ты отсутствовал два дня?

Мое сердце учащенно забилося. Соврать, что болел, нельзя, нужна медицинская справка. Правду сказать — ребята засмеют...

— Ты чего молчишь, в рот воды, что ли, набрал?..

Этот простой вопрос еще сильнее отозвался в сердце. Вдруг учительница улыбнулась, и я решил признаться:

— У меня валенки выбыли из строя, прохудились...

Договорить я не успел, как сидящие рядом одноклассники быстро повернули головы на мои ноги. Учительница тоже подошла ко мне и смущенно осмотрела валенки в заплатках.

Мои веки трусливо сомкнули глаза, и я замер в ожидании взрыва ребячьего хохота.

— Ой, как красиво у тебя подшиты валенки! — ойкнув от удивления, всплеснула руками Мария Александровна. — Кто ж у тебя такой мастер? Запечатальный мастер! Валенки будто новые.

— Это Василич, — выпалил я, набравшись смелости, твердым и уверенным голосом. — Он, знаете, всю жизнь валенки валял, а теперь чинит их всей деревне.

— Какой молодец! Наверное, и я попрошу его подшить мне валенки.

— Да он с удовольствием...

Тут меня понесло. Я зачем-то пересказал учительнице и всему классу, как Василич после войны спасался от голода тем, что валенки валял вручную... Меня никто ни разу не перебил. Рассказ слушали в тишине. Лицо учительницы округлилось от улыбки, просветлело, и она неожиданно предложила классу:

— Давайте-ка сегодня вместо урока математики проведем урок музыки. Послушаем пластинки с музыкой Чайковского.

— Давайте, — хором отозвался класс.

Впервые в жизни я, замороженный и счастливый, слушал классическую музыку. Ничего не понимая в ней, силится представить, как подсказывала Мария Александровна, будто на улице, высоко в небе, злой черный ворон напал на прекрасного лебедя... Шла борьба между добром и злом, и добро победило. Валерка Гладышев с вытаращенными глазами сидел, как никогда, спокойно, и думал о чем-то своем. Рядом с ним присела учительница, и, видимо, ему тихо внушала: “Слушай музыку, а то вырастишь шалопаем!”. Никто из нас не желал становиться шалопаем, и мы тихо слушали то “Лебединое озеро” Чайковского, то Вальс цветов из его “Щелкунчика”.

Обратная дорога домой в этот раз была самой счастливой в моей жизни. Моя юная душа была покорена непонятной, но такой нежной и необычной музыкой, она пела среди заснеженных полей и березовых перелесков. Еще я

радовался тому, что Василич превратил мои дырявые валенки в самые красивые.

Проходя деревню Вертлово, я нарочно остановился у дома деда Федора Жильцова, желая сказать ему про свою радость и похвастать обувкой. Но тот на улицу не выходил. Я прошелся перед окнами его дома взад-вперед, но он опять не появился. Тогда я запел свою любимую песню, что часто слышал по радио:

*Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей.*

Дед Федор занят был, видимо, своими домашними делами. Я написал рукой на снегу возле крыльца слово “Ура!” и помчался домой.

На следующей неделе, в воскресный день, на табуретке Василича лежали потертые, с дыркой на пятке, валенки учительницы.

НА ЛУГУ ОТБИВАЮТ КОСЫ

В полдень деревенское лето пышет жаром, загоня людей подремать в теньке на сеновале. Василич такой отдых не признавал, вытаскивал из сарая наковальню, отбивал косу и говорил соседу так громко, чтобы вся деревня слышала:

— Лето год кормит!

В том году я получил разъяснения от Василича, что крестьянин должен за лето собрать в огороде урожай, насолить огурцов и капусты, лук посушить, варенья из лесных ягод наварить, сена душистого корове накосить, картошки и брюквы свинье и баранам припаси. И летом надо так много и сноровисто потрудиться, чтобы всех припасов хватило на год, а не только на одну зиму.

В этом году у меня к Василичу другой интерес. Вся деревня шепталась: удастся ли доярке Коноваловой заглядеть свою вину перед Василичем и починит, отобьет ли он ей после извинений косу, без которой та не могла приступить к сенокосу? Мужики и бабы уже два дня как выходили на заготовку сена, а она лишь горевала, вытирала слезы и ругала Василича, не пустившего ее на порог дома. Пришла с затупившейся косой, с ней же и ушла.

Претензия у Василича к доярке была нешуточная, давняя. Прошлым летом тетка Маруся Коновалова подкараулила его тещу, несущую домой с совхозного поля две брюквы. И доярки, и телятницы по окончании работы частенько прихватывали с собой сладкую брюкву для своих буренок. Прихватывали не потому, что животину кормить было нечем, а так, ради гостинца. В подобном деле хорошего, конечно, ничего нет. Но какая телятница, видя, как тонны буряка и картошки гниют в буртах, устоит перед тем, чтобы не вытащить один корнеплод и не принести его домой?! Тем более, в своих огородах никто из них буряки не выращивал, а разнообразить питание и угостить сладким свою коровенку хотелось всем. Та же доярка Коновалова не отставала от подруг и тащила корнеплоды вместе с ними. Пойти на стучачество ее подтолкнуло желание трудоустроить на телятник свою родственницу. Мест рабочих там не было. Вот она и решила скомпрометировать тещу Василича, телятницу с большим стажем, уволить ее и на ее место сосватать родственницу. Затея эта прошла без запинки и задоринки. Бригадир сразу, без разбирательства и нравочений, подписал приказ на увольнение.

Деревня осуждала Коновалову, но за глаза, шепотом. Боялись ее взрывного и скандального характера. Поругаться с человеком ей ничего не стоило. Василич тоже долго обходил ее стороной. Но однажды остановился у колонки, где тетка Маруся Коновалова набирала воду, поздоровался. Ни слова больше лишнего не произнес, лишь поприветствовал. Теща с изболевшимся

от случившегося сердцем, видя ту сцену, отругала Василича: “Плохо, когда мужик непроходимо добродушен”.

И когда два дня назад Коновалова притащила Василичу тупую косу с надеждой, что он ее отобьет, как делал это всей деревне, то натолкнулась на полное нежелание. Получив отказ, она пригорюнилась. Тупой косой много травы не натяпаешь. А сенокос в разгаре. Бригадир выделил всем, кто держал коров в деревне, далекую луговину у реки. Тетка Маруся видела, как мужики и бабы уже ездят туда заготавливать сено. “Вдруг выкосят и мою полосу? — думала она. — Чем же я тогда корову зимой кормить буду?!” Совсем тошно доярке стало.

Вечером по деревне разносился веселый перезвон наковальни. Василич готовил косы к утреннему сенокосу. Под ударами его молотка каждое лезвие косы производило свой мелодичный звук. Эти звуки мгновенно живоительно действовали и на меня. Я подошел к Василичу, сидевшему на табуретке посреди лужайки у двора. Перед ним, будто пианино, располагалась наковальня. Сделана она была из дубового кряжа, с вбитым в центр железным штырем с широкой шляпкой. На этой-то шляпке и пели звонкие песни под воздействием молотка литые косы. Завороженный игрой молотка, я долго стоял за спиной Василича.

Тетка Маруся, заслышав знакомый перезвон, взяла косу и задворками, чтобы никто не увидел, пошла к плотнику Николаю Телегину, напарнику Василича по бригаде.

— Выручай, Николушка, — заворковала она. — Спасай меня, бедовую. Василич отказывается отбить косу, а с чем я утром пойду на сенокос?

Плотник Телегин был в курсе беды доярки Коноваловой, потому дал совет без раздумий:

— Иди к Щукину. Он тоже отбивает косы.

— Ходила. Он и за деньги не берется за работу.

— Чем тогда я могу тебе помочь?

— А ты снеси Василичу косу, будто свою. Не говори, что она моя-то...

— Разве так можно? А ежели Василич узнает? Да мне тогда и самому он ни одну косу не отобьет.

В деревне только два мужика отбивали косы — это Василич и слесарь, заведующий водонапорной башней дядя Володя Щукин. Но ежели первый был безотказный, добродушный, то второй — всегда занятый и прагматичный. К тому же мужики табуном шли именно к Василичу, ибо видели, что отбитые им косы остры и легки в работе.

— Нет, тетка Маруся, не обижайся, не могу я тебя выручить, — заартачился плотник Телегин.

— Да чего тебе стоит?! — настаивала доярка Коновалова.

— Да душа к энтому не лежит.

— А я тебе с получки бутылочку поставлю...

Тут Телегин дрогнул, глаза его заблестели, тонкие брови выгнулись дугой. Был он ростом высок, сухощав, лицом тонок... Василич хоть и был его старше, но любил с ним работать в паре. Тот всегда был внимателен к советам Василича, не перечил, не скандалил. За любую работу они брались вместе и старались сделать ее на совесть, чтобы никаких нареканий от начальства не было. Схватил Телегин дрожащими руками косу тетки Маруси и понес ее к Василичу.

В соседних дворах, почуяв человека, начали заливаться злобным лаем привязанные на цепь собаки.

Я обошел Василича вокруг, стараясь понять, каким образом железное лезвие косы становится ровным и таким тонким, что не ломается. По нему каждую секунду стучит молоток, а оно лишь закаляется. Широкий край железа на моих глазах переставал быть железом, превращался в блестящее полотно с зеркальным отливом. Захочешь посмотреть на себя, подымеешь полотно косы к глазам и увидишь свои глаза, лоб, подбородок. Я не раз замечал, как Василич использовал лезвие в качестве зеркала, а еще любил шершавым пальцем осторожно погладить само его острие.

— Василич, а Василич?! — позвал издалека Телегин. — Не отобьешь ли мне и вторую косу? А то одна сломается завтра, не дай Бог, а второй под рукой не окажется.

— Отчего ж не отбить?! — отозвался Василич. — Давай отобью.

Телегин встал, как вкопанный, с косой, один конец которой был воткнут в землю, другой торчал у головы. Ждать пришлось долго, минут десять.

Василич закончил работу, выполнив чей-то заказ, подошел к кадучке с водой, обмыл лезвие, вытер его холщевинной и поставил к стенке двора.

— Что стоишь, давай свою косу, — скомандовал Василич и сел на табуретку.

Телегин учтиво наклонился и передал в руки черенок. Василич взял его и ловко положил себе на плечо, а лезвие — на наковальню. Присмотрелся, приподнял лезвие, потренировал пальцем по острию и после небольшой паузы спросил:

— Это чья коса будет?

— Чья, чья? Моя, конечно, — пробормотал робко и лживо, не поднимая глаз, Телегин.

— Вижу, что не твоя, а Коноваловой.

— С чего ты решил, что Коноваловой, когда она моя?

— А ты посмотри на эту вмятину выше лезвия, у пятки. Я ее полчаса выпрямлял, до конца не смог, лишь уменьшил. Ну, а кольцо на изгибе пятки, а клин — это все моя работа. Я правил Маруське эту косу прошлым летом, свою работу хорошо помню.

— Ладно, твоя взяла, Василич. Подсоби уж ей, бедолаге, выручи, а то без сена останется.

— Нет уж, извини-подвинься, помогать ей не буду, — уперся Василич и вернул косу. — Уходи, у меня еще два срочных заказа.

Телегин постоял-постоял, посучил ногами и удалился восвояси. Зная упрямый характер Василича, он не решился уговаривать его, тем более, совестить.

— Лихо ты его раскусил, быстро как-то, — удивленно покачал я головой. — Неужели и вправду помнишь про недовыпрямленную вмятину?

— Покажи мне любую косу, которую я отбивал, и я ее узнаю, назову хозяина, — гордо отрезал Василич.

— Договорились, завтра принесу, — согласился я на подобное испытание.

Весь вечер я думал, глядя в окно, выходящее в палисадник, где росли колокольчики), у кого взять косу. В голове зудела мысль проэкзаменовать Василича и уличить его в ошибке, в незнании...

Утром, как только по радио заиграли гимн, я вскочил с кровати с мыслью проучить Василича. Но где взять косу, я так и не знал.

Первую вылазку я решил сделать на двор дяди Вани Горяченкова. В дверях сарая сразу натолкнулся на здоровенную собаку. Она повернула голову в мою сторону, и умные сонные глаза впелись в меня. Я протянул руку погладить знакомого Шарика, чтобы он лизнул руку. Но тот вдруг злобно зарычал. Моя рука резко дернулась назад. Собака почувствовала мою трусость и прыгнула к моим ногам. Я замахнулся на нее граблями, что стояли у края двора. Шарик с отчаянным жалобным визгом отскочил.

Вторую вылазку я совершать отказался. Пошел напрямиком к старушке Колесовой. Корову она давно сдала на мясо, сено не заготовливала, но косу имела. Я видел, как она выкашивает ею овинники у дома. Выкашивает, чтобы дом не зарастал, и лужок выглядел опрятно и красиво.

Старушка выслушала меня и беспрекословно дала косу. Попросила лишь не сломать и не затупить ее.

Теперь я ждал полдника. Мужики придут с работы и взберутся на сеновал отдохнуть, избавиться от усталости. Василич выгащит на луг наковальню, и молоток его заиграет... Распорядок дня мне хорошо знаком. Василич уходил на сенокос и вечером, и утром. Если вечером покосить удавалось часок, а остальное время он с женой ворошил сено да складировал его, то утром все часы уходили сугубо на косьбу. Для отбивки и наточки косы время можно было изыскать только в полдень. Не будешь же отбивать косу утром, когда все ринутся выбирать траву получше, посочнее.

Вскоре мой час настал.

Василич открыл ворота и выволок на луг наковальню. Почему на луг? Почему не отбивает косу прямо во дворе? И время экономит, и силы... Но у Василича на эти вопросы есть свой ответ: "Косы отбивают на лугу, чтобы солнце в лезвии играло, и молоток звонче играл..."

— Принес косу? — спросил меня Василич, увидев в моих руках чужой инструмент. — Думаешь, я ошибусь...

— В соседнюю деревню за ней бегал, — пошутил я. — Ни за что теперь не отгадаешь.

Василич взял косу и даже не повертел ее в руке, и тем более не положил лезвие на наковальню, вернул обратно.

— Почто обманываешь? — усмехнулся он по-доброму, широко. — Одолжил косу у тетки Тони Колесовой и думаешь провести меня. Нет, дорогой... Эту косу я делал ей давно, у нее еще корова была. Затупилась, конечно. А узнал я ее вот по этой ручке. Обычно мужикам ручки я вдавливаю в черенок, а женщинам делаю их из согнутой ивовой ветки, приматываю, стягиваю веревкой. По черенку их свободно можно двигать, ослабив веревку. А двигают ручки затем, чтобы подогнать черенок под рост человека для удобства косьбы. Тетка Тоня низкого роста, сутулится, вот я ей и продвинул ручку так низко.

Экзамен Василич выдержал на отлично. Рассказал и показал мне, как он приспособил ручку к черенку косы, чтобы старушке было удобнее косить.

— Извини, что глупость сотворил, — повинился я.

— Подумаешь, подурачился... Хорошие люди умеют делать глупости, а вот плохие не умеют, у них слишком все рассчитано и просчитано.

По зеленому лугу пробежал ветерок. Две березы, стоящие с краю, были так высоки, что не почувствовали его порыв, наоборот, от их веток и вершин веяло спокойствием и тишиной.

— Лучше принеси-ка мне мою косу со двора, — попросил Василич. — Вчера я ею камень зацепил. Не заметил в траве. Выбоина на лезвии образовалась.

— Бегу, — крикнул я, и, пристыженный, проигравший, поспешил мимо поленниц во двор.

— Косу найдешь в навозной куче.

— Где?

— Лезвие косы засунуто в середину навоза.

— Зачем оно там?

— В моче железо мягче становится.

Я не знал, пошутил Василич или открыл свой секрет, но без труда нашел косу и принес ее Василичу. Тот вытер ее тряпкой, осмотрел лезвие, потрогал пальцем на ней вчерашнюю зазубрину и пристроил острое железо на наковальню. Помочив в ведре с водой заостренный конец молотка, он стукнул им по лезвию, потом стукнул еще раз, другой... Удары были вначале легкие, частые, а затем тяжелые, медленные и с протяжкой. Причем, молоток и оттяжку отстукивал по концу лезвия разными способами, то влево уходил, то вправо, а чаще глухо застревал и вдавливался посередине. Ловкие движения рук мастера приковывали мой взгляд.

— Нужен молоток потяжелее, — вздохнул Василич, отирая рукавом рубашки вспотевший лоб. — Уж больно с трудом выбоина расплющивается. Вначале железо поддавалось, в навозной жиже пообмякло, послабело, а потом на жаре вновь сопротивляться стало. Поищи другой молоток в ящике. Он такой тяжелый, увесистый, на железной ручке.

Я знал, где находится ящик с инструментом. Он стоял у стены, где размещалось стойло для коровы. Довелось как-то мне держать в руках и тот тяжелый молоток.

Вбежав во двор, я сразу увидел корову, которая тихо жевала, шурша ключьями сена, добываемыми из кормушки. В ее больших глазах не было ни испуга, ни любопытства. Охапка травы лежала на ящике. Сбросив ее, я нашел нужный инструмент, схватил его и пошел на улицу

Рядом с Василичем стояла тетка Маруся Коновалова, одной рукой она подпирала бок, в другой держала косу. До меня донеслись ее жалостливые слова:

— Устал, сердешный?

— Если вкладываешь в дело всю душу, тогда и устали не чувствуешь, — отозвался Василич.

— Забудь обиду-то... Забудь. Ну, попутал меня черт. Больше такое не повторится. Отбей косу, прошу тебя очень... Нельзя мне завтра пропускать сенокос, беда будет...

— Мне до твоей беды дела нет.

— Забудь обиду, — повторила она еще более дрогнувшим голосом, вымаливая прощения и ища защиты.

Я застыл в ожидании: простит Василич обидницу или вновь откажет ей в отбивке косы. Жалости к тетке Маруси я не испытывал, но и бросать ее в беде было как-то нехорошо. Василич наверняка давно забыл бы тот недостойный поступок Коноваловой, но теща, оставшаяся на зиму без работы, напоминала ему о нем.

Молоток продолжал настойчиво выводить на наковальне звонкую мелодию.

— Дзинь-дзинь, зинь-инь...

Коновалова ходила вокруг Василича и несмолкаемо вымаливала прощение. Губы ее, полные и толстые, были так четко вырисованы помадой, что каждый угол рта врезался в щеку. Она не жалела слов.

Василич отвечал ей со своей неизменной, но уже несколько смущенной улыбкой. Характер у него был незлобивый. И тетка Маруся знала, что Василич не умеет обижаться, потому и она не обижалась на него, старалась лишь разжалобить его.

— Ну что мне сделать, чтобы ты не обижался, а выручил меня? Может, мне корову привести сюда? Она-то чем виновата, сдохнет ведь...

Тут сердце Василича дрогнуло.

— Ладно, давай косу, — вспыхнул он. — Раскричалась тут! Надо было меньше языком молотить. Отстучу косу, положу на поленницу, вечером придешь, заберешь. А сейчас скройся с глаз моих. Уходи, видеть тебя не могу.

Коновалова растерянно оглянулась по сторонам, нашла глазами поленницу, кивнула согласно и тотчас ретировалась.

Я протянул Василичу увесистый молоток. Как только он его взял, на крыльце дома появилась рассерженная теща. Она, видимо, наблюдала из окна сцену общения зятя с дояркой Коноваловой.

— Вижу-вижу, мужик у нас точно непроходимо простодушен, — сказала теща мягко, но ядовито посмеиваясь.

— Да что тебе, жалко, что ли, — начал оправдываться Василич. — Она прилипла, как банный лист. Корову грозит привести...

— Мне не жалко, а тебе, вижу, жалко. Ладно, делай, что хочешь.

Теща хлопнула дверью. Наверняка ее исстрадавшаяся душа переболела. Василич ударил по лезвию косы тяжелым молотком.

— Здорово, пошло железо, поползло, — забормотал он.

С уставшего лица Василича исчезла гримаса негодования. В одну секунду оно озарилось солнцем, морщины разгладились, взгляд потеплел. Он говорил со мной хорошо, ровно, не торопясь. А я продолжал любоваться его работой и представлял себе, как завтра за окном заголубеет рассвет, послышатся голоса петухов в теплом летнем воздухе, и Василич с косой на плече уйдет легким шагом на сенокос...

ЛЮДМИЛА МЕЖИНЬШ

УСЛЫШЬ МОЛИТВЫ ИСТИНЫ ПРОСТЫЕ...

СКОРБЯЩЕЙ БОГОМАТЕРИ КОСТЁЛ

Скорбящей Богоматери костёл...
Глаза скульптуры влажные, живые...
Сверкающие свечи восковые,
Рассеянный органный ореол.
Священный час. Замри и не дыши...
Услышь молитвы истины простые,
Небес и душ людских мольбы слитые
О вселюбви. И зла не соверши.

Я, Православья искренняя дочь,
Живу с рожденья с латышами рядом.
Какие в понимании преграды?
Гоню пустые мысли сердцем прочь.
В костёле католическом молюсь:
Родные люди, балты и славяне!
Господь един, мой вздох ему не странен:
— О, сохрани и Латвию, и Русь!

МЕНЬЖИНЬШ Людмила родилась в г. Риге. Гражданка России. Член СП России. Педагог по керамике. Много лет работала культурологом в Юрмальском санатории "Белоруссия", занималась творчеством с детьми (Чернобыль, зоны Гомельской области). Сопредседатель Рижского Союза литераторов "Светоч". Член Исполкома МСПС (г. Москва). Лауреат Всероссийской премии им. П. П. Ершова, Международной премии им. С. Михалкова и др. Издано четыре книги стихов, четыре книги для детей.

* * *

А на всю деревню-то три старухи древние,
Три внучонка маленьких на ручонках стареньких.
Все мне лица помнятся, а со мной знакомятся,
Будто я проходящая, только с кем-то схожая.
Деревенька Утица: посередке — улица,
А по обе стороны — домики узорные.
Рядом — лес и просека... Поезда проносятся
Брестские, смоленские... Бабки деревенские
Машут вслед платочками сыновьям и доченькам.
Я иду дороженькой, матерью исхоженной,
К корню материнскому, полю Бородинскому.

К ТЕБЕ Я ВОЗВРАЩАЮСЬ, РУСЬ

К тебе я возвращаюсь, Русь,
Грозой обломленная ветка,
Корнями снова приращусь
К родной земле крепко-крепко.

Там... тосковала по полям,
По бородинским тропкам русским,
А здесь... по детству и друзьям,
По переулкам рижским узким.

Нет, не держу ничуть обид
И, исповедавшись, к причастью
Иду... Легко душа горит,
Желая всем земного счастья.

Пусть в Лиго* каждый будет пьян,
Любовь пусть папоротник дарит,
А тот, кто в ненависти рьян,
Пусть по щеке меня ударит.

Но если вдруг, не дай-то Бог,
Судьба не наградит вас ладом,
Впущу на русский свой порог,
Не упрекая даже взглядом.

* * *

В обязанности миру, взяв суму,
Не должен ты отныне никому.
Уж коли босы ноги побрели,
Ты, мягко согревая их в пыли,
И, мокро остужая в град иль дождь,
Наверняка куда-нибудь дойдёшь,

Где по опушкам леса там и тут
Иван-да-Марья всё ещё цветут,
На бугорках лиловый свой кафтан
Показывает небу чай-Иван,

* Лиго — латышский праздник, подобный «Ивану Купале». По поверью, папоротник цветёт на Лиго, принося счастье в любви.

И Ванька-мокрый, сырости цветок,
Топорщит дутый красный завиток.

Ты мимо, оторвавшись от ростка,
Иди, Иван, не помнящий родства,
И думай, думай ни о чём пока...
Ведь радуга над полем высока,
Переливаясь в каждый лепесток,
Отыщет всем идущим свой цветок.

.....

В № 1 нашего журнала мы опубликовали письмо русских поэтов из Латвии Людмилы и Петра Межиньшей, в котором прочли горькие строчки: “Обстоятельства наши здесь всем известны, русские школы и библиотеки уже не русские”.

Публикуя стихотворения Людмилы и Петра, мы говорим всем: “Наш современник” поддерживал и будет поддерживать русских, живущих в Прибалтике и во всех бывших союзных республиках СССР.

ПЁТР МЕЖИНЬШ

ОПЯТЬ МОТЫЛЬКОВАЯ НОЧЬ...

* * *

Отшумел большак,
отколесился.
Заросли травой
тропки-тропицы.
Где-то там вдали
путь другой лежит,
путь другой бежит
резво-молодо.
Колесо поёт
о другой мечте,
о других цветах
синеглазия.
Что им тот большак?
Он забыт в траве,

МЕЖИНЬШ Пётр Янович родился в 1941 году в г. Елгава (Латвия). Мать — Устинья Терентьевна Межиньш (Румянцева) — из русской староверческой семьи, отец — латыш. Отец, Янис Янович Межиньш, воевал в рядах Советской Армии в ВОВ и погиб в последние дни войны под Тукумсом (в Курляндском котле). Похоронен под пос. Джуксте в братской могиле. Деда Румянцева Терентия Григорьевича в 1941 году расстреляло гестапо. Детство Петра Яновича прошло в детском доме, в г. Риге. Затем учился в ж/д училище, окончил Строительный техникум, учился в Московском полиграфическом институте (Рижский филиал). В 1988 году создал в Риге “Союз литературных объединений” (в дальнейшем — “Общество (Союз) литераторов “Светоч”) и был избран его председателем. В 2006 году “Светоч” приняли в Международное Сообщество Писательских Союзов (Россия, Москва). Лауреат Литературно-общественной премии “Золотая осень” им. С. А. Есенина с вручением одноимённого ордена (за вклад в русскую литературу).

он хранит в груди
песни древние.
Что им тот большак —
проезжающим
по своим путям,
за своей мечтой,
им,
уверенным
победителям,
до конца свой путь
не изведавшим?
Опалённых дней
им пока не жаль,
прошлый тот большак
лишь травой-трава...

А куда он вёл,
знает ветер лишь
да седая пыль
перемётная...

* * *

Наверх — по изношенным
ступеням скрипения!
Наверх —
по кошачьей пахучей лестнице
терпеливого пения!
Наверх —
На причердачный, не дачный,
третий этаж!
Наверх — туда,
где праздник наш!..
Вот напротив друг дружки —
две квартиры:
седьмая — Шировы,
квартира тёти Кати,
весёлой улыбки
в цветущем платье,
и квартира восемь —
дверь к моей бабушке...
Просим!
Заходите в мир высоких
кружевных перин —
это я приглашаю себя:
“Заходи, господин!
Заходи, голь перекатная
улицы Лачплеша!
Заходи, носа не вешай!..
“Бабушка, расскажи,
а во время войны
тебе было страшно в этом
деревянном царстве жить?
Солнечные платья —
когда стреляют —
на “Зингере” шить?..
Бабушка, а через улицу
православная церковка,
как это немцы
её не сожгли?..

Ведь кровавые ветры
по земле мели!
Ты говоришь —
евреев по этой улице
в гетто вели,
люди
не рады были “гостям”,
страх бродил
по костям,
жуткий, безумный страх...
Иссохших слёз прах,
прах ужаса
в кошмарных снах.

Бабушка, бабушка Катя,
ты говоришь, на “Казачке”
стояли наши “катюши” —
это,
когда уже бежали немцы
и звучала песня
“Расцветали яблони и груши”...”
Я слышу, как скрипят ступени,
как бабушка уходит вниз...
Лучи солнца
пробиваются сквозь щели,
бабушкиного солнца лучи,
и запах свечи,
и того последнего лета
приметы всё тают и тают
клочками далёкой
детской сказки,
последней
бабушкиной ласки...
Тает мой босоногий сон...

* * *

Опять мотыльковая ночь
наполнена лунным настоем,
и пряным духмяным настроем
шуршит мотыльковая ночь.

И спят под водой облака,
и звуки струятся сквозь тело.
И кажется, что обмелела
впитавшая звёзды река.

И камня движенья легки,
ему все подвластны вершины...
И мёдом облиты долины.
И беды мои далеки.

Мне дух говорит: “Оцветочь
душой теневое пространство,
неси молодое убранство
в свою мотыльковую ночь...”

И вновь мотыльковая ночь
наполнена лунным настоем,
и пряным духмяным настроем
шуршит мотыльковая ночь.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 4

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ БАТАЛИИ

Общая тенденция, проявившаяся на страницах ленинградских журналов, говорила об одном: в городе взяла в свои руки власть и проводила свою политику группа русских коммунистов, для которых национальная идея была не тактическим манёвром и не лозунгом, а смыслом жизни и прямым руководством к действию. Ленинград снова противопоставил себя Москве, но теперь, в отличие от “зиновьевского” 1925 года, с русских национальных позиций.

Адекватно ли оценивали первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии П. Попков, секретарь Ленгорисполкома А. Бубнов, председатель Совета Министров РСФСР М. Родионов, начальник управления кадрами ЦК А. Кузнецов и их сотоварищи сталинский тост в честь русского народа? Во всяком случае, они постарались выжать из сложившейся ситуации всё, что можно. “Ленинградскую политику” они вели, как им, очевидно, казалось, в русле общегосударственной послевоенной политики, подспудно “перетягивая на себя одеяло”: шла активная подготовка по созданию Российской коммунистической партии со своим ЦК и центром в Ленинграде с последующим переводом из Москвы в Ленинград Совета Министров РСФСР, председателем которого должен был стать председатель Госплана и зампред Совмина СССР Н. Вознесенский. Пост первого секретаря ЦК КП РСФСР предназначался Кузнецову, а генерального секретаря – Жданову.

Ленинградская “реставрация” была обречена на поражение, прежде всего, потому, что её творцы не представляли собой спаянную политическую группу и что в политике они не были беспринципными интриганами.

В то же самое время им противостояла именно спаянная группа, возглавляемая такими прожжёнными политиками, как Георгий Маленков, Никита Хрущёв и Лаврентий Берия, составившие проект закрытого письма к членам ЦК:

“Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготавлился вопрос о необходимости создания РКП(б) и ЦК РКП(б), о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. Эти мероприятия Кузнецов и другие мотивировали в своей среде клеветническими доводами, будто бы ЦК ВКП(б) и союзное правительство проводят антирусскую политику и осуществляют протекционизм в отношении других национальных республик за счёт русского народа. В группе было предусмотрено, что в случае осуществления их планов Кузнецов А. должен был занять пост первого секретаря ЦК РКП(б)...”

Сталину ясно дали понять, что его креатура во внутренней политике в лице “ленинградской группы” на самом деле состоит из “великорусских шовинистов”, чья дальнейшая деятельность грозит развалом Советскому Союзу. Мнимая опасность была ещё и преувеличена во много раз.

Почему мнимая? Потому, что в состоянии того идейного и бытийного монолита, в котором находилась страна после Великой Отечественной войны, плавная переориентация на закрепление дополнительных экономических и политических прав Российской Федерации и, конкретно, русского народа никаким развалом государству не грозила. Это не конец 1980-х годов, когда заевшаяся национальная партийная “элита” окраин во всё горло требовала “независимости”. В конце 1940-х подобное никому в голову бы не пришло.

Какова же была позиция самого Жданова? Он, возможно, был не прочь воспользоваться таким прекрасным рычагом для создания “параллельного центра”. Другое дело, что он не столько проводил собственную политическую линию, сколько подлаживался к Сталину, и это “подлаживание”, в конце концов, кончилось трагически и для него самого, и для его соратников.

Выслушав всё, что положено, о “распушенности” ленинградских партийных кадров, Жданов стал действовать по принципу “спасайся, кто может”. Прежде всего, выигрывая время и отводя основной удар от себя и остальных “ленинградцев”, он собственными руками выбил из-под ног возможных членов ЦК компартии России всю идейную основу, которая обкатывалась на страницах ленинградских журналов. А 31 августа 1948 года его не стало.

Документы из Архива президента РФ, бывшего КГБ СССР и РЦХИДНИ, посвящённые этому сюжету, однозначно показывают: “лечение” Жданова от поразившего его сердечного приступа нельзя назвать даже халтурным – так со своим пациентом не обходится начинающий терапевт. Когда заведующая кабинетом электрокардиографии Лидия Тимашук (которую позже возвели в “национальные героини”, а при кратковременном фактическом царствии Берии предали публичному позору) констатировала инфаркт миокарда, остальные врачи настояли, чтобы она переписала своё заключение в соответствии с ранее показанным диагнозом: “функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни”. Всё остальное было делом техники.

После кончины Жданова была открыта прямая дорога к истреблению ждановской креатуры и всех, кто какое-либо отношение имел к работе в партийных структурах Ленинграда. Предлог, как в истории с журналами, был найден, не имеющий никакого отношения к существу дела: проведение в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки, решение о которой было принято на заседании Совета Министров СССР 11 ноября 1948 года под председательством Маленкова. Ленинградцев (конкретно и целенаправленно – Вознесенского) обвинили в том, что ленинградское руководство, якобы ни с кем ничего не согласовав, не распродав товары, скопившиеся на складах и свезённые на ярмарку, допустило их порчу и нанесло ущерб государству в четыре миллиарда рублей. Это была прямая ложь. В действительности, в Ленинград были свезены образцы товаров, на продажу которых были заключены необходимые договора. И об этой ярмарке регулярно сообщала “Ленинградская правда”.

15 февраля 1949 года на заседании Политбюро было принято постановление об “антипартийных действиях” Кузнецова, Родионова и Попкова. А 21 февраля в Ленинграде появился Маленков, который истерически орал на ленинградских коммунистов и в запале выкрикнул: “Свиля антипартийное гнездо! Создали миф об особой, “блокадной” судьбе Ленинграда! Готовили – на случай приезда великого Сталина – террористический акт!” Проигрывался прежний сценарий, напоминавший сценарий “кировских” времён, но теперь тот “огород” городить было ни к чему. Главный покровитель “антипартийного гнезда” был мёртв, а ленинградские национал-большевики (уже в большей степени стоявшие именно на национальных позициях) были обречены.

Часто говорят и пишут о двадцати шести расстрелянных по этому “делу” (речь о верхушке ленинградской партийной организации) после того, как в судопроизводство по предложению Маленкова и Берии Сталин вернул смертную казнь, отменённую в 1946 году. На самом деле большинство людей смутно представляет себе последствия происшедшего. В Ленинграде были исключены из ВКП(б) и лишены работы более 2000 человек. А по всей стране – в Новгородской, Ярославской, Мурманской, Саратовской, Рязанской,

Калужской, Горьковской, Псковской, Владимирской, Тульской, Калининградской областях, в Крыму, на Украине, в среднеазиатских республиках было репрессировано (без учёта просто лишившихся работы и выброшенных на улицу без выходного пособия) 32 000 партийных, государственных, хозяйственных руководителей. В это число входили и люди, никакого отношения к ленинградской партийной организации не имевшие — их единственная “вина” заключалась в том, что они были русские и занимали при этом более или менее ответственные посты. В 1950 году был негласный приказ — увольнять руководящих работников русской национальности.

Сталин, наблюдая массовую истерию советских евреев (включая жён своих ближайших соратников, членов правительства), вызванную созданием государства Израиль, расправившись с возможными руководителями еврейского национального движения, был многократно более встревожен зачатками ещё толком не оформившегося русского национального движения внутри партии.

Голда Меерсон, израильский посланник в СССР, позднее вспоминала: “Евреи Москвы выразили своё глубокое стремление — свою потребность — участвовать в чуде создания еврейского государства”, — она же специально отметила фразу, услышанную от Полины Жемчужиной, жены Вячеслава Молотова, на идиш: “Я дочь еврейского народа”. С особенными эмоциями она вспоминала московских евреев, устроивших ей фантастический приём в синагоге и после неё: “Глядя на них, я понимала, что никакие самые страшные угрозы не помешают восторженным людям, которые в этот день были в синагоге, объяснить нам по-своему, что для них значит Израиль. . . Такой океан любви обрушился на меня, что мне стало трудно дышать; думаю, что я была на грани обморока. . . Я не могла бы дойти пешком до гостиницы, так что, несмотря на запрет евреям ездить по субботам и праздникам, кто-то толкнул меня в такси. Но такси тоже не могло сдвинуться с места — его поглотила толпа ликующих, смеющихся, плачущих евреев. Мне хотелось хоть что-нибудь сказать этим людям, чтобы они простили мне нежелание ехать в Москву, недооценку силы наших связей. . . Но я не могла найти слов. Только и сумела я пробормотать не своим голосом одну фразу на идиш: “А данк айх во сир зайт геблибен иден!” (“Спасибо вам, что вы остались евреями!”) И я услышала, как эту жалкую, не подходящую к случаю фразу передают и повторяют в толпе, словно чудесное пророчество. . . Не могу сказать, что тогда я почувствовала уверенность, что через двадцать лет я увижу многих из этих евреев в Израиле. Но я поняла одно: Советскому Союзу не удалось сломить их дух; тут Россия со всем своим могуществом потерпела поражение. Евреи остались евреями”.

Внушительное количество евреев (и не только в столице), в самом деле, воспринимали обретение своего еврейского “я” именно как “поражение России”. И Сталин это прекрасно понял. Ситуация, особенно в контексте претензий членов Еврейского антифашистского комитета на “очищенный” от крымских татар Крым как на “еврейский заповедник” и в контексте рухнувших иллюзий в отношении Израила как надёжного союзника СССР, воспринималась как угрожающая. В ответ на демонстрацию “еврейского духа” последовали демонстративные, ни от кого не скрывааемые административные и репрессивные действия со стороны власти. Но в случае с “ленинградским делом” всё было совершенно иначе.

Эта акция, в отличие от “борьбы с космополитизмом” и “антиеврейских чисток”, прошла в полной тайне. Даже Павел Судоплатов писал в своих воспоминаниях через много лет (не доверять ему нет никаких оснований): “В 1949 году мы не знали об ужасающих обвинениях против них (ленинградских партийных деятелей. — С. К.). . . Конкретные подробности “ленинградского дела” оставались тайной для партийного актива. . . “Ленинградское дело” оставалось тайной и после смерти Сталина, и даже я, хоть и был начальником самостоятельной службы МГБ, не знал о судьбе тех, кто погиб в безвестности”.

Остаётся добавить к сказанному, что после смерти Сталина сначала Маленков, а затем Хрущёв (перед реабилитацией погибших) уничтожили все документальные следы своей причастности к этой расправе. Более того, и поныне часть документов, касающихся этого, остаётся недоступной для исследователей. Не потому ли, что их содержание слишком обжигающе современно и по сей день?

И ещё одно. Чем больше мы всё же узнаём о подоплёке этого “дела”, тем больше приходим к мысли: переиграй тогда “русская партия” ленинградцев

связку Берия–Маленков – наша отечественная история пошла бы по совершенно другому пути. Не было бы ни истерического доклада Хрущёва на XX съезде (реабилитация, безусловно, была бы, но в соответствии с законом и детальным рассмотрением всех обстоятельств рассматриваемых “дел”), ни экономического маразма 1960-х – 1970-х годов, ни, естественно, какой-либо “перестройки” в горбачёвском исполнении, ни распада СССР (другое дело, что в новую Конституцию государства могли быть заложены иные принципы его дальнейшего существования). Много чего не было бы и много что могло бы быть... Но... Тут мы вступаем в область так называемой “альтернативной истории”, которую органически не воспринимал Вадим Валерианович.

* * *

Может показаться, что мы отступили от нашей темы. На самом деле история трагически погибших ленинградцев имеет к ней самое прямое отношение.

В последнее время тот там, то здесь появляются на свет Божий мемуарные книги или псевдонаучные труды о так называемой “русской партии внутри КПСС”, которая якобы очень основательно покровительствовала “новым славянофилам” – среди них называется и Вадим Кожинов. Надо сказать со всей определённо: подобной “партии” в 1950–1980-е годы не было и не могло быть в природе. То, что партийный аппарат знал о “ленинградском деле”, точнее, об уничтожении собственно “русской партии внутри ВКП(б)” в 1950 году, начисто исключало какие-либо поползновения в эту сторону. Отдельные люди в высшем эшелоне власти, даже сочувствующие “русскому движению”, связанные партийной дисциплиной и “канонем интернационалиста”, не могли – да и не пытались – предпринять в этом направлении никаких существенных действий. Жизнь “русского движения” на культурном фронте развивалась в совершенно иной атмосфере, по своим внутренним законам. Но об этом – разговор впереди.

...А сейчас вернёмся в университетские аудитории конца 1940-х годов.

Кампания против “космополитов”, достигшая своего пика в январе-феврале 1949 года, стала сворачиваться к концу марта. В это же время главный редактор “Правды” П. Поспелов получил соответствующее указание от Сталина: “Не надо делать из космополитов явление. Не следует сильно расширять круг. Нужно воевать не с людьми, а с идеями”. Самые ретивые участники кампании лишали своих постов так же, как и недавно преследуемые ими, в частности заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Ф. Головенченко и редактор газеты “Советское искусство” В. Вдовиченко, ибо сплошь и рядом война с идеями перерастала в войну с людьми.

И удивительного в этом ничего нет. Конечно, сразу “обозначилась” масса карьеристов, готовых любыми средствами “избавиться от конкурента”. Но во многих случаях причины этой “войны” были гораздо глубже.

В конце 1980-х годов, вспоминая это время, Вадим Валерианович объяснял себе (и читателям) происходившее следующим образом: “Так, в собраниях, посвящённых разоблачению “космополитов”, нередко принимали участие и, в сущности, вполне достойные люди... ибо на них оказывалось тяжкое давление. Вопрос стоял так: или выступить, или быть изгнанным самому, “уступив” своё место готовым на всё карьеристам. А “обвиняемого” обязательно изгонят”.

Кожинов здесь, скорее всего, невольно, упростил ситуацию. Давление, безусловно, оказывалось. Но, помимо “давления”, было ещё и неугасшее за десятилетия искреннее желание посчитаться, ибо многие из “космополитов” конца 1940-х (как мы имели возможность наблюдать) в своё время (в 1920–1930-е годы) принимали активнейшее участие в погроме русской культуры и современных им русских писателей. И этого никто не забыл. Так же, как никто не забыл ни в 1930-е, ни в 1940-е тяжкого урона, который был причинён им самим, близким или друзьям в годы гражданской войны или коллективизации.

Об этом старались не говорить ни в то время, ни, тем более, в последующие годы, когда проще всего всё происшедшее можно было легко списать на иррациональный “антисемитизм” или сугубо рациональный карьеризм.

В этом отношении показательна фигура заведующего в те годы кафедрой зарубежной литературы филологического факультета МГУ Романа Михайловича Самарина. Во многих мемуарных книгах, изданных через много лет, он предстал как вопиющий держиморда и антисемит. Утверждалось даже, что он “уволит из университета всех профессоров еврейского происхождения” (волей-неволей возникает вопрос: хоть кто-то из них остался в целом-то университете?). “Уволить” своей административной властью он реально не мог никого, не будучи не только ректором МГУ, но даже деканом филологического факультета. Другое дело — составить на кого-либо соответствующую “справку”, которую ещё должно было разобрать высшее начальство, как это было в Институте мировой литературы в случаях с учёными А. И. Старцевым и Л. Е. Пинским... Человек был весьма незаурядный и многое понимающий в том времени, в котором жил. Так, он в 1951-м фактически “зарубил” в Институте мировой литературы присуждение Михаилу Бахтину учёной степени доктора филологических наук после защиты его диссертации о творчестве Франсуа Рабле. А Бахтин и через много лет не держал на него зла, ибо понимал: в ситуации мощнейшего “наката” на Институт демонстративное присвоение степени бывшему ссыльному грозит весьма тяжкими последствиями. “Самарин, фактически, спас меня”, — говорил он... И тот же Самарин, писавший всю жизнь стихи, в начале 1960-х годов, в период катастрофического (как тогда казалось) обострения отношений с Китаем, написал стихотворение о “Богом посланной коннице”: “Ты, вырубленное начисто... донское русское казачество...”, о котором останется лишь вспомнить “при встрече с братом желтолицым”... Судя по всему, память об этой трагедии и эта боль жили в душе Самарина до гробовой доски. И лишь Бог ведаёт, что он знал о тех “профессорах еврейского происхождения”, что окружали его на факультете.

Самая громкая история, разыгравшаяся на филфаке в те годы, — история, связанная с увольнением доцента Абрама Александровича Белкина, одного из самых любимых преподавателей Вадима Кожинова. Надо сказать, что Кожинов, после всех нелёгких перипетий, связанных с поступлением, был одним из лучших студентов на факультете. Его зачётная книжка — это книжка круглого отличника как по всем общим предметам лекционного курса, так и по курсам специальным, как то: основы сталинского учения о языке, творчество Маяковского, историческая диалектология, литовский язык (! — это кроме общих английского и немецкого. — С. К.), теория фонетики. А по окончании шестого семестра, ставя отличную оценку на экзамене по русской литературе 3-й трети XIX века, Белкин не выдержал и поставил рядом с “пятёркой” восклицательный знак — настолько был поражен и восхищен как познаниями своего студента, так и умением изложить изученный материал.

И вот, на четвёртом кожиновском курсе, ещё при жизни вождя мирового коммунистического движения, Белкина как “космополита” увольняют с занимаемой должности и изгоняют из университета.

Ну, и какое отношение имел к его изгнанию Самарин? Кто, в конце концов, конкретно осуществлял эту акцию? Кожинов позже свидетельствовал, что на общем собрании против Белкина выступал заслуженный и всеми уважаемый Николай Калинин Гудзий. Что он имел против своего коллеги? И насколько прав был Вадим Валерианович, утверждавший, что Гудзий всего лишь поддался “давлению”?

Эти вопросы мы пока оставляем без ответа за неимением его. А вот что касается участия “активных студентов” — тогдашней “лёгкой кавалерии” — тут у нас информация более точная.

Тот же Гудзий был в ужасе от ретивых наскоков этой “кавалерии”. Учившийся в те же годы на филфаке Олег Михайлов вспоминал, как вели себя в тогдашней ситуации будущие “свободомыслящие” — Юрий Юриков, Александр Лебедев, Владимир Лакшин и тот же Игорь Виноградов. Старых преподавателей трясло от “общественного напора” этих молодых волчат, готовых рвать на куски “чуждый элемент” не столько даже из “карьерных”, сколько из абсолютно идейных соображений. “Узнав, что я приятельствую с одним из них, мой добрый учитель Н. К. Гудзий, — вспоминал Михайлов, — даже выронил портфель, такая его взяла оторопь: “Это же страшный человек”. Уже прожившие жизнь бывшие выпускники хранили в памяти страницу общефакультетской газеты “Комсомолия” с широченной шапкой “О чём думает доцент Белкин?”. Далее следовал совершенно погромный текст за подписью Александра Лебедева.

В процессе “изгона” Белкина из МГУ уже на собственно литературной “полюне” разыгрывалось ещё одно захватывающее действо: как раз на фоне подобных “кампаний” (одна из них проходила в Литературном институте им. М. Горького) состоялся литературный дебют восходящей “звезды” новой советской прозы – Юрия Трифонова. Журнал “Новый мир” (главный редактор – недавно заступивший в эту должность Александр Твардовский) опубликовал повесть “Студенты”, которая тут же вышла отдельным изданием и не раз переиздавалась на протяжении последующих 10 лет.

О, это было внушительное “подкрепление” молодым погромщикам, когда стало возможным оперировать не только сухими идеологическими клише, но и ссылаться на художественное произведение как на безусловный аргумент в своей праведной борьбе с враждебными силами. Ведь главный герой этой повести – ничем не примечательный, не отмеченный никакими выдающимися способностями студент Вадим Белов – предпринимает поистине “героические” усилия, дабы избавить высшее учебное заведение от отличающегося “колоссальной своей памятью и многознанием” профессора Козельского. Он организует самую настоящую травлю профессора, которую автор повести представлял как поистине титаническое, связанное с немалыми опасностями действие... Борьба с “низкопоклонством” профессора в этой повести – не заурядная интрига. Это, своего рода, достигнутое немалым трудом “торжество справедливости”. Особенно показательно, что герой действует по личной инициативе, в то время как большинство студентов, участвовавших в подобных “кампаниях”, лишь выполняли волю тех или иных преподавателей. И конечно, не мог не привлечь внимания точно и узнаваемо воплощённый образ Козельского. Кожинов много позже напишет, что “вся история жизни этого профессора, его научные методы и интересы, даже внешний облик неизбежно заставляют вспомнить таких известных литературоведов, как В. М. Жирмунский, С. С. Мокульский, И. Н. Розанов, Б. В. Томашевский, В. Ф. Шишмарёв и т. п., которые на рубеже 1940–1950-х годов подвергались таким же нападкам, что и Козельский”.

“Из нашего института (имелся в виду Литературный институт. – С. К.), – говорил Юрий Трифонов на диспуте, посвящённом его повести в МГПИ им. Ленина, – были изгнаны несколько профессоров за проповедь формализма и космополитизма. Они во многом послужили мне основой для создания образа Козельского”.

Стенограмма этого диспута, как и повесть, была опубликована в “Новом мире”, – такое существенное значение ей придавалось в то время. Поистине, в руках у “воинов” молодого поколения появилось “новое и грозное оружие”... Восторженные рецензии, написанные Владимиром Бушиным, Петром Пустовойтом, Александром Марьямовым, Борисом Рюриковым (отцом Юрия), Львом Якименко, Борисом Галановым (Галантером), печатались в “Московском комсомольце”, “Комсомольской правде”, “Литературной газете”, “Правде”, в журнале “Знамя”... Интересный, однако, факт: самые добрые слова об этом трифоновском сочинении успела сказать (уже, кстати, после XX съезда КПСС) неистовая “антисталинистка” Лидия Чуковская в статье с не терпящим сомнений заголовком “Убедительность словесного искусства”.

Само собой разумеется, Юрий Трифонов получил Сталинскую премию второй степени.

Кожинов, естественно, эту повесть читал. И читал с явным отвращением. Финальная сцена со Сталиным на трибуне Мавзолея при всём “надмирном” тогдашнем отношении Кожинова к Сталину говорила ему не о чём-нибудь, а о заурядном приспособленчестве автора. Тем более что изгоняемого из МГУ Белкина тут же прозвали “Козельским”, а самого Вадима, ядовито подшучивая, спрашивали – не в его ли честь Трифонов назвал своего героя... Кожинов, к этому времени проникшийся общей идейной атмосферой, вступил в комсомол, был активным общественником, более того, старостой курса. И он же составил “адрес” с самыми восторженными словами в адрес преподавателя, который подписало большинство студентов курса, и торжественно вручил его Белкину после лекции. Всерьёз ли Вадим думал подобной акцией воспрепятствовать увольнению? Может быть, надеялся на то, что этот жест заставит в той или иной мере пересмотреть уже принятое решение?

Но заместитель декана филфака Михаил Никитич Зозуля (которого я ещё застал в этой должности) и не думал ничего пересматривать. Он вызвал к себе

дерзкого “старосту” с единственной целью: выяснить, как зловредный Белкин подготовил сей “адрес” и соблазнил студентов на публичную “демонстрацию”... Кожинов после разговора с Зозулей окончательно вышел из себя и организовал целую делегацию “протеста” (помогала ему в этом Зоя Финицкая), которая в составе более двух десятков человек отправилась к секретарю партийного бюро Николаевой.

Результат был вполне предсказуем. Поход этой делегации был опять же квалифицирован, как “происки Белкина”, после чего увольнение доцента было делом не просто решённым – оно произошло практически мгновенно. Кожинову же было совершенно ясно (и беседа с Зозулей это лишь подтвердила): никакой так называемый “государственный антисемитизм” не имеет к этой истории (и ко многим подобным) никакого отношения – всё решают обстоятельства чисто личного характера. В воздухе была разлита атмосфера, в которой очень многие соблазнились “ловить рыбу в мутной воде”, сплошь и рядом перебарщивая, перегибая палку, сами лишаясь постов, работы или, если повезёт, двигаясь по карьерной лестнице вверх... Атмосфера так и не затихшей, латентно текущей и иногда вспыхивающей гражданской войны.

... В то же время, что и Трифонов, был удостоен Сталинской премии ещё один литературный выдвиженец – Анатолий Рыбаков (Аронов) – за повесть “Водители”... Намечалось вручение следующей высшей награды по литературе – кандидатами на неё считались Ефим Пермитин с романом “Горные орлы” и быстро и совершенно забытый Михаил Тевелёв с книгой “Свет ты наш, Верховина”. И о том, и о другом сочинении печатала восторженные статьи в журнале “Знамя” и альманахе “Дружба народов” набиравший силу критик Екатерина Старикова.

А на горизонте уже мелькало новое поэтическое имя – в свет вышла первая книжка двадцатилетнего Евгения Евтушенко “Разведчики грядущего” с поистине вдохновенными стихами:

*Я верю: здесь расцветут цветы,
сады наполнятся светом.
Ведь об этом мечтаем и я, и ты,
значит, думает Сталин об этом!*

*Я знаю: грядущее видя вокруг,
склоняется этой ночью
самый мой лучший на свете друг
в Кремле над столом рабочим...*

Эта книжка, вся состоящая из подобных стихотворений с нежной интимной интонацией, тут же стала пропуском для молодого дарования в Союз писателей СССР.

* * *

Вся эта литературная продукция, естественно, находилась в поле зрения студентов филфака МГУ и далеко не всеми из них оценивалось восторженно – в унисон с “критическими” заглёбывающимися от восхищения отзывами. Вадим включился в одно из таких обсуждений – написал отзыв в жанре “заметок читателя” о ещё одном Сталинском лауреате – Галине Николаевой (Волянской). Конкретно – о её романе “Жатва”, уже переведённом на многие языки.

Герой этого романа Василий Бортников, выводящий отстающий колхоз в передовые, был на устах у критиков, разобрался и превозносился на читательских конференциях... Чего на самом деле стоил этот типичный для того времени “лакировочный” роман, Кожинов и показал в своих “заметках”.

Начал он с ритуального поклона: “... Действительно: общие художественные достоинства романа бесспорны и велики...” И сразу перешёл к конкретному разбору, напомнив формулировку Маркса о реализме, который подражает, кроме “типических характеров в типических обстоятельствах”, ещё и “правдивость деталей”. Так и назвал статью – сугубо нейтрально: “О правдивости деталей”.

Дотошность изложения и подробность собранного материала может поразить и в наши дни. Вадим подошёл к роману суперпрофессионально и архидобросовестно.

“... На глазах читателя строится и вводится в эксплуатацию новая, укрупнённая МТС, а “маленькая” Крутогорская МТС ликвидируется. Ликвидация остальных четырёх “маленьких” МТС хотя и не показана, но по всему видно, что они также ликвидированы и район обслуживается одной новой МТС... Не станем спорить по поводу целесообразности сосредоточения в одной МТС 150 тракторов, которые, по мысли Андрея Стрельцова (ещё одного героя романа. — С. К.), должны обеспечить образцовое обслуживание всех нужд колхозов района. Заметим лишь, что в пяти “маленьких” — количество тракторов не могло быть меньшим, ибо 30 тракторов — это минимум для действующей МТС!

Какими же тогда организационно-хозяйственными и политическими соображениями можно оправдать предлагаемую писателем огромную и дорогостоящую ломку десятилетиями слагавшейся сети МТС: ликвидацию “маленьких” и строительство новых, укрупнённых МТС общерайонного масштаба?

Ответа в романе нет. И это не случайно. Писательнице нечего ответить, ибо выдвинутая ею “проблема” не опирается на жизнь, не подсказана теорией и практикой...”

Обратим внимание на слово “ломка”. Как видно, в юном возрасте Вадиму уже претило это “понятие”. Через несколько десятилетий он выскажет своё принципиальное несогласие с другой “ломкой” — уже в общегосударственном масштабе, опираясь на богатый и скрупулёзно подобранный исторический материал.

А тогда он уличал Николаеву в элементарном незнании того, о чём она пишет: “Не зная операции, которую взялся описывать, автор явно дискредитирует своих героев. А ведь достаточно было провести один час на льнопункте, чтобы избежать подобных “вольностей”...” “Антагонизм между старообрядцами и церковниками общеизвестен. И ясно, что Кузьма Бортников, как кержак-старообрядец, не только не мог звать священника-церковника для соборования, но не принял бы его, если бы даже это ему навязывали...” Он обращал внимание читателя на абсолютную бездушность и жестокость “положительного”, по мысли автора, героя: “Нельзя же поверить, чтобы В. Бортников, желая всегда и во всём быть примером для других, заставил детей и женщин выполнять лошадиную работу, а сам в это время прогуливался на коне. Так разрушается автором честный характер В. Бортникова!” Он, наконец, писал об элементарном незнании автором самой жизни, которую Николаева, похоже, наблюдала лишь из окна персонального автомобиля: “Писательница повествует: “Девчата все, как одна, в новых туфлях и шёлковых чулках, танцевали... замужние женщины чинно сидели на скамьях, грызли калёные орехи и семечки”...” Прочитав всё это, Вадим не мог скрыть своего негодования: “Это в начале октября 1947 года, после ряда неблагоприятных лет, особенно неурожайного 1946 года, не обеспечивших колхозников ни хлебом, ни кормом для скота, когда колхозники едва получили продукцию на трудодни из нового урожая и не успели ещё её реализовать, когда приобретение новых туфель и шёлковых чулок было нелёгким делом даже в городе; орехи же, кстати сказать, в данном районе вовсе не роятся, привозятся издалека и продаются на рынках по дорогой цене...”

Мало кто из критиков мог с такой тщательностью провести работу по ознакомлению со всеми жизненными реалиями, отображёнными в романе, чтобы иметь право основательно и безоговорочно показать подлинную цену сего “соцреалистического” полотна... Особенно, на мой взгляд, важно отметить следующее: этот скрупулёзный анализ, пронизанный точным знанием предмета и явным сопереживанием судьбе доведённых до нищеты колхозников, принадлежит “дитю старого Арбата”, потомственному горожанину, выходцу из интеллигентной семьи. Об отношении к деревенским жителям в то время свидетельствовал Анатолий Ланщиков: “Помнится, в довоенном детстве в нас вызывало умиление любое изображение негра, а книга “Хижина дяди Тома” была почти что самым популярным произведением для детей. Однако мы, воспитываемые в духе интернационализма и классовой солидарности, почему-то не без снисхождения относились к своим деревенским соотечественникам. Во всяком случае, слово “деревенский” всегда заключало какой-то негативный и даже оскорбительный смысл. Когда же говорилось об отсталости

деревни, то почему-то всегда называлась или подразумевалась именно русская деревня. И это вбивалось в детские головы каким-то “подпольным” образом и оседало в них если не навсегда, то надолго, причудливым образом уживаясь с государственным знаком, на равных правах соединяющим серп и молот”.

Этот взгляд на русскую деревню во многом переломила Великая Отечественная. Кожинов вспоминал, как слушалось, читалось, воспринималось в годы войны ставшее хрестоматийным стихотворение Константина Симонова, единственное великое произведение, созданное многократным Сталинским лауреатом.

*Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась.*

*Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.*

*Ты знаешь, наверное, всё-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил...*

Но окончилась война — и из разорённой деревни стали выкачивать в виде дополнительных налогов всё, что было можно, да и чего уже нельзя — тоже... Другое дело, что Кожинов через много лет несколько иначе оценил происходившее в 1940-е годы. В 1998 году в одной из многочисленных бесед, которые он тогда вёл с корреспондентами различных изданий, специально остановился на этом вопросе: “Я как-то читал небольшое сочинение Солженицына. Он там страшно возмущается, что вот какие эти кремлёвские правители негодяи: в 46-м году — он установил по документам — крестьянам, колхозникам выдавалось в среднем 200 граммов хлеба в день. При этом совершенно не учитывается тот факт, что в результате войны и разрушения всего сельского хозяйства, гибели огромного количества мужчин, именно деревенских, потому что рабочим давали бронь, а их всех посылали на войну, и, наконец, из-за страшной засухи 46-го года урожай был таков, что на душу населения приходилось в целом всего 600 граммов зерна! Горожанам давали минимум 400 граммов, но это было правильным, потому что у крестьян всё-таки была какая-то возможность подкормиться — ну, хоть грибами и ягодами. То есть это совершенно правильно: 400 граммов — горожанам, 200 — крестьянам. Но это было и всё, что имела страна!”

Тут к месту вспомнить его юношеское возмущение тем, что целые вагоны продовольствия отправлялись в побеждённую Германию... Многие пересматривал Вадим Валерианович на протяжении своей жизни!

Но так или иначе, прежнее пренебрежительное отношение к “дерёвне” у городских возобновилось и сохранилось ещё на десятилетия... Лишь в начале 1960-х на почву, породившую и вскормившую весь русский материальный и духовный мир, на то, что происходит с ней, начнут смотреть иначе. И этот взгляд сформирует то направление в русской литературе, что получит пренебрежительный ярлык: “деревенская проза”.

... Остаётся добавить, что кожиновские заметки о романе Николаевой были опубликованы в 1952 году в журнале “Октябрь” под псевдонимом “В. Рокин”. Это был его печатный дебют, состоявшийся благодаря главному редактору журнала — Фёдору Панфёрову.

* * *

Молодость всегда берёт своё — она брала своё и на факультетских бдениях. О поистине весёлой студенческой жизни вспоминал сокурсник Кожинова и близкий (тогда!) его сотоварищ Станислав Лесневский:

“В студенческие времена Вадим прекрасно читал стихи Маяковского, которого мы любили. Вадим научил меня воспринимать и читать стихи, открывая в них побеждающую музыкальную волну. Я понял, что это и есть смысл поэзии... Однажды вузком комсомола отправил нас на автозавод читать в цехе лекцию о Маяковском. Стоя посреди станков и машин во время обеденного перерыва, Вадим буквально заворожил рабочих: казалось, он раскачивает колокол. Нас наградили большим тортом, который мы радостно проглотили на обратном пути прямо в троллейбусе.

Мальчишество соседствовало в нас с самыми серьёзными идеалами, разумеется, в романтическом духе, воспитанными эпохой. В ту пору в народе любили и жалели студентов. По студенческим билетам, с десяткой в кармане, мы совершили первое своё путешествие по России, побывали в Ярославле, в Костроме, в Плесе. В город Фурманов мы привезли весть о кончине Георгия Димитрова и добились, чтобы по этому поводу были вывешены флаги с траурной лентой.

В Ленинграде мы поспешили увидеть Смольный, крейсер “Аврора” и памятник Ленину у Финляндского вокзала. Но, конечно, классические черты града Питера захватили нас. (Кожинов потом вспоминал, что, стоя на Сенатской площади у “Медного всадника”, он не столько рассматривал сам памятник, сколько пытался сравнить мраморного Петра с всплывающими в памяти его живописными изображениями. — С. К.) Вадим уже тогда великолепно знал историю и архитектуру, мог часами рассказывать об улицах и домах — и в Ленинграде, и в Москве...

Своеобразное озорство, “авантюрная жилка”, натура поэта и артиста — и вместе с тем блестящая образованность, удивительная память, учёность, не становившаяся важностью, а соединявшаяся с крылатостью, естественное умение дружить, распахнутость, внезапность, импровизационность и... серьёзность, обдуманность — обаяние Кожинова покоряло всех.

Прибавьте к этому гитару в руках Вадима, чей репертуар был неистощим. Звон струны слышен, кажется, во всём облике и во всём творчестве Вадима Кожинова”.

Сам же Вадим в это время круто меняет свою личную жизнь. Он женится на студентке юридического факультета Людмиле Рускол, фактически против воли родителей. Дошло до того, что мать спрятала Вадимов паспорт, чтобы дело не дошло до официального брака, но Вадим его попросту выкрал. Понятно, что после этого ни о какой совместной жизни под одной крышей двух семей было невозможно говорить. Молодые супруги перебрались в студенческое общежитие, где и делили все трудности общежитийского бытия с остальными студентами, весьма и весьма плохонько одевавшимися и обедавшими чёрным хлебом с горчицей или сахаром и жиденьким чаем.

Кожинов через много лет вспоминал одну из ярких сцен, связанных с его невестой: она во время прогулки сказала, что ей нужно забежать на свой факультет, ибо необходимо о чём-то договориться с сокурсником Аркадием Ваксбергом (будущим известным публицистом). “Но разговор не получился, ибо, как оказалось, на факультете только что закончилась лекция самого А. Я. Вышинского. Когда мы вошли, он спускался по лестнице, вдоль которой выстроились восторженные слушатели, стремясь поближе взглянуть на легендарного человека. Среди них стоял с сияющим лицом и Ваксберг, который просто не смог говорить с Рускол из-за владевшего им восторга. Он только непонимающе улыбался, и меня крайне удивил столь беспредельный культ Вышинского...”

Уж что-что, а прививку от всяких “культов” Вадим получил достаточно рано. Тем более, что его молодая любознательность не имела пределов. В начале 1950-х годов он с увлечением слушал по радиоприёмнику “Голос Америки”, откуда и узнал о начале войны в Корее... И это прослушивание нисколько не мешало восторженному изучению Маяковского, а также не внушало ни малейшей симпатии к капитализму в каких бы то ни было его проявлениях. Более того, неприятие любого “культа” органически сочеталось со всё увеличивающейся внутренней “революционностью”, которая сама по себе отталкивала любое проявление бытовой и политической “старорежимности”.

“...”Комсомольский энтузиазм”, — писал Вадим Валерианович, — владел в то время и такими молодыми людьми, позднейшая жизнь и деятельность которых шла в совсем ином русле. Так, ныне даже нелегко поверить,

что литературовед Сергей Бочаров и культуролог Георгий Гачев в конце 1940 – начале 1950-х годов входили в руководство факультетской организации ВЛКСМ... И, между прочим (вопреки господствующим теперешним представлениям о том времени), комсомольской карьере Гачева не помешало ни то, что его отец был репрессирован в 1938 году, ни то, что его мать – еврейка; осенью 1949 года Гачев стал секретарём организации ВЛКСМ III курса факультета, в которой насчитывалось 300 комсомольцев...”

(Кстати сказать, Людмила Рускол была чистокровной еврейкой из семьи, где среди ближайших родственников не было ни одного “инородца”. Но для Вадима это не имело никакого значения ни тогда, ни после.)

Весьма занятно проявилась неприязнь Кожиновым “культы личности” при обсуждении “классической” работы Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, направленной против Н. Я. Марра и его теории стадильности развития языка и его основного положения, что, дескать, “язык есть надстройка над базисом”. А Марр с его учением, надо сказать, был в то время абсолютным монополистом в языковедческой области.

Кожинов, слушавший в МГУ лекции выдающегося филолога Виктора Владимировича Виноградова, в принципе отрицавшего марровскую теорию (и, кстати, говоря, готовившего предварительные материалы для сталинского сочинения), не без волнения читал пассажи весьма любопытной работы вождя, в частности, о том, что в лингвистике “господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики... преследовались и пресекались... Снимались с должностей или снижались по должности ценные работники и исследователи... Общеизвестно, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общеизвестное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая... стала самовольничать и бесчинствовать... аракчеевский режим, созданный в языкознании, культивирует безответственность...”

Сейчас ничего не стоит обратиться эти гневные слова по адресу их автора. Но тогда борьба с “аракчеевским режимом” в языковедении была воспринята, что называется, на голубом глазу... Вадим по “литературным дискуссиям” в “Литературной газете”, да и на самом факультете наблюдал сей “аракчеевский режим” в действии, тем более, в исполнении своих же конкурсов...

И вот на филфаке, уже в год защиты Кожиновым диплома, состоялось обсуждение сталинского труда. “Как учил товарищ Сталин”, никто никому не зажимал рта, свобода обсуждения была, невиданная доселе. Казалось, что в аудиторию ворвался воздух митинговых 1920-х, о которых студенты знали только по книжкам и которые они, естественно, безоглядно идеализировали.

Доклад делал Пётр Палиевский. В свободной форме он изложил свои мысли, в чём-то существенном не согласующиеся не только с Марром, но и с его всемирно известным критиком. На Палиевского тут же набросился Юрий Суровцев, осуждая докладчика с ортодоксально-марксистских позиций (это “грозное оружие” было отточено им именно на студенческой скамье в конце 1940-х). Вадим слушал всё с самым живым интересом, а потом включился в обсуждение чисто “игровым” способом. Он решил поставить и докладчика, и аудиторию в тупик, и это искусство, позже не раз ему пригождавшееся, также было отработано ещё в те годы.

На обсуждении собрались как дипломники, так и студенты младших курсов. Лев Аннинский, Игорь Виноградов, Владимир Лакшин, Станислав Лесневский, Юрий Манн, Олег Михайлов, Станислав Рассадин, Владимир Турбин, Феликс Фридлянд (будущий Светов), Лазарь Шиндель (будущий Лазарев) стали свидетелями запоминающейся сцены. Аннинский через много лет вспоминал о том своём впечатлении:

“С докладами выступали четверокурсники, изо всех сил державшиеся солидно. Так и шло: мы орали, они вещали, аспиранты снисходительно созерцали этот карнавал интеллекта, преподаватели созерцали его с тревогой.

Вдруг объявили: “дипломник Кожинов”. Эта фамилия ничего не сказала мне, и секунд тридцать я слушал рассеянно, пока до меня не дошло то, что выкрикивал взлетевший на трибуну парень – несмотря на очки, совершенно ненаучного вида.

— У Сталина сказано, что надстройка — великая активная сила, — весело сообщил он (я поразился лёгкости, даже бесцеремонности, с какой оказалось употреблено сакральное имя вождя). — Палиевский здесь нам докладывает, что литература — не надстройка. Значит, Палиевский не считает литературу великой и активной силой?

Я осип. Это было что-то запредельное то ли из коварной средневековой схоластики, то ли из дерзостей андерсеновского ребёнка. О, я запомнил этого дипломника! На всю жизнь”.

Честно говоря, жалко, что нет под рукой стенограммы этого обсуждения (если она вообще была!). Память — штука прихотливая, слишком многое стремится высветить в нужном свете, вырвать из контекста событий, проставить нужные (на момент рассказа!) акценты... Пётр Палиевский вообще, вспоминая этот эпизод, утверждал, что Кожинов тогда солидаризировался с Суровцевым... Но интересно, однако (если всё звучало именно так!), что Вадим перевернул здесь мысль Палиевского совершенно другой стороной. И при этом ещё, наверняка, ехидно подмигнул: ну, как ты теперь выкрутишься? И победоносно посмотрел в аудиторию: кто возразит? И, главное, как?

Проще всего сказать здесь: ну и демагог! Но Кожинов с юности любил такие игровые моменты (Лесневский говорил ему: “Ты играешь в карты с таким видом, будто играешь в шахматы”. А ведь наверняка мог бы сказать: “Играешь в шахматы с таким видом, словно в карты”). Он и позднее, в уже вполне взрослой жизни, самые серьёзные послы облекал в такую форму, что любое всамделишное возмущение его умозаключениями невольно ставило в смешное и нелепое положение самого возмущавшегося... И, прямо скажем, доставалось Вадиму Валериановичу за это немало!

Тут, правда, следует уточнить: вся эта дискуссия проходила уже после смерти Сталина. Страна отплакала, но ещё не успокоилась. Не столько многие жалели об уходе вождя, сколько не на шутку тревожились: что будет дальше? Не пора ли готовиться к новой войне?... А тут ещё начало массовых реабилитаций, разоблачение Берии, неясные гадания о будущем...

А у Вадима были свои заботы. Совсем недавно родилась дочь Елена. Надо было думать о содержании семьи — и тут на горизонте возникла проблема распределения.

Кожинов блестяще сдал госэкзамены по основам марксизма-ленинизма, русскому языку и его истории, русской литературе. Не менее блестяще защитил диплом на тему “Лирика Некрасова и Маяковского”. Более того, уже в “Литературной газете” была опубликована его статья “Некрасов и Маяковский” с весьма основательными параллелями в творчестве того и другого с особенным акцентом на некрасовских “Современниках”: “...Сатирическая поэма Некрасова “Современники” явилась новаторским шагом в развитии языка русской поэзии. В поэму, с исключительной разносторонностью вобравшую разговорную речь различных слоёв петербургского населения, широко вошли политическая и деловая терминология, язык газеты, биржи, канцелярии... Во всей русской поэзии мало произведений, более близких поэзии Маяковского по своей стилистике, чем поэма “Современники”... Его (Некрасова. — **С. К.**) яркие сатирические образы обнажали звериный облик новых эксплуататоров. Он показал, что российские дельцы считают себя учениками американских бизнесменов: “Наш идеал, — говорят, — заатлантический брат: Бог его — тоже ведь доллар!...” (Отсылка к “российским дельцам” тем более значима, что в “Современниках” нет ни одного собственно русского “дельца”: “Денежки есть — нет беды. Денежек нет — есть опасности!” Так говорили жиды. Слог я исправил для ясности” — так у Некрасова).

...В общем — никаких препятствий выпускнику с подобным “послужным списком” для поступления в аспирантуру, казалось, не существовало. Но тут всплыла история с Белкиным. Золуля по-своему пожелал “разделаться” со строптивым выпускником и выписал ему распределение учителем в полувоеенизированную железнодорожную школу далеко на Восток.

И тут вмешался профессор МГУ Леонид Тимофеев.

“Ув. тов. Почекутов!

Не смог с Вами договориться по телефону и посылаю — как договорились — письмо.

Дело моё состоит в следующем.

Филологический факультет в текущем году окончил студент Кожинов.

Кафедра сов(етской) лит(ературы) даёт ему прекрасную характеристику. Инст(итут) мировой литературы весьма заинтересован в том, чтобы включить его в свою аспирантуру и подал на него в МГУ заявку.

Однако, по словам декана фил. ф. проф. А. Соколова т. Кожинов уже направлен на пед(агогическую) работу на Алтай. Я и возбуждаю перед вами просьбу дать разрешение т. Кожинова направить в ИМЛИ.

Я прошу об этом и как проф. МГУ, хорошо знающий т. Кожинова, и как завсектором сов(етской) литературы ИМЛИ, которому очень нужны способные молодые кадры.

Если есть малейшая возможность, было бы очень хорошо, если бы т. Кожинов был к нам направлен.

Обращаюсь к Вам по совету проф. Метченко, зав. кафедрой сов. литературы МГУ.

Ув(ажаящий) Вас. Проф. Л. Тимофеев.
15.V.54”.

Для поступления в аспирантуру нужна была, в первую очередь, абсолютно благожелательная характеристика. И эту характеристику написал Игорь Виноградов, а её текст заверили своими подписями 26 мая декан филфака профессор Алексей Георгиевич Соколов и председатель профбюро Клавдия Васильевна Горшкова.

“ХАРАКТЕРИСТИКА

На окончившего в 1954 г. филологический факультет МГУ Кожинова В. В. г. р. 1930, русский, член ВЛКСМ.

Окончил отделение русского языка и литературы на отлично. Т. Кожинов проявил себя как серьёзный и вдумчивый студент, интересующийся наукой. Его курсовые работы всегда отличались большой самостоятельностью и носили исследовательский характер, затрагивающий ведущие проблемы советской литературы. Выступления Кожинова на семинарах по социально-экономическим проблемам показали глубокие и серьёзные знания.

За время пребывания в комсомольской организации факультета вёл следуюшую общественную работу: корреспондент газеты “Московский университет” (1948-1949 гг.), комсорг группы (1950 г.), ответственный за переписку при Вузкоме (1951 г.), работник факультетской газеты “Комсомолия” (1951-52), староста курса (IV-V кк.), а также вёл большую работу при НСО (староста советской секции), руководил кружком по советской литературе для 10-х классов, читал лекции по советской литературе в школах г. Москвы.

К своим обязанностям относился с полной ответственностью и горячим интересом”.

Все препятствия, в конце концов, были устранены. Кожинов стал аспирантом Института мировой литературы.

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО

директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В день рождения В. И. Ленина 22 апреля в центральных газетах было опубликовано сообщение о присуждении Ленинских премий. Первую Ленинскую премию получили писатель Леонид Леонов, татарский поэт Муса Джалиль, скульптор Сергей Конёнков, композитор Сергей Прокофьев и балерина Галина Уланова. В газете “Правда” была напечатана по этому поводу передовая “Имени великого вождя”¹. А на второй странице этого же номера “Правды” под шапкой “К 87-й годовщине со дня рождения В. И. ЛЕНИНА” была опубликована статья П. Трофимова “Наука управления искусством”. В статье утверждалось, что во всех постановлениях партии, начиная с постановления VIII съезда РКП(б) 1919 года по вопросам печати и кончая постановлениями ЦК ВКП(б) 1946–1948 года по идеологическим вопросам, “нашли воплощение ленинские принципы руководства советским искусством” и что “Коммунистическая партия направила писателей, художников, композиторов по широкому и единственно правильному пути – по пути социалистического реализма”. Правда, автор замечает, что “не все пункты некоторых из этих постановлений являются достаточными с точки зрения наших современных требований, но в основных своих положениях они до сих пор имеют огромное значение для развития нашей художественной культуры”. И в качестве образцовых сочинений, созданных на основе метода социалистического реализма, упомянуты “выдающиеся, всемирно известные произведения современности – романы “Мать” Горького и “Тихий Дон” Шолохова, картины “На старом уральском заводе” Иогансона и “Ходоки у Ленина” Серова, опера Хренникова “В бурю” и оратория Шостаковича “Песнь о лесах”...”.

Автор статьи на всякий случай предупреждает читателя, что “отход от метода социалистического реализма был бы губительным для развития советского искусства” и что этот отход “неизбежно ведёт художника к отрыву от современности, от народа, толкает его в болото индивидуализма и субъективизма, формализма и декадентщины и ведёт к ликвидации советского искусства как могучего средства коммунистического воспитания трудящихся”. И далее автор обращает внимание на то, что “на воспитательную сторону искусства социалистического реализма особое внимание обратил XX съезд КПСС”.

Ни в одном из основных документов XX съезда КПСС нет ни слова о социалистическом реализме, Хрущёв в своём знаменитом докладе “О культуре личности и его последствиях” ни разу не упомянул вообще, а не то, чтобы

Продолжение. Начало в №1,5,6 за 2016 год, №6,8 за 2017 год, №2 за 2018 год и №1,5 за 2019 год.

добрым словом, постановления ЦК ВКП(б) 1946–1948 года. В 1957 году сложилась парадоксальная ситуация. XX съезд разоблачил культ личности, и при всех пертурбациях последующего времени, при всяческих оговорках и ретушировании, попыток пойти на попятную и на компромисс, от разоблачения культа КПСС всё же не отказывалась. Однако на съезде и после него не была выработана новая культурная политика и в отношении искусства и литературы оставались фактически в силе самые одиозные идеи и документы сталинской эпохи. Такой вот парадокс того времени.

И это касалось не только культуры. В сентябре 1957 года завершился трансатлантический перелёт самолёта Ту-104 из Москвы в Нью-Йорк и обратно². Примерно в это же время прошли успешные испытания нового турбовинтового самолёта Ту-114 – на тот момент самого большого в мире пассажирского лайнера. Осенью того же года один за другим были запущены два искусственных спутника Земли. А 26 ноября на юбилейной сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина с докладом “Теоретические успехи агрономической биологии” выступал одиозно знаменитый борец с моргановской генетикой академик Т. Д. Лысенко. На этом собрании присутствовали иностранные учёные...

* * *

Поставив в один ряд весьма скромную оперу Хренникова³ и далеко не самое лучшее произведение Шостаковича – ораторию, созданную к 70-летию тов. И. В. Сталина⁴, – автор статьи “Наука управления искусством” как бы уравнивал в правах этих композиторов. Собственно, то же самое можно было услышать и в речи Д. Т. Шепилова, и в ряде официальных статей и документов Второго Всесоюзного съезда советских композиторов. Такое понимание равнозначности, равноценности этих двух композиторов было присуще не только партийным чиновникам (впрочем, не всем), но и широким кругам общественности, далёкой от музыки. Не исключаю, что и Хренников тоже втайне полагал, что он талантлив не менее Шостаковича.

После Второго съезда главной ареной соперничества между этими композиторами стало творчество. Ибо, как говорил Свиридов, “наше главное оружие в борьбе – это наши песни”.

1957 год был необыкновенно насыщенным разного рода событиями: синхрофазотрон в Дубне, Ту-114, запуск искусственного спутника, совнархозы, отмена займов, фестиваль в Москве, празднование 250-летия Петербурга–Ленинграда, празднование 40-летия Октябрьской революции, новые планы массового жилищного строительства, отмена обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции. И это при ожесточённой борьбе внутри партии, кризиса, приведшего к Июньскому пленуму с разоблачением антипартийной группы, смещению Г. К. Жукова с поста министра обороны. К тому же всё это проходило на фоне бурных событий в мире: Суэцкий кризис, доктрина Даллеса–Эйзенхауэра, Багдадский пакт, расширение НАТО, события в Иордании, Сирии, Йемене, венгерский вопрос, германский вопрос, борьба за мир, упрочение связей со странами социалистического лагеря, портящиеся отношения с Китаем, диалог о разоружении с Западом. Небывалое количество обмена партийно-правительственными делегациями, поездки руководителей партии и правительства в страны Дальнего Востока, в Европу.

На следующий день после открытия съезда композиторов 29 марта из Москвы отбыла внушительная правительственно-партийная делегация Венгерской Народной Республики во главе с главой Венгерской социалистической рабочей партии Яношем Кадаром. 11 апреля в Москву прибывает Правительственно-партийная организация Народной Республики Албания. Тов. Энвер Ходжа, первый секретарь ЦК Албанской партии труда и член Президиума Народного собрания НРА, и тов. Мехмет Шеху, Председатель Совета Министров НРА.

В апреле начинается длительный визит К. Е. Ворошилова в страны Дальнего Востока, в Пекине он встречается с Мао Цзедуну⁵. В это же время

А. Громыко и Г. Жуков в Бухаресте обсуждают правовой статус советских войск, временно находящихся на территории Румынской Народной Республики. В мае Булганин с Хрущёвым посещают Финляндию. Поездки и обмены делегациями шли целый год. По нарастающей.

1957 год – год укрепления власти Никиты Хрущёва. 9 апреля газета “Правда” публикует Указ Президиума Верховного Совета СССР “О награждении Первого секретаря ЦК КПСС Героя Социалистического Труда ХРУЩЁВА Н. С. орденом Ленина и второй золотой медалью “Серп и молот” за выдающиеся заслуги в разработке и осуществлении мероприятий по освоению целинных и залежных земель”.

8 мая газета “Правда” публикует доклад Н. Хрущёва на VII сессии Верховного Совета СССР “О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством”. Централизованное управление производством фактически ликвидировалось (за исключением всех отраслей, связанных с обороной), большинство производств подчинялись местным органам власти, хозяйствование переходит Советам народного хозяйства. Начавшаяся реорганизация управления хозяйством в стране не вызвала энтузиазма у специалистов, работников министерств, Госплана, в ЦК КПСС. Как писал в своей монографии о Н. Хрущёве Рой Медведев, “в мае 1957 года после почти трёхмесячного “всенародного обсуждения” новая реформа была принята Верховным Советом СССР и стала законом. Практическая реализация этого закона была очень поспешной и вызвала серьёзное напряжение на правительственном и высшем партийном уровнях”⁶.

В 1957 году было решено запоздало отпраздновать юбилей Петербурга–Ленинграда, который должен был быть отмечен ещё в 1953 году. 22 мая на Дворцовой площади состоялась общегородской митинг, на котором выступил Н. Хрущёв. Именно там родился знаменитый лозунг “догнать и перегнать Америку”. Хрущёв предложил догнать США по производству мяса, масла и молока. Опять цитирую Роя Медведева. “Именно это выступление Хрущёва в Ленинграде, как теперь известно, стало причиной создания в Президиуме ЦК решительной оппозиционной группы, наемавшей его смещение с поста Первого секретаря ЦК КПСС за авантюрную политику. Ядром группы были Молотов, Маленков и Каганович... <...> К заговору примкнул и Ворошилов, боявшийся разоблачений своих действий в сталинские времена. Булганин, Первухин и Сабуров также согласились с проектом отстранения Хрущёва. Окончательно члены оппозиции согласовали план во время поездки Хрущёва и Булганина в Финляндию. После торжественной встречи вернувшийся в Москву 18 июня Хрущёв сразу попал на заседание Президиума ЦК КПСС. На следующий день, хотя в газетах напечатали групповой портрет радостной встречи Хрущёва с членами Президиума, он практически был смещён голосами восьми членов Президиума против четырёх (кроме Хрущёва, объединённой оппозиции противостояли Сулов, Фурцева и Микоян). Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Д. Т. Шепилов, ранее (на посту редактора “Правды”) всё время поддерживавший Хрущёва и только недавно выдвинутый им на пост министра иностранных дел, после определённых колебаний примкнул к оппозиции”⁷.

Все дальнейшие события подробно описаны в различных источниках, издана стенограмма Июньского пленума. Помню рассказ Г. В. Свиридова. Он считал, что в тот момент проявила смелость и незаурядную энергию Екатерина Алексеевна Фурцева, которая по “вертушке” весь день вызванивала секретарей обкомов и горкомов и вызывала их срочно приехать в Москву⁸. Хрущёв в это время был в Ленинграде. Решающую роль, по мнению Свиридова, сыграл Жуков, давший приказ кантемировской дивизии ввести танки в Москву.

В этой напряжённой обстановке 250-летие Петербурга–Ленинграда прошло скромно. Был учреждена медаль “В память 250-летия Ленинграда”, почётных званий народных артистов СССР были удостоены Н. Дудинская, К. Лаптев, В. Полицеймако, К. Сергеев, Г. Товстоногов, народного художника СССР – В. Лишев. Пожалуй, самым заметным событием стало открытие памятника А. С. Пушкину работы М. К. Аникушина на пл. Искусств 19 июня. Через год этот памятник будет выдвинут на Ленинскую премию. В комитете по Ленинским премиям состоялось знакомство скульптора с композитором Свиридовым, переросшее в долгую дружбу, сохранившуюся на всю их жизнь. В одной из тетрадей “Разных записей” Свиридов запишет “Памятник Пушкину

Аникушина поёт, певучая бронза”⁹. Это один из лучших памятников своей эпохи: полётный, свободный, вдохновенный Пушкин с высоко поднятой головой (в отличие от поникшей головы у опекушинского Пушкина в Москве), это был памятник эпохи надежд, ожидания перемен к лучшему. . .

Между тем внутривластьная борьба в партии протекала на фоне не менее драматических событий в странах соцлагеря. 28 июня газета “Правда” публикует доклад Чжоу Эньлая на Четвёртой сессии всекитайского собрания народных представителей “Решающие победы социализма в Китае”. Руководство китайской компартии, Мао Цзедун не признали решений XX съезда КПСС. Весь 1957 год шли напряжённые переговоры, обмен делегациями. Мао Цзедун приехал на торжества по случаю 40-летия Октябрьской революции в Москву, но уже на следующий год в Китае начался “большой скачок”, и в отношениях между КПК и КПСС наметилась большая трещина. На следующий день, в субботу 29 июня “Правда” напечатала доклад Яноша Кадара на Всевенгерской конференции ВСРП “В борьбе за упрочение социалистического строя”¹⁰. Венгерские события были незаживающей раной советской внешней политики, весь 1957 год информация о Венгрии не сходила со страниц советской печати. А в воскресенье Хрущёв получил от главного редактора японской газеты “Асахи Симбун” г-на Т. Хироока во время беседы с ним приглашение прилететь в Японию¹¹. Речь в беседе шла о мирном соглашении между СССР и Японией.

Пленум завершился 29 июня. Но информация о нём появилась не сразу. Первого июля “Правда” вышла с передовицей “Большие задачи Советов народного хозяйства”, второго июля газета сообщает о докладе главы Компартии Германии Макса Реймана и выступлении Мориса Тореза во Франции. Лишь третьего июля на первой странице в “Правде” появляется передовица “Непоколебимое единство”, а на следующих двух публикуется редакционная статья “Ленинское единство партии – источник её непобедимой силы”, в которой впервые в печати появляется намёк на пленум: “Задача всех коммунистов – оберегать и укреплять единство и сплочённость партии, её руководящего ядра, всегда помнить, что непобедимая сила Коммунистической партии – в ленинском единстве её рядов”¹².

И только 4 июля появляется Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, появляется формулировка “антипартийная группа Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.”, а в Постановлении Пленума ЦК КПСС появляется дополнение “примкнувший к ним Шепилов”, ставшее на долгие годы летучим выражением.

На следующий день 5 июля оперативно публикуется Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 июля 1957 года “Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих”. Конечно, это несопоставимо по значимости с отменой продразвёрстки в 1921 году, тем не менее, отмена поставок была одной из редких акций, которая вызвала одобрение у крестьян¹³. Публикация Постановления сопровождалась передовицей “Ленинское единство партии несокрушимо!”. И тут же, в этом номере, на 2-й и 3-й страницах пошли одобрения коммунистов Ленинграда, армии и флота, латышей, азербайджанцев, парторганизации Западного Урала, шахтёров, писателей.

В субботу 6 июля Хрущёв едет в Ленинград, к своему стороннику, секретарю Ленинградского Обкома КПСС Ф. Козлову, выступает на митинге коллектива завода “Электросила”, вручает ленинградцам награды по случаю 250-летия города. Вместе с ним в Ленинград приехали Н. Булганин, К. Ворошилов, О. Куусинен, Н. Шверник, Е. Фурцева. Ф. Козлов выступал на Кировском заводе. Нетрудно догадаться, что здесь Хрущёв услышал голоса поддержки широких масс трудящихся города. Почувствовав уверенность в своей победе, Хрущёв вместе с Н. Булганиным, Н. Патолычевым и В. Гришиным летит днём 8 июля в Чехословакию.

Для истории советского периода русской музыки в Июньском пленуме ЦК КПСС 1957 года наибольший интерес представляет судьба Д. Т. Шепилова. На пленуме его втоптали в грязь, облили нечистотами. Обвиняли в сговоре с Кагановичем и Молотовым, в том, что он составлял с ними текст резолюции о смещении Хрущёва с должности первого секретаря ЦК КПСС. Как только его не называли! И “высокомерный, зазнавшийся человек” (Шелепин)¹⁴, и “политической проституткой” (Аристов), “гнусным в политике” (Беляев). Брежнев:

“Двурушническую роль в этом грязном деле играл так называемый “идеолог” Шепилов”. И т. д., и т. п. По меркам 1937 года его неминуемо ожидал бы расстрел. Но в 1957 году в партии уже царили иные нравы по отношению к однопартийцам своего уровня. Он был выведен из состава кандидатов в члены Президиума и из состава членов ЦК, был фактически сослан во Фрунзе на должность замдиректора Института экономики АН Киргизской ССР. Естественно, он перестал курировать ЦО КПСС газеты “Правда”, и отдел культуры ЦК КПСС уже не находился в его подчинении¹⁵.

Sic transit gloria mundi...

* * *

Так как официальная информация об июньском пленуме была опубликована в газетах 4 июля, то передовица об этом пленуме с дежурным названием “С родной партией, по ленинскому пути, к высотам коммунизма!” появилась в журнале “Советская музыка” только в восьмом, августовском номере. Примечательно, что в этой передовице ни разу не был упомянут “примкнувший к ним Шепилов”. Трудно сказать, почему так получилось. Не исключено, что таким образом, молчаливо Хренников выразил свою признательность бывшему секретарю ЦК КПСС, которому он во многом был обязан своим постом в Союзе композиторов СССР.

Конечно, Хренников был не просто везучим человеком. Он обладал сметливым, практичным умом, каким-то звериным чутьём, сноровкой, обладал большим количеством знакомств, связей, прекрасно знал партийно-чиновничий мир и умел с этим миром общаться.

Сразу после съезда на Хренникова обрушилась целая лавина проблем — организационных, творческих, хозяйственных. Сначала он решал вопросы с секретариатом, со своим аппаратом, параллельно добиваясь утверждения новых уставов Союза композиторов СССР и Музфонда. При этом он не забывал и решения злободневных бытовых вопросов, особенно жилищного. При нём композиторы уже получили кооперативный дом-махину в самом центре Москвы, практически целый квартал, от Брюсова пер. до ул. Огарёва (ныне вновь Газетный пер.), 60 квартир в доме на Студенческой (недалеко от угла с Кутузовским проспектом), который Союз композиторов строил совместно с ВТО. Но квартир явно не хватало, особенно молодым композиторам, Хренникова одолевали настойчивыми просьбами. И уже сразу после съезда 15 апреля он обращается в ЦК КПСС с заявлением “О необходимости улучшения жилищных условий для московских композиторов” с просьбой о “предоставлении СК СССР права использовать жилищную площадь, которая освободится при заселении строящегося на средства Музфонда дома, для передачи её членам нашего Союза”.

Хренникову отказали¹⁶, тем не менее, первый секретарь не сдавался. Жилищный вопрос был постоянно предметом его особого внимания. 31 сентября Г. Восканян на очередном заседании Секретариата СК ССР выступил с сообщением о том, что в начале 1958 года будет завершено строительство дома для композиторов на 60 квартир¹⁷.

Надо отдать должное Хренникову. Он практически всегда откликнулся на подобного рода просьбы рядовых членов ССК СССР и по мере возможности решал бытовые проблемы композиторов. И хотя мне, члену Союза композиторов Ленинграда, не приходилось обращаться к Тихону Николаевичу с какими-либо просьбами, но Георгий Васильевич Свиридов, у которого с Хренниковым были весьма непростые отношения, тем не менее, мне советовал при необходимости обращаться к первому секретарю, считая, что в этом смысле на Хренникова можно положиться. Он слыл человеком дела, и, между прочим, это его качество привлекало к нему многих композиторов и музыковедов, рядовых членов Союза, независимо от их вкусов и чисто композиторских пристрастий.

Хренников энергично взялся за дело. Он умел как-то решать одновременно творческие и организационные вопросы. 27 и 28 июня 1957 года состоялся Второй пленум Правления Союза композиторов. Приветствуя собрание, Хренников оглашает повестку дня. Первыми были два вопроса:

1. Работа композиторов к 40-летию Великого Октября;
2. Утверждение Уставов Союза композиторов и Музфонда.

Не менее важным и насущным был и третий вопрос: доклад директора издательства “Советский композитор” о работе издательства.

В первый день состоялись прения по уставам. Во второй день на обоих заседаниях обсуждали проблему празднования 40-летия Октября. Утром о подготовке к 40-летию доклад зачитал С. В. Аксюк, и по этому докладу состоялись прения, вечером продолжили обсуждение п. 1 Устава СК СССР и рассмотрели вопрос о готовности Министерства культуры СССР к 40-летию. В конце был заслушан и обсуждён доклад директора издательства “Советский композитор” Б. Д. Владимирского.

Вопрос о праздновании 40-летия имел важное для Хренникова, можно сказать, стратегическое значение. Ему было необходимо убедить партийные инстанции, министерство культуры СССР в “дееспособности” ССК СССР и его личной как первого секретаря Союза, в готовности композиторов откликнуться на важное государственно-политическое мероприятие, в необходимости включить в праздничные мероприятия исполнения сочинений советских композиторов, специально написанные к юбилею. Конечно, Хренников пёкся не только об исполнении сочинений своих коллег, сколько о своей собственной опере “Мать”, премьеру которой он специально готовил к юбилею. Причём речь шла об исполнении этой оперы не только в Москве, в Большом театре, но и в других городах¹⁸.

В своем докладе С. Аксюк исходил из Постановления ЦК КПСС “О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции”, опубликованного 27 марта 1957 года. Главное место в культурной программе юбилея должен был занять Всесоюзный фестиваль драматических и музыкальных театров, ансамблей и хоров. Т. Н. Хренникову было предложено войти в состав оргкомитета фестиваля. Составной частью этого фестиваля был Всесоюзный смотр драматических театров и всесоюзный музыкальный фестиваль. Так как было решено, что в смотре могут участвовать любые творческие коллективы, то для отбора лучших Министерство культуры СССР создало специальную комиссию-жюри. Музыкальную секцию этого жюри возглавил Д. Кабалевский.

Смотр состоял из двух туров, причём на втором в ноябре и декабре отобранные театральные и музыкальные коллективы должны были показать свои лучшие спектакли и концертные программы в Москве. Поэтому Союз композиторов придавал этому фестивалю и смотру большое значение. Надо отдать должное Хренникову, занимаясь делами Союза, он ещё успевал готовиться к премьере своей оперы, на которую возлагал большие надежды. Мне неизвестно, ездил ли он на репетиции в Горький и Ленинград, но наверняка был в Большом театре. Спектакль предполагался на высоком уровне. Достаточно сказать, что ставить спектакль были приглашены известные театральные деятели, народный артист СССР, пятикратный лауреат Сталинской премии режиссёр Н. Охлопков и главный художник Большого театра, народный художник СССР В. Рындин.

Второй съезд композиторов дал импульс для исполнения музыки советских композиторов за рубежом. Этому придавалось важное идеологическое значение, музыка советских композиторов была составной частью культурной пропаганды. 11 июля 1957 года в Секретариате ЦК КПСС обсуждался вопрос “о серьёзных недостатках в репертуаре выезжающих за рубеж коллективов советских артистов”. Было выработано специальное постановление Секретариата, министру культуры СССР Н. Михайлову “было указано на неправильную практику игнорирования советскими исполнителями произведений о жизни советского народа и было предложено исправить эту ошибку”¹⁹.

Вопрос этот был достаточно деликатным. Дело в том, что принимающая сторона, какой-нибудь американский импресарио, в том числе и хорошо известный в СССР Сол Юрок, предлагает исполнить ту или иную программу Давиду Ойстраху или Эмилю Гилельсу и решает этот вопрос сам в процессе переговоров с советской стороной, с самими исполнителями, с Министерством культуры СССР или с Госконцертом. В других случаях, к примеру, Святослав Рихтер сам предлагал свою программу. И повлиять на Сола Юрока или Святослава Рихтера было невозможно, тем более заставить их исполнять в обязательном порядке музыку Тихона Хренникова.

Шостакович без видимого для посторонних волнения пережил своё поражение с Десятой, не получившей Ленинскую премию. Написал о С. Прокофьеве очень хорошую, непривычно сердечную для Дмитрия Дмитриевича статью²⁰. Поздравил М. Мендельсон-Прокофьеву с присуждением Ленинской премии С. Прокофьеву. Из неудачи с Десятой и из первого общения с Комитетом по Ленинским премиям он извлёк урок и... стал готовиться к покорению новой премии. Судя по его дальнейшим действиям, Шостакович резко меняет тактику своего общественного поведения. Складывается впечатление, будто его кто-то подменил...

1 мая газета "Советская культура" опубликовала его довольно большую и в своём роде программную статью "Воспламенять сердца". По своему тону, по лексике она резко отличается от выступления Шостаковича на Втором съезде композиторов. В газетной статье Шостакович предстаёт закованным в латы официоза, теперь он соблюдает необходимый этикет, делая необходимые поклоны партии²¹, высказывая уверенность, что Второй Всесоюзный съезд композиторов "окажет благотворное влияние на дальнейшее развитие нашего музыкального творчества" и что "съезд вновь с большой силой подчеркнул ту непреложную истину, что столбовой дорогой развития советской музыки может быть только путь народности и реализма, идейности и мастерства". В качестве примера произведений, "авторы которых сумели наиболее полно и глубоко овладеть методом социалистического реализма", он избирает Седьмую симфонию Сергея Прокофьева.

Правда, он счёл необходимым "напомнить и о том, что метод социалистического реализма понимался нами за последние годы подчас упрощённо, прямолинейно; что были случаи, когда всё, что выходило за рамки личных, к тому же нередко далеко не безупречных вкусов какой-либо одной ограниченной группы музыкантов, объявлялось находящимся вне русла развития советской музыки". Но тут же апеллировал к партии: "В приветствии ЦК КПСС Второму Всесоюзному съезду композиторов подчёркивается, что "метод социалистического реализма требует от советских композиторов последовательной борьбы как с эстетской изощрённостью, безжизненным индивидуализмом и формализмом, так и с натуралистическим примитивизмом в искусстве". Нам вновь напоминают, что мы "призваны отражать действительность в волнующих, прекрасных поэтических образах, проникнутых оптимизмом и высокой человечностью, пафосом созидания и духом коллективизма — всем тем, что отличает мироощущение советских людей", что наша задача — "воздействовать на разум и чувства современников, воспламенять сердца, вдохновлять их на труд во имя победы коммунизма, воспитывать непримиримость ко всяким проявлениям эксплуатации, порабощения, расовой исключительности и других пороков капиталистической системы". В этих словах начертана целая программа для советских композиторов, программа великая и обширная. Осуществление её потребует от нас напряжения всех творческих сил, ибо, конечно, многого ещё недостаёт всем нам, чтобы достичь высот мастерства классиков".

И далее в статье идут пространные рассуждения Шостаковича о композиторах-классиках, приводятся примеры из их творчества. Нашлось место в этой большой статье и молодым композиторам, на которых Шостакович возлагал надежды. "В сущности, значительные достижения советской музыки за последние годы — это едва ли не на треть, если не на половину, успехи молодых композиторов, а они не раскрыли полностью свои дарования".

Нашлось место в статье для напоминания приветствия ЦК КПСС Второму съезду композиторов и речи Д. Т. Шепилова. И не просто напоминания, а опять-таки в качестве защиты от некоторых наветов и несправедливостей: "К сожалению, за последние годы у нас в Союзе композиторов подчас бывало так, что запрос максимально полного раскрытия индивидуальности композитора, своеобразия его творческого лица оказывался на втором плане, и сложная проблема овладения реалистическим музыкальным мышлением трактовалась сужено, односторонне. Сейчас эти ошибочные взгляды справедливо осуждены".

Под конец статьи Шостакович упомянул о недостатках в музыкальной пропаганде, о необходимости безотлагательной кардинальной перестройки

системы музыкального воспитания детей в общеобразовательных школах, как положительный факт отметил организацию Российского хорового общества и создание нового массового журнала “Музыкальная жизнь”.

Трудно понять со стороны, зачем понадобился Шостаковичу такой неожиданный манёвр, такой идейный кульбит в сфере публичности. Если только не иметь в виду, что композитор начинал сражение в борьбе за высшую награду новой хрущёвской эпохи — Ленинскую премию. И он уже готовил новое сочинение для этого. Кажется, и статья была написана для этого, о чем говорит содержащийся в самом конце её скрытый намёк, некое предвозвестие:

“Мне думается, есть все основания надеяться, что ближайшие годы окажутся периодом интенсивнейшего развития нашего музыкального творчества, станут новой весной советской музыки, и мы создадим те яркие, вдохновенные произведения, которых ждёт от нас народ”.

Есть и ещё одно вполне возможное объяснение такого признания в любви к партии. Шостакович не забыл своего поражения не только в Ленинском комитете, но и на Втором съезде композиторов. И там, и там ему противостоял очень опытный, хитрый и опасный игрок Тихон Николаевич Хренников. После композиторского съезда, примерно начиная с мая и особенно летом, после Июньского пленума, начинается новое возвышение Шостаковича. Дмитрий Дмитриевич решает делать уже не чисто творческую, а скорее художественно-политическую карьеру при окончательно утвердившемся во власти Н. Хрущёве. Шостакович вновь решается заключить негласную сделку с государством.

И результаты этого соглашения не заставили себя ждать. В газете “Советская культура” от 11 мая появляется следующая информация: “С 12 мая по 3 июня в Праге будет проходить XII традиционный Международный музыкальный фестиваль “Пражская весна”. В этом году он посвящён музыке XX столетия. Состоится более 50 публичных концертов. Наряду с лучшими музыкантами Чехословакии в них примут участие известные музыканты всего мира: дирижёры И. Маркевич (Федеративная Республика Германии), Ч. Мюнш (США), К. Сильвестри (Румыния), С. Скровачевский (Польша), замечательный итальянский пианист А. Бенедетти-Микеланджели, фортепианный дуэт В. Вронская и В. Бабин (США), бельгийский скрипач А. Гертлер и многие другие. Крупным событием фестиваля явится выступление оперного коллектива театра города Загреб (Югославия). Советское музыкальное искусство представят профессор Д. Ойстрах, народный артист СССР Е. Мравинский, народная артистка РСФСР З. Долуханова и молодой пианист М. Воскресенский. Д. Ойстрах с оркестром Чешской филармонии под управлением Е. Мравинского исполнит Концерт для скрипки с оркестром Д. Шостаковича, кроме того, он даст ряд сольных концертов в Праге и Братиславе. Марк Воскресенский исполнит Второй фортепианный концерт Д. Шостаковича, а также выступит с концертами в ряде городов Чехословакии. Впервые покажет своё искусство в Чехословакии замечательная советская певица Зара Долуханова. Во время фестиваля в Праге состоится международная встреча композиторов, в которой примут участие советские композиторы Д. Шостакович, Д. Кабалевский, М. Чулаки, К. Молчанов, Н. Пейко”²².

Как известно, Шостакович принял приглашение и присутствовал на фестивале. Фестиваль открыл глава Союза чехословацких композиторов, председатель Государственного совета по делам культуры и искусства Чехословацкой социалистической республики, член Чехословацкой Коммунистической партии Вацлав Добиаш.

Следует учесть важность этого мероприятия. На Чехословакию после событий 1956 года в Венгрии и Польше возлагались особые надежды как на наиболее верного союзника СССР из стран социалистического лагеря. Через месяц после окончания фестиваля Прагу посетит Н. Хрущёв с делегацией.

* * *

Второй фортепианный концерт был завершён ещё в феврале 1957 года. Показ концерта состоялся в Министерстве культуры СССР, а не в Союзе композиторов. Премьера концерта состоялась 10 мая в Большом зале Московской

консерватории. Партию фортепиано исполнял Максим Шостакович, которому отец и посвятил своё новое сочинение. В рецензии М. Сокольский отметил вторую часть как “лучшее, что есть в советской музыке”²³. Действительно, эта медленная часть – один из лучших образцов медленных частей у Шостаковича, где во всей силе проявился его несравненный мелодический дар.

И всё же главным событием 1957 года в творчестве Шостаковича стала 11-я симфония. Замысел её возник раньше, ещё в 1955 году, “однако работа Шостаковича, как пишет его биограф С. Хентова, началась лишь в 1956-м”²⁴. “Дальнейшие сведения о Симфонии относятся к лету и осени 1957 года”, – продолжает описывать историю создания 11-й С. Хентова. Она приводит фрагмент письма Дмитрия Дмитриевича Эдисону Денисову от 25 июня 1957 года, в котором он в шуточной форме описывает свою работу над симфонией²⁵. В Хронографе жизни и творчества во втором томе монографии С. Хентовой указано время работы над Симфонией – июнь–июль, а также место – на даче в Комарове. Указана и дата окончания работы – 4 августа 1957 года.

Между тем, 29 июля 1957 года в Москве, на стадионе им. В. И. Ленина состоялось торжественное открытие Шестого Всемирного фестиваля молодёжи и студентов. На этом открытии присутствовал Дмитрий Дмитриевич. Об этом он сам напишет небольшую статью в подборке “Песнь мира и дружбы”, опубликованную в девятом номере журнала “Советская музыка” за 1957 год²⁶. В этой статье композитор делится своими впечатлениями о Международном конкурсе музыкальных произведений на фестивале, о сочинениях молодых композиторов, которые ему пришлось прослушать, будучи главой жюри этого конкурса²⁷. Конкурс открылся 29 июля и продолжался несколько дней, закрылся 6 августа, в этот день были объявлены победители конкурса. О них писал в своей статье Шостакович.

Уж раз упомянут фестиваль, то о нём необходимо сказать несколько слов. Это действительно было огромным, ошеломляющим событием. О нём много писали, снимали фильмы. Много разных явлений родилось в атмосфере этого невиданного прежде в Советском Союзе праздника, наплыва такого огромного количества людей из самых разных стран мира, с разных континентов.

Фестиваль оказал сильное влияние на музыкальную культуру СССР. Прежде всего, это коснулось массовых жанров. Стиль советской массовой песни стал меняться уже в середине 50-х годов. Достаточно вспомнить вышедший годом ранее фильм Э. Рязанова “Карнавальная ночь” с музыкой А. Лепина, со знаменитой песенкой о хорошем настроении в исполнении Людмилы Гурченко. Эта песенка была встречена в штыки в Союзе композиторов и не раз упоминалась как отрицательный пример “опошления” интонационного строя советской песни. В том числе и на Втором Всесоюзном съезде. Объясняется это тем, что старшие композиторы-песенники – А. Новиков, М. Блантер, В. Захаров – на дух не принимали стиль облегчённой, в общем-то мещанской лирики, который пришёл на смену созданному в 1940-е – начале 1950-х годов особому песенному стилю сталинской эпохи с его торжественными песнями-одами, песнями-маршами или песнями в народном духе для хора им. Пятницкого. В сущности, в советской массовой песне происходила интонационная революция, напоминающая по сюжету знаменитую фантазию “Франко-прусская война” Лямшина, исполненную на празднике Ивана Царевича в романе Ф. М. Достоевского “Бесы”. Звучащая в начале победоносно “Марсельеза” постепенно ретируется под наступлением сначала лёгкого, а потом всё более агрессивного мотивчика немецкой песенки “Ах, мой милый Августин”. Великий русский писатель предсказывал победу мелкобуржуазной стихии над социализмом и выразил это в символической музыкальной программной пьесе. Большевики под предводительством Ленина и Сталина беспощадно боролись с этой социальной средой, но ничего поделать не могли. Перестройка и стала символом победы мелкой буржуазии, символом которой стала незатейливая мещанская песенка “Ах, мой милый Августин”...

Московский фестиваль, на котором звучало очень много музыки разных народов, дал возможность широкой, массовой аудитории москвичей познакомиться с американскими танцами буги-вуги, рок-н-роллом, с популярным в те годы стилем “латинос” в исполнении латиноамериканских певцов и музы-

кантов. Вместе с популярным в то время французским шансоном, который продемонстрировал замечательный актёр и певец Ив Монтан москвичам в 1956 году, американский джаз, песенки Френка Синатры, музыка Голливуда сыграли большую роль в становлении нового стиля советской песни второй половины 1950-х годов.

В распространении звукозаписей с американским джазом и модными танцами сыграли свою роль так называемые стилиаги, своеобразные энкруаябли²⁸ и мервейёзки²⁹ хрущёвской “оттепели”. Но в отличие от отпрысков аристократических семей эпохи Директории с их изысканной одеждой, стилиаги щеголяли в поношенных джинсах и сатиновых цветастых рубашках апаш, с модной причёской “канадка” на голове. Стилиаги вызывали к себе настороженное отношение, их критиковали. Их считали чуть ли не предателями Родины: “Сегодня он играет джаз, а завтра Родину предаст”. Впрочем, как и у модников эпохи Директории, у советских стилиаг их одежда и любимая музыка были формой выражения некоторого “мануфактурного несогласия” с советской властью³⁰.

Менее известно, что осталась совершенно никем не описанной обширная программа серьёзной музыки на фестивале. На конкурсах композиторов, исполнителей, в выступлениях профессиональных музыкантов и любителей разных стран в Московской консерватории исполнялось много зарубежной музыки, причём разных стилей и направлений, включая и совсем новую музыку западного авангарда. Как мне рассказывал старейший ленинградский музыковед И. Райскин, в механической записи сочинения П. Булеза, К. Штокхаузена, Л. Ноно, П. Шеффера, Дж. Кейджа, П. Анри, А. Пуссера, не говоря уже о сочинениях ново-венцев А. Берга, А. Веберна, А. Шенберга, И. Стравинского и других, исполнялись в Союзе композиторов на молодёжной секции. На композиторскую молодёжь знакомство с новой западной музыкой произвело очень сильное впечатление. Увлечение ею, её изучение сыграло свою роль. Не случайно именно Московская консерватория стала одним из главных центров, где рождался так называемый советский музыкальный авангард. И рождался он уже как чисто неконформистское направление. Это было уже самостоятельное музыкальное диссидентство, и через некоторое время молодое поколение выступит большим отрядом, с которым придётся считаться композиторам старшего поколения.

* * *

Но возвращаемся к 11-й симфонии. Упустила из виду или сознательно умолчала об участии Д. Д. Шостаковича в работе жюри конкурса композиторов на Шестом Всемирном фестивале дотошная исследовательница его биографии С. М. Хентова, теперь это уже не восстановить, да и не имеет никакого значения. Важно другое. Шостакович сочинял 11-ю симфонию к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В его практике это был не единственный случай, когда он писал произведение к конкретной дате. Конечно, история европейской музыки знает много примеров окказиональной музыки, созданной великими композиторами. Шостакович не был исключением. Писали и Гендель, и Бах, и Моцарт, и Бетховен, и Вагнер, и Рихард Штраус, и П. И. Чайковский, и А. К. Глазунов. Перечислять можно долго. Писали в основном на заказ. Шостакович тоже имел заказы на кинофильмы, на ораторию “Песнь о счастье” (которая получила окончательное название “Песнь о лесах”). Как и многие другие его коллеги-композиторы, он писал сочинения к определённой дате, к очередному съезду партии или юбилею. Но случай с 11-й симфонией особый. Шостакович писал произведение не просто к очередной дате, но явно с прицелом на Ленинскую премию, как это выяснилось позднее.

Уже в сентябре, после показа симфонии сначала в Доме композиторов в Ленинграде, а потом в Москве, в правлении ССК СССР, началась усиленная информационная подготовка перед премьерой. На показы откликнулись сразу несколько газет: “Известия”³¹, “Труд”³², “Советская культура”³³, “Вечерний Ленинград”. В газете “Вечерняя Москва” 28 сентября, как пишет С. Хентова, “появилось интервью с Мравинским, содержащее краткую аннотацию отдельных частей Симфонии”. 28 ноября в Союзе композиторов СССР состоялось обсуждение симфонии³⁴.

Готовились сразу две премьеры, одна – в Москве, другая – в Ленинграде. Московская премьера состоялась 30 октября в исполнении Государственного оркестра СССР под управлением Н. Г. Рахлина, в Ленинграде – 3 ноября в исполнении оркестра Ленинградской филармонии под управлением Е. Мравинского. На московскую премьеру сразу откликнулись две центральные газеты: “Правда” и “Известия”. Обе дали краткую информацию. В “Правде” – сухую, без оценок и комментариев под названием “Первое исполнение Одиннадцатой симфонии Д. Шостаковича”. В “Известиях”, в разделе “Московская хроника” рецензенту удалось вставить буквально три слова о реакции зала: “30 октября **новая симфония Д. Шостаковича “1905 год”** с огромным успехом была исполнена в Большом зале Московской консерватории Государственным симфоническим оркестром СССР под управлением народного артиста СССР Н. Рахлина”.

Рецензия на ленинградскую премьеру появилась в газете “Известия” только 12 ноября³⁵. Рецензия М. Шагинян была большая, тщательно литературно отделанная, с подробным описанием содержания каждой части. Конечно, такие статьи пишутся не в один день. Но всё же М. Шагинян была опытным литератором и прекрасно знала жёсткие условия по срокам написания газетной рецензии. Поэтому в задержке с её выходом причина была не в маститой писательнице. На премьеру Одиннадцатой симфонии откликнулся прославленный актёр Николай Черкасов. Он написал большую статью, и она появилась в газете “Правда” тоже с опозданием – только 15 ноября³⁶.

Одновременно с премьерой 11-й симфонии в это же время, буквально в эти же дни проходили премьеры оперы Т. Хренникова “Мать”. В Большом театре – 26 октября, в театре им. А. С. Пушкина в Горьком – 2 ноября и в театре им. Кирова в Ленинграде – 4 ноября. И тоже с рецензиями произошел задержка. Лишь краткое упоминание об опере “Мать” появляется 2 ноября в газете “Известия” в статье директора Большого театра Михаила Чулаки “Гордость русской национальной культуры”. Статья посвящена театру, речь в ней идёт о разных, ставших историей постановках в Большом русских классических и советских опер и балетов. Как бы между прочим сообщается, что “к 40-й годовщине Октября Большой театр подготовил оперу Т. Хренникова “Мать”. Эта опера воскрешает одну из славных страниц борьбы русского рабочего класса против царского самодержавия в годы первой революции. Режиссёр Н. Охлопков в содружестве с дирижёром Б. Хайкиным и художником В. Рындиным нашли, как нам кажется, интересную новую художественную форму воплощения героико-революционной романтики”³⁷. И всё. Даже не упоминается премьера 26 октября.

Причина задержек с рецензиями объясняется внешними обстоятельствами. Как всегда, события в мире искусства пересеклись с событиями большой политики.

В воскресенье 3 ноября в газете “Правда” публикуется информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета КПСС “Об улучшении партийно-политической работы в Советской армии и флоте”. Пленум постановил: “Вывести т. Жукова Г. К. из состава членов Президиума и членов ЦК КПСС”. Выдающемуся советскому военачальнику, прославленному маршалу Советского Союза Г. К. Жукову не везло. Подозрения в бонапартизме маршала были ещё у Сталина, и вот теперь его опасался Н. Хрущёв.

Уже полномочным хозяином Хрущёв начинает принимать почётных гостей, прибывающих на празднование 40-й годовщины Октября. Вместе с Ворошиловым Хрущёв встречает 2 ноября делегацию из КНР во главе с Мао Цзедунем. Информационным фоном прибытия высоких гостей стало сообщение о запуске второго искусственного спутника³⁸ и успешном первом полёте самого большого в мире турбовинтового дальнемагистрального самолёта Ту-114 (на тот момент и вплоть до начала 1970-х годов ему не было равных в мире по числу пассажиров, которые могли разместиться на борту).

В течение нескольких дней в Москву прибывают делегация Итальянской Компартии во главе с П. Тольятти, делегации из КНДР во главе с Ким Ир Сенгом, Чехословакии (во главе с А. Новотным), Французской компартии во главе с Морисом Торезом, Монгольской Народной Республики во главе с первым секретарём МНРП Д. Дамба. В “Правде” от 6 ноября сообщается о прибытии делегаций из Болгарии во главе с Т. Живковым, из Венгрии во главе с Я. Кадаром, из Польши во главе с В. Гомулкой. Из Югославии прилетает делегация,

возглавляемая заместителем председателя Союзного исполнительного веча Эдвардом Карделем. Иосиф Броз Тито сказался больным и не прилетел в Москву. Всего в столицу прибыли шестьдесят одна партийная и партийно-правительственная делегация.

6 ноября в Москве в торжественной обстановке открывается юбилейная сессия Верховного Совета СССР. Н. Хрущёв выступает с докладом “Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции”. 7 ноября “Правда” публикует текст доклада и Обращение Верховного Совета СССР “К народам Советского Союза”. 7 ноября состоялся парад на Красной площади. Его принял маршал Р. Я. Малиновский.

Всю первую половину ноября центральные газеты печатали выступления, речи и статьи видных зарубежных гостей, как правило, руководителей коммунистических партий или глав государств. В “Правде” печатали статьи первого секретаря ЦК Албанской партии труда Энвера Ходжи, первого секретаря ЦК Польской объединённой рабочей партии Владислава Гомулки, не приехавшего главы Коммунистической партии США Уильяма Фостера. 9 ноября “Правда” помещает статью Иосифа Броз Тито, посвящённую 40-летию Октября.

И вот уже после 7 ноября, ещё в то время, когда в Москве присутствовали высокие гости, сначала выходит упомянутая выше рецензия М. Шагинян об Одиннадцатой, а на следующий день, 13 ноября, в “Известиях” публикуется большая рецензия В. Кухарского “Буревестники революции” в рубрике “Октябрьские премьеры” с обстоятельным анализом оперы “Мать”, самой постановки, интерпретации её коллективом театра. Нельзя сказать, что статья была откровенно хвалебной, в ней отмечались и недостатки оперы³⁹. Но тут важно, кто писал эту рецензию. В 1957 году Василий Феодосьевич ещё заведовал репертуарно-творческим кабинетом Большого, и всё же главной в тот момент была его должность учёного секретаря Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства. Между прочим, в 1957 году выходит в свет очерк В. Ф. Кухарского, посвящённый творчеству Тихона Хренникова. В нём ни слова не говорится об общественной деятельности первого секретаря ССК СССР, даётся краткая библиография и список сочинений композитора. Основное внимание в очерке уделено операм Хренникова “В бурю” и “Фрол Скобеев”. В конце статьи автор упоминает о новой опере “Мать”. Очерк был подписан к печати 19 июня 1957 года, поэтому автор очерка мог только “пожелать Тихону Николаевичу настоящего успеха в завершении его новой оперы”.

В тот же день 13 ноября в газете “Правда” появляется сообщение о концерте Давида Ойстраха в Большом зале Московской консерватории 11 ноября. Прославленный скрипач исполнил концерты А. Вивальди, И. Брамса и Д. Шостаковича. Госоркестром СССР дирижировал К. Кондрашин. Отмечается, что на концерте “присутствовали зарубежные гости, в том числе тов. Тольятти, Кардель, а также представители дипкорпуса”.

Хренников не остаётся в долгу. В своих воспоминаниях он описывает посещение его оперы Хрущёвым. И в тот же день, 13 ноября в Ленинградской правде публикуется статья Ив. Дзержинского о премьере оперы “Мать” в театре имени С. М. Кирова⁴⁰.

15 ноября выходит статья Н. Черкасова об Одиннадцатой. Горьковская молодёжная газета “Ленинская смена” кратко проинформировала о премьере оперы “Мать” 19 ноября⁴¹. Основательная рецензия (эту постановку режиссёра А. Бакалейникова автор оперы считал лучшей) вышла значительно позднее, в самом конце декабря⁴². Рецензент И. Елисеев с особой, провинциальной серьёзностью нашёл какие-то необычные, ответственные слова об опере: “Лучшие произведения социалистического реализма создаются не только умом, но и сердцем. Опера Т. Хренникова “Мать”, – бесспорно, одно из таких произведений. Искренностью, прямотошанием веет от её музыки”.

Конечно, в сопоставлении рецензий Хренников явно уступал Шостаковичу. Но борьба только начиналась, и интрига этой борьбы была ещё впереди.

В тот же день, когда в “Правде” была опубликована статья Н. Черкасова, появилась краткая информация из Комитета по Ленинским премиям в “Известиях”. Сообщалось, что 14 ноября начал работу пленум Комитета. На открытии выступил глава Комитета Н. Тихонов, предсказал, что Комитету предстоит проделать большую предварительную работу”. И объяснил, почему: “В настоящее время в Москве проходит Всесоюзный фестиваль театров и музыкальных коллективов, открыта Всесоюзная художественная выставка,

демонстрируются новые фильмы. Многие произведения созданы к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Всё это позволит Комитету широко и всесторонне ознакомиться с созданными за последнее время значительными работами театральных коллективов Москвы, Ленинграда, союзных республик, с произведениями композиторов, художников, деятелей киноискусства⁴³.

В воскресенье 17 ноября в День артиллерии “Правда” даёт краткие рецензии на оперу “Мать” и авторский концерт Д. Шостаковича.

А в самом конце года, 24 декабря газета “Известия” публикует результаты смотра музыкальных театров. “Жюри конкурса под председательством Д. Кабалевского, подведя итоги, присудило двенадцати музыкальным театрам страны дипломы первой степени. Среди них – Большой театр СССР, поставивший оперы “Мать” Т. Хренникова и “Укрощение строптивой” В. Шебалина, Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова – также за постановку оперы “Мать” и балет “Каменный цветок” С. Прокофьева”. Странно даже, почему не дали диплом хотя бы второй степени горьковскому театру им. А. С. Пушкина...

* * *

Но и это ещё не всё. Хренников умел продумывать дела на много шагов вперёд. Он давно намеревался снять с поста главного редактора журнала “Советская музыка” Г. Хубова, и он добился своего. Не сразу, но добился.

Уже в восьмом номере журнала, когда Хубов был ещё главным редактором, передовая, посвящённая Июньскому пленуму, написана явно в полном противоречии с теми его идеями, которые он высказал в своём содокладе на Втором всесоюзном съезде композиторов. И вряд ли он, обладая в полную силу правами главного редактора, пропустил бы такую передовицу, в которой имелись подобные пассажи: “Ещё недавно среди некоторой части идейно неустойчивых деятелей музыки имели хождение нигилистические рассуждения о том, что партийные решения по вопросам идеологии якобы “устарели”, “утратили своё значение”, что нет необходимости в партийном и государственном руководстве искусством и т. п. Надо самым решительным образом пресекать подобные ревизионистские тенденции, способные нанести непоправимый вред нашему творческому делу. Дух и смысл Постановления ЦК нашей партии по вопросам музыки от 10 февраля 1948 года для нас нерушимы. Любым попыткам отрыва музыкального искусства от партийного руководства под предлогом ложно понимаемой “свободы творчества” должен быть дан резкий отпор...”⁴⁴.

В девятом, сентябрьском номере журнала Г. Хубов ещё значится главным редактором. Номер посвящён концертам и конкурсам на Шестом международном фестивале молодёжи в Москве, под рубрикой “Перед 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции” помещена статья О. Тактакишвили о “Поэме памяти Сергея Есенина” Свиридова. Но это были последние дни Хубовского руководства журналом, уже практически номинальным.

Первый звончок прозвучал 28 сентября: газета “Советская культура” проинформировала своих читателей о собрании творческой интеллигенции в ЦДРИ. Повод для собрания – очередное обсуждение брошюры с выступлениями Н. Хрущёва “За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа”. На том собрании выступал с докладом министр культуры СССР Н. А. Михайлов. Как сообщает автор статьи, “резкой критике подверглись в докладе идейные ошибки, допущенные редакцией “Советской музыки”. На страницах журнала отстаивались модернистские тенденции, журнал утратил принципиальность в вопросах музыкального творчества”.

На этом “Советская культура” не успокоилась. В субботу 5 октября в ней появляется большая, на разворот, статья, название которой уже не вызывает никаких сомнений относительно судьбы Хубова: “Серьёзные ошибки журнала “Советская музыка”. Тут уже обвинения Хубову безымянным автором предъявлены серьёзные. Как он пишет, “из номера в номер в журнале печатались статьи, авторы которых подвергали сомнению самый принцип партийного руководства искусством, выдвинутый ещё более полу столетия назад великим Лениным и являющийся незыблемой основой развития всей советской куль-

туры. В этих статьях читателей тщетно, но с завидным упорством пытались убедить в том, что в нашей стране существует якобы некая “система учрежденческой опеки над композиторами”. Ещё в конце 1953 года на страницах “Советской музыки” утверждалось, что “настало время для пересмотра установившейся системы учрежденческой опеки над композиторами”, что “нужно решительно отказаться от негодной практики вмешательства в творческий процесс композитора со стороны работников музыкальных учреждений”. Вся работа музыкальных управлений Министерства культуры, музыкальных редакций радио рассматривалась при этом как вредная, ненужная, “сковывающая” творческую инициативу композитора. В дальнейшем возгласы “не надо опеки”, “не надо навязывать композитору свои вкусы”, призывы к борьбе с “местными победоносиковыми” превратились в журнале в некий несмолкающий хор, создающий искажённое, превратное представление об истинной обстановке советского музыкального творчества”. Далее идут многочисленные примеры ошибочных суждений разных авторов, выступавших в журнале.

На этом прокурорская речь автора не заканчивается. Он предъявляет журналу очередное обвинение: “Впрочем, в этой связи в “Советской музыке” можно найти и более откровенные высказывания. Не раз и не два читатели журнала уверяли, что в конце сороковых – начале пятидесятых годов подвергались заушательской критике многие талантливые композиторы, что тогда подымались на щит бездарные посредственности. М. Сокольский, иронизируя по поводу того, что в ССК якобы делят композиторов на “вечных бывших формалистов” и “вечных потомственных почётных”, пророчествовал даже, что “нам придётся в скором времени пересмотреть некоторые незаслуженно заслуженные за эти годы “репутации”. <...> Зачем понадобилось журналу опубликовывать подобные, производящие, по меньшей мере, странное впечатление <...> туманные высказывания, полные глухих намёков, недоговорённостей, высказывания, создающие впечатление, что в истории советского искусства существовала якобы какая-то эпоха мрачного безвременья? А как же быть с такими созданными в эти годы талантливейшими произведениями советской музыки, как Седьмая симфония, вторая редакция оперы “Война и мир”, оратория “На страже мира”, сюита “Зимний костёр”, балет “Сказ о каменном цветке” С. Прокофьева, как оратория “Песнь о лесах”, Скрипичный концерт, Десятая симфония, цикл хоровых поэм Д. Шостаковича, как балет “Спартак” А. Хачатуряна, как произведения для хора В. Шебалина? Ведь все сочинения эти, явившиеся, кстати, прямым результатом реализации партийных указаний, бесспорно, войдут в сокровищницу советской музыки”.

Не забыл автор упомянуть и содоклад Г. Хубова на Втором съезде композиторов, намекнул на нежелание главного редактора “по-боевому, с принципиальных партийных позиций бороться с растленным декадентским искусством современного империализма”, вместо чего “журнал то и дело находил “ценные стороны” в творчестве современных декадентов, восхищался их “находками” в области музыкальной какофонии, умалчивая в то же время об идейной сущности подобных произведений”.

И, наконец, наступает момент истины. Все эти серьёзные ошибки журнал “Советская музыка” допустил потому, что *прежнее руководство его* (выделено мною. — А. Б.) не проявило принципиальности и последовательности в борьбе за осуществление решений партии по идеологическим вопросам и вольно или невольно отходило от партийных позиций”.

* * *

В октябре выходит десятый номер журнала “Советская музыка”. Он открывается переводницей с заглавием, отсылающим к известному выступлению Н. С. Хрущёва “За тесную связь искусства с жизнью народа”⁴⁵. В переводнице фактически повторялись обвинения, прозвучавшие в газете “Советская культура”. “В ряде серьёзных ошибок, допущенных за последнее время музыкальной критикой, несомненно, повинен и наш журнал “Советская музыка”, — так флагеллант ЦО Союза композиторов СССР бичует себя ради спасения своей души... — Следует признать, что журнал не всегда по-боевому отстаивал партийные принципы в искусстве. На страницы журнала, призванного последовательно осуществлять линию партии в музыкальной искусстве, проникали

выступления, носящие по существу ревизионистский характер⁴⁶. Некоторые статьи, помещённые в разделе “Трибуны”, давали искажённую оценку музыкальному творчеству после 1948 года. Создавалось впечатление, что и в творчестве, и в концертной практике, и в музыкальной педагогике этот период представлял собой лишь цепь сплошных ошибок. Преувеличивая и чрезмерно обобщая недочёты в руководстве советским музыкальным искусством, авторы подобных статей навязывали читателям порочный вывод о том, что всякое руководство искусством способно лишь помешать раскрытию творческой индивидуальности, сковать инициативу художника. Надо ли доказывать, что такие идеи ничего общего не имеют с ленинскими принципами партийного руководства искусством?”. Дело было сделано. Хренникову удалось убрать Хубова.

В остальном номер получился нейтральным. В номере помещена статья Г. Свиридова о молодых эстонских композиторах, с некоторыми из них, как с В. Тормисом, у него сложились в дальнейшем хорошие, дружеские отношения⁴⁷.

Главный редактор в номере не значится, зато представлена в полном составе редколлегия: Э. Г. Гилельс, Е. А. Грошева, В. Ф. Кухарский, И. В. Нестьев (и. о. зам. редактора), М. Д. Сабина, С. С. Скребков, М. И. Чулаки, Д. Д. Шостакович.

Наконец, в свет выходит одиннадцатый номер журнала. Главным редактором в нём уже числится Ю. В. Келдыш, фактически – обвинитель Г. Хубова. Журнал сразу преобразуется. И всё становится на свои места... Журнал выходит в ноябре и соответственно посвящён юбилейной дате – 40-летию Октября. И открывается двумя основными, едва ли не программными статьями главного редактора и Л. Данилевича.

Келдыш пишет обзорную историческую статью, посвящённую сорокалетнему пути советской музыки. В ней нашли место и цитата из обращения отдела искусств при Наркомпросе через газету “Правда” от 17 декабря 1917 года, упоминание выступлений А. Луначарского в 1919 году на концертах для рабочей аудитории в Зимнем дворце, и Пролеткульт, и АСМ, и РАПМ, и постановление 1932-го и 1948 годов вплоть до выступления Н. Хрущёва “За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа”. Нашёл место Келдыш в своей статье и для очередного укола в адрес уже поверженного Г. Хубова: “Надо сказать, что неправильные высказывания по вопросу о партийном руководстве искусством имели место и на страницах журнала “Советская музыка”. Вредная, ошибочная линия, которую проводил журнал в этом вопросе, также была подвергнута заслуженной и справедливой общественной критике”⁴⁸.

Конечно, упоминается большое количество произведений, созданных за сорок лет Советской власти, много места уделяется Д. Д. Шостаковичу, упоминается и его 11-я симфония. Не забыт и Т. Хренников, он фигурирует тут же, рядом с Шостаковичем: “В дни сорокалетия Октябрьской революции премьеры новой оперы Т. Хренникова показывается одновременно в театрах Москвы, Ленинграда и Горького”.

Нетрудно догадаться, что в обзорной статье, посвящённой советской симфонии, её типам, её связям с традициями русского симфонизма, основное место отводится симфоническому творчеству Шостаковича. Не забыта и Одиннадцатая, поданная живописно: “Громовые раскаты 1905 года слышатся в Одиннадцатой симфонии Д. Шостаковича, завершённой накануне сорокалетней годовщины Октября”⁴⁹. Не забывает Данилевич подчеркнуть то качество симфоний Шостаковича, которое больше всего подвергалось критике: “Глубоко и вдохновенно выражено трагедийное начало в симфонизме Шостаковича”.

Момент истины наступил в последнем, декабрьском номере журнала. Читаем передовицу “Новые достижения советской музыки”: “Советские композиторы встретили славную годовщину Октября большой серией новых интересных произведений. Многократно исполнена с громадным общественным успехом новая, Одиннадцатая симфония Д. Шостаковича, посвящённая революции 1905 года. Заслуга первого исполнения выдающейся симфонии принадлежала двум прославленным коллективам: Государственному симфоническому оркестру СССР (дирижёр Н. Рахлин) и оркестру Ленинградской филармонии (дирижёр Е. Мравинский).

Одновременно в трёх крупнейших театрах страны – Большом театре СССР, Ленинградском театре имени С. М. Кирова и Горьковском театре имени А. С. Пушкина – поставлена новая опера Т. Хренникова “Мать” по одноимённой повести М. Горького. Появление новой оперы на столь значительный классический сюжет привлекло большой общественный интерес⁵⁰. Дальше упоминаются другие премьеры, новые постановки: “Милана” Г. Майбороды в Киеве, “Город юности” Г. Шантыря в Челябинске, “Овод” А. Спадавеккиа в Перми, “Орлиная крепость” А. Бабаева в Ереване, “Азад” Д. Джангирова в Баку, “Боевое крещение” Г. Эрнесакса в Таллине, “Навстречу солнцу” А. Кос-Анатольского во Львове. Но это уже не суть важно. Главное сказано в начале.

Это становится очевидным по послесловию. “Ниже мы публикуем две статьи, посвящённые крупнейшим событиям сезона – Одиннадцатой симфонии Д. Шостаковича и опере “Мать” Т. Хренникова. Этими статьями редакция открывает обсуждение данных произведений, а также и других новинок, созданных к сорокалетию Октября”.

И далее в журнале публикуются две статьи:

Данилевич Л. – Симфония “1905 год”. С. 4–11.

Кремлёв Ю. – Опера “Мать” Т. Хренникова. С. 12–20.

Вот для чего понадобился Т. Н. Хренникову Ю. Келдыш. В главном журнале Союза композиторов СССР воцарился некий негласный паритет. На какое-то время сочинения Хренникова стали рассматриваться на равных с произведениями Шостаковича. У Свиридова было любимое выражение, заимствованное им из гоголевского “Ревизора”, из привирания Хлестакова по поводу Пушкина: “Мы с братом”⁵¹...

Да, были правы авторы альбома, посвящённого Т. Хренникову, – действительно “его выбрало время”⁵².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда. – 1957. – Понедельник, 22 апреля. – № 56 (602). – С. 1.

² См. статью “Огромный скачок в авиационной технике: Перелёт Москва–Нью-Йорк – Москва завершён” на четвёртой странице газеты “Труд” от 10 сентября 1957 года, № 214.

³ В тетради “Разных записей” за 1987 год Свиридов резко отозвался об этой опере: “В бурю” Хренникова – это было уже просто *пошло*” (Свиридов Г. В. Музыка как судьба. С. 424).

⁴ Моя мать, Тамара Васильевна Белоненко, урождённая Свиридова, рассказывала мне, что на премьере оратории “Песнь о лесах” в Ленинграде Свиридов плакал. Плакал от понимания полной безнадёжности, от чувства унижения и стыда, смешанного с сочувствием к своему старшему коллеге, близкому ему человеку, вынужденному опускаться до такого неприкрытого сервизизма.

⁵ Сообщившая об этом газета “Правда” 15 апреля дала перепечатку передовой статьи газеты “Женьминьжибао” под названием “Как надо отнестись к внутренним противоречиям”. Главный печатный орган Компартии Китая высказывает мнение, что “противоречия между народными массами и руководителями, как и другие противоречия в народе, – это противоречия неантагонистические, возникающие на основе единства коренных интересов”, что эти противоречия “в основном проистекают из-за бюрократического стиля в работе руководителей”. И даёт совет: мнение масс нельзя оставлять без внимания (см. газета “Правда”. – 1957. – Понедельник. – 15 апреля. – № 105 (14134). – С. 5–6).

⁶ Медведев Р. А. Никита Хрущёв. – М.: Время, 2012. С. 47. (Гл. 8. Новые экономические реформы и политический кризис в 1957 году).

⁷ Медведев Р. А. Никита Хрущёв. – М.: Время, 2012. – С. 48.

⁸ Хрущёв, победив на пленуме, отдал должное своей сподвижнице. Фурцева из кандидатов стала членом Президиума ЦК КПСС.

⁹ Свиридов Г. В. Музыка как судьба... С. 194.

¹⁰ Правда. – 1957. – Суббота, 29 июня. – № 180. – С. 3.

¹¹ Пространная беседа опубликована в газете “Правда” от 30 июня 1957 года, с. 1–3. Ранее, 23 мая, когда Хрущёв был в Ленинграде, “Правда” опубликовала информацию об обмене памятными записками между Правительствами СССР и Японии.

- ¹² Правда. — 1957. — Среда, 3 июля. — № 184 (14213). — С. 3.
- ¹³ В опубликованном днём ранее Постановлении Пленума ЦК КПСС “Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.” участникам группы вменялось в вину, что “они настолько оторвались от жизни, что не могут понять реальной возможности, позволяющей в конце этого года отменить обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов с дворов колхозников” (цит. по изд.: “Правда”. — 1957. — Четверг, 4 июля. — № 185 (14214). — С. 1). Хрущёву нужна была народная поддержка, поэтому Постановление ЦК “Об отмене обязательных поставок...” появилось оперативно 4 июля, когда было опубликовано Постановление Пленума ЦК КПСС “Об антипартийной группе...”
- ¹⁴ Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограммы июньского пленума ЦК КПСС и др. документы. / Сост. Н. Ковалёва и др.; под ред. акад. А. Н. Яковлева. — М.: МФД, 1998.
- ¹⁵ Завотделом культуры остался Д. А. Поликарпов. В отделе остался и ещё год проработал завсектором Б. М. Ярустовский.
- ¹⁶ См. публикацию дела № 647/15 от 15 апреля 1957 года в фонде ЦК КПСС и комментариев к нему в изд.: Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991. / Составитель Л. В. Максименков. — М.: МФД, 2013. — С. 487–488.
- ¹⁷ См. протокол №8 заседания Секретариата СК СССР от 31 октября 1957 года (Ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1314. Протоколы (подлинники) и стенограммы заседаний Секретариата Союза композиторов СССР за 1957 год с №6 по №10. Начато 15 окт. 1957 года. Окончено 15 ноября 1957 года. На 144 л. — Л. 45).
- ¹⁸ Премьеры состоялись, помимо Большого театра, в г. Горький в театре им. А. С. Пушкина 2 ноября 1957 года и в театре им. С. М. Кирова в Ленинграде 4 ноября 1957 года.
- ¹⁹ См. публикацию документа из фонда ЦК КПСС: Д. А. Поликарпов и Б. М. Ярустовский. ЦК КПСС о недостатках выполнения постановления секретариата ЦК КПСС от 11 июля 1957 года, в изд.: Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991. / Составитель Л. В. Максименков. — М.: МФД, 2013. — С. 490.
- ²⁰ Шостакович Д. — Симфония света и радости жизни. // Литературная газета. — 1957. — 23 апреля. — № 88. — С. 2. Перепечатана в шестом, июньском номере за 1957 год журнала “Советская музыка” (с. 57–60).
- ²¹ “Самым существенным итогом съезда мне представляется тот факт, что мы вновь с особой силой ощутили заботу Коммунистической партии о судьбах советского искусства, живейшую заинтересованность, с которой встречают наши сочинения сотни тысяч и миллионы любителей музыки. Приветствие ЦК КПСС съезду сыграет — это можно с уверенностью сказать уже сейчас! — огромную роль в определении направленности творческих усилий наших композиторов, поможет нам в тяжёлом, но благодарном труде завоевания высот подлинного художественного мастерства” (там же).
- ²² Советская культура. — 1957. — 11 мая. — № 64. — С. 3.
- ²³ Сокольский М. Новый концерт Шостаковича. // Правда. — 1957. — 11 мая. — № 64. — С. 4.
- ²⁴ Хентова С. М. Шостакович. Жизнь и творчество. Т. 2. — Л.: Советский композитор, ЛО, 1986. — С. 323.
- ²⁵ “Грохочет гром, а я сижу целыми днями в “творческой лаборатории” и пишу Симфонию. Скоро кончу, и тогда наступит, видимо, то, о чём вдохновенно писал модернист и формалист (см. газету “Советская культура”) А. Н. Скрябин в финале Первой симфонии, в котором (финале) он стоял на реалистических позициях: “Чем же отравлен сей сладостный миг? // Именно тем, что он дали достиг”. А пока сижу целыми днями, сочиняю”.
- ²⁶ “Мне никогда не приходилось видеть международное торжество такого грандиозного масштаба. Присутствуя на открытии Фестиваля на Центральном стадионе им. В. И. Ленина в Лужниках, я был поражён и глубоко взволнован” (Песнь мира и дружбы (Всемирный фестиваль молодёжи). — Д. Шостакович, Г. Эйслер, Б. Бабич, А. Леон. // Советская музыка. — 1957. — Сентябрь. — № 9. — С. 3).
- ²⁷ “Мне доверена была высокая честь возглавить жюри Международного конкурса музыкальных произведений на Фестивале” (Там же, с. 4).
- ²⁸ Энкруаябль (от фр. *incroyables* — невероятный) — представители аристократической молодёжи времён Директории, щёголи, активно выражавшие отрицательное отношение ко всему революционному (*Робике Жан*. Повседневная жизнь в эпоху Наполеона. — СПб.: Евразия, 2017. С. 308, примеч. 295).

- ²⁹ Мервейёзки (от фр. *merveilleuses* — причудливый) — модницы времён Директории. Носили полупрозрачные (а порой и вовсе прозрачные) платья в античном стиле с завышенной талией и шляпы, завязывающиеся чрезмерно длинными лентами (там же, с. 309, примеч. 297).
- ³⁰ См. Gorski Bradley *"Manufacturing Dissent: Stiliagi, Vasilii Aksenov, and the Dilemma of Self-Interpretation"* // *Russian Literature*. Vol. 96–98, February–May, 2018. P. 77–104.
- ³¹ Музалевский В. Новая симфония Д. Шостаковича. // Известия. — 1957. — 4 октября. — № 236. — С. 3.
- ³² "Предварительное прослушивание Одиннадцатой симфонии оставляет потрясающее впечатление", — сказал в своём интервью композитор В. А. Власов (См.: "1905-й год". Новая симфония Д. Д. Шостаковича. // Труд. — 27 сентября. — № 229. — С. 4).
- ³³ [Б. п.] Новая симфония Дмитрия Шостаковича. // Советская культура. — 1957. — 19 сентября — № 124. — С. 4. В статье раскрывается образное содержание музыкального материала четырёх частей симфонии. Между прочим, впервые в прессе упоминается, что автор симфонии "одну музыкальную тему... почерпнул из музыкальной комедии "Огоньки" композитора Г. Свиридова". В конце статьи автор делится своим впечатлением о последних тактах финала симфонии: "Последний, радостный всплеск музыки как будто переносит слушателей в наши дни, в нашу эпоху величественных побед социалистической революции и великих свершений народа, строящего коммунизм под руководством Коммунистической партии, партии Ленина. Первое публичное исполнение Одиннадцатой симфонии Дмитрия Шостаковича приурочено к дням празднования 40-летия Октября".
- ³⁴ См.: Стенограмма обсуждения 11 симфонии Шостаковича Д. Д. от 28 ноября 1957 года. (РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1317. На 77 листах).
- ³⁵ Шагинян М. "Одиннадцатая" Шостаковича. Письмо из Ленинграда. // Известия. — 1957. — 12 ноября. — № 268. — С. 2.
- ³⁶ Черкасов Н. "1905 год". Одиннадцатая симфония Д. Шостаковича. // Правда. — 1957. — 15 ноября. — № 319. — С. 4.
- ³⁷ Известия. — 1957. — 2 ноября. — № 261 — С. 3.
- ³⁸ Второй советский искусственный спутник совершает полёт вокруг Земли! Сообщение ТАСС. // Правда. — 1957. — 4 ноября — № 308 — С. 1.
- ³⁹ "Отмеченные ранее просчёты композитора, недостатки самой постановки никак нельзя отнести в разряд второстепенных. Но, говоря о них, каждый раз с досадой замечая их в спектакле, нельзя не подчеркнуть ещё более существенные достоинства этого талантливого произведения, раскрывающего нам очень свежо и по-настоящему современно многие грани бессмертного творения великого Горького". // Известия. — 1957. — 13 ноября. — № 269. — С. 2.
- ⁴⁰ Дзержинский Ив., заслуженный деятель искусств РСФСР. Новая опера Т. Хренникова "Мать". // Ленинградская правда. — 1957. — 13 ноября. — № 265. — С. 3. Автор завершает свою статью высоким штилем: "И, конечно, это не только победа автора оперы Т. Хренникова и коллектива театра, но и всей советской музыкальной культуры".
- ⁴¹ Ленинская смена. — 1957. — 19 ноября. — № 216. — С. 3. "В честь славной годовщины 40-летия Октября Горьковский театр оперы и балета имени А. С. Пушкина осуществил постановку нового произведения композитора Т. Хренникова — оперу "Мать" по одноимённому роману нашего великого земляка М. Горького. В спектакле в основном заняты молодые исполнители. "Мать" тепло принята горьковчанами".
- ⁴² Елисеев И. Волнующий спектакль (К постановке оперы Т. Хренникова "Мать" в театре оперы и балета им. А. С. Пушкина).
- ⁴³ [Б. п.] В Комитете по Ленинским премиям в области литературы и искусства. — Известия. — 1957. — 15 ноября. — № 271. — С. 2.
- ⁴⁴ [Б. п.] С родной партией, по ленинскому пути, к высотам коммунизма! // Советская музыка. — 1957. — Август. — № 8. — С. 7.
- ⁴⁵ У Н. Хрущёва: "За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа" (см.: Правда. — 1957. — 28 августа. — № 240. — С. 3–4).
- ⁴⁶ Ревизионистский характер, ревизионизм — самые ходкие слова в 1957 году. В ревизионизме Китай и Албания обвиняли советских коммунистов после XX съезда КПСС. На июньском пленуме антипартийной группе вменялось в вину, что они не оценили курс партии "на исправление ошибок и недостатков, порождённых культом личности", не заметили, как партия "ведёт успешно борьбу

против ревизионистов марксизма-ленинизма как на международной арене, так и внутри страны” (Постановление пленума ЦК КПСС “Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.”). Внутри страны – это касалось и искусства, и литературы. Деятели культуры это почувствуют в ближайшее время после пленума.

⁴⁷ Свиридов Г. – Молодые силы эстонской музыки. // Советская музыка. – 1957. – Октябрь. – № 10. – С. 42–44.

⁴⁸ Келдыш Ю. – Октябрьская революция и музыка. // Советская музыка. – 1957. – Ноябрь. – № 11. – С. 13.

⁴⁹ Данилевич Л. Советский симфонизм – искусство больших идей. // Советская музыка. – 1957. – Ноябрь. – № 11. – С. 20.

⁵⁰ [Б. п.] Новые достижения советской музыки. // Советская музыка. – 1957. – Декабрь. – 12. – С. 3.

⁵¹ “С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: “Ну, что, брат Пушкин? – Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то всё...”. Большой оригинал”. (Гоголь Н. В. Ревизор. Действие 3. Явление VI).

⁵² Григорьев Л. Г., Платек Я. М. Его выбрало время: [О Т. Н. Хренникове]. – М.: Советский композитор, 1983. – 280 с.

ДЖУЛЬЕТТО КЬЕЗА

КТО ПОСТРОИЛ БЕРЛИНСКУЮ СТЕНУ?

1. “Ich bin ein Berliner”

Эта стена – метафора и воплощение всей “холодной войны”. Это одна из главных основ окончательного поражения реального социализма перед лицом необычайной мифотворческой способности капитализма в его зрелой фазе.

Но Стена означает в то же время и начало массовой манипуляции в совершенно новых по сравнению с прошлым формам и радикальную перемену в самих формах геополитического соперничества.

Чтобы понять смысл, который Стена приобрела в коллективном представлении Запада и, конечно, большей части всего мира, можно опереться на речь, произнесённую американским президентом Джоном Кеннеди 26 июня 1963 года в Берлине с высоты железного помоста возле Бранденбургских ворот, с которого можно было бросить взгляд “на другую сторону” – на сторону врага.

“Многие люди в мире не понимают или не знают, какая огромная проблема существует в отношениях между миром свободным и миром коммунистическим. Пусть они приедут в Берлин!

Есть люди, которые утверждают, что коммунизм – это наше будущее. Пусть они приедут в Берлин!

Есть другие, в Европе и в других местах, которые предлагают сотрудничать с коммунистами. Пусть они приедут в Берлин!

Есть ещё и другие – их немного, – которые говорят: это правда, что коммунизм – вредоносная система, но он создаёт возможность экономического прогресса. Пусть они приедут в Берлин!

[...]

Все свободные люди, где бы они ни жили, – граждане Берлина. Вот почему я как свободный человек горд тем, что могу воскликнуть: “*Ich bin ein Berliner* – я берлинец”.

Он сказал это по-немецки: “*Ich bin ein Berliner*”, – и это восклицание стало заголовком тысяч статей, радиопередач, кинематографических и телевизионных репортажей по всему миру, кроме Советского Союза и того мира, который определяли как коммунистический. Как будто поднялась волна гнева и сочувствия, перевернувшая чувства людей ещё до и помимо всякого политического и идеологического рассуждения. Берлинская стена существовала уже два года. Её воздвигли 13 августа 1961 года, и с тех пор она стала знаменем, символом, решающим очевидным доказательством,

видимым невооружённым глазом и потому неопровержимым, — доказательством полной несовместимости “мира свободы”, представленного Западом, и советского коммунизма. Того, что через два десятка лет Рональд Рейган назвал “империей зла”. Кеннеди на потребу широких масс всего мира провёл границы — одновременно и в понятиях, и в чувствах людей, — и этих границ надо было придерживаться: две системы несовместимы; между ними не может быть сотрудничества; коммунизм ни в каком случае не может быть нашим будущим; он совершенно неэффективен, значит, не может разрешить проблемы человечества; мы — это свобода, а они — это угнетение.

“Холодная война” продолжалась уже некоторое время. В действительности, как мы вскоре увидим, она зародилась сразу же после Ялтинской конференции, на которой было принято решение о разделе сфер влияния после победы над нацизмом и фашизмом. Но до того момента ещё не было её гимна, её лейтмотива, её идеологического объяснения, её воплощения, её основной версии. Теперь нужно было только, чтобы пришла в движение огромная армия пропагандистов, которая как раз тогда и формировалась. Эта версия должна была не только быстро распространиться, но и стать абсолютно господствующей. Оглядываясь назад, можно только констатировать факт, что Берлинская стена была самым важным успехом “холодной войны” — она одновременно стала и символом победы Империи Добра над Империей Зла, и одним из главных орудий, ковавших эту победу.

Сегодня, через тридцать лет после падения Стены, мы уже можем предугадывать, предвидеть вакханалию празднования этой победы. Уже отмечали десятилетие и двадцатилетие, но третье десятилетие обрушения этой железобетонной постройки — можно биться об заклад — превзойдёт предыдущие празднества в несколько раз. Существует вполне определённая причина этого “увеличения громкости” — годовщину будут праздновать тем торжественнее, чем серьёзнее опасность пересмотра этой версии. Слишком много признаков надвигающегося масштабного кризиса, зародившегося целиком внутри победоносного Запада, чтобы их можно было стереть или затуманить пропагандой. Поэтому проповедникам придётся преувеличивать и раздувать исторические успехи — именно для того, чтобы пресечь всякую, даже гипотетическую попытку этот триумф оспорить. Они должны будут представить его нам во всём блеске технологического мастерства нашего времени, чтобы показать и объяснить его новому поколению, которое не видело его, не знает его, которое не может принимать его за талисман, помогающий против всех проблем настоящего. Особенно в этой нынешней Европе, которая представляет собой прямое следствие этой победы, они должны будут сказать и повторить на все четыре стороны, что это решение было единственно возможным, — не только справедливым, не только важным для всех, не только блестящим и превосходным воплощением Империи Добра, но и единственно возможным. Надо будет утаить за шквалом риторики, что это решение задумано было в интересах тех классов и социальных групп, которые получили от Империи Добра свою власть и благосостояние. Придётся отодвинуть в сторону ту беспоконную мысль, что немалая часть социальных групп, пользовавшаяся ими на первых этапах, сегодня чувствует, что её исключили из числа избранных.

2. Зачем Стену “надо было” воздвигнуть?

Придётся избегать, в первую очередь, вопроса “зачем?”. Потому что, если просматривать огромное количество публицистики, посвящённой этому событию, — книг, торжественных речей, подробнейших рассказов, фильмов и реконструкций этой трагедии (потому что речь идёт именно о трагедии), — то факт, который поражает больше всего — и он касается абсолютно всей публицистики, без исключения, — отсутствие ответов на это “зачем?”.

В действительности “зачем” было определено раз и навсегда в речи Кеннеди, выдержки из которой мы привели. И оно было как бы само собой разумеющимся. Стена — само изображение Империи Зла. Не было другой причины, кроме упадочности этой Империи Зла. Прежде всего, надо было наглядно, не оставив места сомнению, продемонстрировать, что Стена возникла “внутри” этого Зла. Она была его наглядным воплощением. Это был плод Зла со всеми его чудовищными следствиями. Всё остальное, что говорилось на эту тему, — а говорить можно было до бесконечности, и так и делали, — только

следствия этого начального постулата. Поэтому требовалось подробно рассказывать о попытках проникнуть через Стену, о жертвах среди тех, кто пытался бежать; рассказывать об их историях, об их страданиях. Описывать длину Стены, нелепость её поворотов, материалы, из которых она построена. Описывать со множеством деталей странные и во многих отношениях мрачные превратности её постройки. Показывать читателям и зрителям “зияющие высоты” бесчисленных злодейств, которые почти всегда приходилось угадывать или представлять, так как их скрывал покров секретности, непроницаемо окутывавшей то, что по ту сторону Стены.

Не знаю, существует ли в какой-нибудь части огромной сети интернет полная библиография работ, вызванных, созданных, порождённых Стеной. Если бы она существовала, то была бы бесконечной. Не говоря уже о миллиардах статей, уже тридцать лет наполняющих газеты и журналы всего Запада, все они неизменно написаны на основе всё того же постулата. Это неиссякаемый источник пропаганды, питавший “бестолковую глобализацию”, в обстановке которой мы живём все эти тридцать лет. Тот, кто решит прочитать в Википедии статью “Берлинская стена” на любом из многих европейских языков, найдёт в точности то же, о чём я пишу, и только это. Обобщения Википедии – отличный пример той “приблизительной науки”, которая представляет собой достояние трёхмиллиардного народа, населяющего Сеть. “Истина”, сообщаемая Википедией, только подтверждает уже сказанное. Дальше заглядывать бесполезно. Википедия похожа на видеоигру, отлично изображающую наш виртуальный мир. За границами этого изображения, в котором мы все уже играем в свою смертельную игру, за этими границами *sunt leones*¹, как говорили римляне, когда речь заходила о том, что за границами их империи. И для таких случаев тоже существовал неопровержимый постулат: за этими границами ничего нельзя обнаружить, кроме львов. За ними нет никакой цивилизации. В лучшем случае насчёт этого внешнего пространства возникают вопросы, ответ на которые считается опасным искать.

Сразу же, в первых строках, мы можем прочитать о жертвах Стены – сколько их было за 28 лет её существования. По правде говоря, даже Википедия не может сказать нам, сколько в точности их было, но не отказывается сообщить свои данные, хотя и признаёт, что они противоречат друг другу. Беглецов, убитых Империей Зла, было, – пишет она, – “официально” 133, а если исходить из “официозных данных”, их “больше двухсот”². Хотя число погибших оказывается меньше, чем ожидалось (непонятно, кем). Однако, как утверждает всё та же Википедия, существуют другие данные, взятые с других сайтов, у других исследовательских учреждений, из которых следует, что убитых было больше, но тоже не ясно, сколько: минимум – 192, максимум – 239³.

Совершенно точно указывается, кто была первая жертва и как её звали – Ида Сикманн, выпрыгнувшая из окна и погибшая на Бернауэрштрассе 22 августа 1961 года. А последним погибшим был Винфрид Фрейденберг, организатор самого бросающегося в глаза бегства – на воздушном шаре искусной конструкции. Шар упал на западной территории, а Фрейденберг погиб. Он был вдвойне несчастлив, потому что умер за несколько месяцев до конца своего кошмара – 8 марта 1989 года.

Рассказ движется в направлении “чем дальше, тем сенсационнее”. Но и здесь источники расходятся, утверждая, что Гюнтер Литфин был первым убитым, а двадцатилетний Крис Геффрой – последним (21 июня 1969 года), но, может быть, здесь речь идёт только о погибших от автоматных очередей. Конечно, есть и другие примеры, менее очевидные, менее наглядные. Есть даже классификация по возрасту – начиная с восьмидесятилетней Ольги Зеглер и заканчивая самой младшей жертвой, которой, кажется, был младенец Г. Хольгер, всего 18 месяцев от роду, бежавший, конечно, на руках родителей, конец которых неизвестен.

Зато попыток бегства, увенчавшихся успехом, было около 5000. Это косвенное доказательство, что коммунизм был не слишком эффективен и зорок, даже тогда, когда в полную силу показывал свою злобность. Большая часть из этих пяти тысяч попыток удалась в первые месяцы и годы, когда стена была ещё только что возникшим замыслом, слишком простым и банальным. Стену поставили в спешке, не учтя всех деталей, не приняв в расчёт неистощимой фантазии людей, задыхающихся без западной свободы. Но злоба коммунистов

от трудностей только закалилась. В самом деле, оказывается, что было целых три варианта Стены, всё более утончённо продуманных, — от простого и поспешно построенного, сделанного из колючей проволоки, натянутой между деревянными и цементными столбами, до кирпичной кладки и потом железобетона. Вплоть до последней версии — асфальтированной дороги, проложенной броневиком, между цементными заграждениями, дополнявшими 155 километров Стены. Среди жертв немало было солдат и пограничников, обязанных наблюдать за другими беглецами из Германской Демократической Республики. Как было в случае, например, с Буркхардом Нирином, убитым в 1974 году. Весь мир облетела фотография Конрада Шуманна, перепрыгнувшего невредимым, с автоматом через плечо, барьер из колючей проволоки на известной улице Бернауэрштрассе. Но, если правдива история Геффроя, мы должны сделать вывод, что пограничники ГДР перестали стрелять в 1969-м (то есть через восемь лет после постройки Стены) и в следующие двадцать лет ситуация оставалась “почти нормальной”, попытки бегства становились всё реже и не заканчивались смертельным исходом. И к этому следует добавить, что, вероятно, берлинская история потеряла по прошествии времени значительную часть своего пропагандистского обаяния.

Однако, следуя стилю и канонам западной пропаганды, следует добавить “на закуску” яркую подробность — любопытную историю Конрада Шуманна. Он успешно сбежал в первый период существования Стены, и было совсем не похоже, что он станет жертвой. Его убила не Воро⁴, позволившая ему сбежать за много лет до того, а его собственная известность. О его необычайном бегстве писали все немецкие газеты, его фотографии попали на обложки иллюстрированных журналов всего Запада. Он поехал начинать новую жизнь в Баварию и после падения Стены вернулся на восток, чтобы снова увидеть родных и друзей. Но в другой части Берлина, уже больше не коммунистической, он встретил такой холодный и враждебный приём, что, впав в уныние и чувствуя себя несчастным, покончил с собой. Но не сразу. Он думал об этом и покончил самоубийством через девять лет, в 1998 году.

Эта история входит в немалое противоречие с тем объяснением существования Стены, которое даёт, например, Виктор Суворов: “Человеческие существа можно удержать в коммунистическом обществе только непроницаемыми конструкциями, колючей проволокой, собаками и полицейскими, которые стреляют в спину. Стена означала, что система, которую построили коммунисты, не притягивала, а отталкивала”⁵. Это описание лишено конкретных фактов, географических или исторических, оно целиком идеологическое. Оно рассматривает коммунизм как категорию духа, как “систему” универсально “отталкивающую”. Если бы оно было правдиво, было бы невозможно объяснить, каким образом миллиард и четыреста миллионов китайцев ещё не сбежали из Китая, учитывая, что речь идёт о стране, которая считает себя “коммунистической” и при этом не заперта внутри стены и не ограждена непроницаемыми барьерами. Великая Китайская стена, как известно, нужна не для этого и никогда не служила для того, чтобы пресекать случаи бегства. Есть и много других вещей, которых Виктору Суворову⁶ не удаётся объяснить, и, вероятно, он был удивлён, обнаружив, что в 2018 году больше шестидесяти процентов русских всё ещё считали Сталина лучшим лидером России — после того, как они испытывали на себе западную свободу в течение 27 лет, то есть начиная с 1991 года.

Таким образом, мы можем узнать всё, кроме ответа на вопрос “зачем?”, ставшего истоком постройки Стены. На этот вопрос мы попробуем ответить теперь, через тридцать лет после падения Стены и через 58 лет после её постройки.

3. История, какой она была на самом деле

Реконструкцию событий произвести совсем не трудно. Для этого достаточно тщательно проследить развитие событий, сопровождавших поражение гитлеровской Германии, начиная с Крымской конференции (в Ялте, 4–11 февраля 1945 года), немного предшествовавшей этому поражению. Конечно, факты всегда имеют предпосылки, которые можно интерпретировать очень по-разному. В этой работе я постараюсь, насколько это для меня возможно, расположить по порядку наиболее значительные события, ничего не забывая,

а в том, что касается предпосылок и их интерпретаций, ограничусь тем, что буду держать в уме, что не все они одинаково кристально ясны и очевидны. И выберу те, которые представляются самыми очевидными. История, которую я собираюсь рассказать, касается очень точно определённого периода, а именно – от Ялтинской конференции до строительства Берлинской стены.

Русские войска вошли в Берлин 2 мая 1945 года, и в тот же день немецкий генерал Гельмут Вайдлинг сдал город без всяких условий советскому генералу Василию Ивановичу Чуйкову⁷. Но в Ялте за два месяца до того Рузвельт, Черчилль и Сталин уже определили заранее – хотя и только в общих чертах – общую линию поведения. А именно: они предлагали друг другу вместе руководить последующими этапами падения рейха. В тот момент три страны-победительницы – Советский Союз, Соединённые Штаты Америки, Великобритания – действовали на почве, которая, как уже неясно подразумевалось, была определена соотношением сил, а это соотношение сил определялось ходом военных действий. Все три “признавали” существующее положение вещей. И оно определялось “на поле битвы”. Советский Союз взял Берлин и демонстративно остановился на этой точке опоры. Он мог бы этого и не делать, а двигаться дальше. Однако он предпочёл остановиться и ждать в Берлине войска союзников, которые прибыли через месяц. Две трети Германии были в его распоряжении, но Сталин сумел сделать расчёт стратегических отношений. Вашингтон и Лондон расценили этот жест как знак доброй воли. Рузвельт поверил в добрые намерения Сталина. Черчилль почувствовал ещё большее недоверие и зависть к победившему союзнику, которого предпочёл бы видеть на коленях.

Не легко и никогда не будет легко оценить, каков был уровень их согласия. Документы, которые эти трое подписали в Ялте, недвусмысленно доказывают, что они собирались действовать вместе. Именно потому, что все трое были способны рассчитать соотношение сил. Поэтому линия стратегического сотрудничества была разработана в Ялте при общем согласии, хотя некоторые выражения были туманны. Интересно и поучительно восстанавливать на основе тех документов, которыми мы располагаем, как и почему это сотрудничество – в тот момент неизбежное – в немногие решающие годы превратилось во враждебность и спор. И почему совместные отношения Советского Союза и Запада перевернулись и смешались из-за невозможности решить немецкий вопрос с общего согласия.

Для обеих сторон вскоре стало очевидно, что решить проблему Германии чрезвычайно трудно. Соединённые Штаты сразу же сочли неприемлемыми какие бы то ни было предположения о переходе Германии на советскую орбиту. Напротив – как будет яснее видно на последующих страницах – целью Вашингтона было оградить послевоенную Германию от всякого возможного советского влияния. И – в то же время – использовать Германию как инструмент для восстановления цельности Западной Европы. Намерения Сталина были в точности противоположны. Очевидно было, что ни та, ни другая цель недостижимы при совместном участии всех трёх победителей. Сталин хитрил, но не из осторожности, а потому, что не имел сил навязать своё решение другим и старался выиграть время, выжидая, когда можно будет играть в открытую. Соединённые Штаты, напротив, располагали экономическими и военными средствами, чтобы перехватить инициативу. Это означало разрыв. Так и вышло. Немецкий вопрос был только частью общей планетарной картины, которую Черчилль, Сталин и Рузвельт имели перед глазами. Но частью первостепенной, решающей. Вместе с атомной бомбой – уже шла подготовка, чтобы сбросить её на Японию. Такова была обстановка, в которой развивались события.

В “Протоколе переговоров между главами трёх правительств” среди первых фигурирует тема “материальных репараций с Германии”. Она возникла в трёх пунктах. Первый:

“Германия обязана возместить в натуре ущерб, причинённый ею в ходе войны союзным нациям. Репарации должны получаться в первую очередь теми странами, которые вынесли главную тяжесть войны, понесли наибольшие потери и организовали победу над врагом”.

Во втором пункте определялись формы, в которых должны были взиматься репарации. То есть:

“а) единовременные изъятия в течение двух лет по капитуляции Германии или прекращении организованного сопротивления из национального богатства

Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне её (оборудование, станки, суда, подвижной состав, германские вложения за границей, акции промышленных, транспортных, судоходных и других предприятий Германии и т. д.), причём эти изъятия должны быть проведены главным образом с целью уничтожения военного потенциала Германии;⁸

б) ежегодные товарные поставки из текущей продукции в течение периода, длительность которого должна быть установлена;

в) использование германского труда”.

Третий пункт: “Для выработки на основе вышеизложенных принципов подробного репарационного плана в Москве учреждается межсоюзная комиссия по репарациям в составе представителей от СССР, США и Великобритании”.

В четвёртом пункте возникает ряд расхождений между Рузвельтом и Черчиллем и важное совпадение мнений между Рузвельтом и Сталиным, а именно: речь идёт о том, чтобы предварительно определить суммы репараций. Мнения советской и американской делегации сошлись в нескольких пунктах: “Московская комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложение Советского правительства о том, что общая сумма репараций (...) должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50% этой суммы идёт Советскому Союзу”. Британская же делегация с этим не соглашалась. Она не назвала суммы репараций и считала, что “не могут быть названы никакие цифры”, пока вопрос не рассмотрит Московская комиссия. По большому счёту, однако, в тот момент линия разлома не разделила Запад и СССР. Рузвельт и Сталин были согласны против Черчилля.

В Ялте обозначились многие вопросы, ставшие судьбоносными для мировой истории в последующие десятилетия, можно сказать, вплоть до наших дней. Но в чём Три Великие Державы были согласны, так это в том, что нельзя допускать побеждённую Германию влиять на последующие события. Как мы вскоре увидим, за два последующих года обнаружился радикальный слом позиций, когда фронт союзнических антинацистских сил раскололся на две партии: с одной стороны – Советский Союз, с другой стороны – Запад, представленный Соединёнными Штатами, Великобританией и Францией (эта последняя была возведена в ранг победительницы по настоянию Соединённых Штатов и утверждена в этом качестве при нескрываемом сопротивлении Москвы). Нет сомнений, что одной из причин перелома в отношениях стала внезапная смерть (12 апреля 1945 года) американского президента Рузвельта. Трудно анализировать этот аспект проблемы – здесь могут быть разные и даже противоположные интерпретации. Но кажется очевидным, что Гарри Трумэн, взявший на себя обязанности президента после Рузвельта, имел совершенно другое понятие о будущем мира, чем его предшественник. И, поскольку президент Соединённых Штатов Америки – далеко не главное действующее лицо в политике этой страны, многие историки считают, что роль личности Рузвельта была чрезвычайной (такой роли больше никто из президентов за всю историю этой страны не сыграл). Трумэн был скорее провинциалом, пришёл к власти, не имея ни международного опыта, ни собственного видения будущего, без сознания (которое долго вынашивал Франклин Делано Рузвельт) решающей роли, которую приняли на себя Соединённые Штаты после поражения Германии. Гарри Трумэн оказался, таким образом, призван управлять историческими переменами, слишком значительными для его способностей. Там, где его ограниченных способностей не хватало, он подчинялся силе и изворотливости Уинстона Черчилля и никем не обузданному могуществу “военно-промышленного комплекса”, в конце концов, начавшего определять всякий выбор Вашингтона.

Если вернуться к рабочему протоколу Крымско-Ялтинской конференции, когда за столом переговоров ещё сидел Рузвельт, ясно, что у Германии нет будущего. Раздел III⁹ посвящён “расчленению”¹⁰ Германии и содержит чрезвычайно жёсткие условия немедленной капитуляции. В него включён, в числе прочих, пункт, по которому “Соединённое Королевство, Соединённые Штаты Америки и Союз Советских Социалистических Республик будут обладать по отношению к Германии верховной властью. При осуществлении этой власти они примут такие меры, включая полное разоружение, демилитаризацию и расчленение Германии, которые они признают необходимыми для будущего мира и безопасности”¹¹. Тон заключительного заявления – безжалостно обличительный.

“Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира. Мы полны решимости разоружить и распустить все германские вооружённые силы, раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех военных преступников справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причинённые немцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа и принять совместно другие такие меры в Германии, которые могут оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всего мира. В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций”.

4. План Morgентау

Здесь нужно подчеркнуть, что именно американцы на этом этапе решительнее всего стояли за наказание Германии как государства и немецкого народа в целом. Европейская широкая публика очень мало знает, например, о так называемом плане Morgентау, названном по имени его создателя и поборника. Генри Morgентау-младший, еврей по происхождению, был министром финансов Соединённых Штатов и в этом качестве возглавлял американскую делегацию на конференции в Квебеке 16 сентября 1944 года, которая фактически была подготовкой к участию США в Ялтинской конференции. В этом случае Morgентау удалось убедить президента Рузвельта принять проект “об уничтожении военной промышленности в Руре и Сааре и превращении Германии в страну по преимуществу аграрную и скотоводческую”. Также в этом случае проявилось и различие позиций Рузвельта–Morgентау, с одной стороны, и Уинстона Черчилля – с другой. Этот последний настаивал на своём, но без успеха, что суровость санкций против Германии нужно смягчить. Были всё-таки внесены некоторые изменения, но только частные. Рузвельт намеревался привезти в Ялту предложения, созвучные с ожидаемыми требованиями Советского Союза.

Этой линии он придерживался и на Ялтинской конференции. Но смерть Рузвельта, как уже было сказано, изменила соотношение сил и влияния на всём Западе. Судьба Германии – все это понимали – не могла быть определена независимо от судьбы Европы в целом, от будущих отношений с Соединёнными Штатами и отношений между будущей Европой и Советским Союзом. Однако вплоть до Берлинско-Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945) видение ситуации, совместно достигнутое тремя державами-победительницами вскоре после победы, оставалось неизменным. В ходе конференции продолжало преобладать согласие трёх держав-победительниц относительно общей цели – предотвратить всякую возможность возрождения Германии. Цель, на которой упорно настаивали, – держать то, что от неё осталось после военных разрушений, под жесточайшим трёхсторонним контролем (Франция была допущена к переговорам победителей вскоре после этого). Германия Третьего рейха была успешно расчленена. Все немецкие аннексии территорий, сделанные после 1937 года, начиная с Судет, были отменены. Восточная граница была отодвинута к западу вплоть до линии рек Одер и Нейсе. За Польшей признали Западную Пруссию, Силезию, часть Восточной Пруссии, а именно – две трети Померании, некоторые районы Бранденбурга. Советский Союз взял себе значительную часть Восточной Пруссии, город Кёнигсберг (который станет Калининградом) и его область. Франция включила в свои границы почти все месторождения угля и весь промышленно-шахтёрский Рурский бассейн. Все города, большие, средние и маленькие, которые были германизированы перед войной, будут очищены от немецкого населения. За несколько лет около семнадцати миллионов немцев – женщины, старики, дети

и немногие оставшиеся в живых мужчины — лишатся своего имущества и будут высланы из своих жилищ и с территорий, где они поселились, и насильственно возвращены на территорию, оставшуюся от расчленённой Германии. И это не были решения, оставшиеся только на бумаге. Началось массовое переселение гигантских масштабов — в районы, практически разрушенные войной; переселенцы остались без средств к существованию, без медицинского обслуживания, со случайным транспортом, при враждебности прежде угнетённого населения, и это стало причиной огромного числа жертв. Сколько их было, вычислить уже невозможно, но, конечно, их были миллионы. Другими словами, в Потсдаме была принята к действию и осуществлена политика репрессивной и безжалостной оккупации, намеченная в Ялте. Всё — при общем согласии победителей.

О том аде, который был создан в районах Центральной Европы после краха Третьего рейха, нет ни торжественных воспоминаний, ни фильмов, ни тем более телесериалов. Да, есть огромное количество исторической публицистики, которая, однако, осталась на полках библиотек и университетов, но никогда не достигала широкой публики. И это трагическим образом объяснимо. Широкую публику обязательно информировали — и продолжают делать это и сегодня — о холокосте против евреев, устроенном нацизмом. Но насчёт холокоста против немецкого населения, устроенного союзниками, победившими во Второй мировой войне (который был не меньше, чем холокост против евреев — во всяком случае, исходя из многочисленных авторитетных свидетельств, исследований, даже официальных документов правительства и Конгресса Соединённых Штатов), существовало молчаливое соглашение, что было бы бесполезно заниматься этим вопросом или придавать ему слишком большую известность. В самом деле, по большей части немецкий холокост был делом рук Запада. А не только и не столько Советского Союза. И потому говорить о нём значило бы разрушать ту чёрно-белую картину, которую создавали (хотя и не без напряжённого противодействия) в самих Соединённых Штатах, вы начавших тем временем присваивать скипетр имперского господства, уже вынужденный из рук Великобритании.

План Morgентау был приведён в действие немедленно после краха нацизма — для этого даже не стали дожидаться решающей встречи, договорённости о которой уже существовала и которая осталась в истории как Берлинско-Потсдамская конференция (17 июля — 2 августа 1945 года). Датой начала реализации этого плана можно считать 10 мая 1945 года, план был подписан Гарри Трумэном под названием “Директива об оккупации” и получил аббревиатуру *JCS 1067 (Joint Chiefs of Staff)*. Другими словами, он был односторонней инициативой американского правительства и касался только зон западной оккупации. И был плодом железной решимости Генри Morgентау-младшего без всяких компромиссов наказать Германию и немцев. Он сам вспоминал в своих дневниках, что в 1944 году предлагал Рузвельту расстрелять на месте без суда и следствия первых 50 или 100 нацистских главарей, которые будут взяты в плен. Предложение не было принято¹². И его идеи встретили решительное сопротивление в американской администрации и военном командовании, опасавшихся, что, если новость об американских намерениях просочится, отчаянное сопротивление немцев в последние недели войны будет усиливаться и дальше. В верховном командовании США говорили, что принять план Morgентау было бы всё равно, что сражаться с десятками немецкими дивизиями. Впоследствии план Morgентау (или его часть) попал к Йозефу Геббельсу, министру пропаганды Третьего рейха, который использовал его, чтобы разжечь ярость последних его бойцов. “Не допустите, — писал Геббельс, — чтобы от Германии оставили только “картофельное поле”¹³.

В действительности внутри западной коалиции зрели идеи, совершенно отличные от идей Генри Morgентау, о том, как обращаться с побеждённой Германией. Вплоть до дней Потсдамской конференции в Вашингтоне, Лондоне и Париже (в первую очередь, в Лондоне) набирала силу мысль, что Германию можно использовать как необходимого союзника против Советского Союза. Значит, совсем не нужно обращать в пепел её и её обескровленный народ, а нужно, напротив, поддерживать в ней жизнь и как можно скорее привести её в такое состояние, чтобы она могла способствовать возрождению Европы, а Европа стала главным бастионом против советских претензий — истинных или мнимых — на господство. Парадоксально, но директива *JCS 1067*

была подписана Трумэном (Рузвельт умер 12 апреля этого года), когда Моргентау уже фактически потерпел политическое поражение. Так что, когда американская делегация отправилась участвовать в Потсдамской конференции, его без излишних церемоний исключили из состава переговорной группы. В качестве министра финансов он обратился к Трумэну, угрожая своей отставкой, и результатом стало то, что Трумэн эту отставку немедленно принял. Несмотря на это, Моргентау не признал себя побеждённым. Немалая группа военных чиновников, контролируемых министерством финансов, продолжала воплощать в жизнь директиву JCS 1067 и добилась того, что она исполнялась самым суровым образом. Два года, вплоть до её отмены, действовало правило: “неприемлемо никакое действие, могущее привести к реабилитации Германии”. Но следует ещё добавить, что Моргентау действовал не в полном одиночестве. В октябре 1945 года он опубликовал книгу под названием “Германия – наша проблема”, в которой подробно разъяснял свою доктрину. Он сделал это, опираясь на личное разрешение Рузвельта, полученное от него вечером накануне его смерти, 11 апреля, когда они ужинали вместе в Уорм-Спрингс. Единственное, чего Рузвельт в тот вечер не позволил опубликовать, был меморандум (касавшийся превращения Германии в “картофельное поле”), подписанный как Рузвельтом, так и Черчиллем на второй конференции в Квебеке в 1944 году.

Вся команда “*Morgenthau Boys*” ушла в отставку только в июле 1947-го, когда директива JCS 1067 была заменена другой – JCS 1779. Девизом новой политики стало: “Безопасная и процветающая Европа требует экономического вклада стабильной и продуктивной Германии”. Полная смена политической линии, спровоцировавшая очень жёсткий ответ Сталина. По существу, антинацистский союз прекратил своё существование в этот момент. Началось то, что потом назвали “холодной войной”.

5. “Длинная телеграмма” Джорджа Кеннана

За поверхностью политических, военных, дипломатических событий, видимой и довольно понятной, скрывался совершенно другой, реальный уровень отношений между тремя странами-победительницами и их народами. Здесь уже угадывалось существенное отличие поведения Рузвельта со Сталиным от поведения Черчилля. Американский президент смотрел на Советский Союз и на Сталина лично с искренним восхищением и уважением. Конечно, не потому, что был марксистом или социалистом, а потому, что у него было своё видение будущего – он предвидел возможность мирного сотрудничества двух стран. Эти идеи он к тому же публично высказывал задолго до войны, когда во время Великой депрессии, в разгар неограниченного господства либерализма в Соединённых Штатах утверждал возможность смешанной экономики, в которой государство могло бы играть важную роль – быть ориентиром, вмешиваться, становиться посредником в таких экономических ситуациях, где частная инициатива оказалась бы недостаточной или неуместной. Нет сомнения, что, если бы Рузвельт оставался в живых в те судьбоносные месяцы и годы, события развивались бы совершенно иначе. Перемена совершилась в те два часа, которые отделяли кончину Рузвельта от назначения Трумэна и его вступления в должность.

Для этой перемены уже существовали все предпосылки, которые только присутствие Рузвельта могло до этого момента сдерживать. Например, всего через несколько месяцев после окончательной победы над Германией *Wall Street Journal* выдвинула гипотезу военного альянса между западными странами, в который предполагалось включить западногерманское государство¹⁴. И лондонская *Times* почти одновременно предложила отменить только что подписанный Потсдамский договор. Но высказаны идеи, на которых основывалась эта западная стратегия, были в “Длинной телеграмме”, – конечно, секретной, – которую Джордж Кеннан, тогда посол в Москве, отправил в Госдепартамент США 22 февраля 1946 года¹⁵. Это документ чрезвычайной исторической и политической важности, повлиявший на многие последующие события. Уже его длина кажется непривычной – 8000 слов в одной депеше говорят о драматичности момента. И об амбициях писавшего. Культурное и политическое содержание телеграммы, как бы его ни оценивать, свидетельствует о том, что она написана человеком очень талантливым и способным

видеть вещи в широчайшей перспективе. Кеннан пользовался большим авторитетом в Вашингтоне и до того, как написал эту статью, и именно поэтому его назначили в Москву. Он отдавал себе отчёт, что статья будет иметь сильное влияние на будущий выбор американской государственной администрации (этот выбор она уже начинала делать). Но идеи, которые он выразил в этом документе, очень отличались от идей Рузвельта. В нём обрисовывается общий облик советского руководства в тот момент, это был анализ его понятий и поведения, а также подробное, резкое, часто до жестокости реалистическое описание чувств русского народа в целом.

Кеннан начинает с утверждения, что Россия как страна “по природе” враждебна Западу. Как, по мнению Кеннана, следует объяснять враждебность России к Западу? Конечно, не агрессивностью Запада в отношении России (её Кеннан даже не принимает во внимание), а практическими требованиями, стоящими перед советскими лидерами. Они должны были воспитывать в своём народе неприязнь к Западу, чтобы оправдать собственный авторитарный стиль руководства страной. Во-вторых, исходя из постулата о невозможности мирного сосуществования с капитализмом, руководящие коммунисты легко сыграли на том, чтобы сделать центром своей стратегии разрушение капиталистического образа жизни и способа производства. Здесь уже было сказано, что эти тезисы – нужные, чтобы определить мотивы “агрессивности” России, – имели такое определяющее влияние на американскую политическую культуру, что живы ещё и сейчас, через три четверти века, после крушения советского коммунизма и перехода России к капитализму.

Здесь нужно сделать отступление, чтобы описать душевное состояние, владевшее в тот момент народом СССР. Победа над нацизмом, несомненно, была пережита Советским Союзом не только как вздох облегчения после стольких страданий, смертей и разрушения. Достаточно прочесть замечательный роман Василия Гроссмана “Жизнь и судьба”, чтобы понять, как надеялись миллионы русских избавиться от этого кошмара – не только кошмара войны, но и того, который продолжался весь период после Октябрьской революции – гражданской войны, раскулачивания, сталинских репрессий – и начать новую жизнь, без насилия, репрессий, смерти. Конечно, не для того, чтобы удовлетворить чувство мести или расширить свои завоевания. Таковы были чувства, распространившиеся в советском народе. Но, конечно, Джордж Кеннан не мог читать эту книгу, а если бы он её и прочитал, вероятно, не мог бы понять эту сторону проблемы. Для американца, для западного человека, убеждённого в своём превосходстве, это было бы очень трудно.

Однако это состояние души, хотя и распространённое, не было ни единственным, ни господствующим. Миллионы советских людей, сражавшихся и победивших в страшной войне в их собственном Отечестве, после того, как они заплатили общую цену в 20 миллионов убитых; после того, как долго, до самого Сталинграда, боялись поражения, которое означало бы уничтожение нации; после всего этого и многого другого пережили победу как очевидное доказательство своей силы, своей сплочённости и своего мужества. И это в значительной степени ставилось в заслугу режиму, который с этим соглашался. Коммунистическая партия вышла из всего этого укрепившейся, её внутренний авторитет возрос, как и международный. Партия и народ разделяли, так сказать, гордость победы. И с ней было естественно сочетать идею мировой революции, в которой идеи социализма и коммунизма могли бы снова перейти в наступление. Особенно за границами социалистического мира. Теперь появилась возможность немедленно раздвинуть эти границы, перенести свою социальную систему в только что завоёванную Восточную Европу. Западные союзники, разделившие с Советским Союзом эту победу, чувствовали силу этого эмоционального подъёма и были им одновременно восхищены и испуганы. Конечно, Франклин Рузвельт был восхищён.

Однако очень скоро стало очевидно, что среди западных лидеров преобладают страх и беспокойство. У Уинстона Черчилля это чувство определилось во время Ялтинской конференции. Он отлично понимал, что Великобритания теряет – таково было неизбежное следствие той самой победы, которую пришлось разделить с СССР и США – часть своего имперского лоска. И старался не упустить ни малейшей возможности сохранить за своей страной роль великой державы. Соединённые Штаты считали, что именно они должны взять

в свои руки судьбы целой планеты. И не могли бы сделать этого, не ограничив жёстко претензии Советского Союза.

Таким образом, размышления Джорджа Кеннана вскрыли самый центр проблемы, мучившей западные правящие классы. Он дал ответ, которого жаждал Запад. По словам британского историка Эрика Дж. Хобсбаума, он видел “в России, какой бы она ни была – царской или большевистской, – варварское и отсталое общество, управляемое людьми, движимыми <традиционным и инстинктивным чувством неуверенности – неотъемлемым качеством русских>, всегда готовыми изолировать себя от внешнего мира, всегда подчинёнными автократам, всегда ищущими уверенности, и ищущими только одним способом – при помощи упорной борьбы не на жизнь, а на смерть – борьбы за разрушение державы-соперницы, без всяких договоров и компромиссов с ней; следствие – государство, понимающее только “логику силы”, но никогда не логику разума”¹⁶.

По Кеннану, коммунизм не изменил существенно дух России. Он только укрепил этот дух, сменил его более грубым и связал с самой безжалостной из утопистских идеологий. Его понимание России так совпало со “стратегическим” духом Запада, что повлияло на идеи одного из самых блестящих американских интеллектуалов конца “короткого века” – поляка Збигнева Бжезинского. Он через двадцать лет после этой телеграммы настаивал, что проблема Америки и Запада в целом – не только победить коммунизм, но и уничтожить Россию, покорив её, колонизировав её, сделав её совершенно бессильной. Проект Гитлера был ещё радикальнее – уничтожить Россию, захватив её территорию и истребив народ. Следует заметить, что, судя по описанию Кеннана, у России преобладает инстинкт – варварский, атавистический, насильственный. Россия – утверждал он – всегда была такой и всегда такой будет. Это не вопрос политики или меняющихся обстоятельств – это глубинная характеристика русского духа, каковы бы ни были временные правители.

И поистине любопытно читать отстоящее на несколько десятилетий суждение-противовес, вынесенное русским защитником России и зеркально отражающее мысли Кеннана. “Запад, – писал А. Зиновьев, – это явление уникальное, т. е. единственное в своём роде и неповторимое в истории человечества <...> Когда народы стран Восточной Европы и Советского Союза возмарились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то обстоятельство, что это уподобление не может стать превращением их в части Запада или западные страны по двум основным причинам. Первая причина – навязывание этим народам и странам отдельных свойств Запада (демократия, рынок, приватизация и т. п.) не есть превращение их в части Запада, ибо Запад вообще не сводится к этим свойствам. Запад есть огромный и многосторонний социальный феномен, сложившийся по бесчисленным каналам в течение многих столетий. Во всяком случае, у России не больше шансов стать Западом, чем у мухи стать слонем на том основании, что и у неё есть хобот. Вторая причина – место и роль Запада уже заняты, и самое большее, на что уподобляющиеся Западу народы могут рассчитывать, это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада, причём на тех ролях, какие им позволит сам единственный и неповторимый Запад. <...> Запад создавался, поддерживался, охранялся и завоёвывал себе место на планете не просто человеческими существами, но людьми определённого типа. Ни с каким другим человеческим материалом Запад был бы невозможен”¹⁷.

Это необычный диалог “через время” между двумя крупными интеллектуалами из двух лагерей, много понимавшими, а кое-что только чувствовавшими. И из этих отрывочных интуиций, из замеченных ими “отклонений” выросла история, которую мы знаем. Дело в том, что Россия, помещённая Кеннаном под увеличительное стекло, относится к тем странам, которые, как заметил Зиновьев, “уподобляются Западу”. Можно добавить: “мечтают уподобиться”. Но которые, как тут же добавляет Зиновьев, не могут исполнить эту мечту, потому что созданы из “другого человеческого материала”. Был прав и Джордж Кеннан, когда описывал Россию как страну, одержимую “традиционным и инстинктивным недостатком веры в себя” и “страхом перед обществами более конкурентоспособными, сильными и лучше организованными”. Это качество русские сами отметили в своём психологическом автопортрете и назвали “чувством неполноценности”.

Кеннан воспевал врождённое превосходство западных обществ и предупреждал наивных (каковым, по его мнению, был Франклин Рузвельт), неосторожно забывших, что надо быть начеку. “Русские правители всегда понимали, что их власть не сможет устоять, имея дело с политическими системами западных стран”. Его предложение, хорошо обдуманное и потому очень определённое: нужно держать их на расстоянии, сдерживать. “Сдерживание” России, предложенное им, стало политикой Запада в целом и было её сутью на протяжении всей “холодной войны”.

Прагматизм Кеннана позволил ему глубоко взглянуть на Россию, но и привёл его к тому, что он наложил на русских что-то вроде неснимаемого проклятия. Ему не хватило самой малости историзма Вико¹⁸ или Грамши, чтобы понять, что его рассуждение ведёт к расизму. К расизму изящно утончённому, элегантно упакованному, слегка ироническому, но всё-таки к расизму. Ему даже не пришла в голову мысль, что именно бывшие в истории давление Запада на Россию и его агрессия против неё вызвали отчуждение России от Запада. Кеннан приписал России “историческую агрессивность” по отношению к другим странам, забывая, скольким вторжениям западных армий России пришлось подвергнуться, от скольких ей пришлось защищаться примерно раз в столетие, а в XX веке – два раза: 1605–1618 (поляки), 1709 (шведы), 1812 (французы), 1914 (немцы), 1941 (немцы). И это, нельзя не признать, оставило следы, которых не могут изгладить десятилетия и века. И (это возражение не утратило своей силы и сейчас, когда я пишу) неизвестно почему, кому-то можно гордиться ранами своих предков, а у русских они должны заживать в ускоренном темпе.

Проблема, которая по-прежнему существует и сейчас, когда я пишу эти строки: история написана победителями. Они поставили своё фабричное клеймо на умы своих подданных. Джордж Кеннан был знаменосцем их идей, одновременно создателем и защитником этого клейма. И это клеймо – введённое ещё глубже от неоднократных практических успехов, – превратилось в догму. И догма стала основой идеологии, которая питает и в то же время отравляет культуру Запада. Питает в том смысле, что она объединяет Запад и позволяет ему и дальше занимать доминирующее положение. Отравляет в том смысле, что мешает видеть, как приближаются неизбежные перемены. Дело в том, что, чтобы видеть реальность, нужно уметь взглянуть на неё со стороны.

“Каков итог вашей цивилизации? Вы не можете посмотреть на себя со стороны. Вы не отдаёте себе отчёта, что представляете страшную угрозу для человечества. Мы вас боимся. Отовсюду люди смотрят на вас с подозрением. Все великие нации Запада готовятся к войне, к делу величайшего разрушения, которое отравит ядом весь мир. Этот яд – внутри вас самих. Снова и снова пытаются найти решение, но не могут, потому что потеряли веру в человека”¹⁹. Думаю, что имеет смысл именно в этом контексте процитировать размышление индийского поэта и философа Рабиндраната Тагора. Эти слова были написаны в 1925 году, между двух мировых войн, как раз перед той, итог которой мы описываем. Войной, разбившей вдребезги “непомерное тщеславие Европы”, с того времени, действительно, утратившей своё первенство в мире – её заменили Соединённые Штаты Америки. Тагор с поразительной пророческой силой описывает и настоящий момент, наступивший почти веком позже. Европа “вплоть до того момента” – в промежутке между двумя мировыми войнами – “пребывала на пике своей власти и своей гениальности: казалось, что она обеспечила себе безграничное процветание на бесконечное время – именно тогда, когда своим безжалостным торжеством она определила судьбу миллионов людей в других странах, готова себе пьедестал и сохраняя его за собой на вечные времена”.

Заменим слово “Европа” словом “Запад” – и это уже хроника нашего времени. И Тагор был не единственным. Он был представителем колонизированного и уже разочарованного Востока. Но и на Западе были люди, способные смотреть на успехи Запада, не ставя на свои мысли “клейма догмы”. Через двадцать семь лет после Тагора, в разгар событий, о которых мы рассказываем, английский историк Арнольд Тойнби подверг сомнению два опорных пункта западной мысли, вдохновлявших Джорджа Кеннана. **“Первый пункт – что Запад никогда не был единственной важной частью мира <...>. Второй пункт такой: в столкновении между миром и Западом**

в течение четырёх или пяти веков <...> не Запад страдал от мира, а мир пострадал — и жестоко пострадал — от Запада²⁰.

И ближе к концу “короткого века” мы видим, что описание настоящего столкновения цивилизаций (только, если его сравнить с описанием Кеннана, его стороны поменялись местами) ещё и сегодня в полном ходу в Империи, которая приписывает нестройным ордам остального мира (в том числе России) зависть, агрессивность, желание завоевать красоты и материальные богатства Запада — невинной жертвы всего этого: **“Запад завоевал мир не превосходством идей, ценностей, религии, а превосходящим применением организованного насилия. Западные люди часто забывают об этом, не западные — не забывают никогда”**²¹.

6. Советская атомная бомба

Было 24 июля 1945 года, когда Гарри Трумэн лаконически сообщил Сталину, что Соединённые Штаты только что успешно экспериментировали с новым “революционным оружием чрезвычайной мощности”. Он сделал это с хорошо отрепетированной небрежностью, почти мимоходом, но прекрасно сознавая, что случившееся только за три дня до того на полигоне Аламогордо изменит ход мировой истории. Он знал Сталина несколько дней — встреча проходила в Потсдаме, пригороде Берлина, а Трумэн недавно стал президентом Соединённых Штатов после смерти Рузвельта, — и, конечно, был прекрасно осведомлён о силе и хитрости своего собеседника. По некоторым источникам, это заявление было согласовано с Черчиллем, в том числе и для того, чтобы пронаблюдать за реакцией Сталина. Оба хотели проверить уровень осведомлённости советского лидера в этом вопросе.

Заявление Трумэна было, в сущности, угрозой: знайте, что отныне и впредь наш диалог будет развиваться в зависимости от соотношения сил, совершенно иного, чем то, какое было в Ялте. Начинаясь “атомная дипломатия”. На самом деле фраза Трумэна была тщательно выверена и оставляла в тайне характеристики оружия. Он не сказал ни о том, что речь идёт о бомбе, ни о том, что это бомба “атомная”. Он хотел донести до своего собеседника простую и резкую мысль: “С сегодняшнего дня преимущество за нами”. И, конечно, он был убеждён, что преимущество это огромно и будет существовать долго, может быть, всегда. Сталин остался невозмутим. Не задал вопросов, не попросил разъяснений. Но уловил политическое и военное значение сказанного. Когда заседание было прервано, он, отвечая Вячеславу Молотову, своему министру иностранных дел, который, разобравшись в ситуации, сразу же заметил, что на Западе намерены “набавить цену”, воскликнул: “Они её всё-таки набавили. . . Надо сегодня же поговорить с Курчатовым и сказать ему, что нужно ускорить нашу работу. . .”²². Не исключено, что в тот момент Сталин знал больше, чем даже Молотов мог себе представить. Действительно, 16 июля, за восемь дней до разговора с Трумэном, Клаус Фукс — немецкий физик-коммунист, один из главных участников проекта “Манхэттен”, — лично присутствовал при взрыве на Аламогордо и после этого, 19 июля, отправил в Москву подробный отчёт на тридцати трёх страницах с детальным описанием ядерного оружия — деталей его конструкции и его действия, которое он мог наблюдать лично²³. Чего Сталин не мог знать, так это того, что всего через 13 дней можно будет непосредственно наблюдать тот огромный взрыв, который отделил Россию от Соединённых Штатов: 6-го и 9 августа два японских города, Хиросима и Нагасаки, будут уничтожены за несколько секунд.

Советские атомные исследования в тот момент на тысячу миль отстояли от решения проблемы, внезапно вставшей перед Сталиным. В 30-е годы шли исследования в атомной области, но несмотря на то, что, как свидетельствуют события, квалификация русских учёных была очень высока, перед Второй мировой войной Москва могла рассчитывать, главным образом, на Институт радиологических исследований в Ленинграде, которым руководил профессор Абрам Иоффе. Конечно, политическое руководство страны, верхи Коммунистической партии, ведя войну, сосредоточивали внимание на неядерном оружии, на проблемах снабжения, на танках. Они не думали о новом оружии. Главным образом, они требовали от своих учёных сосредоточиться на радарных технологиях, на быстром усовершенствовании защиты от морских мин, на военном судостроении, на улучшении наземной военной техники.

Возникла идея об “урановой бомбе” (такой термин использовался тогда), но не давалось никакого приоритета исследованиям в этой области.

К этому добавилась катастрофа Советской армии в первые месяцы войны, имевшая немедленным последствием эвакуацию на восток и на север основных промышленных предприятий, проектных и исследовательских учреждений — с их привычных мест в европейские части Советского Союза. Руководители, учёные, технические специалисты, рабочие переезжали в великой путанице вместе с фабриками, лабораториями и оборудованием. Существовавшие между ними связи стали проблематичными и совсем прервались на недели и месяцы. Иоффе, например, был перевезён из Ленинграда в Казань вместе со всем персоналом своего института. Из советских архивов, недавно открытых, выясняется, что об атомном вопросе руководству партии, то есть Сталину, было доложено осенью 1941 года. Доложил Лаврентий Берия, тогда руководивший НКВД, то есть Народным комиссариатом внутренних дел — верховным руководством всех советских спецслужб. Как сообщил Берия, выяснилось, что в Великобритании и Соединённых Штатах ведутся передовые исследования о военном применении атома. Сведения доставил “агент из Соединённого Королевства”, он рассказывал о возможности создания взрывных устройств, эксплуатирующих энергию ядра, и о том, что эффект их использования “примерно в тысячу раз превышает эффект не атомных бомб того же веса”. Никогда не была достигнута ясность относительно личности советского агента, передавшего эту информацию, но содержание его сообщения было признано в Москве вполне достойным доверия и чрезвычайно интересным²⁴.

В свете этой информации физик и академик Георгий Флёрв написал в апреле 1942 года встревоженное письмо Сталину, убеждая его, что необходим быстрый поворот в сторону атомных исследований. Флёрв давно был убеждён, что немцы уже на пути к созданию “урановой бомбы”. Кроме того, он пришёл к выводу, что не только немцы, но и англо-американцы продвигаются в том же направлении: ему внушил подозрения тот факт, что все главные научные журналы в последние годы непроницаемо молчали о развитии ядерной физики. Ему казалось, что это молчание изобличает существование исследований, которые держат в секрете.

Всё это доказывает, что Сталин уже некоторым образом был в курсе существования на Западе атомного проекта, когда получил сообщение Трумэна. И что, следовательно, ясно понимал военное и технологическое отставание Советского Союза, может быть, даже возможность серьёзной военной угрозы. Как мы знаем, планы атомной атаки на русские города, предположившие уничтожение миллионов людей, уже готовились, и основой этой подготовки было именно новое оружие, о котором заявил Трумэн. Вероятно, именно из-за письма Флёрва вспыхнула настоящая тревога. Был основан комитет, членами которого стали, по личному распоряжению Сталина, лучшие советские умы; среди них — Пётр Капица, Абрам Иоффе, Виталий Клопин, Владимир Вернадский и, конечно, Игорь Курчатов, которому Флёрв предложил руководить коллективными исследованиями группы. Но в тот момент были насущные приоритеты, навязанные военным положением. Немецкая армия наступала, уверенная в победе, и была на пути к завоеванию Сталинграда. Красная армия отступала на многих фронтах, сопротивлялась с трудом и с большими потерями. Сталин не только не был уверен в исходе войны, но и вынужден был подчиняться категорическим и насущным требованиям обстоятельств. Его мнение было определено настойчивостью другого физика, Сергея Васильевича Кафтанова. Именно он, как оказалось, сделал выводы: “Если немцам удастся предприятие по созданию урановой бомбы, они получат решающее преимущество”. И Сталин отвечал ещё с сомнением: “Надо будет её себе обеспечить”²⁵.

Шёл 1942 год, и, конечно, среди присутствовавших на том совещании немало было тех, кто очень сомневался в успехе этого предприятия. В том числе выражали смущение и сомнения Пётр Капица и сам Игорь Курчатов. Но было принято важнейшее решение: вся внушительная система советской разведки, агенты в Берлине, Лондоне и Нью-Йорке получили приказ чрезвычайной важности — требовалось приложить усилия, чтобы собрать всю возможную информацию об исследованиях и инициативах противников и союзников в атомной области. В то же время были приняты чрезвычайные меры

предосторожности в отношении советских учёных. Как для их защиты, так и для того, чтобы их удаление от публичной жизни не вызвало подозрений у спецслужб противника. Как доказывают последующие события, советская разведка оказалась существенным, если не решающим компонентом успеха. В тот момент советские агенты в Лондоне уже получили важнейшую секретную информацию, используя ресурсы Клауса Фукса, немецкого физика, симпатизировавшего Советскому Союзу, который стал впоследствии одним из самых блестящих умов проекта “Манхэттен” – так назывался американский план по созданию первой в истории человечества атомной бомбы.

Усилия, потраченные на разведку, вполне оправдали себя. Решающие результаты были получены прежде всего в Лондоне. Москве удалось ознакомиться с результатами теоретических работ сверхсекретной группы учёных, работавших в так называемом комитете *MAUD*²⁶, который около 1940–1941 годов пришёл к выводу, что лучшим способом производства атомного оружия будет газовая диффузия урана-235. Британские физики разрабатывали не одно направление исследования, и эти направления были исключительно сложны. Требовалось отбросить менее эффективные или более опасные решения, или те решения, которые требовали более долгого времени или больших вложений, чтобы привести к какому-нибудь результату. По всей вероятности, также и британские учёные отчасти были обязаны своими открытиями успехам спецслужб Соединённого Королевства. Шла интенсивнейшая работа разведки, продвигавшаяся во многих направлениях. И Лондон с его огромным имперским опытом несомненно имел большие возможности для проникновения в лагерь противника. Британцы подошли вплотную к выводу, что возможность ядерного синтеза урана-235 была открыта Нацистской Германией, по крайней мере, за три года до того, в берлинском Институте кайзера Вильгельма. Вероятность того, что это открытие приведёт к созданию атомной бомбы, уже считалась очень высокой. Но вопрос, как достичь этого результата, оставался открытым.

Комитет *MAUD* расчистил путь, подсказав, что надо отложить как производство плутония, так и путь термической диффузии, как электромагнитный метод, так и применение центрифуги. Годы исследований, неистовая работа лучших умов потребовались, чтобы прийти к этим решениям. То, что советские учёные, занимавшиеся ещё предварительными вопросами и стоявшие на перекрёстке в самом начале пути, получили в своё распоряжение эти данные, сильно сокращало путь. В самом деле, русские физики шли одновременно по всем дорогам. Курчатов ставил целью производство плутония и отчаянно требовал циклотрон как можно скорее. Уже был один, частично сконструированный перед войной в Ленинграде, в Физико-техническом институте. Он был восстановлен вместе с электромагнитом, весившим 75 тонн, оставшимся ржаветь на фабрике “Электросила”, находившейся в нескольких километрах от фронта. Курчатов трудился над проектом охлаждения ядерного реактора при помощи графитных стержней после того, как отверг тяжёлую воду. Но не хватало материала – урана, и потому было необходимо срочно мобилизовать сотни геологов, чтобы исследовать территорию в тысячи квадратных километров и найти залежи этого минерала. Физик Исаак Кикоин изобрёл обогащение урана способом газовой диффузии. Другие, как Анатолий Александров, экспериментировали с термической диффузией. Лев Арцимович пробовал электромагнитное разделение.

Ситуацию можно кратко описать, сопоставив два факта. Когда Трумэн облачался в одежды Бренна, короля-варвара, который бросил на весы свой меч, произнес знаменитую фразу: “Горе побеждённым!”, то есть 21 июля 1945 года, в Советском союзе уже начинали производить первую порцию плутония в новом циклотроне, сконструированном Игорем Курчатовым в окрестностях Москвы.

Возвращаясь к Берлинско-Потсдамской конференции: Сталин принял решения, необходимые, чтобы одолеть этот “бег наперегонки со временем”, который должен был любой ценой восстановить равновесие. Атомная бомба заново начертила карту мировой власти, и это сознавали все – в Вашингтоне, в Лондоне, в Москве. Советский Союз только что выиграл Вторую мировую войну – и оказался перед перспективой уничтожения. Таковы были политические, стратегические, психологические обстоятельства, в которых началась операция “Бородино”. Так её назвал Сталин. Бородинская битва²⁷ предрешила

исход русской кампании Наполеона Бонапарта и предопределила его поражение. Как мастерски показывает в «Войне и мире» Лев Толстой, эта битва завершилась, в сущности, на равных. Но потери, понесённые французской армией, трудности снабжения, огромность пространства, в котором оказался затерян Наполеон, пожар захваченной Москвы, невозможность добраться до армии, которой командовал генерал Кутузов, избежавший столкновения, надвигающаяся русская зима вынудили французского командующего пуститься в разрушительное отступление. Вероятно, Сталин хотел этим названием предначертать для себя и для России желанную победу. И создал предпосылки для неё. Кирпичи, положенные в основание этого предприятия, все были существенно важны, необходимы, чтобы предрешить исход операции. Главным был Лаврентий Берия. Ему вручили буквально всю власть. Будучи народным комиссаром внутренних дел – главой НКВД, – он доказал свою железную решимость достигать целей, доверенных ему Сталиным. Это именно он создал лагерную вселенную, которая воздвигла советскую военную и промышленную машину, приведя её к победе. Он мог поставить себе на службу по своему приказу все бригады заключённых, которые сам и формировал. Никто лучше него не умел добиваться своей цели, используя и патриотическое чувство, и чувство страха. Он никогда не сомневался в тех приказах, которые исполнял.

Никакое колебание не позволялось. Тот, кто ошибался, немедленно расплачивался за это. Сталин знал этого человека и не сомневался в нём.

Сразу же установилась безусловная дисциплина, а второй была политическая и научная составляющая. Руководить операцией «Бородино», помимо Берии, были назначены два политика – ключевые фигуры как в смысле занимаемых постов, так и по своей верности начальнику: Георгий Маленков, секретарь, хотя и формальный, Коммунистической партии, и Николай Вознесенский, глава Госплана. И перед физиками Петром Капицей и Игорем Курчатовым поставили задачу – указывать всей группе приоритетные требования: когда и какие нужны люди, материалы, аппаратура и соответствующее финансирование. Третьим «кирпичом» был «неограниченный бюджет». Этот инструмент мог появиться только в социалистической системе, будучи не только недопустимым, но и непостижимым ни для кого, рассуждающего в терминах прибыли. Его изобретателем тоже был Сталин: «Просите всё, что вам нужно для достижения цели, вам дадут». Кажется, эти слова он сказал лично Курчатову, но Берия не нуждался в том, чтобы ему напоминали. Другими словами, участники операции «Бородино» не были ограничены в средствах. Для них государственное планирование отменялось и заменялось их решениями. Нельзя было тратить время на поиски денег, людей, машин. Достаточно было поднять телефонную трубку – и любая вещь доставлялась самым кратким путём и любой ценой. Все члены команды считались и считали сами себя «солдатами новой научной войны». Патриотизм был скрепляющим цементом. Они верили в миссию, которую им предстояло выполнить²⁸.

Четвёртым кирпичом этой конструкции была, несомненно, совокупность структур внешней разведки. Человеком, который ими руководил под начальством Берии, был Павел Судоплатов.

Остался открытым, в том числе для русских историков, вопрос, какой вес имела в создании первой советской атомной бомбы информация, добытая различными внешними «агентурами». Ответить однозначно на этот вопрос трудно. Конечно, операция «Бородино» была осуществлением нехватной программы, которая позволила добиться результата всего за четыре года²⁹, в которой участвовали миллионы людей: учёные, инженеры, рабочие, немецкие военнопленные, хотя они и были иностранцами, простые советские заключённые – русские и других национальностей, посаженные по политическим мотивам и извлечённые из лагерей. Массы людей, полных энтузиазма, вместе с простыми людьми, действовавшими не сознательно и не по убеждению, многие из которых были настроены враждебно. Очень значительная их часть участвовала в этом предприятии, не зная его цели. Только узкий круг учёных и политиков сознавал огромную важность того, что они пытались сделать. Ещё более тесный круг (о точном числе людей, в него входивших, не сообщается до наших дней) – информаторов высокого и высочайшего научного уровня – играл в проекте ключевую роль. Многие из них даже не были ни русскими, ни советскими людьми. Они были антифашистами по своим убеждениям,

во многих случаях убеждёнными коммунистами, добровольно сражавшимися на стороне Советского Союза — они поступали так по идейным соображениям, рискуя жизнью и личной свободой.

Кроме того, аналогичными мотивами, хотя и другого содержания, руководствовались многие учёные, работавшие над западными атомными проектами. Эти люди в большинстве своём стояли на левых и антифашистских позициях и симпатизировали Советскому Союзу, считая его главной заслугой победу над нацизмом и фашизмом. Они прекрасно понимали, какая опасность раньше или позже возникнет, если только одна из сторон будет владеть атомным секретом. Они считали, что только полное равенство во владении недавно открытой энергией может поддержать равновесие сторон и избежать ядерного столкновения, которое предстало перед ними как чудовищный поворот истории. Эти мысли и сомнения волновали умы итальянца Энрико Ферми, немецко-американского физика Альберта Эйнштейна, венгра Лео Сциларда, англичан Джозефа Джона Томсона и Джеймса Чедвика, датчанина Нильса Бора, француза Жюлио-Кюри. И руководитель проекта “Манхэттен” Роберт Оппенгеймер, как признавался он сам впоследствии, испытывал ту же тревогу. Никто из них не выдавал секретов, хотя некоторым из них потом пришлось защищаться от обвинений в этом (в том числе тому же Роберту Оппенгеймеру, ставшему жертвой “охоты на ведьм”)³⁰.

Но другие, чувствуя ту же беспокойство, решились действовать и разделить свои знания, открытия западных лабораторий, в которых они работали, с советскими учёными, и для этого, минуя советских агентов, сами становились по убеждению советскими агентами. Самую важную роль в этом ряду сыграл именно Клаус Фукс. Через много лет, когда Советский Союз прекратил своё существование, физик и академик Юрий Харитонов признал, что первое советское атомное оружие было сконструировано на основе чертежа американской атомной бомбы, полученного от Клауса Фукса. И напомнил, что, когда Сталин вручал высшие советские награды главным участникам этой эпопеи, то сказал: “Если бы мы опоздали хоть на год, на полтора года, вероятно, мы сами подверглись бы такому удару”³¹.

29 августа 1949 года первая советская атомная бомба на обогащённом уране взорвалась на семипалатинском полигоне в Казахстане. Её кодовое название было “Первая молния”.

Равновесие было восстановлено.

7. Разрыв Потсдамского соглашения

Он стал следствием того быстрого, хотя и постепенного, коллективного пересмотра стратегий, когда западные державы, оккупировавшие Германию, положили конец политике “репрессивной оккупации” и превратили побеждённую страну в важного, решающего союзника против коммунизма, то есть против России. Все три конференции в Париже, Москве и Лондоне, состоявшиеся в 1946–1947 годах, имели как минимум один общий знаменатель — решение западных стран выйти в одностороннем порядке из Берлинско-Потсдамских соглашений, предполагавших в будущем — более или менее отдалённом, но все были согласны, что это будет, — формирование единой и демократической Германии. Что подразумевала Россия под “демократической Германией”, сказать трудно. В любом случае можно утверждать, что на этом этапе никакая конкретная мысль о том, как достигнуть политической нормализации, за столом переговоров высказана не была. Проблема государственных структур, которые надо было создать, ещё долго оставалась бы открытой. Но в Ялтинском и Потсдамском соглашениях уже было высказано решение поддерживать диалог между Советским Союзом и Западом в целом. Однако мы видели, каковы были расчёты Трумэна и Черчилля. Они предполагали не диалог, а разрыв.

В этих обстоятельствах — под влиянием мощных краткосрочных экономических интересов, особенно американских, и насущно важных стратегических оценок — всплыли на поверхность, уже в другой форме, планы раздела Германии. Уже ничего общего с планом Morgenthau, желавшего, во-первых, наказать Германию как государство; во-вторых, наказать немецкий народ как коллективно ответственный за Вторую мировую войну; в-третьих — предотвратить всякое возможное в будущем возрождение Германии, способной причинить беспокойство Европе и миру. Теперь на проблему смотрели совершенно по-другому.

Раздел должен был именно превратить часть Германии, оставшуюся под западным контролем, в союзницу Запада; он нужен был для того, чтобы использовать военно-промышленный потенциал Германии для вовлечения экономики всей Европы в сферу экономического и финансового влияния США. При этом присоединение оставшейся части Германии откладывалось до другого времени – она пока оставалась под советским контролем.

Чтобы понять, как произошла смена целей, полезно будет вернуться назад немного больше, чем на год, к первому плану раздела Германии. Он был сформулирован на Второй Квебекской конференции (12–16 сентября 1944 года). Речь шла о совещании исключительно англо-американском, сверхсекретном, под кодовым названием “Октагон”, в котором приняли участие Уинстон Черчилль, Франклин Рузвельт и главы их генеральных штабов.

Канадский премьер-министр Уильям Лайон Маккензи Кинг на совещания допущен не был. Советский Союз не был ни пригласён, ни формально проинформирован, хотя маловероятно, чтобы он совсем ничего не знал об этом событии. Москва, однако, прекрасно понимала, что антигитлеровская коалиция, так сказать, меняла кожу из месяца в месяц, в соответствии с развитием событий на театре военных действий.

Советская армия полностью переломила ситуацию после страшной сталинградской эпопеи, продлившейся с 17 июля 1942 года до 2 февраля 1943-го. Советские войска продвигались к германским границам, занимая всё новые и новые километры европейской территории. Англо-американская высадка в Нормандии, происшедшая 6 июня 1944 года, стала началом новой политической ситуации – теперь западные страны стали прилагать больше политических усилий ради окончательной победы над нацизмом. Москва долго настаивала, что американское вторжение на европейскую территорию должно произойти скорее. Для Советского Союза было жизненно важно, чтобы немецкая армия вынуждена была воевать на два фронта и по крайней мере часть дивизий вермахта переместилась на западный фронт. И так никогда и не было окончательно выяснено, было ли опоздание с высадкой вызвано только неготовностью или недостатком организации или же политическим и военным расчётом западного командования. Однако бесспорный факт, что опоздание с высадкой в Дюнкерке помогло нацистским вооружённым силам дольше оставаться на фронтах, на которых они противодействовали советскому наступлению.

Расчёты, сделанные в эти месяцы и опиравшиеся на положение на фронтах, определили дипломатические манёвры и взаимные позиции победителей. Две встречи в Квебеке нужны были в этих обстоятельствах, чтобы изменить в нужную сторону соотношение между англо-американскими и советскими силами. Темы, которые обсуждались на этих двух совещаниях, были различны, они относились к миру в целом, а не только к Европе, но, что касается будущего Германии, обсуждение вращалось только вокруг плана Morgenthau. То есть карательного раздробления побеждённой Германии на части.

Германию решено было разделить на три зоны: Северная Германия, Южная Германия, а в самой западной части предполагалась не очень точно определённая “международная зона”. Ещё не было идеи об отдельной зоне для каждой державы-победительницы – во всяком случае, в намерениях Черчилля и Рузвельта. Их идеи, однако, очень различались между собой. Силезия полностью передавалась Польше, и этот пункт остался неизменным и впоследствии. Восточная Пруссия переходила к России. Саар, район ключевой из-за богатых залежей угля и из-за того, что там находились промышленные предприятия, имевшие решающую важность для всякого будущего проекта, должен был перейти к Франции (которую Рузвельт и Черчилль уже планировали включить в число победителей, чтобы придать весу западной коалиции). Но положение на фронтах было ещё неясным, и границы разных зон оставались в значительной мере неопределёнными.

Ялтинская конференция была созвана только через пять месяцев, без участия французов. 12 апреля умирает Рузвельт. Берлин сдаётся Советскому Союзу 2 мая. Берлинско-Потсдамская конференция завершится 2 августа. Карта распределения территорий перестаёт быть предположением и становится фактом. 6-го и 9 августа Америка Трумэна бомбила Хиросиму и Нагасаки. Разрыв проявился в этот промежуток времени. Западным лидерам было ясно, что военное соотношение сил не позволит Западу захватить

всю Германию. Тогда США, Великобритания и Франция решили объединить три своих зоны оккупации, противопоставив их гораздо более широкой зоне, находившейся под контролем русских. Известно, что Уинстон Черчилль лелеял мысль сразу же развязать новую войну против Советского Союза, чтобы выяснить вопрос немедленно. Трумэн совету не последовал. Американское общественное мнение было против – факт не решающий, но важный. Но бомбардировка Хиросимы и Нагасаки через четыре дня после завершения Потсдамской конференции показала, каковы были отношения между противниками. Победа над Японией была уже делом решённым. Это чудовищное массовое убийство мирных граждан было, в сущности, посланием всему миру и в особенности – Советскому Союзу. Оно объявляло всем, кто уже стал хозяином положения, и показывало, какую степень свободы Америка решила предоставить Советскому Союзу – в тот момент единственному противнику, достойному этого имени. Китай был ещё на подходе к победе Мао Цзедуна. Провозглашение Китайской Народной Республики произошло тремя годами позже, и о Китае ещё никто не беспокоился.

8. Черчилль в Фултоне

Можно сказать, что с этого момента события начали развиваться быстро и бурно. И главную, с любой точки зрения, роль играли западные страны. Советский Союз подчинился инициативе бывших союзников, быстро становившихся врагами. Внутренние экономические проблемы, которые приходилось решать Сталину, были огромны. Речь шла о том, чтобы восстановить буквально всю европейскую часть Советского Союза; и это с мужским населением, резко сократившимся после войны. В то же время нужно было вкладывать огромную энергию и капиталы в поддержку оккупированных стран Восточной Европы. В том числе предполагалось не только заручиться их верностью, велось их идеологическое завоевание. Для всего этого требовалось угнаться за технологическим и военным уровнем Соединённых Штатов и ликвидировать их превосходство в этих областях. И всё это – при том, что производительность труда в СССР составляла меньше одной пятой производительности труда в США. Хиросима и Нагасаки стояли перед глазами Кремля как оскорбительное доказательство его отставания. Только советская атомная бомба могла бы напугать Вашингтон. Первая русская атомная бомба появляется на сцене в 1949 году. Первое советское ядерное испытание было произведено в 7 часов утра 29 августа. Американское превосходство было ликвидировано.

Впрочем, есть многочисленные свидетельства, что в этот трудный период Черчилль, как было уже указано, считал, что необходима превентивная ядерная атака на Москву – нужно использовать тот факт, что у Советского Союза нет ядерного оружия. Среди тех, кто сообщал об этом обстоятельстве, есть и свидетель – не политик. Это лорд Моран – личный врач Черчилля, который в своей книге воспоминаний³² рассказывает, как британский лидер дошёл до того, чтобы послать об этом ноту Трумэну. Моран передаёт разговор 1946 года, в котором Черчилль сказал: “Америка знает, что 52% автомобилестроения Советского Союза сосредоточено в Москве и может быть уничтожено одной бомбой. Это может означать уничтожение трёх миллионов человек, но для них это ничего не значит. Для них больше значило бы уничтожение такого исторического памятника, как Кремль”. В этом совершенно циничном высказывании под словом “они” он подразумевал советских руководителей, которых нисколько не уважал. И чувствовал необходимость саркастическим намёком выразить своё отношение к русской культуре, ничем, в сущности, не отличавшееся от идей Кеннана. В тот момент главной идеей Черчилля было неожиданно поразить врага, с которым он боялся столкнуться в будущем. Поэтому он упрямо настаивал на своём, стараясь убедить американского президента, используя эмиссаров, в числе которых – правореспубликанский сенатор Стайлз Бриджес. В одном из тех меморандумов, относящихся к 1946 году, Черчилль открыто настаивал на том, что “единственным спасением для цивилизации было бы, чтобы президент Соединённых Штатов объявил России опасностью для мира во всём мире и объявил превентивную атаку”³³. Однако консерватор Уинстон Черчилль потерпел сокрушительное поражение на выборах в июле 1945 года. Несмотря на его высокую популярность как политического лидера, британские избиратели предпочли лейбористов по причинам

исключительно внутренним, экономическим и социальным – в этих областях он гораздо меньше соответствовал народным требованиям. Может быть, те, кто голосовал против него, думали, что он по-прежнему останется на верхах внешней политики Лондона. И впоследствии так и вышло. В те шесть лет, когда он оставался главой консервативной оппозиции, Черчилль продолжал оказывать огромное влияние не только на британскую внешнюю политику, но также и, прежде всего, на идеи интеллектуальной и политической элиты Запада в целом. И именно поэтому Гарри Трумэн доверил ему сообщить миру о новом направлении, которое Запад начал придавать послевоенному ходу событий.

Когда 5 марта 1946 года Черчилль встал, чтобы произнести свою знаменитейшую речь в Вестминстерском колледже Фултона, штат Миссури, он обращался ко всему Западу, хотя и не был британским премьер-министром. Его слова были тщательно согласованы с американским президентом. Оба они, конечно, справлялись с восемью тысячами слов Джорджа Кеннана, лёгшими на их столы всего за десять дней до этого.

Это было “официальное” начало “холодной войны”. Одновременно в официальный обиход вошло выражение “железный занавес”. Compliments теперь уже бывшему союзнику были включены в речь как простая формальность. “Мы рады, что Россия занимает место, подобающее ей, среди великих наций мира, приветствуем её флаг на морях и, прежде всего, надеемся на постоянные, частые и возрастающие контакты между русским народом и нашими народами, живущими на обоих побережьях Атлантики”. Существо речи было очень жёстким. “От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на весь континент опустился “железный занавес”. За ним оказались все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София. Все эти знаменитые города и живущие вокруг них народы уже в сфере, которую я называю советской. И все они так или иначе подчинены не только советскому влиянию, но и жесточайшему и во многих случаях всё возрастающему контролю со стороны Москвы”.

Советский Союз взял под контроль “слишком большую” и “слишком важную” часть Европы. Ялтинские ожидания Запада оказались слишком оптимистичными. Наступил момент воплотить в жизнь стратегию “сдерживания”, подсказанную Джорджем Кеннаном, и нельзя было терять времени. Суждение о том, как произвести этот поворот, отмечено было трезвым реализмом. Фултонская речь была демонстрацией уверенности. “У нас достаточно сил, чтобы защитить и охранить наше будущее, – сказал Черчилль и добавил: – Я не думаю, что Советская Россия хочет войны. Она хочет плодов войны и неограниченного распространения своей власти и своей доктрины”. Больше всего англо-американцы опасались проникновения коммунистической идеологии, и Америка знала, что сможет на это эффективно ответить. Разрыв антинацистского союза и был первым, немедленным и очень жёстким ответом, который как раз тогда готовился.

“Мы подходим к концу пути, – писала *New York Herald Tribune*, – эпоха Ялты отошла в прошлое. <...> Раздел Германии развязывает нам руки, чтобы включить Западную Германию в систему западных государств”³⁴. Фултонскую речь Черчилля приняли благосклонно не все западные правящие круги. Немало было авторитетных изданий, считавших, как, например, *Times*, что коммунизму и демократии “есть чему поучиться друг у друга”. Тогда как *Wall Street Journal* зеркально отражала изоляционистские позиции, широко распространившиеся в Республиканской партии: “Соединённые Штаты не хотят союза и ничего, напоминающего союз, ни с какой страной”³⁵. В Вашингтоне не все были довольны тем, что Уинстон Черчилль – лидер Запада. По правде говоря, никто этого не хотел. Америка чувствовала, что занимает командные позиции, и так оно и было на самом деле, и ей не нужны были дублёры. И, главное, среди разных линий разлома, разделявших англо-американские правящие круги, всё важнее становились те, которые представляли интересы военно-промышленного комплекса и американских финансов.

9. Лондонская конференция

От плана Morgenthau официально отказались 6 сентября 1946 года, когда американский госсекретарь Джеймс Р. Бёрнс произнёс речь, которая приобрела форму “Новой декларации о германской политике”. За ней последовало,

как мы уже видели, бурное и противоречивое “междущарствие”, длившееся больше года, до июля 1947 года, когда Соединённые Штаты перешли от директивы JSC 1067 к директиве JSC 1779. Она определённо утверждала, что настает конец “репрессивной оккупации” западной Германии и наступает период серьёзного сотрудничества между оккупантами и оккупированной страной. Соединённые Штаты, Великобритания и Франция заявили, что “безопасная и процветающая Европа требует экономического вклада стабильной и продуктивной Германии”.

23 февраля 1948 года при энергичных протестах Советского Союза началась отдельная конференция западных стран, которая определила новые линии их поведения и утвердила, по закону и фактически, отказ от принципа совместного руководства германскими делами. Лондон отменял Потсдам. Через месяц, 20 марта 1948 года, по причине отказа западных стран передать решения, принятые в Лондоне, на формальное рассмотрение четырёхстороннего Контрольного совета маршал Соколовский, советский представитель, покинул собрание Совета, указав, по существу, что это конец сотрудничества. 3 апреля Гарри Трумэн подписал план Маршалла. 7 июня того же года американцы, англичане и французы основали орган совместного международного контроля над Руром и начали формирование региональных правительств в зонах западной оккупации, поручая им наметить Конституцию ввиду будущего создания западногерманского государства.

За пять месяцев западные союзники круто изменили картину, созданную подписанными раньше соглашениями. Это было стратегическое наступление на многих фронтах, не оставлявшее возможности для переговоров. Советский Союз внезапно оказался без дипломатических средств, чтобы ему противостоять. Но и без экономических и финансовых возможностей ответить было трудно. План Маршалла был самым коварным пунктом, против которого Сталин не имел никаких планов защиты. Из Вашингтона (с изрядной долей наглости) сделали даже предложение включить Советский Союз (и восточные страны-сателлиты) в число бенефициаров американской “помощи”. Но если бы условия, на которых США соглашались распространить на них своё предложение помощи, были приняты, они поставили бы советскую экономику под прямой контроль международных финансовых институтов. В том числе и созданных на Бреттон-Вудской конференции. Поэтому предложение было отвергнуто даже без рассмотрения. Кремль уже оказался в положении того, кто ждёт, что на него обрушится множество ударов, но не имеет от них защиты.

17 июня три западных правительства осуществили отдельную валютную реформу, объяснив её необходимостью “эффективного участия Западной Германии в плане Маршалла”. Рейхсмарка, вплоть до того момента имевшая ценность в четырёх оккупационных зонах, в трёх западных зонах была заменена другой легальной валютой – немецкой маркой. Это был фактически последний инструмент четырёхстороннего контроля над ситуацией. Объявили, что новая валюта напечатана в Соединённых Штатах в 1947-1948 годах. И обнаружилось, что Вашингтон и Лондон предварительно хорошо обдумали каждый шаг операции, чтобы достичь этого пункта. Сговор и обман шли рядом. Так СССР вынудили осуществить во всевозможной спешке параллельную валютную реформу в восточной зоне – зоне собственной оккупации – и ввести целый ряд административных и экономических ограничений.

Однако для Сталина проблема была гораздо серьёзнее, чем налаживание валютного обмена. Речь шла о том, чтобы резко изменить всю политику в зоне своей оккупации. Вплоть до этого момента Москва считала восточную Германию побеждённым врагом. В своей оккупационной зоне Москва систематически занималась экспроприацией промышленности, сырья, инфраструктуры, промышленных товаров. Уплата немецкого военного долга России происходила как отъём всего, что оставалось в восточной Германии способного принести пользу. На Западе был план Morgenthau и директива JCS 1067. На востоке было то же самое, только без названия.

Теперь, в июне 1948 года Москве пришлось решать вопрос, как произвести переворот во всей своей оккупационной политике. До этого момента с немцами обращались как с врагами, теперь нужно было выбрать среди них тех, которые будут полезны как друзья. Теперь надо было формировать восточногерманскую элиту из убеждённых антинацистов, марксистов и ленинцев, задачей которых будет строить в Германии социализм. В то время как Запад

спасал нацистов, чтобы использовать их научные знания, их шпионскую находчивость и жестокость, Советский Союз должен был опереться на тех, кто сопротивлялся нацизму или просто не был им заражён.

Нужно было перестать забирать материальные блага и людей. Даже как можно скорее повернуть поток назад и заменить уплату военного долга потоком всевозможного рода помощи. Задача тем более неблагодарная и трудная из-за скудости средств в “родном доме”. К тому же надо было немедленно остановить начавшуюся утечку кадров: профессоров, чиновников, медиков, руководителей.

24 июня 1948 года Советский Союз решил блокировать Западный Берлин, закрыв все пути въезда и выезда, наземные и водные, и отрезав водоснабжение и электроэнергию. 480 квадратных километров западного Берлина (находившихся под западным контролем) остались, окружённые со всех сторон, внутри зоны советской оккупации. Демаркационная линия между двумя зонами города была 44,8 километра длиной, и до того момента её можно было пересечь через 81 зону контроля и 13 железнодорожных и уличных пограничных пунктов. Трумэн отверг предложение генерала Люсиуса Д. Клэя, командующего оккупационными войсками США, организовать бронированную колонну, чтобы прорвать советскую блокаду, — он боялся, и справедливо, что это выльется в прямое военное столкновение больших масштабов. Он поручил генералу Альберту Уэдемейеру, командовавшему авиацией США в Европе, организовать воздушный мост, чтобы снабжать город. Воздушный мост устроили на следующий день после начала блокады, и он продолжал действовать непрерывно до 30 сентября 1949 года. Весь американский и британский воздушный флот был мобилизован в рекордные сроки. Самолёты поставляли не только Соединённые Штаты, но и Великобритания и Франция, но управляли ими также экипажи из Австралии, Южной Африки, Новой Зеландии. Потом рассчитали, что вылетов было в общей сложности 278 228, а в самый напряжённый момент — 1398 вылетов каждые 24 часа. На самом деле Сталин через 11 месяцев решил прекратить противостояние, но мост продолжал действовать — опасались, что Москва может каждую минуту возобновить блокаду. Всякий диалог был прерван и больше не возобновлялся.

Цена этого столкновения для западных стран была очень высока, но пропагандистский результат — превосходный. Перед лицом европейского общественного мнения, назлектризованного “героическим” предприятием, Советский Союз, подвергшийся провокации, оказался на скамье подсудимых. Блокада Берлина стала одной из первых экспериментальных проб в создании отрицательного образа СССР как “безжалостного врага” Запада и его народов. Как непримиримого врага всякого соглашения. И облегчила следующие шаги, тем временем уже спланированные, к формированию западногерманского государства и его включению в ускоренном темпе в Атлантический договор.

Первого сентября 1948 года состоялось первое собрание германской Конституционной ассамблеи. Конституция будет принята 8 мая следующего года. Тем временем, 4 апреля 1949 года основали НАТО (*North Atlantic Treaty Organization*), и решение о его создании вошло в силу 24 августа того же года. Конрад Аденауэр стал главой первого правительства Федеративной Республики Германия 20 сентября 1949 года.

Советский Союз молча наблюдал за блестяще задуманным политическим наступлением, которому не имел никакой возможности противостоять. Посреди эффектных фейерверков, устроенных бывшими союзниками, раздавался только один мощный звук — грохот взрыва, совершенно неожиданный и повергающий в изумление: 29 августа 1949 года взорвалась первая советская атомная бомба на далёком полигоне Семипалатинска.

10. Продолжать войну?

Джордж Кеннан, автор секретной “длинной телеграммы” от 23 февраля 1946 года, остался в истории первого послевоенного времени не только благодаря ей, но и благодаря ещё одному важному высказыванию. 6 ноября 1947 года, через 20 месяцев, уже не в качестве посла в Москве, а в качестве влиятельного чиновника Госдепартамента, он кратко написал: “Правительство Советского Союза не хочет и не ждёт от нас войны в обозримом будущем”. Здесь можно выделить два утверждения: “не хочет” и “не ждёт от

нас”. Первое – больше чем реалистично. Оно точно. СССР вышел из войны с потерями в 20 миллионов убитых, военных и гражданских. И с огромными разрушениями. При том же направлении советской политики, как оценил Кеннан, потребуется пятьдесят лет, чтобы восстановить страну. Сразу же после окончания военных действий Коммунистическая партия Советского Союза решила снова перенести на прежние места промышленные предприятия, эвакуированные на восток и на север, очень далеко от Москвы, чтобы избежать их захвата или разрушения от немецких бомбардировок. Американские и британские спецслужбы следили за этими огромного масштаба перемещениями целых фабрик и их персонала и легко могли сделать вывод о военном и политическом значении этого решения. Кеннан это знал и сказал об этом открыто. Если Сталин принимал такие решения, их значение было недвусмысленным. Он не опасался других нападений и рассчитывал, что их не будет долго. Перед СССР, кроме того, стояла проблема, как “включить” в свою систему, интегрировать в промышленном и политическом смысле весь уже захваченный европейский восток. Не приходилось опасаться советской атаки на Западную Европу.

Второй вывод (Москва “не ждёт от нас...”) может означать две противоположные мысли: не будем атаковать. Или: если мы их атакуем, то легко сможем победить. Пока Запад готовил переворот и отменял, как мы видели, подписанный в Потсдаме договор, военное решение было хорошо обдуманно и подготовлено. Не знаем, что делал или что думал по этому поводу сталинский штаб. Из советских военных архивов просочилось немного, несмотря на то, что российский президент Борис Ельцин открыл все окна и двери. Совсем не исключено, что и в Москве строили параллельные военные планы из-за уже ставшего ожесточённым политико-дипломатического противостояния по поводу будущего Германии. Но, если такие планы существовали, они были ответом на западные замыслы атаки.

Об этих западных планах известно многое, если не всё. Война против Советского Союза планировалась, можно сказать, “сию минуту”. План назывался “Полумесяц” (“*Halfmoon*”) и указывал, к каким военным действиям следует готовиться “на случай войны в ближайшем будущем”. На плане была обозначена дата 21 июля 1948 года. Америка в тот момент обладала атомной монополией. У США было достаточно атомных бомб, чтобы стереть с лица земли все главные советские центры в европейской зоне, и достаточно ракет-носителей, чтобы доставить бомбы по назначению. Однако, по оценке плана “*Halfmoon*”, несмотря на ядерное превосходство, “война с Советским Союзом в ближайшие годы будет напоминать по своему характеру и продолжительности Вторую мировую войну”³⁶. В другом документе, датированном 11 мая 1949 года, на основе данных о советском военном потенциале оценивались последствия стратегической ядерной бомбардировки: “2 миллиона 700 тысяч убитых, более 400 тысяч раненых, а 28 миллионов человек в 70-ти городах останутся без крова”³⁷. Был составлен список городов, на которые предполагалось напасть.

Отсюда следует, что Соединённые Штаты уже разработали и считали эффективной доктрину первого наступательного ядерного удара. Но другие проекты, такие, как получивший название *OFFTACKLE* от 26 марта 1949 года, указывали и дату начала, “предположительно” назначенную на “1 июля 1949 года”³⁸. А в проекте *DROPSHOT* предполагалось применить 300 атомных бомб и 29 тысяч тонн не атомных при бомбардировке ста советских городов. Проекты этой войны были чрезвычайно детально разработаны в том, что касалось политических последствий, которых хотели добиться. СССР считался “геополитическим конкурентом”, которого нужно было уничтожить “как социалистическую структуру”. В мирное время предполагали применять “различные формы психологической войны”, а во время войны считали нужным “снабжать оружием любое не коммунистическое политическое формирование и оказывать ему поддержку” так, чтобы “можно было уничтожать коммунистические банды методами русской гражданской войны”³⁹.

В уже упоминавшийся плане *DROPSHOT*, кроме атомных бомб, назывались и другие многочисленные меры и цели политического характера. Во-первых, “отнять у нынешних систем управления поддержку народов СССР и их сателлитов”. И убедить русских людей, что “уничтожение Политбюро – в ряду возможных вещей”. Указывалось, что “тип отношений между Кремлём

и советским народом представляет собой слабое место Кремля”. Поэтому ещё одна цель — “добиваться, чтобы предательство советских людей достигло высочайшей степени” и “организовывать манифестации и восстания в самых стратегически важных вассальных странах”.

Перечисленные здесь цели — очевидно, такие же, как и те, которых добивались впоследствии, в ходе “холодной войны”: разработка стратегии и тактики, которых нужно придерживаться, когда нет военных действий; подготовка кадров; расчёт стоимости; деморализация противника; политическая подрывная работа извне и внутри. Насколько можно судить, советские руководители той эпохи не рассчитали силы этой стратегии (может быть, у них и не было для этого чутья), особенно связанной с технологическим превосходством Соединённых Штатов в информационно-коммуникативной области. Может быть, они думали, что единственно важный фактор — атомная бомба, которой надо было себя обеспечить. Это они и сделали с чрезвычайной быстротой. “Горячей” войны не было, — может быть, именно по этой причине. В остальном они считали “холодную войну” чем-то вроде “войны нервов”. Только после 1991 года, проиграв её, они начали понимать, что “гибридная война”, даже в той элементарной форме, в которой она велась, может стать роковой.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Hic sunt leones* (лат. “здесь живут львы”) — слова, которыми на древнеримских картах обозначались территории, не принадлежащие Римской Империи. — **Прим. пер.**

² *Goethe Institute — Germani History (ing); Hildebrandt. Historiker arbeiten im PDS Auftrag. Berliner Zeitung*, 11 августа 2006.

³ http://www.dailysoft.com/berlinwall/historyfacts_01.htm (inf). Архивированная копия на *die-berliner-mauer.de*. URL проверена 9 ноября 2009 (оригинальная статья подверглась архивированию 12 октября 2007 года).

⁴ “Народная полиция” в уничижительном сокращении той эпохи. — **Прим. авт.**

⁵ Цитата взята из Википедии, итальянское издание. “*L’Ombra della Vittoria*” (“Тень победы”), глава 7.

⁶ Виктор Суворов, в миру Владимир Богданович Резун, бывший агент ГРУ — военной спецслужбы СССР. В 1978 году сбежал, чтобы перейти на службу в британскую разведку.

⁷ В действительности, точной даты немецкой капитуляции нет. Очаги вооружённого сопротивления продолжали существовать вплоть до первых чисел мая, когда большая часть немецких вооружённых сил, рассеянных по Европе, сдалась без всяких условий.

⁸ Курсив мой, чтобы подчеркнуть, что на этом этапе внимание троих союзников было единодушно сосредоточено на том, чтобы любыми средствами помешать возрождению Германии как промышленной и военной державы. — **Прим. авт.**

⁹ Раздел I касался всемирной организации, раздел II содержал Декларацию об освобождённой Европе.

¹⁰ Курсив мой. — **Прим. авт.**

¹¹ Источник, из которого взяты эти цитаты, — “Собрание документов Крымской конференции”, том IV, содержащееся в издании “Советский Союз на международных конференциях в период Великой Отечественной войны, 1941–1945”, издательство политической литературы, 1979 (Электронная библиотека исторического факультета МГУ, под заголовком “Материалы Ялтинской конференции, 1945”). Здесь не содержатся ни тексты рабочих документов, ни тексты, не обсуждавшиеся на собрании глав делегаций. Отсутствуют также многочисленные комментарии и пояснения, которые наличествуют в бумажном издании. Наконец, уточняется, что это советское “официальное издание”, редактором которого был один из главных участников конференции Андрей Андреевич Громько, тогда министр иностранных дел. Существует также “американская официальная версия”, которую можно найти на сайте библиотеки Висконсинского университета в Мэдисоне. Но, — замечает советское издание, — американские стенограммы “оказываются очень отличными” от советских и, “хотя ход дискуссий один и тот же”, в их

передаче встречаются “расхождения, в том числе и такие, что заметно влияют на смысл”.

¹² John Morton Blum *From the Morgenthau Diaries. Years of War 1941–1945* (1967), p. 227.

¹³ *Office of Strategic Services–Official Dispatch Ref. No. 250. Franklin D. Roosevelt Presidential Library Museum, Marist College.*

¹⁴ *Wall Street Journal*, 30 октября 1946.

¹⁵ Джордж Кеннан был назначен специальным представителем Соединённых Штатов в Москве в годы после Второй мировой войны.

¹⁶ Eric J. Hobsbawm. *Il secolo breve, Bur Storia, Milano* 2004, p. 276.

¹⁷ Александр Зиновьев. Гибель Империи зла.

¹⁸ Итальянский историк. — **Прим. пер.**

¹⁹ Rabindranath Tagore. *L'anima dell'Occidente. Un giudizio, Castelvevchi, Roma*, 2013, pp. 38–39.

²⁰ Arnold Toynbee. *Il Mondo e l'Occidente, Sellerio Editore, Palermo*, 1992, pp. 11–12 (*The World and the West, Oxford University Press*, 1953).

²¹ Samuel Huntington. *Lo scontro di civiltà e il nuovo ordine mondiale. Garzanti, Milano*, 2005.

²² Giuseppe Boffa. *Storia dell'Unione Sovietica, vol II*, p. 286.

²³ <https://back-in-ussr.info/2011/12/атомная-разведка/> Возможно, однако, что тому, кто получил сообщение Фукса (вероятно, это был лично Лаврентий Берия), удалось передать Сталину, занятому в Потсдаме, только какую-то предварительную информацию. Но можно предполагать, что для Сталина сообщение Трумэна было не вполне сюрпризом.

²⁴ Высока вероятность того, что информатором был кто-то из “Кембриджской пятёрки”. Все пятеро были британскими гражданами, игравшими фундаментальную роль в масштабной и секретной шпионской войне, ведшейся в предшествовавшие Второй мировой войне и следовавшие за ней годы. Все пятеро были коммунистами. Они происходили из состоятельных семей. Выдавали сведения не ради денег или личной выгоды, но из политических убеждений. Их имена: Ким Филби (кодовое имя – Стэнли), Гай Бёрджесс (Хикс), Дональд Дуарт Маклин (Хоумер), Энтони Блант (Джонсон), Джон Кернкроос (Лист).

²⁵ Chris Bellamy, *Guerra assoluta, Einaudi* 2010, p. 560.

²⁶ Есть версия, что аббревиатура MAUD означала “Military Application of Uranium Detonation” — “военное применение взрывчатых свойств урана”. Однако существует другая версия, очень забавная. Слово “MAUD” было не аббревиатурой, а просто женским именем – именем гувернантки детей Нильса Бора, Мод Кей Кент. Её имя называл сам Бор в частном письме к другому физика, когда находился в западне в Дании, оккупированной нацистами. Те, кто впоследствии читал это письмо, понимали слово “MAUD” как шифр. Впоследствии Бору удалось эмигрировать в Америку, и он стал одним из самых важных сотрудников проекта “Манхэттен”.

²⁷ 7 сентября 1812 года.

²⁸ Andrea Graziosi. *L'Urss dal trionfo al degrado, Il Mulino*, 2008, p. 53.

²⁹ Сами западные учёные после эйфории Хиросимы и Нагасаки считали, что Советскому Союзу ни в каком случае не удастся достигнуть “атомного паритета” раньше 1955–1960 годов.

³⁰ <http://spy.hww.ru/svr/history/stage06.htm>

³¹ Известия, 8 декабря 1992 года.

³² *The Struggle for Survival, citato in Thomas Maier* (2014), p. 412–413.

³³ Thomas Mayer. *When Lions Roar: The Churchills and the Kennedys, Crown*, 2014, p. 412.

³⁴ 20 декабря 1947 года.

³⁵ Martin Gilbert, *Winston Churchill*, (2001), p. 413 (цитата взята из статьи итальянского издания Википедии “Winston Churchill dopo la seconda Guerra mondiale (1945–1965)”).

³⁶ JCS 626/3: *Formula for the Determination of a National Stockpile. February 3, 1948.* Эта и последующие цитаты в этой главе взяты из книги “Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. N. Y.: Columbia University Press, 1978.

³⁷ *Evaluation of Effect on Soviet War Effort Resulting from the Strategic Air Offensive. May 11, 1949.*

³⁸ JSPC 877/59: *Brief of Joint Outline Emergency War Plan (OFFTACKLE). May 26, 1949.*

³⁹ NSC 20/1: *U. S. Objectives with Respect to the Russia. August 18, 1948.*

ВЯЧЕСЛАВ ШТЫРОВ

ЕЩЁ РАЗ О “КУРИЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЕ”

В конце января нынешнего года состоялась очередная встреча руководителей Российской Федерации и Японии. Для президента России В. Путина она стала юбилейной – уже двадцать пятой по счёту (!). Казалось бы, такая интенсивность контактов лидеров двух стран уже давно должна была превратить их в обычную рутину. Ведь что можно так часто обсуждать? Только важные, но текущие вопросы, постоянно возникающие в развивающихся по нарастающей двухсторонних отношениях. Сложные же межгосударственные проблемы, в особенности связанные с территориальным размежеванием, как в случае России и Японии, нельзя решать экспромтом в ходе недолгих встреч. Они требуют тщательной подготовки, выработки решений, учитывающих весь комплекс долговременных последствий их реализации, возможную внутривнутриполитическую и международную реакцию, соотношение сил спорящих сторон и на сегодняшний день, и в будущем. Переговоры по таким проблемам готовятся заблаговременно, работают специальные аналитические и контактные группы, изучается и учитывается не только мнение специалистов, но и широкой общественности. А сами они обставляются со всей серьёзностью, как важное международное событие.

Однако в российско-японских отношениях всё обстоит по-иному. Повестки текущих вопросов, которые требуют срочных решений первых лиц, практически нет. Ведь экономические и гуманитарные межгосударственные связи давно устоялись и какой-то особой динамики их не наблюдается. Позиции обеих сторон в области геополитики и обеспечения международной безопасности хорошо известны. Обмен мнениями, конечно, нужен. Но, как утверждают кибернетики, бесконечные повторы являются не информацией для принятия решений, а всего лишь шумом.

Каких-то значимых текущих тем нет, зато на каждой из встреч лидеров двух государств непременно в повестке появляется вопрос о принадлежности Курильских островов. Казалось бы, в силу своей фундаментальности он не должен рассматриваться мимолётно, в черед других дел, но по факту это так. Вот и возникают опасения у многих россиян: не выйдет ли так, как в известном фильме про Ивана Васильевича, который “меняет профессию”? Не передадут ли японцам случайно, подобно Кемской волости, исторически русские земли под шумок полей какого-нибудь очередного форума-саммита? Для таких

ШТЫРОВ Вячеслав Анатольевич, президент Республики Саха (Якутия) (2002–2010), заместитель председателя Совета Федерации (2010–2014), председатель Совета по Дальнему Востоку и Байкальскому региону при Совете Федерации (2014–2018), Государственный советник Республики Саха (Якутия).

опасений последние три десятка лет жизни нашей страны дают веские основания. Достаточно вспомнить щедро розданные зарубежным «партнёрам» по разным поводам акватории Берингова и Баренцева морей, политый кровью наших соотечественников Даманский и другие острова на Амуре, дагестанские сёла прямо с их жителями...

Да и сама по себе «Курильская проблема» даёт и рядовым гражданам, и специалистам много поводов для недоверия к словам и действиям российских властей и государственных деятелей. Причём не только недавнего прошлого, но и настоящего. Известно, скажем, о намерениях М. Горбачёва и Б. Ельцина передать японцам южную часть Курильских островов. Они и не скрывали этого. Правда, уже после выхода в отставку. А во время исполнения обязанностей главы государства и тот, и другой официально рискнули лишь признать наличие территориального спора между Японией и Россией. Но видя практически единодушное негативное отношение своих сограждан к разбазариванию земель российских, оба отвергли настойчиво навязываемые японцами предложения выстраивать межгосударственные отношения на основе Совместной советско-японской декларации 1956 года. Приостановленная к исполнению ещё в 1960 году из-за нарушения её положений Японией, она служила ей формальным основанием для территориальных претензий к нашей стране. Ведь в декларации содержится пункт, что стороны заключат ещё и мирный договор после установления дипломатических отношений. А затем Советский Союз подарит Японии острова Хабомаи и Шикотан. Однако в 2001 году уже В. Путин взял на себя смелость вернуть к жизни эту декларацию, официально заявив, что она будет лежать в основе всех дальнейших действий России в развитии диалога о принципах партнёрства с нашим дальневосточным соседом. Президент России, конечно же, не мог не понимать, что этим он реанимирует спор о принадлежности южных Курил.

Зачем? Может быть, прав бывший японский премьер-министр Е. Мори, говоря об обещании В. Путина ещё начала 2000-х годов передать Хабомаи и Шикотан Японии, хотя МИД России это и не подтвердил? Каков мотив этого обещания? А чтобы, как утверждает один известный наш журналист, войти во всемирную историю человеком, поставившим заключительную точку в истории Второй мировой войны, подписав последний мирный договор между представителями двух сражавшихся насмерть коалиций.

А что же японцы? А они надеются на основе реанимированной Совместной декларации заполучить сначала Хабомаи и Шикотан, затем, при условии гарантий передачи им ещё и Кунашира и Итурупа, подписать мирный договор. Действующий премьер С. Абэ поклялся на могиле отца, что так оно и будет.

Один желает славы миротворца, другой поклялся. А где же национальные интересы России и как они защищаются за закрытыми дверями переговоров? Если позиция японцев принципиально одна и та же на протяжении уже многих десятилетий, то российская в целостном и непротиворечивом виде, по сути дела, никогда не излагалась. По степени жёсткости раздающихся время от времени заявлений обеих сторон можно, не имея в руках политического календаря, определять фазы проходящих в них электоральных циклов. Только и всего. Противоречивая риторика не добавляет ясности к сути происходящего. Вот почему каждая российско-японская встреча в верхах вызывает бурный всплеск общественного внимания, массу порой противоположных по смыслу публикаций в печатных и электронных СМИ, нездоровый ажиотаж и самые нелепые слухи.

Не стали исключением и январские переговоры нынешнего года В. Путина и С. Абэ в Москве. Более того, подогреты сообщениями о якобы начавшейся после прошлогодней ноябрьской встречи лидеров двух стран подготовке японцев к приёму южных Курил, они стали предметом особо пристального внимания. Но вот переговоры завершены. Их самым лучшим для россиян итогом стала, как гласит заголовок статьи одной из известных газет, добрая весть: нет результатов. По нынешним временам — действительно добрая! Но, чтобы эта весть всегда оставалась с нами, нельзя оставлять без постоянного внимания проблему Курил. Ведь жизнь не остановилась, только переговорная кухня с освещённой сцены переместилась в закулисы.

Это внимание тем более важно, что в последнее время появились статьи и высказывания в публичном информационном пространстве, в которых в той или иной мере признаются обоснованными претензии японцев на какую-то

часть Курильских островов. Причём часто они принадлежат аналитикам и разного рода общественным деятелям, слывающим в других геополитических вопросах записными “патриотами”. Конечно, это можно объяснить непониманием истинных целей главного начальника. А вдруг он и впрямь вознамерился отдать что-то очередному “другу” и “партнёру” в обмен на мелкие выгоды? Тогда надо на всякий случай заранее подготовить для этого почву. Есть и другие авторы, в основном из стана либералов, их прояпонская позиция обусловлена не верноподданническими мотивами, а принципиальным непризнанием наличия у России каких-то собственных национальных интересов, противоречащих интересам “коллективного Запада”.

Как бы то ни было, высказывания и тех, и других нельзя оставлять без внимания. Хотя бы потому, чтобы ложные идеи не превратились в материальную силу, овладев массами, как говорил наш классик. Обоснования мотивов сдачи Курильских островов разбиваются на три группы: юридические, экономические, геополитические.

Для кого Курилы – “исконная” земля?

Говоря о юридической стороне дела, приверженцы точки зрения о необходимости передачи Японии, по меньшей мере, островов Хабомаи и Шикотан, обычно ссылаются на Совместную советско-японскую декларацию 1956 года. Они считают, что Российская Федерация как правопреемница Советского Союза обязана scrupulously соблюдать все её положения, в том числе невыполненный подпункт по территориальному вопросу.

Конечно же, при этом опускаются как ничего не значащие два обстоятельства, которые в иных других случаях возводятся в разряд особо важных. Во-первых, при ратификации Совместной декларации в Советском Союзе в декабре 1956 года были нарушены не только процедура принятия подобных решений, но и некоторые пункты действовавших тогда Конституций СССР и РСФСР, касавшихся порядка изменения их территории. Во-вторых, Российская Федерация в соответствии с уже ныне действующим законодательством является правопреемницей Советского Союза только в той части обязательств, которые не противоречат её Конституции. Такое противоречие как раз и возникает в случае передачи Японии даже какой-то одной скалы, не говоря уже о целой группе островов. Ведь это нарушает важнейший конституционный принцип целостности и неприкосновенности территории России. Уже этих двух правовых обстоятельств достаточно, чтобы прекратить всякое обсуждение надуманной “Курильской проблемы”. Однако нет, они начисто игнорируются не только некоторыми нашими аналитиками и общественными активистами, но и государственными деятелями.

Но в одном из своих интервью в 2016 году В. Путин отметил, что после ратификации в своё время Совместной декларации Верховным Советом СССР и парламентом Японии японская сторона отказалась её выполнять. Затем и Советский Союз в 1960 году посчитал невозможным исполнить свои вытекающие из этого документа обязательства в отношении островов Хабомаи и Шикотан. Причём всё это было оформлено официальными памятливыми записками правительств СССР и Японии. Если развить это высказывание до логического завершения, то с точки зрения правопреемства Российской Федерации Советскому Союзу Совместную декларацию надо рассматривать не саму по себе, а в совокупности с этими записками и более поздними заявлениями советских руководителей. В таком случае неизбежен вывод, что нет у нашей страны никаких обязательств перед Японией по территориальным вопросам. Тогда и незачем возвращаться к декларации.

При таком жёстком подходе возникают опасения, что может быть разрушена вся нынешняя конструкция российско-японских отношений, начиная от дипломатических представительств и до действующих соглашений по конкретным экономическим и гуманитарным вопросам. Ведь все они базируются на Совместной декларации 1956 года. Но когда отмечаются и нарушения в порядке ратификации, и давно состоявшийся официальный отказ сторон от выполнения декларации, речь идёт не о ней в целом, а об отдельном её подпункте, касающемся территориального вопроса. Именно по нему надо начинать процедуру денонсации вместо реанимации из небытия, как это происходит сейчас. Признаваемая и Россией, и Японией Венская конвенция о праве

международных договоров 1969 года позволяет это сделать. Тем более что с принятием в 1982 году Морской конвенции ООН возникло совершенно новое обстоятельство – появились двухсотмильные морские экономические зоны государств. Это самым радикальным образом повлияло на всю систему межгосударственного пространственного разграничения и может служить веским основанием для пересмотра любого ранее заключённого договора или отдельных его пунктов.

Таким образом, положениями Совместной советско-японской декларации 1956 года невозможно убедительно аргументировать обязанность Российской Федерации передать Японии даже Хабомаи и Шикотан, не говоря уже о других островах Курильского архипелага. Понимая это, отечественные японофилы начинают апеллировать к событиям более чем полуторавековой давности. В основе своих позиций они пытаются подвести русско-японский Трактат о торговле и границах, заключённый в Симодэ в 1855 году, одной из статей которого все южные Курилы были отнесены к принадлежности Японии. Но является ли это доказательством того, что эти острова были “исконно” японскими, как утверждают некоторые?

Конечно же, нет. Дело обстоит ровным счётом наоборот. Само появление в Трактате особой статьи по территориальному размежеванию было обусловлено ничем иным, как стремлением Японии закрепить за собой незаконно захваченные российские южнокурильские земли. Ко времени Симоды все Курилы уже почти сто лет и юридически, и фактически принадлежали Российской империи. Южная их часть была силой завоёвана японцами. Были и попытки их изгнать. Например, походы знаменитых русских кораблей “Юнона” и “Авось”. Однако к середине XIX века для Государства Российского ситуация на Дальнем Востоке осложнилась до крайности. Началась Крымская война. Каждому россиянину известны события и имена героев обороны Севастополя, но одновременно ожесточённые сражения развернулись и на Тихоокеанском театре боевых действий. В исторических исследованиях и художественной литературе достаточно хорошо освещена самоотверженная оборона Петропавловска-Камчатского от атак англо-французской эскадры. Однако остаётся в тени захват нашими противниками острова Уруп Курильской гряды, разграбление и уничтожение расположенного на нём русского поселения. А всё это было. Вот почему со всей остротой встал вопрос о надёжной, говоря современным языком, логистике обеспечения безопасности российских тихоокеанских рубежей. Ведь в те времена не было ещё у нас ни благодатных приамурских и приморских земель, ни Транссиба, ни портов Владивосток, Императорская (Советская) Гавань, Николаевск-на-Амуре. Больше года уходило на доставку на Камчатку и Курилы всего необходимого для жизни и обороны через одну-единственную дальневосточную гавань Охотска. Потому-то и вынуждена была Россия согласиться на узаконивание захвата Японией южных Курил в обмен на открытие её портов для закупок всего необходимого для жизни остальных своих далёких восточных окраин.

Сегодня вошло в привычку не только записными националистами, но и видных японских сановников рассуждать на тему “вероломной” оккупации Советским Союзом якобы “исконных северных территорий” их государства в ходе Второй мировой войны. Но в свете вышесказанного совершенно ясно, что наша страна не оккупировала чужих земель, а вернула свои. А они-то как раз и были присвоены Японией, воспользовавшейся затруднительным положением России во времена Крымской войны.

Российские сторонники передачи островов проводят мостик сразу между Совместной советско-японской декларацией 1956 года и Симодским трактатом 1855 года. При этом опускаются Санкт-Петербургский (1875 года) и Портсмутский (1905 года) договоры, которые также затрагивали вопросы территориального размежевания двух стран. И это далеко не случайно: тем же Портсмутским договором отменены все ранее подписанные официальные документы, регулировавшие любые отношения России и Японии, в том числе Симодский трактат. Какие же тогда могут быть ссылки на него, как бы ни толковались его контекст и содержание?

В Портсмуте в 1905 году японский министр иностранных дел Д. Комура, обосновывая претензии своей страны на Южный Сахалин, заявил, что война, кто бы её ни начал, отменяет все ранее действующие договоры между воюющими сторонами, а побеждённая всегда должна делиться своей территорией.

Собственно, и тогда это было, и сейчас является сутью внешней политики Японии. Почему же такой подход считается правомерным по отношению к России, а когда его в 1945 году применили к японской империи, он вдруг стал несправедливым и неправовым? Тем более, что речь шла не о вновь приобретённых, а об исторически российских землях. Конечно, это вопрос скорее из области морали и нравственности, если таковые существуют в международных отношениях. А вот что касается чисто правовых аспектов, то бесспорна принадлежность России всех Курил от Камчатки до Хоккайдо.

Лучше некоторых наших “специалистов” это понимают сами японцы. Поэтому-то они и пытаются утверждать, что Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп образуют самостоятельный архипелаг, не входящий в Курильский. Отсюда и выводится заключение, что на них не распространяются все ныне действующие основополагающие документы, включая Ялтинское соглашение союзников по антигитлеровской коалиции 1945 года, Сан-Францисский мирный договор 1951 года и Совместную советско-японскую декларацию 1956 года, и якобы требуются особые отдельные решения. Эта совершенно нелепая искусственная конструкция не имеет никаких подтверждений данными геологии, океанологии, географии и истории. Да и внутрияпонские административные документы совсем недавнего прошлого начисто опровергают её.

Чьи карманы будут набивать Курилы?

Помимо правовых, сторонники передачи Японии южных Курил часто приводят в обоснование своей позиции экономические аргументы. Некоторые из них утверждают, что для России острова не имеют никакой народнохозяйственной ценности, а требуют больших затрат на содержание. Вот и надо, по их мнению, избавиться от обузы, по возможности получив при этом какую-нибудь компенсацию.

На самом же деле это не так. Геологические исследования, проведённые в последние десятилетия, дают оценку стоимости недровых минеральных ресурсов южных Курил в 45 млрд долларов США. Особенно важно наличие благородных и редчайшего металла рения. Потребность в них в мире для производств нового, шестого технологического уклада крайне велика. Тихоокеанский шельф южных Курил весьма перспективен на нефть и газ.

Особое же хозяйственное значение имеют биологические ресурсы морской двухсотмильной экономической зоны. Уже сегодня южнокурильский промысловый район является одним из значимых центров рыболовства в нашей стране. А его ресурсный потенциал оценивается в четверть от всего дальневосточного. По богатству промысловых видов водорослей, беспозвоночных и ценных пород рыб район относится к семи из самых уникальных на планете. Это обусловлено особенностями морских течений в зоне островов. Стоимость возможной добычи сырья здесь оценивается примерно в 2,0 млрд долларов США в год, а с учётом его переработки — до 4 млрд. И надо иметь в виду, это возобновляемые ресурсы.

Как же такое богатство может быть бременем для России? В ответ на этот вопрос звучат утверждения, что наша страна не в состоянии его освоить. А вот японцы могут. Потому и надо южные Курилы им отдать, желательно за какую-нибудь денежную компенсацию, а живущие там россияне сами выберут свою судьбу. При этом подспудно предполагается, что многие из них станут подданными микадо ради сытой жизни и высокой пенсии. Остальных на японские же деньги переселим и забудем про них. Иными словами, наши японофилы призывают власти совершить предательство и Государства Российского, и своих соотечественников. Продать их вместе с землями, как когда-то крепостных крестьян.

Допустим на минуту, что всё это случилось. Будет ли у россиян на чужбине жизнь обеспеченной и счастливой, как считают почитатели “коллективного Запада”, относю к нему и Японию? Нет, конечно. Реальность окажется гораздо жёстче, чем витринные картинки. Несмотря на тотальную американизацию всего строя жизни японцев, до сих пор в стране культивируются идеи особой ценности врождённых и приобретённых качеств “расы Ямато”. А потому на государственном уровне ведётся целенаправленная ассимиляционная политика. Национальная самобытность любых этнических групп не приветствуется. Тем более это будет относиться к русским: по опросам общественного мнения, около 80% японцев испытывают негативные чувства к России. Конечно, это является следствием непростой истории отношений между двумя странами.

Но в ещё большей мере сказывается оголтелая антироссийская пропаганда, которая имеет глубокие корни и берёт начало ещё в XVIII веке. В обыденной жизни россиян ждёт изнурительный малооплачиваемый по местным меркам труд и унылый досуг с традиционной для японцев обильной выпивкой. Острая жилищная проблема, аскетичный до убогости быт будут сопровождаться в повседневности со скрываемым вежливостью двуличием в чисто человеческих отношениях. Всё это обычный жизненный уклад рядового японца. Едва ли он придётся по душе нашим людям. Может быть, они и будут материально лучше обеспечены, чем на Родине, но счастливыми точно не станут.

Но неужели такой сценарий может осуществиться? На первый взгляд, это кажется совершенно нереальным. Но ведь после ноябрьской 2018 года встречи В. Путина с С. Абэ наполнились же неожиданно средства массовой информации сообщениями о якобы начавшейся проработке японскими чиновниками вопросов коммуникации с населением южных Курил. Как будто бы переход их к принадлежности Японии предreshён. Да, МИД России довольно жёстко отреагировал на это. Жёстко, но невнятно. Ясности по позиции руководства страны относительно судьбы островов, особенно Хабомаев и Шикотана, больше не стало. Тем более, что президент России однажды уже высказывался, что экономической ценности они не представляют. Прямо скажем, это ошибка. Но поправки не последовало. Всё происходящее вокруг Курил, противоречивость и недосказанность в заявлениях официальных лиц вызывают уже не только разочарование, но и раздражение и недовольство практически всех россиян. Протестные акции начали проходить в разных уголках страны.

Такая общественная реакция была вполне ожидаемой и для аналитиков-японофилов, и для наших властных структур. Потому и прорабатывались раньше, а теперь предьявляются широкому вниманию так называемые “приемлемые компромиссы”. Имеются в виду решения, якобы в равной степени устраивающие и Россию, и Японию. Примером такого “компромисса” может служить российско-японское Соглашение по рыболовству 1998 года. В соответствии с ним, японские рыбаки имеют право в явочном порядке без квот, лицензий и всякого контроля со стороны российских властей осуществлять промысел в наших территориальных водах в районе островов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Надо особо подчеркнуть, что речь идёт не о двухсотмильной морской экономической зоне Российской Федерации, а о двенадцатимильной прибрежной акватории, которая по своему статусу в соответствии с международным правом является такой же неотъемлемой частью нашей страны, как любой участок суши. Иными словами, формально территориальные воды южных Курил принадлежат России, но фактически выведены из-под её юрисдикции. Российские же рыбаки не имеют никаких преференций в водах Японии. По практически единодушному мнению специалистов, подобные унижительные для престижа и экономически ущербные соглашения заключают только в исключительных случаях государства, потерпевшие тяжёлое военное поражение. Удивительно, но Соглашение 1998 года действует до сих пор!

Более того, теперь аналогичный подход предлагается распространить и на сухопутную часть южных Курил. Именно он является основой предлагаемого нового “приемлемого компромисса”. Но компромисс по определению должен устраивать обе стороны. А нужен ли такой вариант России? Абсолютно нет. Ведь опять создаются всевозможные преференции для японского бизнеса. Ради него федеральные власти даже сдерживают интерес к Курилам предпринимателей из других стран Азиатско-Тихоокеанского региона, да и отечественных не жалуют особым вниманием. А надо понимать, что для японского капитала на островах привлекательны только небольших масштабов туризм и освоение минеральных ресурсов суши и биологических моря. Горное дело и морские промыслы сами по себе являются высокодоходными отраслями, а кроме того, в цене их продукции присутствует природная абсолютная и дифференциальная рента. В общем случае она в виде специальных платежей и налогов поступает в доход государства, ведь богатства недр и вод являются общенародной собственностью. Льготы по этим платежам и налогам перенаправляют потоки доходов от природной ренты мимо казны напрямую в карманы предпринимателей. Почему это должны быть именно японские карманы? Есть и другое важное обстоятельство. Часто наши экономисты сетуют на низкую производительность труда российских работников. Но надо иметь в виду, что в пересчёте на один рубль заработной платы россияне производят

продукции примерно вдвое больше, чем в западных странах. Это означает, что идёт сверхэксплуатация наёмной рабочей силы. Нашим людям откровенно недоплачивают за их труд. И этим тоже должны воспользоваться японцы?

Как ни покажется кому-то странным такое утверждение, но сегодня у нас в стране относительный переизбыток капитала. Почему это так – предмет особого разговора. Но каждый день, час, минуту и секунду деньги покидают Россию. В том числе и в силу того, что предприниматели не находят им применения в российской экономике. Как создать условия для того, чтобы направить отечественные капиталы на нужные для страны дела, в том числе на Курилы, давно известно из трудов наших учёных и зарубежного опыта. Именно этим и необходимо заниматься, а не ломать голову над искусственными конструкциями удовлетворения амбиций беспокойного соседа.

Японцы, надо сказать, особого интереса не проявляют ко всякого рода приманкам из “приемлемых компромиссов”. Пока они жёстко связывают политику и экономику: сначала отдайте острова, потом будем говорить о деловых вопросах. А что, если их цель останется неизменной, а тактика её достижения станет другой? Это вполне реально, поскольку суперльготные условия для японского бизнеса и фактический вывод южных Курил из нашей стандартной юрисдикции, предлагаемые российской стороной, создают идеальные условия для их постепенной ползучей аннексии. Что, тогда следующему поколению россиян надо будет вновь штурмом брать свои земли? Может быть, это уже никогда и не удастся.

Надо смотреть шире, говорят некоторые экономисты, не ограничиваться только проблематикой самих Курил. У России есть и более важные и масштабные задачи, которые требуют огромных средств. Например, развитие Арктики и Дальнего Востока в целом, магистральной транспортной инфраструктуры. Вот и хорошо бы продать Хабомаи и Шикотан, а вырученные деньги направить на решение этих задач. Конечно, сразу возникает вопрос: а что дальше, когда деньги эти будут истрачены? Другие земли продавать? Так ведь можно и в границы Московского княжества времён Ивана Калиты вернуться.

Да и далеко не факт, что сегодняшняя Япония способна заплатить за острова значимые суммы. Экономика страны уже много лет находится в стагнации. Ушёл в прошлое и редко упоминается родившийся в годы бурного её роста термин “нихондзинрон”, что означает “исключительность японской расы”. Тому есть ряд причин. И одна из них – отказ от безупречно действовавшего хозяйственного механизма, основанного на системе стратегического планирования и мобилизации средств через подконтрольные государству банковские структуры на ключевые направления развития науки, техники и промышленного производства. Под давлением Соединённых Штатов Америки и международных финансовых институтов ему на смену пришла либерализация хозяйственной жизни. Как результат, уже почти три десятка лет страна топчется на месте в экономическом развитии.

Вот бы нашим государственным деятелям вместо того, чтобы клянчить деньги и пытаться торговать землями Отечества, изучить внимательно опыт японского взлёта и торможения. Можно было бы сделать полезные выводы по направлениям перестройки собственного хозяйственного механизма. Ведь, как говорилось выше, даже имеющиеся в стране деньги не могут трансформироваться в инвестиции. А если представить гипотетически, что появились средства от продажи каких-нибудь земель, то в нынешних российских реалиях они мигом через банки, фондовый и валютный рынки уйдут за границу, а не в реальный сектор экономики. Не в коня, как говорится, будет корм. Зачем тогда вся суета вокруг Курил?

Никаких выгод для нас не принесёт никакая совместная российско-японская деятельность. А уж передача хотя бы двух островов, даже при условии денежных компенсаций, будет не просто экономической глупостью, а прямым преступлением перед будущими поколениями россиян.

Курилы – наш надёжный форпост или база для нападения на восток России?

Геополитические аспекты отношений России и Японии нельзя рассматривать без учёта фактора Соединённых Штатов Америки. Ведь наш восточный сосед является, по сути дела, их протекторатом. Иногда высказывается мнение,

что это не так, в том-то, дескать, и выражается суверенитет Японии, что она добровольно согласилась координировать свою внешнюю и оборонную политику с американцами. На самом деле японская зависимость от США далеко не дело их свободного выбора, а наследие оккупации и холодной войны. Но главное в том, что не является суверенной страна, договор которой с другим государством предусматривает возможность его участия во внутренних делах, да ещё с применением вооружённых сил. А в случае с Японией это так. Более того, её зависимость от Соединённых Штатов со временем только усиливается. Это обусловлено тем, что, помимо России, которую японцы традиционно рассматривают как соперника по влиянию в северо-восточной Азии, таковыми для них стали Китай и Южная Корея. Они не только сильные экономические конкуренты Японии, но и резко нарастили в последние годы свою военную мощь. Исторически сложные у неё отношения и с имеющей ракетно-ядерное оружие Северной Кореей. Всё это вынуждает японцев наращивать всестороннее сотрудничество и взаимодействие с США и, соответственно, идти строго в фарватере их внешней политики. Отсюда можно сделать важный вывод применительно к нашей “Курильской проблеме”: никакие территориальные уступки не сблизят отношения России и Японии до такой степени, что последняя сможет отказаться от участия в американских антироссийских акциях. А диапазон их очень широк — от экономических санкций до размещения корабельных противоракетных установок.

Передача островов, вопреки мнению некоторых наших заслуженных профессоров МГИМО, не прибавит и авторитета России в глазах других азиатских стран. Ведь это только ослабит их позиции в многочисленных тяжбах с Японией. А споры ведутся по широкому кругу вопросов: от исторической памяти до территориального размежевания.

Но наиболее важен для Государства Российского оборонный аспект “Курильской проблемы”. Широко известно высказывание И. Сталина, что, вернувшись на Родину в 1945 году, Курильские острова перестанут служить средством её отрыва от океана и базой для нападений на наш Дальний Восток, а, напротив, обеспечат выход нашей страны в мировой океан и станут надёжнейшим оборонительным рубежом. Казалось бы, сегодня, в эпоху ядерного оружия, гиперзвука и “звёздных войн”, архипелаг потерял своё стратегическое значение. На самом деле это далеко не так.

С учётом опыта Второй мировой войны и новых возможностей, обусловленных развитием ракетной техники и палубной авиации, ведущие в военном отношении государства и их союзнические блоки пересмотрели в своих доктринах роль военно-морского флота. Раньше его главными задачами считались обеспечение безопасности военной логистики на морских коммуникациях и поддержка прибрежных операций сухопутных войск. Теперь же в дополнение к ним флот получил собственную стратегическую, а не вспомогательную задачу. Она выражается в формуле “флот против берега”. В ходе выполнения новых доктринальных установок Соединённые Штаты Америки осуществили ряд беспрецедентных по масштабам программ строительства ударных авианосцев и атомных подводных лодок стратегического назначения. Они оснащены самым современным оружием для уничтожения любых объектов противника как на море, так и на суше. По своему потенциалу военно-морские силы США на сегодня превосходят все флоты мира, вместе взятые.

Во многом основываясь на этом потенциале, в 2004 году Соединённые Штаты приняли авантюрную концепцию “быстрого глобального удара”. Она предполагает уничтожение ракетных пусковых установок вероятного противника (а в их понимании это, прежде всего, — Россия) превентивным массированным ударом с разных направлений высокоточным оружием, в том числе морского базирования. Очевидно, что реализуемость этого сценария теоретически резко повышается в случае максимально равномерного размещения такого оружия вдоль границ объекта нападения. Прекрасная возможность использовать для этого проливы Курильского архипелага появится у американцев в случае передачи хотя бы части островов их сателлиту — Японии. Можнонисколько не сомневаться, что эта возможность будет сразу использована. Тогда надо ждать их флотских ударных соединений прямо у кромки наших двенадцатимильных территориальных вод побережья Охотского моря. Не существует никаких технических систем, которые могли бы перехватить залп ракет с такой

дистанции. Это означает, что любой объект на востоке нашей страны может быть уничтожен, как мишень в тире. Мы этого добиваемся, улаживая японцев?

Уже давно ни для кого не секрет, что прилегающая к Курилам акватория Охотского моря служит районом позиционирования российских подводных крейсеров стратегического назначения. Для максимально эффективного использования своего главного преимущества – скрытности действий – они должны постоянно перемещаться как внутри района, так и с выходом в открытый океан через проливы Курильской гряды. Лучший из них – пролив Екатерины между Кунаширом и Итурупом. Да, говорят наши японофилы, пролив надо контролировать, потому эти два южных острова должны быть сохранены за Россией. А вот Шикотан и Хабомаи можно хоть сегодня продавать: никакого значения для наших оборонительных построений они не имеют. Это неверное суждение. Ещё в далёкие 1970-е годы Соединённые Штаты создали глобальную систему гидроакустического наблюдения, которая сейчас усовершенствована и позволяет фиксировать и идентифицировать движение подводных лодок. Элементы этой системы окажутся и на островах и скалах Малых Курил, и в проливах, их разделяющих. Тогда на порядок возрастёт вероятность гибели наших подводников в особый период сразу после выхода из пролива Екатерины.

Иногда высказывается точка зрения, что территориальные уступки со стороны России можно обусловить обязательством Японии не предоставлять американцам разрешения на размещение военных объектов на переданных ей островах. Однако к вероятности принятия, а самое главное – последующего строгого исполнения такого обязательства весьма скептически относятся и сами японцы. Ведь в какой-то момент им невозможно будет устоять перед давлением своего старшего союзника, который рассматривается как главный гарант их безопасности. А момент этот может наступить в любое время и по любому предлогу. В реальной опасности организации на южных Курилах, если они будут передаваться японцам, военных баз США, направленных против нашей страны, убеждает вся новейшая история. Она показывает, что всегда и во всём американцы руководствуются только собственными интересами, и их не останавливают ни договорные, ни моральные обязательства.

Есть и другая опасность. Любое протестное сближение вооружённых сил вероятных противников держит обе стороны в постоянном напряжении. Резко возрастает вероятность непреднамеренных и случайных событий, которые могут стать спусковым крючком для тяжелейших последствий, вплоть до обмена ядерными ударами. Вот почему сохранение российского контроля за проливами Курильского архипелага, а следовательно, и принадлежности нашей стране всех его островов – в интересах мирового сообщества в целом.

Нельзя оставлять без внимания и постоянное наращивание собственного военного потенциала Японии. Уже сегодня её так называемые Силы самообороны по своей структуре и составу видов войск представляют собой отлично оснащённые современные вооружённые силы, готовые не только к оборонительным, но и к наступательным операциям. Неспроса, по-видимому, в последнее время приняты законы, позволяющие использовать их за рубежом и экспортировать оружие. По мнению специалистов, научно-технологический потенциал страны позволяет ей в самые короткие сроки наладить производство ядерных боеприпасов. Все действующие предприятия Японии, как государственные, так и частные, имеют мобилизационные задания, а вновь создаваемые обязаны представить согласованные в установленном порядке мобиланы при своей регистрации. По уровню расходов на оборонные нужды на душу населения Япония вышла на пятое место в мире. Вместе с американцами они создают новую военно-политическую Индо-Тихоокеанскую ось (США–Япония–Австралия–Индия).

Когда задаётся вопрос, зачем всё это делается, обычный ответ звучит так: Япония опасается растущей военной мощи Китая. Но китайской угрозой невозможно объяснить усиление её Северной армии, дислоцированной на Хоккайдо, строительство больших десантных кораблей, закупку противоракетных установок морского базирования двойного назначения. Всё это направлено, прежде всего, против России. Вот почему не умиротворением соседа нам надо заниматься, а укреплением обороны своих восточных рубежей. В том числе созданием военных баз и объектов двойного назначения на Курильских островах, включая те, на которые претендует Япония.

Чему учит история?

Подводя итог, можно сделать вывод, что нет никаких ни правовых, ни экономических, ни геополитических оснований, которые бы убедительно показывали необходимость даже минимальных уступок России японцам в их территориальных претензиях.

Но это только на сегодняшний день, а надо думать о грядущем, говорят некоторые. Чтобы оно было светлым, следует, по их мнению, уже сегодня снять все проблемные вопросы. Именно заботой о будущих поколениях объясняет действующий президент России и поиск “приемлемых компромиссов” с Японией. А вот до него якобы ещё с советских времён не решались даже подступить к “Курильской проблеме”. А есть ли нужда торопиться именно сейчас? И что будет дальше, если реализовать, допустим, подпункт относительно Хабомая и Шикотана реанимированной В. Путиным Совместной советско-японской декларации 1956 года?

Возможно, ответы на эти вопросы может дать наша история.

Первыми русскими, ступившими на Курильскую землю, были казаки. В 1649 году они открыли и с тех пор регулярно посещали острова. Кроме айнов, доброжелательно их встретивших, никого там казаки не обнаружили. И понятно, почему: ближайшая соседняя страна – Япония – проводила добровольно принятую политику самоизоляции от остального мира. Её территория к тому времени на севере охватывала только небольшую часть острова Хоккайдо, примыкавшую к Сангарскому проливу. Что находилось за их границей на самом Хоккайдо, а тем более дальше, японцы точного понятия не имели. Ведь им запрещено было покидать свою страну. Поэтому о Курилах они знали понаслышке от соседей – айнов.

С начала XVIII века Россия начала планомерное изучение островов уже на государственном уровне. Петром I, а затем императрицами Екатериной I и Анной Иоанновной направлялись экспедиция за экспедицией для исследования, картографирования и описания Курил. Все они имели, в том числе, задание установить точно, нет ли там японцев, так как государи наши принципиально не хотели ущемить чьих-либо территориальных прав. Нет, кроме айнов, с готовностью принимавших российское подданство и православие, никого там не было. Началось хозяйственное освоение островных земель. Русские поселения появились на островах Шумшу, Парамушир, Симушир, Уруп, Итуруп и Кунашир. Во второй половине XVIII века все Курилы от Камчатки до Хоккайдо были включены в состав Российской империи и нанесены на официальные географические карты. По специальному распоряжению Екатерины II дипломатическая служба оповестила об этом все ведущие мировые державы. На островах были установлены специальные знаки об их принадлежности России, действовали назначенные администраторы, строго выполнялись законы империи, собирались налоги. Вхождение Курил в состав Российской империи произошло, по меньшей мере, на полвека раньше, чем первый японский государственный чиновник высадился на ближайшем к своей стране Кунашире для знакомства с островами.

К концу XVIII века Государство Российское имело обширные владения на Тихом океане. Для материального обеспечения и военной поддержки побережья Охотского моря, Сахалина, Курил, Камчатки, Чукотки, Аляски, Алеутов, Командоров, островов в Беринговом море, кроме морского кругосветного, был только один, крайне тяжёлый путь по суше из Сибири до Охотска, а дальше – кораблями по сложным для судоходства северо-восточным морям. Существовала настоятельная потребность в установлении торговых отношений с ближайшими соседями для закупки товаров, в которых нуждались далёкие русские земли. Потому-то Екатериной II и был направлен в Японию специальный посланник А. Лаксман. В 1793 году он провёл переговоры с японскими властями, которые закончились успешно. Российские корабли получили временное, на несколько лет, разрешение на заход в японский порт Нагасаки. Тогда такое право имели только голландские, китайские и корейские суда.

Но воспользоваться этим успехом и развить дальше отношения в силу ряда внутренних причин Россия не сумела. А между тем обстановка в Японии изменилась. Исходя из опыта ограниченных и редких, но всё-таки регулярных контактов с европейцами, донесений разосланных по всему миру агентов, правящие круги страны начали сомневаться в эффективности своей политики

самоизоляции. Появились и учёные трактаты, обосновывающие не просто необходимость контактов с внешним миром, но и захвата новых территорий для расширения, как сказали бы некоторые их единомышленники с другого конца света полтора столетия спустя, “жизненного пространства”. В качестве первоочередного объекта экспансии прямо указывалась Россия, у которой предлагалось отобрать и Сахалин, и Курилы, и Камчатку, и Аляску. Эти умонастроения усиливались ложной информацией о якобы готовящемся нашей страной захвате через Курилы острова Хоккайдо. Её распространяли голландцы, заинтересованные в сохранении своей монополии в торговле Японии с Европой. Всё это побудило японцев к превентивному захвату Курил. Они высадились на Кунашире и Итуруп, срыли российские пограничные знаки, уничтожили небольшие поселения, выселив русских жителей на другие острова, а айнов подчинив себе.

В свете этих обстоятельств в Японию был направлен новый специальный посланник Н. Резанов. Ему лично был оказан достойный приём, но после длительных проволочек японцы вести какие-либо переговоры категорически отказались. Посланник вынужден был покинуть страну, не добившись никаких результатов. Но на прощание он официально заявил, что Курилы и Сахалин были, есть и будут российскими и ни один японец и сметь не должен там появляться, кроме как для торговых целей. Н. Резанов своё слово подтвердил действием. На Курилы и Сахалин были направлены корабли “Юнона” и “Авось” под командованием Н. Хвостова и Г. Давыдова. В 1806 и 1807 годах они восстановили там власть Российской империи. И хотя ни один человек в ходе их операций по “принуждению к порядку” не погиб, имена русских моряков стали для японцев нарицательными. Ещё долгие годы они интересовались дальнейшей судьбой обоих, наверно, опасаясь их возвращения.

Казалось бы, активность России на Тихом океане после бурных событий начала XIX века должна была усилиться. Однако этого не произошло. За несколько десятков лет, вплоть до начала Крымской войны, в дальневосточных морях побывало всего пять военных кораблей Российской империи. Такая пассивность обычно объясняется важными событиями в Европе и внутри самой России: войнами со шведами и французами, восстанием декабристов, польскими волнениями, участием русских войск в подавлении революционных движений в некоторых европейских странах. Но нельзя сбрасывать со счетов и крайне негативное отношение министерства иностранных дел империи во главе с К. Нессельроде к любой активности на востоке.

Воспользовавшись пассивностью Российской империи, японцы явочным порядком пытались освоить южные Курилы. Справедливости ради надо отметить, что удавалось это плохо. Усилия по закреплению на островах чисто японского населения были почти безрезультатными. В основном они, говоря современным языком, вахтовым методом варварски эксплуатировали природные ресурсы и труд айнов, низводя последних почти до положения рабов. Тем не менее, годы шли, и постепенно в представлении японцев южные Курилы стали их “исконными” землями.

Такое внимание самому первоначальному периоду становления российско-японских связей уделено не случайно. Этот краткий исторический экскурс показывает, как формировались принципиальные позиции сторон по отношению друг к другу, формулировались официальные и скрытые стратегические цели в развитии взаимоотношений, вырабатывались методы их достижения. Именно здесь родились, наряду с предпосылками к сотрудничеству, противоречия, которые в полном соответствии с законами диалектики в своём единстве и противоположности дали всё многообразие последующих исторических событий, происходивших с непосредственным участием обеих сторон, отразились в договорах между ними. Всё это действует до сих пор.

В самом деле, уже на заре освоения Курил Россия всячески старалась ни в коем случае не нарушать каких-либо территориальных интересов и прав японцев. Разве эта линия не идёт непрерывно сквозь столетия? Именно она лежит в основе бесконечных уступок, сделанных в пользу соседа: в Симодэ в 1855 году Японии отдали южные Курилы, в Санкт-Петербурге в 1875 году – северные, в Портсмуте в 1905 году – южный Сахалин, в Москве в 1956 году снова едва не подарили Хабомаи и Шикотан. Сейчас опять идёт возврат к такой же капитуляции. А Япония разве не реализует шаг за шагом сформулированную, как уж говорилось, ещё в XVIII веке свою стратегию территориальной

экспансии за счёт России? Следом за полученными в Симодэ, Санкт-Петербурге и Портсмуте территориями в годы нашей гражданской войны она вторглась на российский Дальний Восток и в Забайкалье и семь лет эксплуатировала и грабила северный Сахалин и земли вдоль Транссибирской магистрали от Владивостока до Байкала. Можно не сомневаться, что, если бы не поражения от советских войск на Хасане и Халкин-Голе и не необходимость сначала поставить под контроль южно-азиатские источники нефти, Япония в 1941 году напала бы на Советский Союз. Также не должно быть ни тени сомнения, что и сегодня она никак не удовлетворится требованием подарить ей Хабомаи и Шикотан. Да, собственно говоря, руководство страны и не скрывает, что даже ближайшей целью являются не эти острова только, а все южные Курилы. А дальше? А дальше жизнь покажет: есть ведь ещё и северные Курилы, и Сахалин, да и многое другое.

Тогда же, уже в период первых контактов, выкристаллизовалась и тактика Японии в достижении своих стратегических экспансионистских целей. Она заключалась в терпеливом ожидании внутренних трудностей в России или осложнения международной обстановки вокруг неё. Именно в такие времена предъявлялись нашей стране те или иные требования, а потом следовала попытка решить их переговорным путём или, при необходимости, военным. Симодский договор, узаконивший захват японцами южных Курил, заключен в период тяжелейшей захват нас Крымской войны. Северные Курилы отошли к Японии из-за реальных угроз захвата Сахалина англичанами и американцами, а он имел ключевое значение для обороны недавно вошедших в состав Российского государства Приморья и Приамурского края. Портсмутский договор и потеря южного Сахалина – это время первой русской революции, а вторжение в нашу страну – время гражданской войны в России. А ведь надо отметить, что, когда в Японии в 1867 году началась так называемая революция Мейдзи, сёгун обратился к русскому императору с просьбой о военной поддержке, обещая взамен ни много ни мало – остров Хоккайдо. Но получил отказ: не считало наше государство возможным вмешиваться во внутренние дела соседа. А вот японцы активно вмешивались, старались дестабилизировать у нас политическую обстановку в своих интересах и через агентов влияния, и финансируя оппозицию правительству, и посредством прямой военной интервенции. Всё это делалось при любом удобном случае, делается и в новейшее время, используя любые наши проблемы. Случился кризис в Советском Союзе в конце 1980-х годов – тут же были извлечены на свет территориальные к нему претензии, а внутри СССР появилось немалое количество оправдывающих их йенофилов. Вот и сейчас вокруг России сложная международная обстановка. Она-то и является катализатором усиления японской активности вокруг “Курильской проблемы”.

Есть ещё одна типовая, можно сказать, схема выстраивания Японией отношений с Россией, берущая начало у самых их истоков в далёком XVIII веке. Она заключается в привлечении третьих стран, действующих, как правило неявно, в пользу японцев. Сначала это была Голландия, затем – США и Англия, и даже Германия и Италия побывали в их союзниках. Конечно, все эти страны преследовали собственную выгоду, но и Япония получала свой весомый куш. Шутка ли, например, присвоить северные Курилы буквально на пустом месте, используя только повышенную активность англичан и американцев в Японском, Охотском и Беринговом морях в начале второй половины XIX века в качестве угрозы интересам России на Сахалине? Подобные альянсы с участием японцев с целью организации давления на нашу страну случались далеко не единожды. И за нынешними их претензиями на Курилы стоят в качестве направляющей и вдохновляющей силы Соединённые Штаты Америки.

Хотя некоторые философы и утверждают, что история учит тому, что ничему не учит, всё-таки ретроспективный анализ позволяет сформулировать определённые выводы. Он показывает, что территориальные уступки, которые Россия делала своему соседу неоднократно, не приводили к гармонии в межгосударственных отношениях. Следуя своему давно выработанному курсу, Япония каждый раз выдвигала всё новые и новые требования. Нет оснований считать, что в будущем будет по-иному.

Это оценка действий японской стороны. Как бы к ним ни относиться, надо отметить неизменность их общего курса на протяжении уже более чем двух столетий. Такая последовательность вызывает уважение. К сожалению, этого

нельзя сказать относительно российской политики на Тихом океане. Периоды, когда Россия добивалась успехов, жёстко отстаивая свои национальные интересы, сменялись десятилетиями пассивности и немотивированной сдачи завоеванных большими трудами позиций. Конечно, во многом справедливы ссылки на объективные обстоятельства наших неудач на Дальнем Востоке. К их числу обычно относят и недостаток сил у вечно великодержавно занятой европейскими проблемами России, и частые войны с целыми коалициями враждебных государств, и внутренние смуты и революции. Всё это так, но надо признать и чисто субъективные причины, связанные с общей недооценкой многогранного значения дальневосточных владений России, их будущего. Сыграли свою негативную роль и профессиональные ошибки, и личное отношение, и мотивы действий вершителей российской внешней политики.

Кто, например, заставлял нашего министра иностранных дел К. Нессельроде во время подготовки к переговорам с Японией в 1853–1855 годах об открытии её портов для русского флота пригласить в качестве советника некоего голландского авантюриста Ф. Зибольта? Ведь всем было известно о его тесной связи с японцами. Вот и были выработаны инструкции русскому посланнику Е. Путятину, которые предусматривали в случае затруднений предложить отдать некоторые острова Курильского архипелага в обмен на решение вопроса. Конечно же, такие затруднения возникли, начиная от гибели во время шторма путятинского корабля и кончая жёсткой позицией его визави по переговорам. Вот и отошли южные Курилы японцам, хотя в то же самое время они открыли свои порты для американцев и англичан безо всяких условий. Зато этот самый Ф. Зибольт получил впоследствии награду от своих японских друзей.

Или превозносимый сегодня нашими дипломатами министр А. Горчаков! Именно в период его руководства внешними делами Российской империи были переданы Японии северные Курилы в обмен на несуществующие её права на часть Сахалина. Сами японцы хорошо понимали эфемерность своих претензий, но не без нажима желавших поучаствовать в грабеже русского острова американцев и англичан затеяли переговоры. Готовые удовлетвориться мелкими уступками в области рыболовства, они получили в 1875 году нежданно-негаданно целый архипелаг и были счастливы безмерно. Вот цена некомпетентности в дальневосточных делах российских чиновников.

Традиционно принято считать выдающимся дипломатическим успехом заключённый в 1905 году в Портсмуте нашей делегацией под руководством известного государственного деятеля царских времён С. Витте мирный договор по итогам русско-японской войны. Конечно, в ходе боевых действий русские армия и флот понесли большие потери, но к началу переговоров наметился перелом в ходе войны. Фактически не имея возможности её продолжать, Япония выступила инициатором заключения мира. В условиях сложившейся в стране революционной ситуации Россия также нуждалась в нём. Однако цена, которую пришлось заплатить за мир, оказалась чрезмерной: японцам был передан южный Сахалин. До сих пор историки не находят объяснений позиции С. Витте. Была ли она обусловлена сильнейшим давлением президента США Т. Рузвельта, стремившегося вставить в русско-японские отношения на много лет вперёд острую территориальную проблему, либо руководитель российской делегации действовал из личных карьерных побуждений, или ему не давали покоя будущие лавры всемирно известного миротворца? Но факт остаётся фактом: с самого начала переговоров С. Витте принял безосновательные требования японцев по Сахалину и убедил императора Николая II в необходимости их удовлетворения.

Нелицеприятная и непредвзятая оценка деятелей прошлого необходима, прежде всего, для нынешних руководителей Российского государства. Примеривая одежды миротворцев, они должны помнить, что могут остаться в памяти народной “Полукурильскими”, подобно тому, как С. Витте стал графом “Полусахалинским”.

С другой стороны, в тени ложных кумиров общественного мнения не должны оставаться Н. Резанов, Н. Хвостов, Г. Давыдов, Н. Муравьёв-Амурский, Г. Невельской, дипломаты советской школы, которых принято осуждать за чрезмерную, по мнению некоторых маститых международных жёсткость в отстаивании позиций Отечества в отношениях с японцами. Именно они заслуживают памятников и на Дальнем Востоке, и на своей малой родине.

Надо вернуть и исторические русские названия географическим объектам. Например, те же Хабомаи с момента открытия были островами Плоскими, а Шикотан именовался сначала Фигурным, а затем носил имя своего исследователя русского мореплавателя М. Шпанберга. Сегодня в российских календарях памятная дата 2 сентября отмечается как день окончания Второй мировой войны. Но ведь раньше вместо него 3 сентября праздновался День Победы над Японией. Почему же сейчас он стыдливо замалчивается? Разве дела наших предков, к примеру, двух моих дедов, награждённых медалями “За Победу над Японией”, не заслуживают памяти и уважения?

* * *

И весь исторический опыт российско-японских отношений, и отсутствие на то правовых или экономических оснований убедительно свидетельствуют о недопустимости передачи японцам каких-либо российских земель. Более того, уступка даже самой одинокой скалы в районе южных Курил нанесёт огромный ущерб оборонным интересам нашей страны, а значит, и сохранению мира на всей планете, поскольку будет нарушен глобальный баланс сил. Поэтому было бы правильным официально заявить о прекращении всякого обсуждения японских территориальных притязаний. Это пошло бы на пользу и самой Японии. Ведь по опросам общественного мнения, подавляющее большинство граждан этой страны не интересуется “Курильской проблемой”, она искусственно раздувается в своих интересах её правящими кругами. Открытая и честная позиция России позволила бы им избавиться от ненужных иллюзий и начать выстраивание с нами действительно добрососедских отношений.

АЛЕКСАНДР СМОЛКО

“ГОСУДАРЬ, ПРОИЗВЕДИТЕ МЕНЯ В НЕМЦЫ”

Так ответил генерал А. П. Ермолов на вопрос Александра I, какую награду он хотел бы получить от царя. Генерал, конечно же, шутил, вернее, ёрничал. Но в каждой шутке есть доля... шутки, и, надо полагать, царь понял, что хотел сказать заслуженный генерал. В его словах был скрытый упрёк царю. Непропорционально высокое присутствие немцев во властных российских структурах было очевидным фактом. Чтобы лучше это понять, достаточно посмотреть статистику, которую приводит в своей книге “Россия и Европа” профессор Томаш Массарик, первый президент Чехословакии. В конце царствования императора Александра II процент немцев в различных департаментах был следующим:

гражданская служба – 32; военное командование – 41; Имперский Совет – 36; Сенат – 33; Министерство иностранных дел – 57; Министерство внутренних дел – 27; Министерство народного образования – 28; Министерство финансов – 27; Министерство по делам территорий – 34; Министерство коммуникаций – 34; Имперская аудиторская служба – 18; Министерство морского флота – 39; Военное министерство – 46; Министерство имперского двора – ; Имперские адъютанты – 39; Почта и телеграф – 62.

В то время немцев в России было 1,3 миллиона человек, что составляло 1,1% всего населения. Возможно, что с точки зрения генерала это было и неправильно. Но был ли он прав, как сейчас сказали бы, с точки зрения глобальной политики, большой вопрос. Российская империя возникла не сама по себе, и российские цари, которые эту империю строили, знали, что делали, отдадим им должное. Для России, особенно начиная с Петра I, появление иностранцев во властных структурах, причём на высоких позициях, становилось нормой. Причиной этого было то, что проблема кадров, особенно руководящих, в России была всегда.

Не было исключением сталинское время, вспомним ставшую крылатой его фразу: “Кадры решают все!” И в наше время в топовых российских компаниях на ключевых постах мы можем видеть иностранцев, и в не малом числе. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться, к примеру, с составом совета директоров компании “Роснефть”. Надо полагать, не без помощи директоров-иностранцев “Роснефть” стала самым крупным налогоплательщиком России.

Но немцы среди всех иностранцев на царской службе, конечно же, выделялись. Режим наибольшего благоприятствования для немцев в России существовал всегда. И было бы неправильно считать, что российская администрация формировалась по этническому признаку из “блатных” немцев. Фантастическое

трудолюбие и прилежание отличали немецкую нацию во все времена. Доказательством этому может служить явление миру в начале XX века Германии как мастерской мира. Что-то подобное мы видим сейчас в современном Китае.

Экономическим чудом, совершённым немцами, считают восстановление экономики Германии после Второй мировой войны. Два миллиона тонн бомб, сброшенных на Германию союзниками, превратили в пыль более 160 немецких городов и 800 населённых пунктов. Платой за поражение в войне были огромные репарации (около 100 тысяч тонн золота), которые Германия должна была платить своим победителям как в Первой, так и во Второй мировых войнах. Отток мозгов, утрата огромных территорий, демографические потери поставили тогда под угрозу существование немцев как нации. Но все эти проблемы не помешали Германии к 1950 году, всего через 5 лет после поражения в войне, нарастить объём промышленного производства до довоенного уровня. В 1962 году уровень промышленного производства в Германии превосходил довоенные показатели уже втрое.

Материальные и демографические потери Советского Союза, главного победителя во Второй мировой войне, многократно превосходили потери Германии. Но через 5 лет Советский Союз восстанавливает экономику до довоенного уровня, а вскоре становится второй экономикой мира, что тоже можно считать экономическим чудом. Ключевым событием, положившим начало немецкому чуду, считают жёсткую конфискационную денежную реформу, которую провёл тогда министр экономики, будущий канцлер ФРГ Людвиг Эрхард. Подобную реформу в СССР провёл и Сталин. Кто у кого заимствовал идею реформы – сказать трудно, скорее всего, они действовали автономно, но в СССР реформа произошла в декабре 1947 года, а в ФРГ на полгода позже. Маленький нюанс с большими последствиями: Эрхард отпустил при этом цены.

Денежная реформа в ФРГ, равно как и реформа в СССР, конечно же, сыграли важную роль в том, что было названо экономическим чудом. Но главный секрет этого чуда, думаю, был в другом. Странами, наиболее пострадавшими в результате Второй мировой войны, были Советский Союз и Германия. Советский Союз был победителем в этой войне, Германия была стороной проигравшей. И народам этих стран предстояло новое сражение, которое они не могли проиграть. Это было сражение за возрождение страны. И в этом сражении первостепенную роль должны были сыграть единство и моральный дух нации. О роли морального духа Наполеон говорил так: «Соотношение между моральным и физическим элементами выражается как три к одному».

Что интересно, возрождению морального духа русской нации способствовала победа в войне, что легко объяснить. Поражение в войне, казалось бы, должно было сломать немецкий народ и убить его моральный дух. На это к тому же накладывалось чувство вины за преступления перед человечеством, которые совершили немцы во время войны. Немцы признали это тогда и признают это сейчас, но определённый комплекс вины у многих немцев имеется до сих пор.

Ответа на вопрос, как могла немецкая нация, давшая миру множество великих философов, учёных, поэтов, музыкантов, художников, принести людям столько зла, нет до сих пор и его не будет никогда. Не будет, потому что это за рамками человеческого понимания. Если за эти рамки выйти, то можно предполагать, что та война была одновременно наказанием Божьим людям за их грехи и указанием жить согласно Божьим заповедям. Что было, то было. Забывать это нельзя. Но русский народ, как никакой другой, прощать умеет. Мне кажется, что большинство русских людей на современных немцев зла не держит. Как говорится, «кто старое помянет, тому глаз вон».

После войны немецкая нация должна была либо погибнуть, либо возродиться. И она возродилась. Немцы, как и русские, всегда умели преодолевать трудности, что обе наши нации отличает от других. В результате оба народа подняли из руин разрушенные войной государства. Моральный дух и единство русского народа во время войны и послевоенный периоды были настолько сильны, что это позволило не только победить в войне, но и создать фундамент, на котором была построена вся послевоенная советская экономика и её уникальные достижения. Можно сказать, что это была лебединая песня в исполнении советских людей. Эту песню А. А. Зиновьев назвал потом русским экспериментом. Что касается Германии, то в настоящее время она является первой экономикой Европы, а по некоторым позициям, особенно

в части научно-технических достижений, и первой экономикой мира. И, что важно, останавливаться на этом немцы не собираются.

Известно, что в Западной Европе существовал план Маршалла по восстановлению подорванной войной экономики западноевропейских стран. Но ни Франция, ни Италия, ни другие страны не смогли использовать этот план столь эффективно, как это сделала Германия. Причина, на мой взгляд, в том, что Франция, к примеру, во Второй мировой войне отделалась, как говорится, лёгким испугом. Она не понесла тех жертв, которые понесли народы Советского Союза и Германии. Моральный дух французов не прошёл той закалки войной, которую прошли русские и немцы, и они не могли работать так, как работали в то трудное время русские и немцы.

Но вернёмся в начало XX века. Как единое государство Германия сформировалась довольно поздно и с выходом на мировые рынки запоздала. Поэтому российский рынок был для Германии, заявившей о себе как о мировой державе, хорошим шансом взять реванш у таких колониальных государств, как Франция, Англия и Бельгия. Особенность тактики и стратегии немецких компаний в России была в том, что, если, к примеру, деятельность французских компаний в России ограничивалось инвестициями, то немцы, помимо капиталов, непосредственно участвовали в производственной деятельности российских компаний и своими передовыми технологиями, и своими специалистами.

К началу Первой мировой войны немецкое население в России насчитывало уже 2 миллиона человек. За 30 лет оно увеличилось более чем в полтора раза и, несмотря на то, что по размеру капиталов немецкие компании в России занимали лишь 4-е место, они представляли реальную угрозу компаниям из стран – будущих союзников России по Антанте. Накануне войны до 52% русского импорта уже было немецким. Союзники это хорошо понимали и противодействовали немцам очень умело. Антинемецкое лобби в России было очень мощным, и то, что Россия воевала на стороне Антанты, а не Германии, является тому подтверждением. Премьер-министр С. Витте, к примеру, этнический немец, давно обрусевший, был известным франкофилом и противником немцев в России.

В десятилетие, предшествовавшее Первой мировой войне, темпы роста экономики России были действительно высокими. Иностранные инвесторы активно вкладывали капиталы в российскую экономику, поскольку инвестиционный климат в России был весьма благоприятным и иностранцы получали в России хорошие дивиденды. Получить такие дивиденды в других странах они не могли. Но благоприятный инвестиционный климат являлся результатом грамотной государственной политики. И здесь было бы несправедливо не отметить и роль немецких специалистов, работавших в России, как говорится, не за страх, а за совесть.

Надо отметить, что иностранные инвестиции в экономику суверенного государства, тем более, если это государство претендует на лидирующие в мире позиции, могут иметь разные последствия, как положительные, так и отрицательные. Прежде всего, это отток капитала. Например, выплата Россией иностранным инвесторам процентов и дивидендов валюте в начале XX века приближалась к 1/2 млрд золотых рублей, тогда как годовой бюджет Российской империи в то время лишь немного превышал 2 млрд золотых рублей. Некоторые отрасли российской промышленности переходили под контроль иностранных компаний. Так, например, в 1910 году иностранным банкам в России принадлежало 88% акций металлургических предприятий, 100% акций паровозостроительных, 96% акций судостроительных, 90% акций электрических и электротехнических предприятий.

Инвестиции в российскую экономику в тот период на 70% были иностранными и принадлежали, в основном, банкам стран Антанты. По мнению экономистов, такая доля инвестиций считается критической и грозит стране потерей экономического и политического суверенитета. И то, что Россия под давлением союзников по Антанте участвовала в совершенно ненужной ей войне, является тому подтверждением. Роковые последствия этой войны для России в своей записке Николаю II предсказал бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново. К сожалению, он в своём прогнозе не ошибся. В той войне Россия воевала не за собственные интересы, в ней решался вопрос, кто будет доминировать на российском рынке – страны Антанты во главе с Англией

или Германия. Россия в этой войне при любом раскладе выиграть ничего не могла, о чем и предупреждал царя Дурново.

Надо отметить, что насколько немцы были сильны в научно-техническом и производственном плане, настолько они были слабы в части политических решений. Исключением был создатель германского государства Бисмарк, но люди подобного масштаба появляются в мире нечасто. Поражения Германии в двух мировых войнах при самой сильной в мире армии являются тому подтверждением. Да и современные немецкие политики успехами не блещут, достаточно вспомнить провал в Германии политики мультикультурализма. Процесс исламизации Германии, как и западной Европы в целом, грозит стать неуправляемым.

В начале XX века англичане были гроссмейстерами политических игр и в политике переигрывали тогда всех, и немцев в том числе. Если, к примеру, к началу XX века территория Британской империи составляла 23,6 миллиона квадратных километров с населением 309 миллионов человек, то после Первой мировой войны эта территория увеличилась до 36 миллионов квадратных километров, а население превысило 500 миллионов человек, что составляло четверть территории и населения земного шара. И все это население в той или иной форме платило Великобритании дань.

Россия в Первой мировой войне воевала на стороне Антанты, она внесла колоссальный вклад в победу союзников, в результате потеряла свою армию и получила взамен революцию и развал империи. Но, несмотря на все своё политическое мастерство, англичане были вынуждены уйти из России. Планы “союзников”, — по правде говоря, это были ещё те “союзники”! — по захвату российского рынка и колонизации России провалились по причине революции в России. Отречение царя Николая II, февральская революция, октябрьский переворот привели, в конце концов, к власти большевиков во главе с Лениным, которые свой шанс не упустили.

О том времени в своей книге “Как я воевал с Россией” Уинстон Черчилль писал так: “Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело...” За какое дело сражались англичане в России, догадаться нетрудно. А вот слова английского офицера, персоны менее статусной, но более откровенной, взятые из книги “Борис Савинков на Лубянке. Документы”.

“Не понимаю, почему русские патриоты так хлопчут об интервенции. Возьмём, к примеру, нас, англичан. Мы — раса моряков, морских разбойников в душе. У себя дома в Англии мы — джентльмены. А ведь Россия ваша для нас — колония. Если мы придём к вам с оружием в руках, да ещё победителями, мы такого наделаем, что вы о ваших “кровавых” большевиках будете вспоминать, как об ангелах”. И наделали бы, опыт по этой части у англичан был богатый. Достаточно вспомнить Индию, откуда в былые времена Англия получала 2 млн фунтов стерлингов инвестиций, тогда как все инвестиции в Англии составляли 6 млн фунтов стерлингов.

“Десять дней, которые потрясли мир” или переворот, в результате которого к власти в России в октябре 1917 года пришли большевики во главе с Лениным, требует серьёзного обсуждения. Такая постановка вопроса может показаться странной, ведь об этом написаны тонны литературы, чего уж тут, казалось бы, обсуждать. Но обсуждать есть что, и столетний юбилей тех событий это подтверждает. Если революция в России было событием, ожидаемым и желанным для представителей самых разных социальных групп, то захват власти большевиками произошёл достаточно неожиданно, большинством участников революционного процесса всерьёз не воспринимался и успех большевиков рассматривался как временный.

Мои собственные попытки найти для себя ответ, почему в России произошла революция, строились на беседах со знакомыми мне историками и чтении различной доступной литературы. Но найти понятный и приемлемый для меня лично прямой ответ на поставленный вопрос, почему в 1917 году в России произошла революция, мне не удалось. Специалисты-историки объясняют это тем, что революция — слишком сложное и многозначное явление, и найти этому явлению простое объяснение невозможно. Вероятно, они правы.

Историк видит революцию, как картину, состоящую из множества элементов, настолько многочисленных и взаимосвязанных, что установить однозначную связь между ними действительно невозможно. Дилетант этих деталей не

видит, он видит картину, состоящую из крупных блоков, связи между которыми более очевидны и поддаются анализу. Себя, естественно, к историкам я не отношу и некоторые, скажем так, вольности позволить себе могу.

Понятно, что революция — явление многозначное, и в её основе лежит множество причин. Но если эти причины ранжировать, а этого требует всякий анализ, то какая-то причина обязательно окажется на первом месте. Эту причину и можно считать главной, её и надо было своевременно устранить, чтобы избежать революции. Конечно, если это было возможно в тех исторических условиях. Говорить сейчас об этом всё равно, что махать кулаками после драки. Революция произошла 100 лет тому назад. Но попытаться что-то понять из того далёкого прошлого было бы полезно, поскольку революции имеют свойство повторяться.

Всякая революция — это конфликт между властью и обществом. Чтобы понять, как возникает конфликт, будем предполагать, что все члены общества, за некоторым исключением, которое мы рассматривать не будем, вносят свой вклад в создание некоторого общественного продукта, потребителями которого они же и являются. Конфликт личности и общества возникает тогда, когда получаемая каждой личностью доля общественного продукта, по мнению этой личности, не соответствует вкладу личности в производство этого продукта. Вину за это личность возлагает на власть и предъявляет свои претензии этой власти.

Конфликт отдельной личности и общества может перерастать в конфликт социальной группы и общества, социального слоя, сословия в сословном обществе или класса в классовом обществе. Решением конфликта является революция, в результате которой происходит смена старой управляющей элиты на элиту новую. Не факт, что новая элита будет лучше старой, но для недовольных прежней властью она будет новой, и с этой новой элитой они будут связывать свои ожидания.

Формы, которые может принимать революция, зависят от остроты общественного конфликта. Она может быть кровавой, как это было во Франции и России, а может проходить в мягкой форме в виде “цветных” революций, как мы наблюдаем это в наше время. Возможно, по этой причине современное определение революции не содержит обязательного условия смены общественного строя. Но что является обязательным и что всегда происходит — это смена старой управляющей элиты новой элитой.

Применительно к ситуации в России предлагаемая схема выглядит следующим образом. Накануне революции крестьяне составляли 85% населения страны. По свидетельству премьер-министра С. Витте, норма потребления в России составляла 20–25% от нормы потребления на Западе. В деревне норма потребления была ещё ниже, крестьяне не жили, они выживали, когда не было голода, и вымирали в голодные годы. Вот как описывает ситуацию депутат Государственной Думы А. А. Бубликов в своей книге “Русская революция”:

“Как ни распределять, но когда на душу населения приходится всего 650 руб., то нищета не устранима, хотя бы даже “упразднить” все 60 миллиардов накопленного нами к 1 января 1917 г. государственного долга. В лучшем случае, можно преуспеть в том, чтобы сделать нищими богатых, но обогатить распределением массы — невозможно. Против таких мечтаний — арифметика”. То, что власть пыталась сделать для улучшения жизни крестьян, последних устроить не могло, а на большее у власти средств не было. Страна была аграрной, и государственный бюджет наполнялся, в основном, продуктами труда крестьян. Основным экспортным товаром, как сейчас нефть и газ, было тогда зерно.

Количество недовольных властью росло, многовековое терпение вечно голодных и униженных крестьян — главных производителей общественного продукта — заканчивалось, социальный конфликт вызревал. Революция становилась неизбежной, она должна была произойти, и она произошла. За власть в России боролись тогда разные партии и группы. В конце концов, всех перехитрив, к власти пришли большевики во главе с Лениным. Крестьяне в тот момент встали на сторону победителей. Народ всегда встаёт на сторону победителей, для народа важным было то, что к власти в стране пришли новые люди и подарили им новые надежды. Под какими лозунгами эти люди пришли к власти, простой народ никогда особо не интересовало. Из приведённых рассуждений можно сделать вывод, что главной причиной революции

в России в 1917 году была запредельная бедность основной массы населения — крестьян, главных производителей общественного продукта, — по причине несправедливого распределения производимых ими материальных благ

Надо сказать, что смена власти, которая произошла в Советском Союзе в августе 1991 года, вписывается в предлагаемую схему не столь очевидно. Что бы ни говорили и ни писали любители плюнуть в советское прошлое, уровень жизни народа в то время был достаточно высоким. По данным ООН, СССР по уровню потребления входил в первую десятку стран мира. Было бы неправильно и несправедливо говорить, что в стране не было проблем. Был дефицит, были очереди, но товары массового спроса были всегда. За исключением тех периодов, когда отдельные группы боролись за власть и, чтобы вызвать недовольство народа, дефицит создавался искусственно. И проблема была не в том, что кому-то не хватило колбасы, проблема была в другом.

В СССР не было сословий, но была группа людей, так называемая номенклатура, которая претендовала на особые условия жизни. Сталин называл эту группу “кастой проклятой” и, как мог, с ней боролся. И, как мы видим, боролся не зря. После смерти Сталина, особенно во время Брежнева, “каста проклятая” сформировалась в особую группу, образ жизни которой становился вызовом для других членов общества. Эта группа жила в особом мире. В мире специальных магазинов, специальных поликлиник и санаториев, специальных домов повышенной комфортности, привилегированных учебных заведений и даже специальных кладбищ.

Круг избранных при этом был достаточно узким, социальные лифты работали неэффективно, недовольство в обществе росло, конфликт вызревал. Что интересно, недовольство властью росло на всех ступенях социальной лестницы, в том числе и на верхних ступенях. Поскольку доступ к благам был строго регламентирован, то обделённой части номенклатуры это казалось несправедливым. Эти “обиженные” и спровоцировали конфликт, который привёл к смене управляющих элит. Заметим, что почва для этого конфликта в обществе была хорошо подготовлена, народ начинал верить, что “так жить нельзя”. Но, как и в 1917 году, основная масса недовольного народа всему происходящему “внимала равнодушно”. Для них важным было то, чтобы на месте старой власти появились новые люди и подарили недовольному народу новые надежды. Резюмируя, можно сказать, что главной причиной революции 1991 года, а правильнее сказать, смены управляющих элит, стало несправедливое распределение социальных благ, производимых обществом.

Можно было бы не вспоминать о тех давно минувших событиях, если бы истории не было свойственно повторяться. А основания так думать, к сожалению, имеются. Достаточно сказать, что по уровню жизни, по данным ООН, Россия в 2017 году занимала место во второй сотне. Как мы дошли до жизни такой и как это положение исправить, должна думать власть. Результатом этих раздумий должно стать понимание того, как улучшить жизнь простых людей. Президент ставит Правительству амбициозную задачу войти в первую пятёрку ведущих экономик мира. Но решать эту задачу предстоит народу, и народ должен понимать, что он получит в результате. На какое место по уровню потребления в классификации ООН мы тогда поднимемся? Сейчас мы находимся на 101-м месте и год от года опускаемся все ниже и ниже. В 2012 году, к примеру, Россия в этой классификации была на 66-м месте.

Правительство и правящую элиту падение уровня жизни народа не сильно беспокоит, история их, похоже, ничему не учит. Между тем, число граждан, недовольных уровнем жизни в стране, растёт, к протестному движению присоединяется молодёжь, которая по определению политической осторожности лишена, конфликт общества и правящей элиты назревает. Власть вместо того, чтобы улучшить жизнь простого народа и предотвратить конфликт, создаёт “Росгвардию”. Власть уже забыла, что в 1991 году самая мощная спецслужба мира не стала защищать власть, её создавшую. И здесь уместно будет напомнить слова Талейрана, обращённые к Наполеону. “Штыки, сир, способны на всё, кроме одного. На них нельзя усидеть”.

Надеяться на то, что народ успокоится и конфликт рассосётся сам собой, не приходится, тем более, что он активно подогревается нашими иностранными “партнёрами”, так их называет сейчас наш президент. И если правящая элита не предпримет реальных мер по повышению уровня жизни простого

народа, то раньше или позже на замену ей придёт другая элита. Как происходит замена правящих элит в России и чем это заканчивается, хорошо известно. Две смены элит за 100 лет мы пережили, на третью замену сил у русского народа может и не хватить. По большому счёту, речь идёт о том, быть России государством или превратиться в территорию. Поэтому, если современная правящая элита и власть как её действующий аппарат хотят сохраниться, они должны вкладываться в человеческий капитал и улучшать жизнь народа.

Первое, что элита могла и должна была бы сделать в самое ближайшее время – это тот общественный, надо сказать, достаточно скромный продукт, который Россия производит, разделить по справедливости. Что это значит – разговор особый. Чтобы сделать это, не нужно ничего, кроме политической воли. Накануне революции 1917 года дальновидные люди предупреждали царя, что лучше отдать половину, чем потерять всё. В итоге те, кому было, что отдавать, потеряли всё. Возможно, что в этот раз они этот урок учтут и окажутся более дальновидными. Правда, делить-то нам сейчас особенно нечего. В 1985 году на долю СССР приходилось около 20% мирового промышленного производства. Доля РСФСР составляла тогда около 12%. В 2014 году доля России в мировой экономике составляла 2,5%, а в 2018 году уже только 1,7%. В этом же году доля экономики США была 24%, а Китая – 15%.

Развалить вторую экономику мира, какой была экономика СССР, – это надо было хорошо постараться. В развале СССР из публичных фигур – о не публичных разговор особый – роковую роль сыграли три человека. Горбачёв развалил политическую систему, Ельцин – административную, Гайдар – экономическую. Последнее требует особого пояснения. В СССР экономикой всегда руководили производственники, они организовывали и управляли процессом производства материальных благ, необходимых обществу. Финансисты при этом обеспечивали финансовую поддержку производственного процесса.

С совсем нелёгкой руки Гайдара, к руководству экономикой у нас пришли финансисты, для которых критерием успешности предприятия является прибыль. Целью работы предприятия стало не производство общественно необходимого продукта, а получение прибыли. Если предприятие не приносило прибыли, оно банкротилось и закрывалось, производство продукции прекращалось. Производственники, реальные производители материальных ценностей, стали играть подчинённую роль, что мы видим и сейчас.

Происходит это на фоне осознания миром того, что реальными производителями необходимых обществу продуктов являются не финансисты, которые долгое время считали себя хозяевами мира, а производственники, и ведущая роль в реальной экономике должна принадлежать им. Под лозунгом “сделаем Америку великой” президентом США стал Дональд Трамп, представитель промышленных кругов. Понятно, что финансисты без боя сдавать позиции не собираются, но страна не может быть великой, не имея производства. Современный Китай является тому примером. Теперь Трампу предстоит вернуть в США те производства, которые в погоне за прибылью финансисты передавали в страны третьего мира. И он это делает, и, что важно, большинство американского народа его в этом поддерживает.

Поэтому, если мы хотим сделать Россию великой и чтобы наш народ по уровню потребления был хотя бы в первой двадцатке – когда-то он был в десятке! – управляющая элита совместно с народом должны довести производство общественного продукта до объёма, который позволил бы поднять уровень жизни граждан России до уровня передовых стран. Задача это не то, чтобы не простая, она архисложная. Чтобы понять реальное состояние современной российской промышленности, достаточно посетить любую международную промышленную выставку по машиностроению. Я такие выставки иногда посещаю и последние годы не могу припомнить ни одной российской компании, представленной на таких выставках.

Не могу говорить о производстве вооружения, информации об этом в открытой печати нет. Но сомнения, так ли уж там всё хорошо, возникают. Особенно если рассматривать наше гражданское авиастроение. Проект нашего современного ближнемагистрального самолёта Суперджет-100 практически провалился, проект нового среднемагистрального самолёта МС-21 – под вопросом, новые самолёты других типов, что предлагает промышленность, –

это модернизация самолётов советского производства 30-, 40-, 50- и даже 70-летней давности. Правда, наши военные самолёты по своему уровню все-гда превосходили самолёты гражданские. Хочется верить, что так происходит и сейчас, но основания для сомнений имеются, и не только в том, что касается самолётов.

Всё это особого оптимизма по части нашего научно-технического потенциала не внушает. Заделы, которые оставила мощнейшая советская отраслевая наука, которая *Гайдаром и его командой* была уничтожена первой, позволяет пока нашей оборонной промышленности быть конкурентоспособной на рынке вооружений. Но по причине отсутствия у наших предприятий современных технологий, о конкурентоспособности и перспективах нашей оборонной промышленности стоит задуматься.

Не вдаваясь в детали, по поводу современных технологий отмечу следующее. Доля компаний США в современном аддитивном производстве составляет 23,7%, Китая – 13%, Германии – 11,2%, Франции – 5,1%. Россия на этой схеме присутствует среди прочих, точная доля её неизвестна. По непроверенным данным, она составляет около 1,5%. А ведь аддитивные технологии, которые позволяют качественно улучшать характеристики изделий, это уже не будущее, это настоящее. Американцы не глядя скупают всё, что касается этих технологий, поскольку это революция в машиностроении.

Количественный и качественный разрыв между уровнем производства в России и на Западе продолжает увеличиваться по причине регресса у нас и прогресса у них. Дело идёт к тому, что отставание нашей промышленности от западной станет сопоставимо с таким отставанием времён окончания гражданской войны. Чтобы это отставание ликвидировать, страна должна будет сделать то, что было сделано в СССР во время индустриализации. Сделать это могут только инженеры и руководители производства с инженерным образованием. А в нашем правительстве, к слову пришлось, нет ни одного в прошлом производственника – руководителя крупного предприятия.

Не в обиду руководителю “Роскосмоса” Д. О. Рогозину, журналисту по образованию, опыта руководства крупными производственными коллективами не имеющему, что по существу он может сказать директору завода, если он не журналист? Рогозин, правда, ещё доктор философских и технических наук, но ничего материального он в своей жизни не создал, так сложилась его жизнь. А инженер Королёв создал, поэтому его “Семёрка” до сих пор летает, а у Рогозина она падает. Да если бы Рогозин был у нас один! Всегда и везде, при любой власти “кадры решают все”. Поэтому первоочередная задача нашей сегодняшней власти – нужные кадры найти.

Но какими бы ни были сталинские кадры периода индустриализации, без помощи иностранных специалистов создать тогда советскую промышленность они не смогли бы. Эта помощь особенно не афишировалась тогда, мало о ней известно и сейчас. Создание советской промышленности практически на пустом месте является, может быть, самым высшим достижением социалистического строя. Но было бы несправедливо не отметить, что десятки тысяч инженеров и сотни тысяч рабочих, в основном из США и Германии, внесли в это свой вклад. Результаты труда наших дедов и отцов злейший враг Советского Союза Гитлер оценил так:

“Чем больше мы узнаем, что происходит в России при Советах, тем больше радуемся, что вовремя нанесли решающий удар. Ведь за ближайшие десять лет в СССР возникло бы множество промышленных центров, которые постоянно становились бы всё более неприступными, и даже представить себе невозможно, каким вооружением обладали бы Советы, а Европа в то же самое время деградировала. И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной армии – наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души”.

Принципиальным отличием периода сталинской индустриализации от современного является то, что никаких иностранных инвестиций в экономику СССР тогда не было и в помине. Советское правительство должно было найти средства в полуразрушенной стране. Иностранные компании, в основном, американские и немецкие, получали за свою работу хорошие деньги. Но, думается, не только деньги были причиной участия в индустриализации СССР.

Понятно, что Великая депрессия в США, которая по времени совпала с периодом индустриализации в СССР, требовала от американского правительства выхода на новые рынки. Таким рынком для США стал Советский Союз. Но это лишь одна из причин, и, думается, не самая главная. Президент США Рузвельт был гениальным политиком, единственным из современников, который воспринимал Сталина как равного себе. При нём США признали СССР, поддержали нас в войне с Германией, в противостоянии Черчилля и Сталина Рузвельт, как правило, поддерживал Сталина. Сталин был не менее гениальным политиком, и Рузвельт это понимал. Вполне вероятно, что два руководителя допускали мирное сосуществование двух различных политических систем, во главе которых стояли бы СССР и США. В этом случае мир мог бы быть совсем другим.

С другой стороны, Рузвельт был политиком, который, как говорится, мягко стелет, да жёстко сплет, и он вполне мог иметь далеко идущие планы, в которых СССР отводилась подчинённая роль младшего партнёра США. Но каким бы авторитетным и самостоятельным политиком Рузвельт ни был, за ним стояли определённые финансовые круги, истинные хозяева Америки, и необходимой свободы действий он не имел. Они, похоже, не одобряли политику Рузвельта на возможное сближение с СССР, и в качестве вице-президента навязали Рузвельту не близкого ему человека, каким был Генри Уоллес, а Гарри Трумэна. И скоростная смерть Рузвельта, и то, что после Рузвельта в Белый дом пришёл ястреб Трумэн, даёт основания так думать. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Шанса на дружбу с Америкой Бог нам больше не дал. Личностей уровня Рузвельта и Сталина, у Него, похоже, больше нет, или же Он приберегает их на самый крайний случай.

Что касается России и Германии, то это, как говорится, роман с продолжением. Все русские цари, в большей или меньшей степени, были сторонниками сотрудничества с немцами. Исключением является Николай II, который под влиянием противников усиления Германии выступил на их стороне. Возможно, причиной взаимного интереса народов России и Германии было этническое и генетическое родство русского и германского народов. То, что немцы летели в Россию, как мухи на мёд, является историческим фактом. Это может показаться странным, но коэффициент генетического родства русских и немцев, по данным немецких специалистов, равен 75%, что является свидетельством высокой степени этого родства.

Российско-немецкий альянс мог бы создать в перспективе самый могущественный в мире союз. Это понимали русские цари, понимал это и Ленин, который всерьёз надеялся на то, что после ожидаемой им революции в Германии она войдёт в состав СССР на правах республики. Как, например, Украина, которая, будучи дополнена до достаточно приличных размеров российскими территориями, вошла в состав СССР как самостоятельная республика, создав тем самым прецедент для последующего присоединения других европейских стран, Германии в том числе.

Не был исключением и Сталин, он тоже старался выстроить долговременные и взаимовыгодные отношения с Германией. Эти отношения реально выстраивались, и прагматик Сталин был уверен, что Гитлер будет их поддерживать, что было выгодно обеим сторонам. Но, в отличие от Сталина, Гитлер гениальным человеком не был. Он понимал силу Сталина и как личность более слабая предпочёл бы от него избавиться, что он и попытался сделать с известными для себя последствиями. Приводимое ниже высказывание Гитлера это подтверждает достаточно убедительно:

“К Сталину, безусловно, тоже нужно относиться с должным уважением. В своём роде он просто гениальный тип. А его планы развития экономики настолько масштабны, что превзойти их могут лишь четырёхлетние (немецкие) планы. Сила русского народа состоит не в его численности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения. Наша задача – раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись”. (Сказано в тесном кругу соратников 22 июня 1942 года в разгар боёв под Сталинградом.)

Но перспективу российско-немецкого альянса понимали и боялись это и правительства других европейских государств, прежде всего, Англии

и Франции, а также набирающей мощь Америки. За последние 100 лет они дважды пытались не допустить создания такого альянса, и две мировые войны являются тому свидетельством. Результатом этих войн должна была стать ликвидация и России, и Германии как великих держав. Главный дипломатический советник правительства Его Величества лорд Ванситтарт в 1941 году говорил: “С Божьей милостью и во спасение человечества мы избавим мир от Германии, а Германию – от самой себя”.

В этот раз Бог поступил по справедливости, он Германию сохранил. Надо сказать, что не без помощи Сталина, который не поддержал предложение союзников разделить побеждённую в 1945 году Германию на части, сказав при этом: “Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остаётся”. В результате Германия не только сохранилась, но и, несмотря на поражение в войне, через 20 лет стала первой экономикой Европы. Интересно, знает ли мировая общественность о том, что английский лорд и сын простого сапожника, ставший главой Советского Союза, по-разному видели судьбу Германии и немецкого народа? Первый хотел решить немецкий вопрос путём избавления мира от Германии и от немцев, а второй сделать это не позволил.

История в очередной раз даёт нашим странам шанс сделать то, что по разным причинам им не удалось сделать в течение нескольких столетий – построить долговременные экономические отношения с максимальной пользой и для России, и для Германии. Силы, которая бы реально могла блокировать создание такого альянса, в данный момент в мире нет. Кризис доллара, а следовательно, и кризис США и их сателлитов, продлится достаточно долго. К этому добавляются проблемы взаимоотношений США с Китаем. Многолетнее желание Германии освободиться от американского контроля также должно подталкивать Германию к сближению с Россией.

В данный момент экономический и научно-технический потенциал Германии многократно превосходит потенциал России, не лучшие времена переживает сейчас российская экономика. Но прагматичных немцев это не смущает, они хорошо понимают перспективы российского рынка и активно его осваивают, в отличие от компаний из других стран. В 2013 году накопленные прямые инвестиции Германии в производство в России составляли 9,6 млрд евро. Это больше, чем вложили в российское производство США, Япония, Китай, Франция и Италия, вместе взятые.

По данным ФНС, на 2013 год в России было зарегистрировано 6000 компаний с немецким капиталом. Почти 90% немецких фирм были российскими юридическими лицами, остальные – филиалы и представительства. И, несмотря на то, что к 2018 году число немецких компаний в России уменьшилось до 4662, что является тревожным сигналом российскому правительству, объём накопленных немецких инвестиций в российскую экономику увеличился примерно до 17 млрд евро. Торговый оборот между Россией и Германией в 2018 году вырос до 61,9 млрд евро – второе место после Китая.

Несмотря на проблемы политического характера в отношениях между Россией и Германией, во многом навязанные Германии её союзниками, немецкие бизнесмены идут в Россию, и немецкое правительство не может с этим не считаться. И если уж давать кому-то российские паспорта, то давать их надо немцам, намеренным серьёзно работать в России, равно как и предоставлять им режим наибольшего благоприятствования для ведения бизнеса. Хочется надеяться, что в этом случае и власти Германии могли бы сделать ответные шаги в пользу российских бизнесменов, намеренных вести бизнес в Германии. Силиконовую долину, где российские мозги работают на процветание США, можно создать и в Германии. Такой взаимный обмен мог бы способствовать тому, о чём генерал Ермолов просил Александра I: помочь нам стать кое в чём немцами.

Вложения в человеческий капитал являются предметом особого внимания немецких властей. Работа в Германии хорошо оплачивается и даёт высокие социальные гарантии. Германия – одна из стран с самым коротким рабочим днём: немец в среднем работает 1413 часов в год. Уровень безработицы в Германии – самый низкий в Европе даже в кризисные времена. Неудивительно, что немцы дорожат своей работой и стараются её не потерять. Было бы неправильно считать, что немецкие работодатели являются альтруистами и не заинтересованы в увеличении нормы прибыли. Просто они понимают, что норма

прибыли, в конечном итоге, зависит от работников. Поэтому они должны быть мотивированы работать хорошо, и этот мотив – достойная заработная плата и социальный пакет. Кроме того, интересы работников защищают немецкие законы, которые работодатели обязаны исполнять. Секрет германских чудес простой. Чтобы люди хорошо работали, их надо хорошо кормить.

Необходимо отметить, что вложение в человеческий капитал является в настоящее время общемировой тенденцией, поскольку экономика, – это, прежде всего, люди и они должны быть мотивированы на эффективный труд, который невозможен без соответствующих стимулов. В России власть это, конечно же, понимает и светлое будущее народу обещает, но когда это будущее станет настоящим, объявить не торопится. По той простой причине, что сама этого не знает. “Денег нет, но вы держитесь”, – это то, что власть устами премьер-министра говорит народу. И здесь вопрос: “Где деньги, Зин?” Ответ известен – деньги у олигархов. И власть просит их подкинуть денюжку то на Сочинскую олимпиаду, то на чемпионат мира по футболу, то ещё на что-то. Олигархи могут денег дать, попросив что-то взамен, а могут и отказать.

Олигарх не может не понимать того, что он стал олигархом благодаря своим рабочим. Если рабочие вдруг перестанут работать, он мгновенно будет олигархом перестанет. Поэтому, если он хочет олигархом оставаться, то должен своих рабочих хорошо мотивировать на производительный труд. Но делать это он не торопится, предпочитая потратить поменьше и получить побольше, и желательнее поскорее. И его трудно за это осуждать. О том, что будет завтра, он, конечно же, думает, но думает осторожно, поскольку знает, что сегодня он олигарх, а завтра может шить в лагере рукавицы. Это, к сожалению, наша действительность.

Проблема в том, что результатом приватизации было появление в России собственников, в том числе очень крупных, но не хозяев. Отличие первых от вторых в том, что собственник имеет только собственность, которая сегодня есть, а завтра её нет. А хозяин, помимо собственности, имеет ещё и власть, которая эту собственность защищает. Зная, что власть его собственность защищает, хозяин, он же собственник, будет свою собственность приумножать на благо всем – себе, своим работникам, государству. Он лично будет заинтересован в стабильности власти и государства. В результате в стране сформируется коллективный собственник, для которого судьба государства станет его личной судьбой, и этот коллективный собственник будет лично заинтересован в его укреплении.

Поскольку этого пока нет, собственник предпочитает минимизировать вложения в развитие своего бизнеса. И почти 30 лет постсоветской истории России, бездарно потраченных, эту простую, как 2 копейки, мысль подтверждают. В утешение себе мы называем Россию энергетической супердержавой, тогда как арабы, в недавнем прошлом скотоводы-кочевники, активно создают у себя производства, в том числе и высокотехнологичные, вкладываются в инфраструктуру. Они понимают, что запасы нефти и газа не вечны. Кстати, замена их на альтернативные источники энергии – не такое уж далёкое будущее.

Но развивать собственное производство мы не сможем, пока положение собственника в России не изменится, пока оно не будет гарантироваться не благосклонностью высшей власти, а обязательными к исполнению законами. Как какую-то сказку, можно вспоминать и рассказывать молодому поколению, что когда-то за каких-то десять лет в Советском Союзе была создана наука и промышленность, позволившая нам победить самую сильную в мире армию в самой крупной в мировой истории войне и стать второй в мире супердержавой. О том, что мы имеем сейчас, им рассказывать не надо, они всё видят сами. И не случайно сторонников Навального среди молодёжи становится всё больше.

Теперь немного арифметики. В 2017 году ВВП Германии составлял 3,677 триллиона долларов при населении 82,79 миллиона человек. Делим одно на другое и получаем, что на одну немецкую душу приходится 44 400 долларов. Прделаем ту же самую операцию для России. ВВП России в 2017 году составлял 1,578 триллиона долларов при населении 144,5 миллиона человек. Это значит, что на одну российскую душу приходится 10 900 долларов, то есть в четыре с лишним раза меньше, чем на душу немецкую. Вот что значит производство и немцы, которые там работают. Ведь доходов от добывающих отраслей у немцев практически нет, всё заработано головой и руками.

В Испании, находившейся в 2017 году в рейтинге ООН по уровню жизни на 20-м месте, на душу населения приходилось 28 100 долларов, то есть в 2,6 раза больше, чем в России.

Нашему правительству не позавидуешь. Слова упомянутого ранее А. А. Бубликова, сказанные им в 1917 году, сегодня звучали бы так: “Как ни распределять, но когда на душу населения приходится всего 10 900 долларов, то нищета не устранима. В лучшем случае, можно преуспеть в том, чтобы сделать нищими богатых, но обогатить распределением массы – невозможно. Против таких мечтаний – арифметика”. Ни нефть, ни газ проблему повышения уровня жизни народа до значения, которое его бы удовлетворило, решить не в состоянии. Нужно поднимать производство и ликвидировать отставание от передовых стран. “Либо мы это отставание ликвидируем, либо нас сомянут...” Знакомые слова, не так ли?

Произойдёт это по уже известному сценарию. Уровень жизни населения в стране снижается уже почти 10 лет, протестные настроения растут, число граждан, недовольных своим положением, увеличивается, раньше или позже оно достигнет критического значения. Социальное неравенство увеличивается, сословные привилегии становятся фактом, разрыв между богатыми и бедными растёт. На этом фоне активизируются противники нынешней власти, готовые в любой момент прийти ей на смену. Они подогревают протестные настроения, умело акцентируя внимание простого народа на ошибках действующей власти. Как результат, народ потребует смены правящей элиты и не станет её защищать. Народ поддержит противников нынешней власти лишь только потому, что это будут новые лица. Далее последует передел собственности, паралич власти, хаос в экономике, парад суверенитетов и многое из того, что мы видели в 1991 году.

Непростое международное положение России, провальная внешняя политика, результатом которой является отсутствие у нас союзников, которые могли бы нас поддержать в международных организациях, оптимизма не добавляет. К этому добавляется настоящая информационная война, которую ведут страны Запада против России. Противопоставить этому можно лишь один аргумент. Этот аргумент называется сила, и мы должны стать сильными. Энергетическая сверхдержава – это экономический тупик, куда Россию умело направляют наши “партнёры”, а по сути, – враги. Мы миллиарды буквально закапываем в землю, вкладываем огромные средства в один поток, в другой, в третий, мы снабжаем наших врагов энергоресурсами, мы развиваем их производство вместо того, чтобы развивать производство собственной. Мы сами делаем Россию страной третьего мира.

Но жить в такой стране наш народ не согласится, он потребует правительства, которое обеспечит ему приемлемый уровень жизни. Каким будет этот уровень, народ решит сам. И рано или поздно, он такое правительство получит. С другой стороны, правительство и правящая элита не могут не понимать нестабильность своего нынешнего положения. Оно и не может быть стабильным в нестабильной стране, а страна третьего мира, куда Россию толкают, по определению стабильной не является. Здравый смысл говорит: чтобы сохранить страну и себя, правящая элита и народ должны объединиться и сотворить очередное экономическое чудо.

И помочь в этом нам могут, прежде всего, немцы, большие мастера по части чудес. Да и сами мы тоже не лыком шиты и по части чудес могли бы с немцами потягаться. Но в нынешней ситуации именно немцы должны стать нашими стратегическими партнёрами. Китай не может быть нашим стратегическим партнёром уже только потому, что ему Россия с её населением просто не нужна, ему своих людей некуда девать. Ему нужны наша территория и наши ресурсы. А Германии, помимо территории и ресурсов, нужны и люди. Правда, чтобы стать нужными немцам, мы и сами должны стать хотя бы немногими немцами. Может быть, именно это и имел в виду генерал Ермолов, когда просил царя *произвести его в немцы?*

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ВИХРИ РУССКОЙ МЕЧТЫ

Что есть русская мечта

Божественная вертикаль

Осетинская мечта... Где её тайный чертог?

Беслан. В этом слове – взрыв. 200 растерзанных детских тел. Грохот пулемётов и танков. Офицеры спецназа, падающие от пуль террористов. Рыдание матерей. Стенание Осетии, слёзные вопли по всей России. 1 сентября 2004 года школу в Беслане захватили террористы, взорвали её, превратив этот день в чёрную, наполненную кровью дыру.

Я иду по огромному, печально величественному кладбищу на окраине Беслана, где погребено 380 погибших при теракте людей. Бью в гулкий, долго не смолкающий колокол, гляжу на ряды бесчисленных мраморных надгробий. У каждого – цветы, крохотные пластмассовые ангелы, горят светильники, склоняются женщины в чёрных одеждах. И люди один за другим входят в это святилище, именуемое Городом ангелов, ибо души детей, по вере осетин, превратились в ангелов и улетели на небо.

Тот страшный удар террористов был направлен в сердце России, в сердцевину государства Российского, хотел сломить, подавить, лишить его чести, замедлить или остановить рост молодого, ещё хрупкого, государства. Удар приняла на себя Северная Осетия. Этот удар страшной тьмы погрузился в плоть осетинского народа, вонзился в самое дорогое – в детей. И там, среди разорванных детских тел, иссяк и остановился. И это – горький мучительный вклад осетин в становление государства Российского.

Через четыре года грузинские танки напали на Цхинвал. В Южной Осетии началась кровопролитная, неравная по своим силам война. Грузины стирали с лица земли селения, убивали жителей, хотели очистить территорию Южной Осетии от непокорных жителей. Осетины отбивались от танков, взывали о помощи. И помощь пришла. Сквозь Рокский тоннель бронегруппы 58-й российской армии вошли в пределы Южной Осетии и разгромили карателей. Южно-осетинский народ был спасён. Государство Российское всей своей мощью встало на защиту осетин. И это было грозным свидетельством того, что Осетия и осетинский народ невозможны без государства Российского, а государство Российское неполно без изумительной и прекрасной Осетии.

В Беслане повторилась библейская трагедия – избиение младенцев, когда злодеи искали Христа, чтобы Его убить, а вместе с Ним погасить вселенский свет. Террористы, атаковавшие школу, тоже хотели убить вселенский свет, вселенскую красоту, но промахнулись. И свет обернулся против них вездесущим. Все захватившие школу террористы были истреблены. Вслед за ними были истреблены и те, кто хотел превратить Кавказ в кровавую бойню.

У Города ангелов есть свой хранитель – немногословный, с печальным лицом Касполат Рамонов. Он потерял во время теракта любимую дочь. Теперь он страж, охраняющий покой усопших детей, жрец, поставленный осетинским народом в этом святилище. Он сказал мне, что сразил из своего оружия одного из террористов, искал среди растерзанных тел свою дочь, испытывая нестерпимую, смертельную боль. Жил, желая отомстить, вырезать до девятого колена весь род террористов. Но с годами боль превратилась в постоянное тихое моление. Ненависть сменилась недоумением, непониманием того, как в этом волшебном мире может присутствовать абсолютное тёмное зло. И теперь его ничего не интересует, кроме этих надгробий, кроме ухода за могилами. А единственное наслаждение – это возможность делать людям добро.

От той трагической Первой бесланской школы остались только руины, к которым стекаются на поклонение люди, зажигая поминальные свечи. А по соседству построена новая великолепная школа, и туда перешли доучиваться те, кто уцелел во время страшного взрыва. Теперь в этой школе создан музей, который хранит учительница истории Надежда Гуриева. Она потеряла во время взрыва двоих детей. Снимок её убитой дочки, с маленьким крестиком в руке, обошёл весь мир. Сама Надежда была ранена в голову, чудом выжила и теперь создала музей, собирая в него свидетельства тех ужасных событий. Классы, где сегодня учатся дети, получили имена героев-спецназовцев, погибших при штурме. Школьники каждый год принимают у себя соратников, друзей и родных тех погибших героев. Многие закончившие школу ученики становятся офицерами, мечтают служить в спецназе.

В этой школе мне показали стену, на которой дети нарисовали огромную фреску. На этой чудесной, как и все детские рисунки, фреске изображён рай. Волшебные деревья, диковинные цветы, птицы, добродушные львы. Эта райская фреска, писанная детскими руками, закрывает чёрную дыру, из которой вырвался ад, запечатывает эту дыру. И дети-мученики, как и Тот, Кого искал царь Ирод во время избияния младенцев, совершают свою высокую мистическую жертву, преодолевают ад.

Круглые осетинские пироги с картошкой, с мясом, с сыром, с мелко нарезанной свекольной ботвой подаются к любому застолью. Их всегда три. Они – не просто еда. Это космические символы, которым с древних времён поклоняется осетинский народ. Верхний пирог символизирует солнце, нижний – землю, а средний – воду. Три вселенские стихии, находящиеся в великой гармонии, из которой проистекли все остальные явления мира, в том числе человеческая жизнь. Осетины, собираясь на застолья, совершают молитвословие. Каждая трапеза становится для них поводом восславить великого всевышнего Бога, поблагодарить за добро и милость покровителя осетин Святого Георгия, соединиться за этой трапезой в любящую, почитающую друг друга общность. Пока творится молитвословие и старший за столом с серьёзным, обожающим лицом воздаёт хвалу мирозданию, эти осетинские пироги являются образами космического благополучия и гармонии, которую осетины пытаются привнести в свои трапезы, в свои погребения, в свои рождения и свадьбы.

Осетинские пироги готовятся в небольших пекарнях, где пылают огненные печи, и женщина в белом платке раскатывает белоснежное тесто, умащает его сыром или картофелем, кладёт на сковородку и помещает в зев раскалённой печи. Огонь проникает в тесто, совершается таинство, и это тесто становится тем, что в Православии называется просфорой.

Осетины протестуют, когда их называют язычниками. Они считают себя православными. Они ставят храмы, алтари, соблюдают православные праздники. Христианство пришло в Осетию без насилия, гармонично, оно всплыло из недр осетинской жизни, всплыло, увлекая за собой космический культ солнца, земли и воды. В Аланском Свято-Успенском монастыре настоятель отец Стефан угощал меня волшебными пирогами и чудесным осетинским сыром, который изготавливают в монастыре. Монастырь прекрасен, он сложен из смуглого горного камня, словно гора, двигаясь и сдавливая друг друга, выдавили этот монастырь из своих глубин. Монастырь пророс сквозь горы, устремлён своими главами и крестами в лучезарное пространство небес.

Мы беседовали об осетинской мечте. И отец Стефан объяснил мне, что Осетия не богата пригодной для земледелия пашней. Слишком много в ней неприступных отвесных гор и скал, слишком мало прочной земли под ногами. И поэтому осетинская мечта направлена ввысь – туда, где среди горных вершин есть простор, куда манит её бесконечность. Осетины думают, чувствуют, духовно живут в вертикали. Эта вертикаль божественна, ибо там, где она превращается в бесконечность, живут ангелы, растут райские цветы и деревья, нет насилия, нет смерти, а только жизнь бесконечная, в которой осетинская мечта обретает свою божественную природу.

Осетины – великолепные воины. Среди них множество героев Советского Союза. Есть сегодняшние герои – Герои России. Осетины гордятся своими генералами, своими прославленными борцами, своими чемпионами мира, гордятся футбольным тренером Станиславом Черчесовым. И гордятся строителями великих советских заводов и научных центров. Осетины, берегущие свои аланские древности, свои восхитительные таинства и традиции, не затворяют себя в архаических формах. Для них история – это не прошлое, а настоящее и будущее. Они восприимчивы к явлениям современной цивилизации, стремятся одухотворить её, найти в ней место своим волшебным преданиям.

Осетию не обошёл чудовищный разгром 1991 года, когда радениями реформаторов был уничтожен цвет осетинской электронной промышленности, цвет осетинской университетской науки и технологии. Быть может, эта пустыня, наполненная обломками оборонных заводов и закрытых КБ, осталась бы и по сей день пустыней, если бы среди осетин не нашлись герои и подвижники, которые сберегают ценности цивилизации так же, как их коллеги сберегают ценности древности. Усилиями и нечеловеческими трудами осетинского учёного Сослана Кулова была сбережена малая “молекула” мощного технологического центра, занимавшегося оптическими технологиями. Эта “молекула” была защищена, подхвачена, из неё выросло молодое изысканное предприятие “Баспик”, получившее оборонзаказ, создающее новые технологии, с помощью которых производятся прицелы ночного видения, ночные бинокли. Без этих технологий, без изделий предприятия невозможны современные вертолёты, самолёты, морские суда. Изделия этого предприятия воюют в Сирии, плавают на российских кораблях в Средиземном море.

А вот другое предприятие – “ФАТ-АГРО”, оно использует современные биотехнологические методы для выращивания семенного картофеля. Основная масса семенного картофеля в Россию завозится из-за границы. И на эти семена хозяйства и фермеры, производящие картофель, тратят немалые деньги. Здесь, в Осетии, семена картофеля не подвержены заболеваниям, они устойчивы к бактериальным заражениям.

Из стебля проросшего клубня под электронным микроскопом добывается одна или две живых клетки. Их помещают в пробирку, в живительный раствор. Из этих клеток выращивают хрупкое, тонкое растение. Всё лабораторное помещение наполнено бесчисленными пробирками, в которых зеленеют хрупкие побеги. Их высаживают в горшки с землёй, где они вырастают во взрослые картофельные кусты, плодоносят, давая до двух десятков клубней. Эти клубни увозятся высоко в горы, туда, где царит стерильная среда, где горное космическое излучение уничтожает зловерные микробы. Там этот картофель высаживается, и снимается урожай. Клубни этого урожая вновь сажаются в землю, но уже ниже по склону, ближе к долинам. Урожай, прошедший несколько этапов схождения с гор, собирается и, стойкий к заболеваниям, лишённый бактерий, отправляется фермерам в Россию и даже в Европу. Эту картофельную “одиссею” поведала мне очаровательная Ирина Карданова, заведующая биотехнологической лабораторией.

А в горном ущелье набирает силу строительство огромной Зарамагской ГЭС. Сквозь гранитные горы проложены тоннели, ставятся турбины, возводятся современные гидрологические комплексы с учётом сейсмических свойств Кавказских гор, с учётом грунтов, которые, не дай Бог, будут подвержены размыванию и обернутся оползнями или селями. Эта стройка является современным, авангардным объектом Осетии, переводящим её на новый цивилизационный уровень.

Одна из ветвей Прохановых берёт своё начало во Владикавказе. На Кавказ из Тамбовской губернии пришли молокане и основали здесь русские молоканские поселения. Осетины приняли их в свою среду, побратались с ними. Молокане занимались здесь строительством домов, торговлей, промыслами. И мне во Владикавказе показали кирпичный дом, построенный моим прадедом Степаном Прохановым. Встреча с этим домом, вид его обветренных кирпичей, блеск его окон были для меня потрясением. Туманная тень моих предков выросла, овеществилась, наполнила меня волнением, слёзной любовью, благодарностью к тем людям, которые живут теперь в прадедовском доме. Три семьи, сберегающие этот дом, встретили меня во дворе, накрыли столы, угощали всё теми же ритуальными пирогами, поставили огромное блюдо с варёным говяжьим мясом, из которого торчали три окутанных паром ребра. Дом стоит на берегу Терека. Степан Проханов запустил первую во Владикавказе водяную турбину, вырабатывающую ток. Этим током вращались жернова его мукомольни. Из муки, которая высыпалась из-под тех жерновов, выпекался хлеб и всё те же осетинские священные пироги. Во дворе дома сохранилась стена, в которую вмурованы разноцветные валуны, взятые с берега Терека. Мои предки сложили эту стену. Я подошёл к ней, касался её лбом, целовал, прикладывался к ней, как к чудотворному образу.

Осетинская мечта... Где её тайный чертог? В белоснежном тесте мистического осетинского пирога, который лижет благословенный огонь печи? Или в хрупком растении, которое нежно зеленеет в стеклянной пробирке? В каменных розовых бусах, которым больше тысячи лет и которые извлечены археологами из земли на месте древнего поселения? Осетинская мечта, она уловима, выразима? Маячит ли она в будущем или посылает свой свет из прошлого?

Осетинская мечта, как и всякая другая мечта, трудно выразима, быть может, невыразима вовсе, ибо она касается возвышенных состояний души, является надеждой на высшее, божественное поведение людей, надеждой на богоподобное человечество. Бог присутствует среди нас, но Он невидим. Он везде и нигде. Он имеет имя и безымянен.

Музыка великого осетинского дирижёра Гергиева выявляет сущность осетинской мечты в могучем взмахе его крылоподобных рук, хрупком сверкании его дирижёрской палочки, в огненных тёмных глазах под вздытыми грозно бровями. Его музыка — это эпос, это бескрайность океана, это великая буря мироздания, это сотворение мира, падение царств и народов в пропасть, воскрешение из мёртвых. Гергиев — великий вселенский музыкант. Его родила Осетия, взрастила своего ненаглядного сына. Осетия передала Гергиева великой российской культуре, где он занял величественное, неповторимое место. И отсюда, с русского пьедестала, он шагнул в мир, стал мировым явлением, стал оплотом великих надежд, которые зреют среди изнурённых народов.

Гергиев — это долгожданный “большой стиль”, в котором так нуждается молодое государство Российское. Пока что этот стиль не выражен в граните и бронзе, к нему ещё не подступил скульптор и архитектор, но этот большой стиль уже возник в музыке Гергиева. В Сирии, в разгромленной Пальмире, в античном амфитеатре, окружённый победоносными суровыми русскими воинами, среди пылающих городов и ревущих штурмовиков Гергиев дирижировал оркестром, славил победу, закрывал глаза усопшим и убитым на поле брани, молил Господа, чтобы Тот снизошёл на землю, раздвинул своими божественными руками армии избивающих друг друга людей. Концерты Гергиева, которые он давал в обугленном Беслане, где ещё не просели могилы погибших в уличных боях осетин, и этот концерт в Сирии делает его провозвестником будущего. Слушайте концерты Гергиева, и вы угадаете осетинскую мечту, которая сливается с русской мечтой, а та сливается с мечтой всего человечества.

Владикавказская филармония расположена в здании старинной кирпичи со шпилем и крестом. Усилиями Гергиева она превращена в филиал петербургского Мариинского театра. Здесь ставятся оперы, даются концерты. Когда Гергиев приезжает во Владикавказ, на свою родину, он собирает полные залы обожающих его слушателей. Я слушал в этой филармонии народный хор, которым управляла хормейстер Ольга Джанаева. И как прекрасны были народные осетинские песни о косцах, которые на склоне крутых гор косят сено, о могучих доблестных воинах, о нарядных и радостных свадьбах. И в какой-то момент среди гудящих басов, под лёгкие взмахи хормейстера я вдруг почувствовал,

как вибрации мира захватили меня, подняли ввысь, и я вместе с певцами, вместе с моим родовым домом, с горными водопадами, с разноцветными камнями полетел ввысь, сочетаясь любовью и восхищением с этим прекрасным народом.

С главой республики Вячеславом Зелимхановичем Битаровым мы говорили всё о том же – об осетинской мечте. А о чём ещё можно говорить с правителем, которого народ выбрал для того, чтобы тот умел собрать таящиеся в каждом сердце мечтания, соединить их в творческое, направленное на народное благо деяние? Вячеслав Битаров сказал, что осетинский народ давно, навсегда и необратимо связал свою судьбу с великим русским народом. Осетинская мечта о достойной, благородной справедливой жизни включает в себя мысль о неразрывности связи с Россией. Эта связь двух народов проверила себя среди великих испытаний, среди побед, помогая осетинам выстоять и продлить своё существование в историческом времени.

Русский народ является государствообразующим народом России. Он самый многочисленный, его культура огромна, его подвиги безмерны. Но и все остальные народы нашей державы, включая осетинский, является государствообразующими. Они держат над собой свой космический свод, поддерживают его своей божественной вертикалью, не давая этому своду осыпаться и упасть. Как невозможна Осетия без всей великой России, так и вся Россия будет неполной без Осетии. Об этом говорит и думает глава республики среди бесчисленных хлопот, в которые погружён сегодня осетинский народ. И глава республики в своих выступлениях, в общении с людьми стремится тронуть глубинные коды своих соплеменников, чтобы их оставили уныние и печаль, и они по-прежнему пребывали бы в мечтаниях, стремились к благу, справедливому обществу, направление которого указывает дирижёрская палочка великого Гергиева.

Я отправился в Южную Осетию через перевалы Кавказского хребта, туда, где десять лет назад гремела война, и Россия в кровавом бою отстояла свободу и независимость осетин, спасла их от истребления. По пути я заехал в Священную рощу, в рощу света, как называют её осетины. Среди величественных деревьев, где каждое излучало таинственный чистый свет, вместе с моими осетинскими друзьями мы посетили святилище, в котором вознесли хвалу великому Богу и просили Святого Георгия сопутствовать мне в странствии.

По дороге среди водопадов и гор я остановился у великолепного памятника изумительному осетинскому поэту, имя которому Коста Хетагуров. Он стоял, закутавшись в каменную бурку, и взирал на дорогу, по которой столько веков двигались нашествия, брели караваны, пылили паломники, богомольцы, незримо из конца в конец переносились великие идеи и верования. Я вспомнил изумительные стихи поэта: “Весь мир – мой храм, любовь – моя святыня. Вселенная – отечество моё”. Так думал поэт Хетагуров, великий осетинский мечтатель.

ВСАДНИК НА ВОЛШЕБНОМ КОНЕ

Беседуют главный редактор газеты “Завтра” Александр ПРОХАНОВ и Глава Республики Северная Осетия-Алания Вячеслав БИТАРОВ

– Вячеслав Зелимханович, после прошлого визита в вашу прекрасную республику моё сердце постоянно влекло меня сюда. И на этот раз мой визит глубже и интенсивнее, потому что мне хотелось бы со своей русской лексикой, со своим представлением о мире угадать осетинскую, аланскую сущность. Это непросто, потому что каждый народ – тайна. Более того, мне кажется, что каждый народ – тайна для себя самого. И вся история народа – это разгадывание тайны о себе самом. На это назначены музыканты, поэты, художники, политики. И мне бы хотелось сегодня поговорить об осетинской тайне.

— Я вам очень благодарен, Александр Андреевич, что вы так по-доброму, возвышенно после посещения Осетии написали о нашей республике. Ваша статья о ней у меня всегда на столе: приятно порой перечитать, как вы с особой теплотой сказали о республике.

Та ревизия истории, изменение фактов истории, что после развала Советского Союза совершается в мире, коснулось и нашей маленькой республики. Мы чтим своих героев. И тех, кто в прошлом совершил боевые и трудовые подвиги, и ныне живущих. Они своими славными делами и подвигами прославляют нашу большую Родину и нашу малую родину. Но кое-кто пытается провести ревизию и опровергнуть эти славные дела. И очень важно, что такие, известные всей стране и миру люди, как вы, приезжают к нам и говорят правду о республике.

— **Вы правы, историю переписывают. И надо понять всё свершившееся. Ведь даже события 2008 года ещё до конца не поняты и самими осетинами. И те трагические события с годами будут всё более и более раскрываться, как бутон цветка.**

Меня на этот раз в Осетию привела какая-то тайная, может быть, даже не до конца мне ведомая сила. Вот уже несколько месяцев я двигаюсь по России, переезжая из одной её земли в другую, из одного региона в другой, от одного народа к другому. И хочу отгадать тайну, которая содержится в судьбе и истории всех народов, всех пространств, из которых состоит наша держава, наша великая империя. Эту тайну я условно назвал мечтой. Потому что каждый народ по-своему — мечтатель. У него впереди маячит волшебная цель, огромная задача, которую он, может быть, не всегда формулирует, но эта задача позволяет народу перескакивать через пропасти, преодолевать чудовищные препятствия, преграды, совершать величайшие открытия, создавать невероятные ценности. И мне хочется понять, в чём наша российская державная мечта и как она складывается из мечтаний отдельных, составляющих нашу Родину народов, земель, территорий.

Алания, Осетия — это огромная таинственная страна. Её начало теряется во временах сотворения мира. Каждый осетин — это всадник на волшебном коне. И, может быть, конь, который скачет на трёх ногах по великим пространствам осетинской истории, он и есть выражение вечно незавершённой, несущейся истории. В чём она, осетинская мечта? Как вам, осетинам, она мерещится? Это я хотел бы услышать и от вас, и от всех дорогих моему сердцу осетин, с кем я встречаюсь.

— За несколько месяцев вы смогли объехать только несколько регионов нашей огромной России. У нас необъятная страна с разными народами, с разными культурами, языками. И если касаться осетинской мечты в рамках совместного проживания в нашем государстве, на нашей общей Родине, то вы ещё в предыдущий приезд в республику говорили, что такое русская мечта. Храм на холме! И осетинская мечта — быть частью этого храма на холме и так же достойно участвовать в духовном развитии всех российских народов, внося свой вклад.

Это глобальная мечта нашего народа. Она обусловлена тем, что мы прекрасно понимаем: благодаря русскому народу, благодаря российскому государству наш народ преодолел те критические события, одолел невзгоды и лишения, которые были в истории Алании, в истории нашего народа, в истории Осетии. Такие события случились и в современной истории: это бесланские события, события в Южной Осетии. Да и многое другое преодолевалось благодаря России, благодаря русскому народу. И наш народ всё это помнит, знает и ценит.

Мы попросту переплелись с русским народом, который здесь, на территории республики исконно проживает. Есть много русских населённых пунктов, и там русские совместно проживают с разными народами. И сегодня вообще невозможно предстать, что можно отделиться, быть не в составе российского государства или не быть настолько переплетёнными с русским народом. И это единство, сплочённость, общность позволяли не только уберечь наш народ в течение всей его истории, но и благодаря русской культуре наш народ получил развитие своей культуры. И, наверно, поэтому много представителей

нашего народа сегодня уже представляют огромную страну на просторах земного шара. Думаю, что это и есть наша мечта: чтобы так было и дальше, чтобы наша жизнь развивалась совместно с русским народом и со всеми народами, которые проживают в нашей огромной стране.

А если говорить о мечте сугубо нашей, осетинской, если рассуждать, чего внутренне желает народ, то конечно же, мы мечтаем о том, чтобы, будучи в составе России, обогащаясь её культурой, сохранить свою идентичность, чтобы мы не потеряли свою культуру, свой язык и все те признаки, которые отличают нас от других народов и национальностей. На территории Республики проживает 99 национальностей. И сегодня мы не представляем себя без кого-то из тех народов, которые исконно на территории Республики уже многие столетия проживают, взаимно дополняют друг друга и обогащают культуру нашего народа.

— Я убежден, Вячеслав Зелимханович, что, хотя утверждают, что русские являются государствообразующим народом (и это так, конечно), и все народы России тоже являются государствообразующими. Не представляю, как существовало бы сегодняшнее государство Российское без Осетии. Потому что Осетия держит над собой свой участок звёздного неба, и если она выпадет из восхитительной мозаики нашего государства, то начнётся цепная реакция разрушения не только на Кавказе. Это разрушение может дойти до Якутии, до северных пределов. Поэтому у Осетии, как и у всех народов, огромная государствообразующая миссия.

Я был в Городе ангелов, где покоятся погибшие в бесланской трагедии, и меня одолевали мучительные, горькие переживания, потому что это такая вселенская трагедия! Это как избиение младенцев в библейские времена. Ничего не может быть страшнее. Но я подумал: тот чёрный удар был направлен в сердце России, он должен был сокрушить государство Российское, сломать волю лидера, посеять панику и тоску в нашем народе, должен был сломать волю молодого государства Российского к созиданию. А Осетия приняла на себя этот удар. Причём этот удар пришёлся по самому драгоценному, что у неё есть, — по осетинским детям. И там удар иссяк. Во время этого злодеяния, во время этого взрыва удар, направленный в сердцевину государства, задохнулся и иссяк в крови, в слезах и стенаниях. И в этом смысле Осетия в те годы спасла государство Российское. Осетия встала на рубеже и спасла ещё слабое государство.

А в 2008 году, когда над осетинским народом на юге нависла угроза тотального истребления, и Осетия взывала о помощи, то наша держава откликнулась на этот зов, прошла своими танками 58-й армии сквозь Рокский тоннель и отбросила этот чудовищный удар, направленный на осетинский народ. То есть за короткий промежуток времени — 2004 и 2008 годы — мы ещё раз подтвердили свою неразлучность, свою незыблемость и скрепили этот договор слезами, кровью, а также мечтой о великом искуплении, о великом избавлении. Мне кажется, что вся современная история Осетии подтверждает наши связи, о которых мы говорили: Россия как держава и её элемент — Осетия, и Осетия как хранитель, как страж государства Российского.

— Да, Россия неоднократно спасала Осетию. Именно благодаря России наш народ продолжает жить и развиваться. И в то же время вы отметили, что и Осетия вносила и вносит свой вклад в развитие России, в сохранение целостности и государственности России. Всегда считалось, что Осетия является форпостом России на юге страны. Это действительно так даже и чисто географически, потому что через нас проходит дорога в Закавказье. И в самые тяжёлые времена для России, в 1990-е годы, Осетия также брала на себя простую роль форпоста России здесь. Многие офицеры, боевые генералы, вспоминая те страшные 1990-е годы, говорят, что как только они пересекали границу Осетии, они чувствовали себя дома. А те боевые действия, противостояние бандитам, вёл наш простой народ, который прекрасно понимает, кому мы обязаны жизнью, понимает, что и на нас лежит общая ответственность за целостность и безопасность нашей Родины. Конечно, хотелось бы, чтобы не в таких делах, как бесланские события и события в Южной Осетии, приходилось нашим народам доказывать друг другу свою преданность, братство,

проявлять взаимоуважение. Хотелось бы, чтобы мы подтверждали своё братство успехами достойных представителей нашего народа в спорте, науке, культуре. Но, к сожалению, те силы, которым целостность России, её сила, её возрастающая роль не дают покоя, совершили те злодеяния. И сколько бы лет ни прошло, невозможно забыть ту трагедию, что произошла в Беслане. Это всегда будет оставаться болью для нашего народа и для всех народов России. И мы благодарны всей России, что разделила нашу боль. И мы помним, чтим не только память погибших детей, но и сотрудников отряда специального назначения, которые сложили здесь свои головы, освобождая наших детей. А те, кто остался жив, они живут израненными и помнят эту боль. Конечно, Осетия – маленькая территория, маленький народ. Но я считаю, что, как и без других народов, которые живут в нашей стране, Россия не может без Осетии существовать, не может быть сильной и целостной. Так что полностью разделяю ваше мнение.

– Конечно, было бы хорошо, если бы в иных ситуациях, на других примерах, без слёз и трагедий мы доказывали свою нерасторжимость. Мне кажется, что таким примером является судьба и миссия Валерия Гергиева, великого осетина, который со своими музыкальными откровениями проделал мировой путь. Он, конечно, прежде всего, осетин, он плоть от плоти великой осетинской культуры. Но с какого-то момента он стал музыкантом всея Руси, вышел за пределы Осетии и стал общероссийской драгоценностью. А потом он перешагнул и эти пределы и стал мировым художником, мировым музыкантом. И его путь от осетина к державному русскому музыканту и всемирному, вселенскому дирижёру тоже рассказывает нам о вселенности осетин. Осетин не может быть заключён только в своём ущелье. Ведь была пора, когда он владел гигантскими пространствами. И если сейчас эти пространства сократились до небольшой территории, то духовно эти пространства остаются. И осетинский дух расцвёл в Гергиеве, как, может быть, ни в ком. Мне кажется, что триумфом Гергиева является концерт, который он давал на развалинах Пальмиры.

Пальмира – это памятник эллинизма, это эллинский амфитеатр. Это арена страшной бойни, что происходит на Ближнем Востоке, это соединение древности и современности. Туда пришёл со своей музыкой Гергиев и покрыл куполом своей вселенской любви и благодати все страдания и беды мира. Гергиев является примером проникновения наших народов друг в друга на плацдарме культуры и веры.

– Конечно, сегодня нельзя отделить Валерия Абисаловича от российской культуры и нельзя в то же время считать его только представителем российской культуры. И то, что он уже сделал и продолжает делать, будет оцениваться ещё долгие годы потомками не только в Осетии, в России, но и во всём мире, поскольку он стал вселенским музыкантом и получил высокую мировую оценку. Надо сказать, что его роль велика не только в культуре, она велика и тем, что он несёт в своей музыке: она объединяет народы. Его концерты были в Пальмире под звуки рвущихся снарядов, его концерт состоялся на площади в Южной Осетии, в Цхинвале после тех трагических дней пятидневной войны. Да и сейчас на площадях многих мировых центров, в Париже, в Лондоне своей музыкой он несёт мир и объединяющий народы дух. Наверное, этот дух сохранился у нашего народа ещё с тех пор, когда наши предки владели большими территориями и обладали ими благодаря своему развитию, мужественности, воинскому духу. И хотя территория сократилась, дух остался.

Республика гордится достойными представителями во многих областях – в культуре, в спорте, науке. И они уже не только представители Осетии, а это наше общее российское достояние. Тренер Станислав Черчесов возглавил нашу футбольную команду, думаю, он ещё внесёт свой вклад в развитие российского футбола.

Недавно в республику приезжали представители Вагановской хореографической школы. Они обратили внимание на наших детей, которые поедут учиться в балетную школу. То есть через русскую культуру наши дети получают возможность приобщиться к мировой культуре, и Осетия своими талантами пополняет сокровищницу нашей российской культуры.

– У русских есть поговорка “не красна изба углами, а красна пирогами”. Осетия красна своими пирогами. Осетинские пироги – это такая же

неповторимость, как народные песни, например. И мало того, что они очень вкусные, в них ещё заложена огромная философия: земля, вода, солнце. И пироги с этой космогонией появляются в каждой осетинской семье чуть ли не в каждое обеденное время. То есть каждый осетин, съедая пироги, говоря во время трапезы о бытовом, о сиюминутном, в то же время приобщается к космосу. И в этом смысле осетины – космический народ, космисты.

Ведь что символизируют эти пироги? Они символизируют космическую гармонию, символизируют идею мирового космического порядка. А мировой космический порядок, если это перевести на язык нашей социальности, – это справедливость. Космос устроен справедливо. Господь Бог – это символ справедливости. Поэтому осетины в своём застолье, в разговорах, на проводах в мир иной, на встречах по случаю рождения ребёнка всё время явно или неявно находятся в атмосфере философии справедливости. Вы, Вячеслав Зелимханович, абсолютно современный человек, политик, в недавнем прошлом бизнесмен. Вы связаны с управлением страны, народа в очень острый, драматический период нашей истории. Вы чувствуете себя едоком этих пирогов? Чувствуете лично свою божественную миссию в том, чтобы установить на земле порядок, справедливость?

– Скажу откровенно: с этой целью я и вступил в должность. Я никогда не представлял, что займу такой пост. Я выстраивал свой путь как предприниматель, и это было не просто зарабатыванием средств. Я хотел честно вести бизнес. Старался создавать что-то интересное, хотел, чтобы это были производства с применением современных технологий и чтобы были созданы достойные условия для сотрудников, которые вместе со мной выстраивают бизнес.

Я всегда стремился выстроить социально справедливый бизнес, чтобы те сотрудники, которые вместе со мной днём и ночью трудятся, имели достойные условия для работы и отдыха. Для этого строил дома, где предоставлял квартиры сотрудникам. На предприятиях есть своя бесплатная “скорая помощь”, врачебные кабинеты. Есть спортивные залы, бассейны, где наши сотрудники могут бесплатно заниматься. Я считаю, что это честный, социально справедливый бизнес.

И когда я оказался на столь высокой должности, то поставил для себя целью так же выстраивать работу и на новой должности – честно и справедливо. И, исходя из этой главной цели, стараюсь выстраивать свою ежедневную работу. Соответствующие требования я предъявляю ко всей своей команде, которая сформировалась и продолжает формироваться, обновляться, как и должно быть. И конечно, хочется, чтобы в команде были люди, которые разделяют эту позицию и хотят работать, исповедуя принципы справедливости. Ведь от этого зависят судьбы сотен тысяч наших граждан, их возможности воспитывать своих детей в атмосфере социальной справедливости, равной доступности бюджетных благ. Они, к сожалению, пока невелики и исходят из возможностей бюджета, но они должны быть справедливо доступны всем. Чтобы, независимо от социального положения и финансового статуса, каждый гражданин мог пользоваться этими бюджетными благами, воспитывать своих детей, обучать их, получать услуги здравоохранения. В этом я вижу свою главную цель и главное предназначение как руководителя своего народа. И когда я вступал в должность, об этом мне говорил президент России Владимир Владимирович Путин, он добавил: будет очень тяжело, но вы не забывайте, что у вас есть самая главная цель и самая главная благодарность, если вы сможете этого добиться, – это благодарность вашего народа. Поэтому выстраивайте свою работу, исходя из этого. Это были слова президента. Стараюсь руководствоваться ими. И на очередной встрече я об этом отчитался и получил дальнейшие напутственные слова, чтобы республика успешно развивалась.

– А какие конкретные планы, проекты, задачи перед вами стоят, чтобы эта осетинская мечта о божественной справедливости приблизилась, чтобы стала осязаемой? Мечта не достижима, потому что она божественна. А цель достижима. Какую конкретную цель вы ставите перед собой в республике?

– Основная цель – это улучшение жизни наших граждан. Для того чтобы этой цели добиться, надо решить массу организационных вопросов,

в частности, в бюджетно-финансовой сфере. И я считаю, что мы за два года добились этого: мы стабилизировали свой бюджет, практически на 40% увеличили доходы бюджета. Ведь для чего нужны финансы? Чтобы иметь возможность жизнь людей улучшать, увеличивая их доходы. И вот за 2 года мы этих целей добились: увеличили заработную плату в большинстве сфер бюджетной деятельности. Исходя, опять-таки, из возможностей бюджета, мы создаём максимально комфортные условия в среде обитания наших граждан: это и дороги, и окружающая среда, в частности, городская инфраструктура. Мы приступаем к основательному ремонту наших улиц, в частности, главной улицы нашей столицы – проспекта Мира, с которой началась история крепости Владикавказ. Хотим сделать нашу столицу привлекательной и для жителей, и для гостей, туристов. Строим больницы. В ближайшее время откроется четыре детских сада. У нас, к сожалению, пока существует очерёдность в детские сады.

Немаловажную роль в создании комфортной среды играет сохранение идеологии народа. И для государства российского необходимо, чтобы была выработана идеология на основе той мечты, о которой вы, Александр Андреевич, говорите. Необходима общероссийская идеология. И, исходя из общероссийской идеологии, формируется наша идеология.

Идеология нашего народа была выстроена и выработана нашими предками, которые владели большими территориями. И на этой основе сложилась их психология, видение мира и себя в этом мире, что они передали нам генетически. Это уважение младшего к старшему и старшего к младшему, уважение мужчины к женщине и женщины к мужчине, то есть принципы общественного жития, что нам необходимо. Эту идеологию нам надо сохранять и развивать, адаптируя к современным реальным условиям, но ни в коем случае не терять свою идентичность, конечно, в составе великого государства. Если нам удастся всё это объединить, воплотить, тогда, думаю, это будет успешной дорогой к достижению той цели, о которой вы сказали, – справедливости.

– **Мы смертны, нас одолевают заботы. А вас как руководителя одолевают заботы, может быть, в большей степени, чем других граждан, потому что вы должны заботиться не только о своих близких, но и о народе в целом. Забот не счесть. А времена сейчас трудные. Нашу страну обложили со всех сторон. Народ беднеет, у некоторых людей опускаются руки, кое-кто начинает роптать, у тех, кто вчера проявлял энтузиазм, сегодня возникает уныние. И задача руководства страны в целом или республики, района – не допустить, чтобы у людей руки опустились. Нужно коснуться каких-то глубинных кодов внутри человека, чтобы разбудить ту мечту, о которой мы говорили, и чтобы мечта позволила людям перейти этот трудный перешеек, чтобы она убедила людей, что трудности временны, а впереди – лучезарная звезда. Вам, Вячеслав Зелимханович, приходится постоянно выступать в СМИ, на встречах, митингах в дни торжеств. С чем вы обращаетесь к народу своему в период затруднений, огорчений? Какие слова находите?**

– Прежде всего, хочется опираться на историю. В жизни нашего народа было много трудных отрезков времени, и всегда народ успешно их преодолевал. Преодоление этих трудностей объединяло и сплачивало народ. Исходя из нынешних трудных реалий жизни, народу также необходимо спланиваться, чтобы вместе преодолеть трудности. Только сплотившись внутри республики, сплотившись в государстве воедино, независимо от национальности, вероисповедания, сплотившись вокруг нашего президента, мы сможем преодолеть трудности. И это должен каждый понимать, потому что, только осознав это, мы сможем с трудностями справиться. И я не только обращаюсь к людям с этими призывами, но стараюсь подкреплять слова своей собственной деятельностью, каждодневной работой. Считаю, что только это объединение и сплочённость позволят нам выстоять и двигаться вперёд. Но для этого народ должен быть уверен и ощущать, что это не просто призывы и не только слова, но и реальная деятельность руководителя региона и руководства республики в целом.

– **Спасибо за беседу, Вячеслав Зелимханович. Она меня вдохновила и укрепила в моих исканиях, моих представлениях. Я после нашей с вами беседы продолжу странствия по Осетии. Хочу побывать в горах, посмотреть на ваш удивительный аскетический, каменный, смуглый**

первозданный монастырь. Такое ощущение, что в нём зарождалось христианство. Мои предки, молокане, которые были гонимы, находили в Осетии приют. И я очень благодарен осетинам за это, благодарен вам за такое душевное приятие.

– Так получалось, Александр Андреевич, что, находя приют в Осетии, люди потом развивали республику, развивали народ, который оказал им гостеприимство. Ваши предки были здесь известными предпринимателями, обеспечивали людей мукой, хлебом. Это и есть пример взаимопомощи и взаимного развития наших народов. И те 99 национальностей, которые у нас живут, дополняют и обогащают друг друга. И без какого-то из этих народов уже не будет той республики, которая сегодня даёт миру достойных людей.

– Давайте договоримся, что следующая наша встреча будет проходить в Священной роще. Мы накроем столы и будем есть осетинские пироги, пить осетинское домашнее вино во славу Осетии и России. И подтвердим, что мы неразлучные братья.

– Я хочу пригласить вас к нам в очередную поездку и предлагаю вместе посетить мою малую родину, где я вырос, где в своё время зарождалась промышленность нашей республики.

– Принимаю приглашение, и в следующий раз хочу попросить предоставить мне для поездки не машину, а вашего волшебного осетинского трёхногого коня.

Люди Бога

Осетинская мечта совпадает с русской мечтой

Продолжая странствие в поисках мечты, двигаюсь в Южную Осетию. Громадные, следующие одна за другой горы в косматых лесах, гремящие по зелёным ущельям студёные реки. А за ближними горами, за белыми облаками – сверкающие мистические пики. Там Грузия, Чёрное море, далёкие Турция и Иран – Ближний Восток, вечно кипящий и беспокойный.

В моём автомобиле я прокалываю Кавказский хребет, мчусь сквозь громадную гору по Рокскому тоннелю, по многокилометровой скважине, соединяющей Северный Кавказ с Закавказьем. Этот тоннель – элегантный, ухоженный, в лунном блеске уходящих вдаль светильников, под которыми сверкают и проскальзывают, как рыбы, дорогие автомобили. А тогда, в 2008-м, когда бронеколонны 58-й российской армии торопились на помощь в Цхинвал, и грузинские установки залпового огня жгли университет, театры, церкви, истребляли российских миротворцев, тогда этот тоннель, забитый броневиками и танками, угрюмо гудел. И от запаха горелой солянки невозможно было дышать.

Эта стальная струя изливалась из тоннеля, машины строились в боевые порядки, мчались в Цхинвал, прорывая блокаду грузин, с ходу вступали в бой. Выход России в 2008 году сквозь Рокский тоннель в Закавказье – это громадный геостратегический рывок. Государство Российское, возрастая, одолевало свою слабость после страшного разгрома 1991 года. Эта крохотная война была переломной в судьбе государства Российского, которое впервые после стольких лет унижения, отступления, слабости, теряя территории, населённые соотечественниками, откатывалось всё дальше и дальше от своих традиционных имперских границ. Невозможно забыть дни тоски и унижения, когда на глазах у России американцы бомбили сербов. Те зывали к России, умоляли о помощи, но Россия молчала: Россия была подранком, у неё не было политической воли и военной силы. Она позволила разгромить Югославию.

Грузия в 2008 году полагала, что Россия осталась прежней, что она закроет глаза на гибель своих миротворцев, не придёт на помощь истребляемым осетинам. Это был роковой просчёт Саакашвили. Российские самолёты, взлетая из Моздока, били по грузинским танкам. Подразделения 58-й армии с тыла ударили по карателям, замкнули кольцо окружения и спасли Цхинвал. С этого момента начался перелом в сознании российского общества, в сознании российской элиты, в сознании российских военных. После выхода России сквозь Рокский тоннель в Закавказье, после помощи братьям-осетинам воссоединение Крыма с Россией казалось естественным.

Я приближаюсь к Цхинвалу среди восхитительных гор и садов. И сердце моё ликует. В Цхинвале, солнечном, многолюдном, среди нарядных домов, магазинов и ресторанов есть небольшой офис. Перед его входом, пропуская мимо торопливых служащих, громоздится уродливая ржавая танковая башня. Она вонзилась хоботом пушки в бетон и застряла там. Эта башня отлетела от грузинского танка, который атаковал защитников города. Кумулятивный снаряд угодил в бортовину танка, боекомплект сдетонировал, уничтожив экипаж. А башню взрывом подбросило, она пролетела по широкой дуге и вонзилась в бетон. Теперь это памятник победы, одержанной осетинами, символ поправа бессовестных и безжалостных агрессоров. Это образ краткосрочной войны, в которой вершилась история не только Южной Осетии, но и России.

У этой башни, касаясь руками её стальных острых кромок, я слушал рассказ участника той обороны Алана Джусоева о том, как грузинские танки вошли в город с трёх сторон, стреляли по университету, который не был военным объектом, а был символом осетинской культуры и науки. Агрессоры стремились вырвать с корнем истоки осетинского самосознания. Танки расстреливали покидавшие город легковые машины с женщинами и детьми. 200 защитников сами, безо всякой команды, выскакивали на улицу с гранатомётами, разбивались на группы и вставали на пути агрессоров. Погибали под крупнокалиберными пулемётами грузин, унося на тот свет экипажи подбитых грузинских танков. Почти два дня вели оборону. Уже сгорела база, где размещались российские миротворцы. Уже Саакашвили объявил о падении Цхинвала. И тогда полетели российские самолёты и ударили по грузинским колоннам. А потом пришли российские бронегруппы. И среди грузин началась паника: они бросали свою технику и бежали, как зайцы. А их отлавливали и свозили в накопители.

За остатками убегающей грузинской армии мчались русские бронегруппы, отступающих преследовали ополченцы из Южной Осетии. На помощь им пришли осетины с севера и чеченские батальоны. Грузин гнали до окраин Тбилиси. И ни один из грузинских батальонов не развернул своё орудие, не стал защищать свою территорию. Южная Осетия была спасена. И здесь, у границ России, был возведён российский военный оплот, укмплектованный самой современной техникой: танками, БТРами, самоходными гаубицами, вертолётами. Сгусток военной энергии и воли, способный предотвратить любую агрессию со стороны неуёмно стремящейся в НАТО Грузии.

Вот бывшая база российских миротворцев. Обугленные и разрушенные казармы, развороченные пулемётные гнезда. Скромный военный памятник, в основании которого — дот и две башни с боевых машин пехоты, развернувшие свои пушки в сторону Грузии. А Грузия рядом, вон за теми кустарниками. Оттуда в 2008 году били грузинские “Грады”, истребляя российских миротворцев.

После этого началась масштабная модернизация российской армии. Со всей остротой российские военные оценили угрозы, витающие над нашими границами. Заработали во всю мощь оборонные заводы. В армию пошли новые танки и самоходки. В небо взлетели новые штурмовики и истребители. Новые, небывалые по своим размерам и мощности лодки были заложены на “Северной верфи”. Новая российская армия может считать началом своего рождения ту кавказскую войну 2008 года.

Я помню разгромленный, обугленный Цхинвал. Мрачные, неосвещённые улицы, исхлётанные осколками фасады. Снаряды попадали в дома и школы. В церковь влетел снаряд и застрял в сердце ангела. Не было электричества, газа, горячей воды. Я вошёл в дом знаменитого осетинского филолога Нафи Григорьевича Джусойты. Он сидел в громадной домашней библиотеке за рабочим столом, заваленным рукописями, в тёплом пальто, в тёплой войлочной шляпе, накрытый пледом. Его коричневое стариковское лицо было спокойно, сосредоточено. Его негнущиеся, замёрзшие пальцы с трудом сжимали карандаш. Он переводил на осетинский язык стихи Пушкина. Мне казалось, что, соприкасаясь с духом великого русского поэта, он согревался этим духом: прозревали его невидящие глаза, наполнялось верой истерзанное страданиями сердце. С потолка капало. И Нафи Григорьевич накрыл целлофановой плёнкой драгоценные рукописи.

Сегодня Цхинвал — южный, радостный город. Всё те же маленькие домики с нарядными балконами, те же улочки, переулки, свисающие вниз виноградные

лозы. О войне напоминают только ржавая танковая башня и мемориальное кладбище героев во дворе школы, где их хоронили, потому что городское было занято грузинскими танками.

Прекрасен драматический театр, принимающий первых зрителей. Замечателен построенный заново медицинский центр с его кристаллическими, светлыми кабинетами с уникальной техникой. Заведующий отделением молодой врач Георгий Шавлохов с гордостью показывал драгоценный томограф, которого здесь никогда не выдввали. Чудесные рентгеновские аппараты, аппараты для диагностики. Всё это прислала Россия. Россия прислала и врачей, и медикаменты. Доктор сказал, что после войны наблюдалась вспышка сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний. Стресс войны, тяжёлые бомбардировки породили эти недуги. И теперь в больнице лечат последствия этой страшной войны.

В Национальном музее с великолепным античным фасадом собраны бесценные экспонаты, рассказывающие о культуре осетин, о древней культуре аланов. Директор музея Мераб Зассеев показывал мне сокровища бронзового века, изделия из драгоценных камней, извлечённые из старых гробниц. Он рассказывал о великой древней истории аланов, которые ведут родословную от пранародов, гнездившихся, как утверждают учёные, на Южном Урале, и оттуда несколькими реками стекавших в современные Индию и Иран. Аланы считают себя родственниками персов. Они двигались из этих древних священных мест на запад, прошли Кавказский хребет и влились в Европу, став родоначальниками современной европейской цивилизации. И только небольшой отряд этих аланских кочевников, попав на Кавказ, задержался среди ущелий и сложился в современный народ Осетии, сберегая свои бесценные предания и мифы.

Директор вёл меня вдоль замечательных картин, где художники изображали аланские традиции и нравы. Одна из этих картин поразила меня своим содержанием и аскетической манерой. На полу в сумрачной горнице стоят на коленях бородатые печальные мужи: они приползли сюда на коленях и понуро встали посреди комнаты. Это родичи одного из тех, кто совершил убийство. Теперь старейшины пришли в дом убитого, чтобы просить о прощении и избежать кровной мести. Тут же в рост стоят суровые, нахмуренные родственники убиенного. А мать убитого в платке, с завязанными глазами прижимает к своему сердцу убийцу сына. Она простила убийцу. Она отзывает от соседнего рода своё проклятие. Она сберегает жизни своих соотечественников. Согласно обычаю, она прижимает к себе голову прощённого убийцы. И с этого момента он становится её сыном. Это великое прощение, это божественное озарение есть драгоценное достояние аланского народа, способного отказать от мести, преодолеть её злые искушения и помириться с врагом, трактуя это примирение как волю Божию.

С президентом Южной Осетии Анатолием Ильичом Бибиловым мы говорили об осетинской мечте. Южная Осетия – самостоятельное государство, оно строит свою маленькую независимую общность, проходя в этом государственном строительстве этап за этапом. В основе государства лежит идеология одержанной недавно победы как венца многолетней борьбы за свободу и независимость, из которой возникает это новое государство. Государство чтит своих павших героев и мучеников. Только возвышенная жертва, самопожертвование позволяет народам выстоять перед натиском злых исторических сил. Память о героях, культ героев озаряет новое государство. Это государство собирает в своё лоно весь свет осетинской интеллигенции: историков, философов, поэтов, музыкантов.

Президент Анатолий Бибилов – сторонник вхождения Южной Осетии в состав России. Этому он посвятил всё своё правление, всё своё служение. Он политик одной идеи – соединения южных и северных осетин и пребывания этой объединённой Осетии в составе России.

Маленькая Осетия вдруг стала шарниром, вокруг которого вращаются огромные пласты современной геостратегии. Защита Осетии входит в огромный геостратегический план России, в котором она восстанавливает своё присутствие на великих пространствах к югу от своих границ. Военное и политическое присутствие в Южной Осетии, сбережённый в Крыму Черноморский флот, возвращённый контроль над Чёрным морем, выход через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море, учреждение на побережье Сирии двух российских

военных баз создают громадную дугу обороны, которая обеспечивает России стабильность на этом взрывоопасном направлении. Россия не может без Южной Осетии, как и Южная Осетия не мыслит себя без России. Это и лежит в основе мировоззрения президента Анатолия Бибилова, связывающего осетинскую мечту с вхождением в состав России.

Я забираюсь по трудным каменистым дорогам на вершину высоченной горы. Там расположено древнейшее святилище Джер. Осетинские учёные относят его происхождение к тысячелетней давности. В этом святилище осетины поклонялись солнцу, земле, воде, поклонялись мировым стихиям. Теперь здесь построена церковь святого Георгия. Она сложена из древних смуглых камней, увенчана крестом. Рядом с церковью – дерево. Всё оно увешано ленточками. Сюда стекаются осетины в дни религиозных торжеств. И каждый оставляет на дереве свою магическую ритуальную ленточку. В сумраке прохладного храма мы зажигали свечи, вкушали космические осетинские пироги, угощались мясом жертвенного агнца. И говорили об осетинской мечте. Философ Коста Дзугаев сказал, что осетины – люди Бога. Они живут, погружённые в земные заботы, пахут землю, куют железо, сражаются, пируют. Но никогда не забывают, что над ними сияет лазурь. И в этой лазури – лик Бога. Осетинская мечта – это сбережение достоинства, сбережение чести, борьба за справедливость. И всё это даётся осетинам среди божественной красоты и правды.

Мы стояли в храме, вершили молитвословие. И образ осетинской мечты предстал передо мной как храм на горе. Эту гору насыпали осетины за время своей тысячелетней истории. Эта гора состоит из великих трудов, несчастий, жертв, побед, откровений. Насыпав эту гору, осетины поставили на вершине храм, чтобы крест этого храма касался лазури, и эта божественная лазурь проливалась через святилище в земную жизнь осетин, в их семьи, гарнизоны, университеты. Эта осетинская мечта совпадает с русской мечтой. Два народа-мечтателя сложили воедино свои великие чаяния.

“Одной лишь думы власть”

Беседуют главный редактор газеты “Завтра” Александр Проханов и президент Республики Южная Осетия Анатолий БИБИЛОВ

– Анатолий Ильич, опять я в родной Осетии, очень раз вас видеть.

– Приветствую вас, Александр Андреевич. Действительно Осетия для вас является родной, и уверен, что ваше доброе отношение к ней не поменяется, потому что вы своих взглядов никогда не меняли. Мы прекрасно помним вашу позицию во время трагических для нас событий. Следим за вашими выступлениями в отношении происходящего в стране и в мире. И в глобальной политике или в региональной все сказанные вами слова, ваши прогнозы так или иначе сбылись. Вы давно предупреждали, что развал Советского Союза приведёт к кровавым событиям. И мы были участниками действий, которые совершала здесь Грузия, опираясь на поддержку Запада. События, к сожалению, плачевны. И не только для осетин. Для осетин это трагично, потому что на них оказывалось физическое воздействие, предпринимались попытки их уничтожения. Но те события произвели политическое, общечеловеческое воздействие практически на все страны. И это вызывает огромное сожаление.

Александр Андреевич, для народа Республики Южная Осетия вы – знакомая личность, и нам приятно, что вы у нас в гостях. Не сомневаюсь, что и этот ваш приезд будет для вас интересным, и к тому, что вы уже знаете о Южной Осетии, вы ещё больше добавите, пообщавшись с нашими видными историками, политическими деятелями, с простым народом.

– Я очень признателен, что приглашён в вашу замечательную страну, тем более, что ваша страна, ваш народ в силу обстоятельств, может быть, горьких, а может быть, высоких, но тайных для нас, превратились в центр мировой политики. Вокруг вашей маленькой страны вращаются огромные массивы: массивы континентов, пласты мировых представлений. И, став таким шарниром, вокруг которого идёт вращение, вы должны испытывать огромную ответственность.

После 2008 года в истории и Осетии, и России начался абсолютно новый период. Думаю, что переломная, победная ситуация 2008 года

положила начало процессу возвращения России в эти геополитические пространства, из которых её вышвырнули глупцы или предатели. Уход России из этих пространств трагически сказался и на этих пространствах, и на самой России. Россия оказалась обрубком, подранком. А в этом состоянии она не может существовать вечно, и она бьётся, трагически сопротивляется этому.

Наконец, после 1991 года, после первых лет создания нового государства, Россия нашла в себе силу, волю приступить к очень чуткому и осторожному реваншу. И когда мы сквозь Рокский тоннель вновь пришли в Закавказье, мы пришли сюда не на пустыню – здесь живут дорогие, любимые нами народы. И сегодня Осетия, как Южная, так и Северная, является мощным плацдармом, который позволяет России вернуться в геостратегию. У России не было геостратегии до 2008 года. Россия оборонялась, у России были рефлексы, мы лишь отвечали на вызовы, напасти, это словно была игра в пинг-понг: оттуда мячик летит, оттуда летит, мы отбиваемся...

А после нашего прохода сквозь Рокский тоннель начался очень мощный процесс, о котором, к сожалению, мало говорят, он не осознан должным образом российской общественностью – процесс восстановления южного геостратегического фланга, который через Южную Осетию, после возвращения Крыма и Севастополя, позволил вернуть нам контроль над Чёрным морем. Через Босфор и Дарданеллы мы вышли в Средиземное море и через две наши сирийские базы и победную войну в Сирии опять стали ключевой страной на Большом Ближнем Востоке. А Ближний Восток – это матка мира.

И с этого момента Россия как бы очнулась. Удивительно, что мы и после чеченских войн словно продолжали спать, дремать, не занимались укреплением обороноспособности, армией. А события здесь, в Южной Осетии, всколыхнули всю военную машину России. Мы стали модернизировать армию. Я помню, как в ходе осетинских событий мы переживали гибель наших штурмовиков и бомбардировщиков. Это было так неожиданно, такая нелепость. А ведь именно после этого сюда прислали самолёты, оснащённые современными системами, которые подавили грузин, разбомбили аэродром. И после этого началась модернизация армии.

И ваша победа, и строительство государства, которым вы занимаетесь, – это не только ваше дело. Это общероссийское, державное, имперское дело. И я приехал сюда в этом убедиться.

– Думаю, вы в этом убедитесь. Я с вами абсолютно согласен: получилось так, что в России с 1991 года, с момента развала Советского Союза и до 2008 года наводили порядок внутри государств. А уже с 2008 года, как раз через Рокский тоннель, Россия вышла в мировую политику, где многие этого уже и не ожидали, а некоторые вообще не видели будущего России как мирового игрока. И конечно, если бы не было у нас воли народной, то Южная Осетия могла бы стать второй Аджарией, которую просто-напросто раздавили. Именно сила воли народа, та стойкость и мужество, которые были у народа, помогли выстоять и продержаться. Даже не с 1991 года, с развала с Советского Союза, а гораздо раньше: с 1989 года Южная Осетия терпела, стояла, плакала, конечно...

– **Кровавыми слезами.**

– Да, кровавыми слезами. Но выдержала. Выдержала вплоть до того, когда Россия уже громко сказала и заявила о себе: мы здесь, и не может быть того однополярного мира, о котором некоторые мечтали. И это хорошо.

– Я до мозга костей советский человек. Всю сознательную жизнь был вместе со своей страной, вместе с её войсками, когда мы воевали в Афганистане, в Африке, в Латинской Америке, ездил по стройкам великим. И для меня крушение Советского Союза было равно моей личной смерти. Я лишился сна, у меня возникли кошмары. И я понимаю тех советских офицеров, молодых мужиков, майоров, подполковников, которые стрелялись. Они не могли пережить той космической катастрофы.

– Да, это было катастрофой.

– Но потом волею обстоятельств я стал наблюдать медленное и очень тонкое рождение нашего нового государства Российского. И по

мере того, как я замечал признаки рождения нового государства в разных областях, ко мне возвращался интерес к жизни. У меня менялось отношение к новым российским властям. Постепенно через прозрение, через сомнения, я встал на курс поддержки нового русского ренессанса.

И сейчас в Южной Осетии вы строите новое государство. Я приехал на краткий миг, и мне не удастся подсмотреть те тонкие элементы и то, как вы его строите. Но всё-таки, как вы его создаёте, из каких этапов оно складывается, какой этап вы сейчас проходите?

— Я думаю, что главный этап — это выдержать тот натиск, который был на Южную Осетию, а через Южную Осетию проецировался на Российскую Федерацию. Южная Осетия — одно из направлений. Это проецирование политического давления, давление политической силы было и через Абхазию, через бывшие республики Советского Союза. Я считаю, что Советский Союз был развален не из-за Узбекистана, Украины, Белоруссии, Южной Осетии или какой-то другой союзной республики. Советский Союз был развален из-за Российской Федерации. Потому что ядром или точкой, силой притяжения для всех республик была Россия. И чтобы добраться до России, надо было разрушить оболочку вокруг неё. Где-то оболочка эта была прочная, где-то более слабая. Где эта оболочка была прочная, там народ сохранил силу духа, то, что вы называете русским миром. Он сохранился там, где была надёжная оболочка русского народа. Где она была слабенькая, даже в период могущества Советского Союза, там всё развалилось.

И на Украине, между прочим, была прочная, мощная оболочка русского мира. Но уже действовали, влияли внутренние процессы, которые сравнимы с химическими процессами, запущенными искусственно. Эти искусственно созданные химические процессы, причём процессы на уничтожение, сработали на Украине. Они могли сработать и в Южной Осетии, если бы тогда политические деятели, депутаты Верховного Совета, депутаты 1-го созыва парламента Республики Южная Осетия повелись на предлагавшиеся тогда пряники. Посмотрите, как действовали: с 1989 до 1991–1992 годов на нас было грубое силовое воздействие. Народ Осетии не испугался и не стал вопить: “Нас бьют и надо бежать!” — а выдержал. И тогда стали предлагать пряники, но осетинский народ от этого отказался. Я считаю, что русский мир отсюда никуда не уходил, сохранился здесь, живёт. И куда бы мы сегодня ни заходили, каждый человек говорит: “Спасибо России”.

Хотя в 1991 году, когда ещё был Советский Союз, войска, что стояли здесь, за одну ночь вышли из Южной Осетии, и в эту же ночь зашли бандформирования Республики Грузия. Но это мы “проглотили”, потому что понимали, что это далеко не Россия сделала: когда эти решения принимались, одним из политических деятелей, принимавших их, был Эдуард Шеварднадзе. Потом он пришёл к власти в Грузии, и тогда война началась ещё сильнее. Хотя в Южной Осетии надеялись, что возглавил Грузию тот, кто приехал из центра, и потому должны последовать серьёзные политические шаги, которые приведут к определённой стабильности. Но этого не произошло.

Так вот, мы прекрасно понимали, что в 1991 году было лобби, которое требовало немедленного решения вопроса Южной Осетии. Причём не диалогом, не политическим путём, а именно физически решить. И под давлением этого лобби войска вышли.

Но и это нас не сломило. Мы ждали. И только 14 июля 1992 года Россия, прекрасно осознавая, что происходит вокруг, ввела в Южную Осетию миротворческие силы.

Но и на этом тот этап не закончился. Этот этап противостояния, войны для Южной Осетии был слишком длинным: фактически он длился последние 2 года бытия Советского Союза и до 2008 года. Первый этап — долгий, тяжёлый, кровотокающий — осетинский народ прошёл с верой, что Россия с нами, Россия нас не бросит, и завтра всё будет хорошо. В принципе, так и случилось.

Второй этап — это 2008 год. Я считаю, что его надо делить на несколько этапов. Этап становления Южной Осетии как государства и этап становления её как политического сообщества, самого общества. Экономическое развитие понятно: есть средства, которые выделяет Российская Федерация. Есть конкретные объекты, инфраструктура, которую надо выстраивать, социальные объекты.

И есть становление общества. И с 2008-го до 2017 года, да и до сего времени это становление общества всё ещё идёт. Нельзя сказать, что общество сформировалось, и нам как гражданскому обществу стремиться больше ни к чему не надо, мы можем выборы проводить спокойно и анализировать наши политические шаги, реализовать задуманное. Процесс ещё идёт.

Но в любом случае путь, который общество Южной Осетии прошло во время выборов 2011 года, когда у нас был максимальный накал страстей, уже пройден. В последующих выборах страсти уже немного улеглись. Однако выборы 2017 года говорят о том, что становление общества ещё идёт, хотя и уже не так болезненно, как в 2011 году. Я думаю, что два этапа развития, о которых я сказал, они основные не только для Южной Осетии, но и для осетинского народа в целом. Нельзя делить Северную и Южную Осетию, как нельзя делить, например, Ростовскую область и Краснодар. Это один народ. И поэтому этап, на который сейчас должен выйти народ Осетии, это этап, ведущий к объединению!

– **С Россией?**

– Объединению с Россией и объединению самой Осетии. Этот этап в политическом смысле – самый сложный. И мы его будем проходить не так гладко, как могли бы пройти в 1992-м, в 1993 году. Тогда был проведён референдум, и почти 99% населения высказались за вхождение в состав Российской Федерации. Народу Южной Осетии было не важно, в каком качестве войти в состав Российской Федерации! Сегодня, когда многие почувствовали и свободу, и безопасность, а многие из-за того, может быть, что получают гранты, кто-то, возможно, потому, что сотрудничает с Западом, подобные лица вносят в общественное мнение сомнения. Ведь на Западе говорят: вы – народ свободный и должны делать, то что хотите. И предлагают: “Создайте свою Осетию, Северную Осетию отделите от России, объединитесь, и вот вам Осетия. Вы же великий народ, потомки скифов, сарматов!”

И на этих националистических нотках пытаются играть, делать шаги, которые позволяли бы внутри осетинской общности развивать тему западно-ориентированной независимости. Абсолютно не осознавая и не видя границы этой независимости и не видя, что происходит за границами этой независимости и к каким результатам приводит такая форма независимости. И люди малообразованные, не знающие историю своего народа, многие, не понимая абсолютно того, что здесь происходит, и какие силы сходятся в этих центробежных процессах, на это реагируют.

В то же время есть силы и в Российской Федерации, которые говорят: нам нельзя Южную Осетию присоединять, будут ещё большие санкции.

Но присоединится Южная Осетия или не присоединится, те санкции, которые вводит Запад против России, и сохраняются, и будут вводиться.

Вот Крым уже в составе России, все санкции по этому поводу введены. Так какой смысл было вводить новые санкции? Из-за Крыма? Из-за Южной Осетии? Из-за чего? Точно так же – будет Южная Осетия в составе России или не будет – санкции всё равно последуют. Так если мы понимаем, что эти санкции будут, почему бы тогда Южной Осетии не быть в составе России?

– **Такая дискуссия идёт?**

– Конечно, идёт. Это вопрос не южноосетинского народа, а вопрос осетинского народа вообще. Не может 60 тысяч осетин Южной Осетии развиваться отдельно от 750 тысяч своих братьев, сокровников в Северной Осетии. Ну, не может этого быть!

– **Наверняка эту дискуссию вы ведёте не только среди своего народа, но и с политической и экономической элитой России. Как она проявляется, что вам говорят “за” и “против”?**

– Самый главный аргумент, что это для Российской Федерации будет плохо.

– **Подразумеваются санкции?**

– Да. Но кто обещал, что будет легко? В данном случае мы понимаем, конечно, что да, в какой-то степени Осетии будет тяжело. Но осетины – народ терпеливый, подождём. Но уверенность – она же не вечная. Она потихонечку может гаснуть – уверенность в том, что мы войдём в состав Российской Федерации.

– **Уверенность может погаснуть, а вера нет.**

– Согласен с вами. Но если появятся силы, которые будут раскачивать ситуацию, говорить: “Вы – великий народ, вы должны развивать свою экономику,

свою армию”, – я им отвечаю: и армию, и экономику мы развиваем, но в одном экономическом пространстве с РФ и в одном военно-политическом пространстве с РФ, что делается, согласно Российско-Юго-Осетинскому договору о сотрудничестве и интеграции от 2015 года. А самое главное – эту интеграцию поддерживает все население Южной Осетии.

Но когда-то эти разговоры могут сработать. Так и сейчас, кстати, говорят. Когда спрашиваешь: а за счёт чего развиваться? Говорят: Южная Осетия – стратегический район, стратегическая территория.

Но с учётом того, какое высокоточное оружие сейчас есть в мире, уже и стратегические территории, что были раньше, не так рассматриваются.

Я считаю, что самым главным богатством, стратегическим элементом для Российской Федерации является народ, который живёт на территории Южной Осетии. Это самое главное.

А если говорить о территории... Потенциальным противником Российской Федерации на данном этапе является даже не Турция, несмотря на то, что она – член НАТО. То есть Ближний Восток, регион, от которого мы недалеко, – Иран, Сирия, Ирак – эти страны не являются потенциальными противниками Российской Федерации. Что будет завтра – мы не знаем. Но сегодня вот так дело обстоит.

Напомню, что Осетия вошла в состав Российской империи в 1774 году. И для нас очень важно, чтобы мы были в составе Российской Федерации, чтобы осетинский этнос объединился. Нам важно быть частью большого русского мира. А если мы по крупницам раздадим территорию – Южную Осетию, ещё что-то отделим, – то здесь не будет оболочки для русского мира и России в целом.

– Я читал ваши работы, сейчас слушаю вас и понимаю, что вы видите свою историческую миссию, ваш вход в президентство, вашу борьбу, которую вы вели и продолжаете вести, именно в этом – добиться, чтобы Южная Осетия вошла в состав России. В этом вы видите смысл своей политической жизни?

– По-другому я не представляю будущее Осетии. В 1750 году послы Осетии пошли в Санкт-Петербург просить царицу, чтобы она приняла Осетию в Российскую империю. Если бы это было не выгодно Южной Осетии, то южные осетины сказали бы: нет, мы не хотим, вы там, за хребтом, идите и присоединяйтесь, куда хотите. Не было деления. Осетия единой вошла в состав Российской империи. А если мы гордимся своими предками, то почему подвергаем сомнению правильность сделанных ими шагов? Тем более, эти шаги были не случайны, а были связаны с тем, что Осетию уничтожала эпидемия, шло давление со стороны Османской империи, которая уже весь Кавказ захватила. Единственным островком опять-таки остались осетины, которые до конца сопротивлялись. И внешние факторы, и внутренние были абсолютно очевидны: была угроза уничтожения осетин как национальности. И наши предки правильно сделали, они думали о будущем, вошли в состав Российской империи. В итоге народ осетинский был спасён.

И после 20-х годов прошлого века, когда произошло разделение Северной и Южной Осетии, и Южную Осетию отдали в состав Грузии, фактически каждые 15 лет были народные волнения и требования, чтобы Южная Осетия вошла в состав Российской Федерации. В Цхинвале в 50-е годы образовался кружок студентов, которые начали борьбу за отсоединение от Грузии, за вхождение в состав Российской Федерации. Возглавлял группу студентов Владимир Ванеев, который умер буквально несколько лет назад. Их раскрыли и осудили: от 15 лет и выше получили, ему дали 25 лет.

Такие репрессии были действиями по уничтожению осетинской интеллигенции: её уничтожил не Сталин, не Берия, а уничтожило руководство Грузии. Потому что главное для них было, чтобы в Южной Осетии не было грамотных людей, потому весь цвет интеллигенции был уничтожен. Для них главное было – лишить южных осетин лидеров, обезглавить народ, чтобы были бессловесные люди, и они будут подчиняться тому, кого пришлёт Грузия. Ещё в 60-е годы в республику прислали алфавит, где было указано, что мы должны отказываться от кириллицы и писать грузинскими иероглифами.

Апогеем стали девяностые годы прошлого века, когда президент Грузии Гамсахурдиа сказал, что всех не грузин надо выместить из Грузии железной метлой, что осетины не должны иметь более 2 детей.

Это всё накапливалось, и когда в Грузии почувствовали, что сила центра, сила Москвы ослабла и позиция не такая твёрдая, то стали наводить “порядок”, как пытались это сделать и в 2008 году.

А вспомним Зарскую трагедию, где расстреливали убегающих детей, женщин, стариков. Или Эредскую трагедию, когда вывели из автобуса людей и заживо закопали. И до сих пор на территории Грузии считаются без вести пропавшими 300 осетин. Тогда же был массовый исход осетинского народа из Грузии.

Разве это не геноцид? Осетин по всему миру не насчитывается и миллион человек: в 20-х годах XX века 60 тысяч было в Южной Осетии и 550 тысяч – в Северной Осетии. Если из этих 600 тысяч было 50 тысяч погибших, так разве это не геноцид? Есть чёткие определения геноцида, и осетины под это определение попадают.

Но слава Богу, 8 августа 2008 года заработал русский реактор.

– **Согласен абсолютно.**

Анатолий Ильич, я совершенно уверен, что государства без идеологии не существует: если есть идеология, то есть государство, если нет идеологии, то нет государства. Иногда идеология не сформулирована, но она есть, и тогда государство, которое исповедует эту несформулированную идеологию, может существовать и развиваться. Я ставил перед собой задачу понять, а может, даже и создать идеологию нового государства Российского. После крушения великой красной идеологии мы остались в идеологической пустыне. И возникла насущная потребность создать идеологическое поле, в котором бы формировался кристалл нового государства. У меня были амбициозные желания. Я решил посмотреть на две тенденции. Первая – по каким законам развивалось русское государство на протяжении тысячи лет? И выяснилось, что история русской государственности – это история нескольких империй, которые возникали, исчезали, разрушались до нуля, возрождались, опять достигали процветания и падали в пропасть. И эта синусоида привела нас к сегодняшнему дню. То есть Россия может существовать только в виде имперского субстрата или державного, если угодно. Это значит, что Россия не может быть только русской, Россия всегда является сложнейшей мозаикой народов, культур, верований, языков, потенциалов развития. В этом её мировая уникальность. Значит, имперский многонациональный характер России обусловлен историей её существования. Когда этот принцип нарушается – мы исчезаем.

И второй принцип – это чертог, храм имперской государственности. Очень важно, что в него будет внесено, какая лампада будет зажжена в этом храме. Лампада, которая горела в русской государственности, – это идея божественной справедливости. Итак, два постулата этой идеологии – имперский характер истории и идея божественной справедливости.

Я сейчас двигаюсь по всем пространствам России и думаю: а в чём идея марийцев, в чём идея людей, живущих в Воронеже, в чём идея ледового Ямала? И я убеждаюсь, что каждая из отдельных земель формулирует ту же самую идеологию – многонациональность, обожание соседа, обожание мира, в котором ты живёшь, обожествление его, и идея божественной гармонии. И в Осетии это абсолютно налицо. Тема осетинских пирогов – это же абсолютная симфония. Это выжженная в тесте, в сыре идея божественной симфонии. Или идея священной рощи. Это опять-таки идея света, солнца, божества. Город ангелов! Такое злодеяние, такая страшная беда, а служитель, который потерял во время бесланской трагедии дочь, а во время столкновения сразил из винтовки одного из террористов, признался: сейчас единственное, что доставляет мне наслаждение – делать добро. Из этой крови, слёз он вынес философию добра, блага. В чём, по-вашему, может быть идеология Южной Осетии?

– Фактически вы уже сказали об идеологии, которую несут малые народы. Невозможно говорить об отдельной идеологии Южной Осетии. Её не может быть, и если даже она есть, она, я думаю, будет нежизнеспособна. Потому что мы не можем вырабатывать идеологию чисто югоосетинскую. Если мы не будем вырабатывать идеологию общую осетинскую, идеологию

осетинского народа или идеологию народов, проживающих на территории Осетии, тогда говорить отдельно о какой-то идеологии как части чего-то общего тяжело, да и невозможно.

Можно сказать словами поэта: “Я знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть”. Единственная идеология, которая может быть, – это идеология объединения осетинского народа. Это самое главное. Если глубже – идеология объединения осетинского народа в составе Российской Федерации, потому что осетины считают Россию своей исторической родиной. И если мы эту идеологию, которой не один год, а почти век, ещё не реализовали, другой идеологии быть не может. Вот когда мы эту идеологию, объединение Осетии, объединение с Россией на одном территориально-политическом пространстве, реализуем, тогда можно думать: а что дальше? Абсолютно убеждён, что стратегическая цель (а это фактически идеология), которая у народа Осетии была и есть с момента разъединения осетинского народа, она ни в коем случае не должна меняться оттого, что сегодня Южную Осетию признали Российская Федерация, Сирия, Венесуэла, Никарагуа, Науру, Тувалу. Идеология должна быть твёрдой, понятной, видимой и, что самое главное, – достигаемой. Народ Осетии должен быть в этом уверен.

Мне говорят иногда: воевали за независимость. Нет, воевали за то, чтобы Южная Осетия была независимой от Грузии! В те годы, самые тяжёлые, все – и кто воевал, и учил, кто работал, кто не работал, старики, пенсионеры – все мечтали, чтобы Южная Осетия была в составе России. Для многих эта мечта так мечтой и осталась, их уже нет, а мы всё продолжаем мечтать.

– Я уверен, что она сбудется обязательно. Конечно, русский народ – это государствообразующий народ, державообразующий. На него ложатся все тяготы освоения, на поле брани русских больше гибнет – их больше всех, они несут это бремя. Но в многонациональном российском мире и каждый народ является государствообразующим. Южные осетины должны кровно ощутить, что они не просто под защитой России, что без Южной Осетии и Северной и Россия невозможна, что и Южная Осетия является государствообразующей, и она держит над собой купол звёздного неба, и она в 2008 году выдержала этот чудовищный удар истории. Вы правы – этот удар был направлен в самую сердцевину государства Российского. И осетины поставили себя под этот удар. Многие из них сгорели. И удар в Беслане – тоже был в сердцевину государства Российского. Вы правы: идеологию южных осетин нельзя формулировать саму по себе, эта идеология связана с объединением осетинского народа в русле российской государственности. При этом нужно, чтобы южные осетины считали себя одним из центров российской государственности и несли за это ответственность, и несли жертвы, как вы несли и ещё Бог знает, какой у нас всех впереди исторический период и как нам предстоит сражаться за нашу целостность и независимость.

– Абсолютно согласен. Причём вы прекрасно знаете, что фактически во всех исторических периодах, были они связаны с трагическими событиями или с развитием, осетины всегда занимали видное место. Если говорить о Российской империи, то осетины занимают первое место по количеству генералов, немало кавалеров георгиевских крестов. Если взять Великую Отечественную войну, то по числу генералов, Героев Советского Союза осетины занимают лидирующие позиции. Когда я в своё время поступал в военное училище, а до этого в кадетское училище, я очень хотел попасть в Афганистан. Но в училище поступил в 1988 году, а через год, в 1989 году уже войска вывели из Афганистана.

И что касается науки, осетины себя хорошо проявили, можно долго перечислять. А Вероника Дударова – первая женщина дирижёр!

Так что в большом общезнании, где есть комната под названием “Южная Осетия”, мы себя неплохо показали. И прекрасно, дружно жили в этом общезнании, будь это Советский Союз или Российская Федерация. Осетины всегда могли дружить и не чувствовать себя на вторых ролях.

(Продолжение следует)

ВАЛЕНТИН ОСИПОВ

ЗА СОСТРАДАНИЕ

О необходимости программы социальной справедливости

Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Из Конституции России, статья 7.

Откуда взволнованность заголовка моих заметок? Не скрою: изрядно взбудоражило Послание В. Путина Федеральному собранию в феврале. Оно породило желание осмыслить, достаточно ли будет столь часто звучащих заявлений о 12-ти национальных проектах, чтобы обеспечить внимание власти и — шире — общества к униженным социальными невзгодами соотечественникам. Их же миллионы!

Глава 1. СКОЛЬКО БЕДНЫХ ПЛАЧУТ И ПОЧЕМУ?

Запрос на справедливость существует и в нашем обществе. Социальное неравенство создаёт пропасть, которая поглощает духовные силы народа.

Из речи Патриарха Кирилла в Думе (январь 2019)

Обездоленные — это не только те, кто отброшен за черту бедности. Это и сникшие под гнётом иных социальных проблем, существующих в стране, или по собственной житейской слабости прозябающие, взыскующая порой хотя бы участливого внимания общества, семьи или врача.

Скорбный лист в диагнозах для миллионов. (Скорбный лист — так до революции именовали медицинские карты.) И в самом деле, сколько же страдающих — выделю — в державе мировой значимости и к тому же объявившей себя “социальным государством”? Ответ пришёл, когда всматривался в озабоченные лица, внимал жалобам или гневливым излияниям и вчитывался в беспристрастную статистику.

— Ниже прожиточного минимума проживает 20 млн человек, — таково признание министра труда и социальной защиты М. Топилина.

20.000.000 недоедающих соотечественников!

— Инвалиды: их более 12 миллионов. 1,3 миллиона несчастных нуждается в паллиативной помощи (цифры прозвучали на заседании Госдумы в январе).

— 42.000.000 пенсионеров, подавляющему большинству которых государство не обеспечивает достойный образ жизни.

– 5 миллионов матерей-одиночек. Сирот – более 480 тысяч. Мы знаем, что 90% из них, покидая детдома и интернаты, никогда не приспособятся (адаптируются) к нормальной взрослой жизни. Ещё детские слёзы: “За последние пять лет число детей-инвалидов в России достигло 617 тысяч”, – заявление Председателя Совета Федерации В. Матвиенко.

– 37 миллионов сельских жителей нуждаются в повышении уровня жизни, то есть четверть населения России. Таково недавнее признание министра сельского хозяйства. Он же уточнил: уровень безработицы – 8% (в городах – 4,3); доля населения с доходами ниже прожиточного минимума – 20%; жильё без благоустройства – 67% (АиФ. 2019, № 38).

Но продолжу наш скорбный лист.

– Вне правового поля остаются около 70% работников: ненормированный рабочий день, отсутствие социальных гарантий, непрозрачная система оплаты труда, теневые схемы трудоустройства в обход Трудового кодекса, – это заявление Института социологии РАН.

– Десятки тысяч семей, чьим кормильцам задерживают выплату зарплат порой на несколько месяцев. В прошлом году долги по зарплате составили более 3,2 млрд руб.

– Жилищно обездоленные... Аварийный фонд к началу 2020-х годов пополнится 17,7 млн кв. метров.

Ещё кошмарная статистика. Алкоголиков – почти 5 миллионов (примерно 3,5% всего населения), ВИЧ-инфицированных – **1,2 миллиона**, “за решёткой” – почти полмиллиона, немало нищих, бомжей и проституток. Да, все они социально прокажённые, но ведь соотечественники! Поклон Пушкину – вечен его завет: “И милость к падшим призывал...”

Замолвлю слово и за свой литературных цех. Тишком внедрён явный запрет на профессию – на творчество! – для писателей-пенсionеров. Это оттого, что им гонорар получать опасно при всем том, что он от подавляющей части издателей стыдобо маленький. И тем не менее, если творец нечто напечатает, его лишат региональной доплаты к пенсии. И это станет повторным налогообложением труда писателя, ибо гонорары и без того урезаются налогами.

Интересно было узнавать, какие мы, граждане России, по месту работы:

работающие по найму – 67.412.000;

работодатели – 970 000;

“вертикаль власти” – 490 500 человек.

Не обойдусь без двух вопросов:

– А богатые страдают? Судя по “жёлтым” СМИ, весьма многих мучают... откупные за разводы, секс-страсти и напрягающий нервную систему шопинг.

– А сколько же счастливых у нас? Прочитал, что 70 процентов россиян в 2018-м считали себя таковыми, если довериться социологам “Левада-центра”. Но не спешите ликовать!

Что есть бедность? Не покажется ли сверхстранным, что в общедоступных СМИ и в витийствованиях с трибун отсутствует понятная и бедным, и богатым, и власть имущим расшифровка понятия “бедность”? Неужто стесняются?

Только в феврале этого года наконец-то прозвучало задание главы правительства определить, что есть бедность. Каков удар по авторитету министерства труда и соцзащиты, по РАНу: им бы спохватиться лет 25 тому назад!

Стоит заметить, что в царское время это понятие было в ходу при всём том, что и тогда власть его недолюбливала.

Листаю разные издания, вошёл в интернет.

Вл. Даль, его прославленный “Толковый словарь живого великорусского языка” (1863–1866): “Бедный – убогий, неимущий, скудный, недостаточный, т. е. нуждающийся”.

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона (1890–1907): Бедность характеризует “скудость средств, определяющих хозяйственную (экономическую) обстановку жизни отдельного человека (личности)”.

Советский энциклопедический словарь – нет на “б” такого слова как такового: цензура.

Статья в интернете: “Бедность – характеристика экономического положения индивида или социальной группы, при котором они не могут удовлетворить определённый круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности, продолжения рода”.

А каково понятие "бедность", если по-простому, "без науки"? Все ещё по старинной поговорке: "Житьё нам, житьё: как подумаешь, так и за вытьё".

Дополнительный сюжет. Откровения рабочего. Этот по-русски сдержанный вопль душевный нашего соотечественника в почётном звании труженика пусть прозвучит укоризненным откровением для всех равнодушных:

— Работаю сторожем. Зарплата — шесть тысяч рублей, плюс получаю 400 рублей за охрану "левой" грузовой машины.

Я не транжира, мне хватает на еду в месяц 600–800 рублей. Питаюсь один-два раза в день. Вариант № 1: варёная капуста с томатным соусом, морковью, укропом, луком, солью. Вариант № 2: овсянка с подливкой из куриного рагу. Овсянка — самая дешёвая из круп: около 20 рублей за килограмм. А рагу — это куриные спинки, почти очищенные от мяса, в среднем, около 50 рублей за килограмм. Покупаю граммов 300. В подливку для вкуса добавляю томатный соус, морковь, укроп, соль. Говядину не ел уже лет пять.

Для разнообразия покупаю макаронные изделия. Но получается дорого. Хлеб вообще не покупаю. Совсем редко беру рыбу путассу — она самая дешёвая, — за раз съедаю кусочек весом около 60 граммов. Чай с сахаром (на одном из мини-рынков нашёл развесной — по 40 рублей за килограмм, покупаю по 200 граммов).

Остальные деньги, в основном, уходят на оплату жилищных услуг и других нужд (например, 500 рублей на проезд до работы и обратно).

Из одежды у меня две куртки: одна — зимняя, купленная в 1998 году, а вторая — демисезонная, приобретённая в 2004-м; "всесезонные" ботинки, купленные в 2014 году, и зимние, "родом" из прошлого года. Также имеются две пары джинсов 2010 года, и рубашки, по-моему, того же времени закупки. Трусы не помню какого "возраста", наверное, им лет пять (**26.12.2018**).

Черные линзы розовых очков. Помнится, как в декабре прошлого года на итоговой пресс-конференции президента ему подсказали: "Экономические цифры красивые, а вот простой народ, думаю, не совсем им верит. Потому что Россия живёт тяжело".

Социологи-лакировщики не догадываются, что власти вредны розовые очки — в них не разглядеть подлинной жизни. Какова же она на самом деле? Институт социологии РАН заявил, что за 20 лет социальное расслоение увеличилось в 4 раза, и поэтому "большинство сограждан ждёт социальной справедливости". И как иначе, если, по заверениям социологов, у 73% работников зарплата ниже средней по России; четверть зарабатывают меньше 17 тысяч рублей и каждый пятый зарабатывает меньше 15-ти. Более 100 тысяч всего-то у 4% работающих.

Сопоставим: "Бедным считается тот, кто зарабатывает менее 18 тысяч рублей в месяц, богатым — человек с ежемесячным доходом от 447 тысяч рублей" (это утверждение РИА "Новости" изложило в интернете).

Продолжу сопоставление. В газете "Аргументы и факты" (2019, № 8) прочитал: "В Евросоюзе при определении "беден — не беден" в расчёт принимаются 9 параметров: мясо или рыба через день, наличие в семье телевизора, стиральной машины и телефона, возможность поездок по стране или за границу в отпуск, наличие сбережений, благоустройства жилья и наличие простенького автомобиля".

А у нас? Читаю: "40% опрошенных не верят в улучшение условий своей жизни". То-то же возрастает число жалоб даже в Европейский суд по правам человека! В 2018-м их стало вдвое больше, чем годом ранее. Стыдно, что 30% всех жалоб — из России, хотя в Европе 50 стран.

Зов предков. Вспомним не только крепостницу Салтычиху, кулаков-мироедов, фабрикантов-эксплуататоров и то, что 9 января 1905 года расстреляли мирное шествие рабочих с петицией для царя при тексте в первых строках: "Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать... Нет больше сил, государь! Настал предел терпению!"

...Князь Владимир Креститель (960–1015), как пишут летописи, велел всякому нищему и убогому приходиться на княжий двор "брать кушанье и питьё, и деньги из казны". Появились первые богадельни. Он же имел Устав (закон),

которым поручил Патриарху призрение (надзор) за бедными. Для монастырской и прицерковной благотворительности отдавал “десятину” своих доходов: немалые деньги!

Трактат времён Ивана Грозного “О причинах гибели царств”. Здесь наказ: “Народ, придя в отчаяние от насилий и бедности, восстаёт против тех, кто властвует над ним”.

... Пётр Столыпин, председатель правительства в 1906–1911 годы. Вот его мысли о достижении социального мира: “Должен быть установлен прогрессивный подоходный налог с таким расчётом, чтобы малоимущие классы были бы по возможности совершенно освобождены от всяких налогов... Должно следить за тем, чтобы цены на предметы производства не были увеличены... Плата за право обучения должна быть такова, чтобы и малоимущие классы имели бы возможность дать своим детям минимум среднее, а по возможности и высшее образование...” Выделю завершающее наставление: “Министерство труда должно выяснить в срочном порядке положение рабочего класса в государствах Западной Европы и Америки”. Одновременно предупреждение (и как же современно!): “Если бы в силу какой-либо тяжёлой и затяжной войны погибла Монархия, а Россия, как единое и мощное государство, перестало бы существовать, то русский народ не мог бы рассчитывать на какую-либо помощь со стороны государств Западной Европы”.

И да не уйдут из нашей благодарной памяти заветы милости к падшим от Пушкина, Некрасова, Достоевского, Толстого, Горького, Есенина, Шолохова... Гоголь сочинил даже молитву: “Господи! Спаси и помилуй бедных людей. Умилосердуйся, Создатель, и яви руку Свою над ними... Господи, спаси нас. Господи, спаси бедных людей Твоих”.

Бессердечие в мундирах. Президента страны вынудили чётко и внятно высказаться на съезде “Единой России” (декабрь 2018): “Не допускать хамства, заносчивости, пренебрежения к людям... Не допускать ущемления прав и свобод человека”.

Предполагаю, что это был отклик на аморальные заявления некоторых губернских начальниц в общении с бедствующими. Одна из них брякнула: “Государство не просило вас рожать, не рожайте, коли бедно живёте”. Вторая прославилась тем, что увещевала бедноту питаться “макарошками”.

И что же после съезда правящей партии с предупреждением В. Путина? Снова рогоза в уста! Некая депутатша Читинской городской думы – избранница народа! – предложила отключать электричество в жилищах обездоленных, в бараках (“Чита.ру”). Ещё одна чинуша на жалобы бедствующих дала совет: “Подберите хорошего мужа”. Или некий губернский министр – слуга народа! – изрёк: “Считаете, что государство должно всех содержать?”

Особенно поразило то, что безответственность изготавливается в столице. Три примера из чиновного меню бессердечия (из многих возможных). Читаю статью руководителя знаменитого РУСФОНДА. Этот благотворительный фонд оказывает юным обездоленным дорогостоящую неотложную помощь, но дальше-то что – как долечивать? Так оказывается, два министерства (здравоохранения и труда и социальной защиты) этим мало озабочены. Что в итоге: “Теряем каждого пятого спасённого”. Добавил: “С начала работы горячей линии Минздрава мы переслали 1878 просьб о помощи, но получили лишь 1217 ответов”, – какое бессовестное пренебрежение Законом об обращениях граждан (статьи 5, 10 и 12).

Или вот министр М. Топилин в октябре прошлого года сподобился заявить в Совете Федерации: зарплаты-де возросли на 11 процентов. Отдаю должное позиции В. Матвиенко: заметила похвальбу и остро раскритиковала, да к тому же добавила другим в утешение: “К этой теме будет привлечено постоянное внимание граждан, институтов гражданского общества и Совета Федерации как палаты регионов. Я вам это обещаю: лёгкой жизни у вас не будет. И будем спрашивать со всем пристрастием”.

Прошло 3 месяца, и новое заявление М. Топилина (правительственной газете): “Зарплаты бюджетников вырастут на 4,3% и более”.

Анатолий Чубайс потребовал благодарствия народа, да при этом с обидой: обозвал народ “неблагодарным”. Будто это не с его благословения в январе 1992 года цены подскочили на 345%! На недосыгаемую для народа высоту! Как выжили-то? Ценой снижения рождаемости и увеличения смертности. Такovy последствия законов “О мерах по либерализации цен” и “О свободе торговли”.

Разве перечисленные факты не дискредитируют власть? Хуже того: разжигают социальное недовольство и наносят моральный ущерб обществу.

“Мозги надо включать, когда ты облечён властью. К сожалению, не у всех это получается”. Таков недавний вердикт безответственным говорунам от председателя правительства.

И в упомянутом Послании президента — недовольство чиновниками: “Не допускать высокомерного отношения, неуважения к гражданам ни в словах, ни в действиях”.

У меня вопрос: отчего опозорившие страну чиновники не прислали в правительственную газету свои извинения? И коли так, то нужно просить главу Совета Федерации исполнить намерение — напомню: “спрашивать со всем пристрастием”.

Дополнительный сюжет. Наставления. Правительственная газета в день окончания съезда партии “Единая Россия” напечатала долгожданный кодекс “Семь этических норм для членов партии”. Выделю три особо порадовавшие меня параграфа.

— Относиться к людям и их проблемам с уважением и вниманием, помогать им в защите прав, в восстановлении справедливости, в преодолении трудных жизненных судеб.

— Исключить действия и высказывания, которые могут привести к ущемлению прав и свобод человека. Не допускать высказываний, унижающих достоинство человека.

— Выполнять взятые перед людьми обязательства, лично и регулярно отчитываться об исполнении наказов, обещаний, обращений граждан, реализации предвыборных программ.

Увы, ни штаб партии, ни сама газета больше об этих наставлениях — ни слова. Ни тебе пояснений-разъяснений, ни отчёта, как этот кодекс претворяется в жизнь.

Достучаться до сердец. Ещё принципиальная тема: как власть предрежащие объясняются через СМИ по проблемам социальной жизни. О бедняках и иных страдающих либо ничего, либо скороговоркой, промех всего иного, без сочувствия, без выявления ЧП. Что-то не припомню, чтобы кто-то по-человечески душевно раскрыл причины, к примеру, повышения цен. А как стало возможным, что только спустя десятилетия, в 2019-м, власть устами главы Антимонопольной службы наконец-то признала “несправедливость, хаотичность и бессистемность тарифообразования”? Добавлю: державные указы, законы и постановления зачастую трудно усвояемы, ибо сочиняются на инонационально-бюрократическом языке.

Истинно так: “Снестся ли хлеб без соли — или есть вкус в тших словесах?” (Иов, 6, 6. Перевод: “Как нет вкуса в хлебе без соли, так нет смысла в словах пустых...”).

Всё, что я выше сказал, имеет диагноз: равнодушие!

Долго ли оно так будет продолжаться? Уже и церковь настойчива в беспокоестве. Вот глава синодального отдела по связям с обществом Вл. Легойда выявил застарелую болезнь: “В ряде документов просто нет места людям. Разработчики подобных текстов совсем не думают о людях”.

Замечу: в СМИ я не нашёл откликов аппаратчиков на изложенные выше увещевания президента, председателя правительства и РПЦ.

Кое-что о гласности. Есть ли у страдающих право и возможность быть услышанными? Право есть — возможности весьма ограничены. Местная власть часто скупа на внимание. Дожили: нередко достучаться до неё получается только с помощью горячих линий или итоговых пресс-конференций президента.

И ещё тревога. Уже почти 30 лет декларируется свобода слова. Однако же в столичных СМИ редко говорится о нищете и иных социальных бедах, нет писем обиженных сограждан, исчезла антибюрократическая сатира. Кто сегодня помнит, что при советской власти со всей её партцензуре были на страх чиновничеству многотиражный “зубастый” журнал “Крокодил” и обжигающий киножурнал “Фитиль”?! Заметен отказ от подсказок власти искать новые подходы к искоренению социального равнодушия. В отчётах к заседаниям госструктур не акцентируются социальные темы, они растворяются в перечне иных тем. Обидно, что не пропагандируется идея министра Топилина о “социальном контракте” —

денежной помощи тем, кто хочет, но не может начать свой мини-бизнес. Замалчивается деятельность профсоюзов и акции стачконов. А как было бы полезно печатать социальные отчёты губернаторов и мэров крупных городов!

Выделю вопрос: были ли в какой-либо газете сведения о том, как осуществится указание В. Путина “до 2024 года снизить в 2 раза уровень бедности”?

И ещё беспокойство: нет в СМИ по-журналистски действенного контроля за исполнением социальных обещаний власти и предвыборных посулов. Один пример (из многих возможных): ещё в 2015-м министерство промышленности и торговли объявило о необходимости продуктовых карточек для малоимущих граждан. Но отчего ныне – молчок?

Одновременно порадовался новаторскому изыску “Российской газеты”: дала страницу с явно необычной рубрикой “А как у них?” Корреспонденты “РГ” в разных странах выяснили, кто и чем кормит зарубежных школьников. Она же дала полосное интервью “Надо ли бороться с неравенством?” (речь о социальном расслоении общества). Ей же – доброе слово за страницу, на которой напечатаны рассуждения, как уберечь стариков от одиночества; увы, газета не догадалась встроить социально-экономический аспект темы. Отдаю должное газете “АиФ”: многожды уличала Росстат в приписках при оценке инфляции. Есть почти в каждом номере что-то значимое о бедности в “Коммерсанте” и в “Правде”, “Комсомолка” тоже порой нажимает курок обеспокоенности.

Однако же, повторю, в СМИ пока не сложилась многотемная и разножанровая система развёртывания социальной проблематики.

Уверен: было бы очень важно провести семинар редакторов СМИ по теме “Социальные проблемы и журналистика”. Да по лекалам речи В. Путина на первом заседании Совета по стратегическому развитию (июль 2016): “Не морочить людям головы... Надо максимально чётко и ясно сказать обществу, чего мы хотим...”

Усечённый календарь. Не обойдусь без вопроса, который давно беспокоит: почему у нас не отмечаются два особого смысла мероприятия, да к тому же освящённых решением ООН (1-е – в 1992-м, 2-е – в 1995-м)?

17 октября – Международной День борьбы за ликвидацию нищеты. Один мой приятель, бывший работник ООН, перевёл мне кое-что из отчётной брошюрки. Так сколько же поразительно полезных дел проводится в странах, где почитают этот День! Мобилизация власти и общественности: конференции, митинги, разработка планов по темам “Общими усилиями покончим с нищетой”, “Права человека и достоинство людей, проживающих в условиях нищеты”, “Дети и семьи выступают против нищеты”, “От нищеты к достойной работе: преодоление разрыва” и ещё, ещё.

И Международный День помощи бедным – 19 ноября. Но кто хотя бы заикнулся у нас о таковом: ни власть, ни профсоюзы, ни журналисты... А ведь этот День мог бы стать смотром успехов и провалов.

* * *

“Несть милости не сотворившему милости” – так гласит наша старинная пословица.

Глава 2. ЦЕНОГОНЫ: КАСТА НЕПРИКАСАЕМЫХ?

“Правительству и регионам обеспечить контроль за ситуацией на рынках продуктов питания, лекарств, других товаров первой необходимости”.

“Провести анализ в связи с ростом фискальной и квазифискальной нагрузки на граждан России... Проверить, действительно ли наблюдается рост”.

Из наказов президента В. Путина в 2014-м и в 2018 году.

Тревога тревог бедноты, как у солдат в отчаянной обороне, – ни дня передышки в атаках цен и тарифов. И это отнюдь не ложные тревоги.

Необузданные ценогоны. В 2019-м началось ли пополнение или, напротив, истощение кошельков для сограждан с низким прибытком?

Мне скажут: страна оповещена, что увеличатся минимальные размеры МРОТ (до 11.280 руб.), страховые пенсии (на 7,5%) и социальные (на 2,4%), расширен список тех, кому положен льготный авиабилет... Есть и другие приятные факты.

Выделю: в уже не раз помянутом Послании президента продолжен – значительно! – перечень намерений облегчить жизнь нуждающихся.

И всё-таки генеральное сражение за всеобщее благополучие соотечественников в форме всегосударственного сводного плана пока не объявлено.

Не обойдусь без замечания, что нововведения не всегда “состыкованы” (скоординированы) с реалиями. Повышен уровень прожиточного минимума, но родилась горькая острота: “Как прожить на этот прожиточный минимум?!” И в самом деле, многое ли изменится в жизни, к примеру, инвалида 1-й группы, коль раз в месяц выплаты ему возрастут на 160 рублей (вспоминайте: тубик нитроспрея – за 100 руб.)? Или одна из ставок пособия по безработице – 1.500 рублей (каково!). И власть имущие никак не выяснят, почему мы собрали зерна больше, чем нужно, нефть и газ продаём за рубежи, а цены у нас растут?

Социологический “Левада-центр” справедлив в своём диагнозе: “У нас сокращается доля населения, у которого есть свободный потребительский выбор. Это видно по измерениям “потребительского поведения”.

Хуже того: уже с января даже газеты всполошились, что-де началось новое обкрадывание народа. Так, “Российская газета” сообщила: “С 1 по 9 января потребительские цены выросли уже на 0,5%”. И это в праздники! Каков цинизм!

Стрельба по кошелькам идёт залпами. И вот взорваны цены не только на немалую часть продуктов питания. Вспучиваются тарифы на ЖКХ. Рванули ввысь расходы на транспорт. Турпоездки выросли в цене, и введён оброк на проезд в места курортного отдыха. Стоимость печатанья прессы и книг скакнула. Признание в столичной газете: “Нам обещали уже к 2004 году сокращение тарифов на электроэнергию. А они за 16 лет со времени издания этого манифеста выросли минимум в 10 раз”. Бизнес стремится к сокращению премий и соцпакетов, как об этом сообщила правительственная газета. Повышение НДС вызвало цепную реакцию – ассоциация производителей и поставщиков заявила, что “решение повысит цены на продукты минимум на 8%”. Надо ли продолжать инвентаризацию бедняцких слёз и обид?

Дополнительный сюжет. Признания. В вагоне электрички выслушал: *“Ой, как мне с сыночком прогуливаться... Он свою ручонку выдирает, выдирает, как проходим мимо киоска с мороженым или около витрины с игрушками. Я его оттягиваю-оттягиваю... Зубы заговариваю... Где у меня каждый день столько денежек при моих заработках...”*

Замечу, что цены на лекарства убивают, не отходя от кассы. В марте прошедшего года президент подписал долгожданный указ “Об обращении лекарственных средств”. Его суть: “Устанавливаемые производителями цены /.../ подлежат государственной регистрации”. Был здесь и термин “предельно допустимые цены”. Министерство экономики и торговли тут же с откликом: “Цены на жизненно важные лекарства снизились за 2017 год на 1,8% и не вырастут в 2018 году”. Что на самом деле? Читаю в 2019 году интернет: “Ожидается увеличение цены на недорогие препараты в среднем до 15%”.

Особо выделю сюжет (ну, прямо для учебников госслужбы!) с ценами на бензин. Возрастают! Будто не было в мае заявления правительства, что это надо пресечь. Но Росстат вскоре сообщил: “С начала года рост цен составил 26%”. Каково! В конце октября снова грозное предупреждение королям бензоколонок: “С первого ноября цены на бензин замораживаются”. Но с нового года – новые цены. В ответ – новое заседание. И звучит заворачивающее для доверчивых сограждан заклинание: “Заморозить! Заморозить!” В январе – результат: заместитель председателя правительства объявил: “Рост цен на бензин пока соответствует договоренности: не превышает 1,7%”.

Что на самом деле? Мой сосед из былых работников Госплана откликнулся с убеждающей образностью: “Для конечных клиентов транспортных услуг – покупателей и для пенсионеров со старьём на четырёх колёсах и этот процент болезненная боль. К тому же не сообщено: заморозка с каких цен? С задыбленных?! О-о, какие хитрованы...” И ведь он прав: цены

замораживают-притормаживают “от достигнутого”, но не от себестоимости. Правительство получает отпор не только от бензовиков. Ценогоны пошли “в отказ” даже при установлении цен на хлеб: “Фиксирование цен на хлеб – незаконно”. Таков безапелляционный вердикт председателя Российской гильдии пекарей.

Или платная медицина... Увы, пользоваться ею нередко принуждаемы уже даже пенсионеры (к примеру, в столице сокращено число государственных стоматологических поликлиник). Нередко вымогательство денег вовсе не нужными анализами, обследованиями и процедурами. Жесток диагноз: зависимость зарплаты врача от выплат пациента. Обратит ли внимание на эту шоковую терапию Минздрав и Роспотребнадзор?

В битве ценогонов с народом всё идёт в ход для достижения прибыли. У меня даже шевельнулось дилетантское подозрение: уж не выгодно ли власти завышение цен – налоговая-то база становится больше! К этой мысли подтолкнула недавняя статья в правительственной газете с таким вот признанием: “Доходы регионов росли в основном благодаря поступлениям от налогов на прибыль, которые обеспечены высокими рублевыми ценами на сырьё” (РГ. 2019, № 40). Надо было бы газете продолжить: растут цены на сырьё – переписываются ценники в магазинах: сообщающиеся сосуды! Вот и социальные инфаркты для бедных.

Богатые не устают восклицать, что налоги непомерны. А что бедные? В “Правде” прочитал: “Нигде в мире такого нет: из ста рублей минимум 63 отдаётся в виде поборов, налогов и штрафов” (2019, № 20).

Как существовать большинству стариков? Не поспевают их пенсюшка за ценниками. Они для пенсионеров, как в ювелирном магазине... Драгоценные цены.

Капитализм в России с особым привкусом. Проста формула: “Нынешняя власть – это капитализм плюс ущербная ценофикация всей страны”. Ценогоны разработали особую тактику. Хитрят с самыми разными уловками: то перемирие с властью (переговоры), то снова цены в атаках, то отступление под знаменем “сезонных” колебаний цен, то известные трюки с ценовыми бирками при “распродаже”.

Ценогоны не считаются ни со страданиями сограждан, ни с теми, кому в правительстве поручено исполнять наказания президента. И не предлагают, как безболезненно и для народа, и для себя найти золотую середину (оптимальный вариант) ценообразования. Оказывается, что и для нашего цивилизованного столетия прав Карл Маркс, для вящей убедительности использовав в “Капитале” формулу: “Обеспечьте капиталу 10% прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживлённым, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы”.

Увы, немало документов социальной направленности разрабатываются без знака “Cito!” (“Срочно!”, как это принято у медиков для тех, кто нуждается в неотложной помощи). Вот пример: со дня принятия майских указов минул без малого год, но министр М. Топилин всё ещё лишь “планирует провести анализ и разработать универсальные механизмы”. А вот ещё его высказывание в начале 2019-го о сроках помощи согражданам: “Разработать новую потребительскую корзину для её установления с 1 января 2021 года”.

Дополнительный сюжет. Познание “азбуки цен”. Когда в 1990-е годы готовили Великую капиталистическую революцию, то справедливо обличали последнее советское правительство за пустые магазинные полки.

Покончили с дефицитом, но для кого? Мне, публицисту, показалась возможной такая метафора-демагогия: бедняк, понаслушавшись-понасмотревшись столь назойливой рекламы о вкусной и здоровой пище, ринулся за оной в супермаркет “Азбука вкуса”. Он и в самом деле туго набит от “А” до “Я”. Но все “буки” этой азбуки не для малоимущих: хлеб – 198 руб. кг; 1 кг мяса – 4059; колбаса – 2090; сыр – 4752 и чёрная икра с Каспия – 29.980 руб.

Как бороться с ценогонством? Обратите внимание: “Цены – не священная корова. Они поддаются регулированию. И этот механизм действует

во всех странах, где сложились цивилизованные рыночные отношения” (специально выделил. – В. О.). Это из наказов экономиста-нобелевца В. Леонтьева (США).

С критикой ценогонства в столичных СМИ всё-таки появилось несколько статей. Однако ни одной – с подсказкой, как контролировать рост цен и инфляции. И ни слова, что время от времени указания “мониторить” и “пресекать” забываются.

Что, к примеру, ответила Федеральная антимонопольная служба (ФАС) на вопрос “Российской газеты”: “Насколько должна вырасти цена, чтобы ФАС завела дело?” Ответ: “Установили порог в 5 процентов. Но если даже она вырастет на 105 процентов, далеко не факт, что ФАС заведёт дело”. И тут же пояснение: “Нарушителем антимонопольного законодательства может стать только тот, кто занимает доминирующее положение на рынке”. И оправдание: дескать, картельные сговоры выявлять трудно, а проверять каждый магазин ФАС не может.

Этому высказыванию в пользу ценогонов чуть более двух лет. Изменилась ли позиция сегодня – в пору высоких деклараций о защите бедных? Читаю объяснения заместителя главы ФАС А. Цыганова: “Потребитель должен понимать, что если цены будут всё время низкими, то развития не будет” (РИА “Новости”, 19.2.19).

Не дело публициста подсказывать профессионалам, как надо бороться с опасной для социального здоровья сограждан эпидемией роста цен. Но всё-таки задам три вопроса с надеждой, что они вызовут необходимость объясниться.

Первый: не устарел ли Закон 2009 года “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ”? Тот, что замышлялся откликом на жестокий кризис 2008 года. О чём речь? Для начала: на мой взгляд, этот закон не для покупателей. Само это слово-понятие прописано в предельно размытом смысле, да на самом последнем месте, да ещё и с унижительной бирочкой “а также”: “Обеспечение соблюдения прав и законных интересов юридических лиц, осуществляющих торговую деятельность, а также обеспечение при этом соблюдения прав и законных интересов населения”. Теперь о самом главном: как этот закон отвечает на вопрос вопросов: “При каких условиях можно заступиться за население?” Об этом аж в статье 8: “В случае, если в течении 30 календарных дней подряд рост розничных цен на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости составит 30 и более процентов, правительство в целях стабилизации розничных цен на данные виды товаров имеет право устанавливать предельно допустимые цены на срок не более, чем 90 календарных дней”.

Выделю же с красных строк (для меня – увы! – чёрных) ключевые положения, чтобы уразуметь истинную цену статьи 8 о ценах:

- 30 дней разрешена обираловка! Представьте себе, что жулью дозволено – безнаказанно! – целый месяц обчищать наши карманы;
- облегчение кошельков отныне законно упроцентовано до трети;
- грабёж “приостанавливается” только на 90 дней! Остальные 275 не могли даже жаловаться, ибо закон нарушать нельзя.

И, наконец, о том, что Закон опекает ценогонов, – здесь ни слова о спекуляции!

Второй вопрос: почему правительство не рассмотрело заявление депутата Госдумы О. Шейнина: “Все товары в России проходят через 2-3 десятка крупных сетевых компаний, что позволяет им монопольно-спекулятивно завышать оптовые цены”. Помню и то, как в прошедшем году не раз сетовали, что в России цены на рыбу выше, чем на мясо. И нашли главную причину: по дороге от сейнера к магазину – десятки перекупщиков. Дожили: разрешено спекулировать! Такого нет ни в одной цивилизованной стране! Спекулянтам даже присвоили облагороженное звание – дилер-посредник.

Третий вопрос: что мешало Госдуме за 14 лет обсудить проект закона “О государственных минимальных социальных стандартах”? Позорище! Ведь речь идёт о том, что необходимо “установить меру потребления социальных благ и услуг не ниже минимально допустимых размеров”.

Опыт Запада. Как было бы полезно, чтобы власть оповещала свой народ о “ценовом” опыте иных стран.

Заглянул в интернет – власти многих стран борются с несправедливыми ценами:

- в США введена уголовная ответственность за чрезмерно высокие цены;
- в Швеции имеется Национальный Совет по ценам и конкуренции с задачами анализа и прогнозирования ценообразования, разработки мер по сдерживанию цен и открытой информации о причинах их изменения;

- в Норвегии в соответствии с законом “О контроле за ценами, прибылью и ограничением конкуренции” установлены предельные уровни цен на жизненно необходимое – мясо, молоко, маргарин, лекарства;

- в Германии 40 лет действуют фиксированные цены на лекарства. Особенность в том, что регламентируют не производителей, а оптовых и розничных торговцев;

- в Австрии активна Паритетная комиссия по вопросам цен в составе представителей правительства, предпринимателей и трудящихся;

- в Японии запретили спекуляцию рыбой, ибо это всенародный продукт! Теперь она плывет к столам всего-то через три порога: рыбак в море – оптовик у причала – кассир в магазине (розница).

Применять чужеземный опыт уже требуют даже чиновники. Министр потребительского рынка и услуг Московской области заявил: “В этих странах (Европы и США) существуют десятки мер и даже жёстких санкций, посредством которых государство оказывает влияние на розничные цены. Часть зарубежного опыта приемлема”.

Глава 3. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: 1 + 12?

Кто сырых напитает, тот Счастье познает.

Из народной мудрости

Итак, необычное в социальной жизни России: быть 12 национальным программам. Но станут ли они обобщающей директивой для вседержавной стратегии искоренения социальной несправедливости?

Революция сверху. Интонацией в повелительном наклонении для служителей социальной сферы начал президент свой новый срок. Выделю два его наказа:

“Активно проводить современную социальную политику, настроенную на нужды каждого человека, каждой российской семьи”. Это в речи при своей инаугурации в мае 2018 года.

“Мы должны совершить настоящий прорыв... Обеспечить благополучие и новое качество жизни граждан России”. Это в речи на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам в октябре. Здесь же предостережение: “Не засыпать на ходу”.

- Февраль. Снова эта тема в ранее помянутом Послании.

Если читатель припомнит чёрную статистику социального положения миллионов сограждан, то оправдает патетику этого очерка:

- назрела – на пределе – Великая социально-реформирующая революция. То-то “Прорыв! Прорыв!” – не раз мы слышали из Кремля.

Хорошо, что В. Путин нашёл в своём окружении немедленную поддержку. Председатель Совета Федерации В. Матвиенко: “Усилить защиту тех категорий граждан, которые защищены меньше других”. Председатель Конституционного суда В. Зорькин: “Проблема вопиющего экономического неравенства граждан... Нет сомнений в том, что проявлять терпение и ждать мы не можем и не должны”. И Т. Голикова ещё – в качестве главы Счётной палаты: “У нас растёт количество граждан, которые находятся за чертой бедности. Власти не придадут этому существенного значения”. Патриархия: “Церковь не должна подсчитывать разрыв между богатыми и бедными. Но её ценности должны создавать нравственную и общественную нетерпимость к такому страшному разрыву”.

Председатель Госдумы В. Володин затребовал большего: дорабатывать Конституцию. В подтверждение заявил: “Более полно раскрыть определение “социальное государство”. С ним тут же согласилась уполномоченная по правам человека и председатель Конституционного Суда.

Узнаю даже о поддержке с Запада (в кои-то веки!). На это решился глава влиятельной Международной организации труда Гай Райдер в обращении к России: “Неравенство привело к снижению доходов семей, упал рост потребления, а следом затормозилась и экономика... Возникает риск социальной нестабильности”.

Уроки прошлого. Надо ли пренебрегать предостережениями-предупреждениями, что я изложил выше? Напомню: такие опасения отвергались в канун первой революции. Требования – мирные! – “мер против нищеты народной” в петиции царю 9 января 1905 года обернулись расстрелом.

Не проявлялись опасения во времена советской власти, ибо бедность части населения смягчалась доступностью многих форм социальной поддержки. Однако же лучшие умы были обеспокоены – Михаил Шолохов рискнул заметить в 1975-м: “Наши деятели думают, что умнее их на свете нет... Народное терпение скоро кончится...”

Выделю: озабоченности не случалось и во времена ельцинщины. Её идеологическая обслуга (включая большинство СМИ) не взволновалась возрастающей бедностью. Другим была по ободок увлечена: агитацией и пропагандой за “делание” капиталистической революции. Тогда стенания обездоленных глушились фантазиями: обогатимся-де ваучерами, снизим цены итогом капиталистической конкуренции и вооружимся отторжением народа от политики внедрением наркотически бездумной низменной культуры.

Однако до сих пор находятся адвокаты того времени. Вот популярный литератор Дм. Быков выступил с хвалой в одном из своих сочинений: “Трудности ещё были, и где-то ещё голодали, но в целом построилось...” Он претендует на достоверность, но запамätывал подлинное отношение общества к ельцинщине хотя бы в изложении авторитетного правоведа и государственного деятеля В. Зорькина: “Результаты реформ (ельцинских. – **В. О.**) воспринимаются российским массовым сознанием как глубоко несправедливые”.

Точно скажу: если будущие поколения будут знать полную правду о деяниях сподручных Ельцина, то, как выразился Максим Горький, “ни сказок о вас не расскажут, // ни песен про вас не споют”.

Каковы 12 нацпроектов? Итак, в развитие майских президентских указов правительство к началу нынешнего года разработало дюжину национальных проектов. Замысел понятен: с их помощью явить новую экономическую политику и избавить народ от болезненных несовершенств социальной политики.

Перечислю их, ибо они чрезвычайно важны и в совокупности, и по отдельности: демография, культура, здравоохранение, образование, жильё и городская среда, экология, дороги, производительность труда и поддержка занятости, наука, цифровая экономика, малый и средний бизнес, международная кооперация и экспорт.

Однако не обойдусь без целого залпа вопросов.

Обсудит ли правительство эти проекты если не со всем народом, то хотя бы с депутатским сообществом?

Не стоит ли поискать более выразительные наименования проектам? Сейчас они не расшифровывают их предназначения.

Когда эти нацпроекты будут утверждены в директивном звании нацпрограмм и кто возьмёт на себя ответственность за их реализацию: президент, правительство или парламент?

И выделю 5-е замечание: как и чем эти программы будут организационно-координационно объединены и состыкованы между собой?

Дополнительный сюжет. Вижу, как девочка-подросток рыдает в скверике. Подошёл, чтобы успокоить. Призналась, что не решилась просить у мамы денег на подарок подружке в день рождения: “Знаю, сколько зарабатывают родители”. И особенно горько прозвучало, что о ней подумают в классе...

Признания недавнего солдата (живёт в деревушке вблизи моей дачи): “У меня довольствие зимой пять тысяч в месяц, летом зашибаю до восьми... Удрал бы в город, да мама прикована к постели”.

За что ратую-агитирую? Веду речь о необходимости головного для дюжины нацпрограмм вседержавного документа о ликвидации социальной неспра-

ведливости. **Выделю: с правами координации, контроля и плана-графика для остальных программ. Иначе – что? Догадываюсь: не быть всеобщей мобилизации.** Может, всенародной значимости ради и назвать этот документ строго-торжественно: Государственная Хартия 10-летней социальной политики.

И горжусь, и негодую: три года тому назад высказал в СМИ, кажется, первым идею такой объединяющей “конструкции”. Статью отослал одному из тогдашних заместителей премьера. И что? Она была переправлена неким столоначальником в нижестоящую организацию. А там – отписка! Её автор никак не догадывался, что после президентских выборов он будет понуждаем подстраиваться под социальные – майские – указы президента. Что же я читал на государственно-министерском бланке? Предельно циничное: “Увеличение социального неравенства является объективным процессом”. Каково!

Но идея координации живуча. “Нужен мегапроект по борьбе с бедностью в России как с чрезвычайной ситуацией”. Это в прошлом году провозгласил известный экономист Я. Миркин в правительственной газете. Я всё ждал: быть ли отклику от правительства? Не дождался.

Для чего нужна координация? Мой ответ – это надо, чтобы:

– заверить не только бедных, сирых и страдающих, но и власть имущих, но и капитанов бизнеса, что никто не отменял наиглавнейшую – социальную – заповедь статьи 7 Конституции;

– осуществить в ходе разработки нацпроектов всеобщую инвентаризацию (опознание) всех социальных изъянов-просчётов, кои беспокоят народ. И дополнить анализом на кпд всех предшествующих указов с социальной тематикой, постановлений, планов, трибунных заверений, в том числе, к примеру, с датой 2008 года “Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года”. Прецедент появился: президент в феврале затребовал инвентаризацию надзорно-контрольных актов, чтобы отменить в заботе о бизнесе всё отжившее. Обездоленные ждут подобного;

– Министерству финансов прикинуть возможности обеспечивать социальную сферу на 10-летку;

– воссоединить усилия власти (всех уровней), партий, бизнеса, общественных организаций, благотворителей, всех наших конфессий;

– повторю: стать планом-графиком, который бы мог контролироваться обществом на любой стадии исполнения нацпрограмм.

Убеждён, что уже сама по себе разработка координирующего плана искоренения социальной несправедливости выявит новые возможности. К примеру, удивимся, почему нет у нас общественной организации, чтобы сопротивлялась гонке цен? Нагоняла страх на мародеров-ценогонов и их пособников. И возбуждала общественное мнение, научая обездоленных сопротивляться на законных основаниях. И смягчать настроения, если повышение цен обоснованно.

Кого координировать? Уж сколько месяцев минуло после майских указов, а все ли провозгласили через СМИ свою готовность встроиться в национальные проекты?

Профсоюзы. Вопрос вопросов: каков кпд их вмешательства в социальную жизнь? Не узнать! СМИ и, прежде всего, ТВ и интернет, не побуждают (или не хотят побуждать) лидера Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) объясняться с трудящимися. Чтоб он отчитывался не только на съездах о взаимоотношениях с властью и капиталистами, а и подсказывал бы трудящимся, как бороться за достойную жизнь. Кажется, в последние 2 года в федеральных СМИ лишь раз (в январе этого года) появилась в правительственной газете развёрнутая беседа с ним.

Уверен, что ФНПР обязана разьяснять своё отношение к каждому мало-мальски заметному покушению на права трудящихся.

Ещё один профсоюз – своеобразный – РСПП (Российский союз промышленников и предпринимателей /работодателей/) также не заявил о своём участии в исполнении майских указов.

Вогнала в оторопь странно противоестественная солидарность РСПП и ФНПР. Читаю “Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов и работодателей и правительством на 2018–2020 годы” (с подписью от правительства министра Топилина). Там лишь в общих – никого и ни к чему не обязывающих – слова продекларировано: “Государственное

регулирование цен и тарифов на жилищные и коммунальные услуги, повышение качества и доступности предоставляемых услуг”.

А что мы знаем о социально ориентированных намерениях Федеральной антимонопольной службы (ФАС), Роскомнадзора, уполномоченных президента по правам детей, по правам человека, по защите прав предпринимателей?

РАН. Пока нет в СМИ сообщений, чем учёные обогатят политику ликвидации социальных проблем. Правда, появилось объявление, что быть престижному конкурсу на исследование проблем социального неравенства и несправедливости.

Что планируют Общество защиты прав потребителей, сообщество правозащитников и Союз пенсионеров?

А что партии? Народ мало знает об их отношении к бедности. Парламентская информация на эту тему предельно скупа, партийные газеты малотиражны, а общенациональная “Российская газета” верна только правящей партии.

А каков кпд российской благотворительности? Я не только о трогательно сердобольных сборах средств-подаяний для жертв катастроф или в пользу больных детишек. Я о системном месте благотворительности в жизни народа и в государственной социальной структуре. Великолепен пример стремительного развития одной из её ветвей – волонтерства.

И всё-таки надо знать о том, что в мировом исчислении (рейтинге) благотворительности-2017 Россия на 124-м месте из 135 стран (более свежей статистики не разыскал). И попутно я бы посоветовал обнародовать весьма поучительный опыт Армии Спасения (США). Помнится, как заинтересовался моим рассказом об этой мирной армии Патриарх Алексей II и даже запросил письменного изложения.

И что-то нет призыва создать Федерацию благотворительных организаций. Но разве не нужна координация усилий различных фондов, которые созданы либо энтузиастами, либо бизнесом?

Государственной статистике – особый счёт. Она под наркозом. Росстат, её руководящий орган, не научился упорно и упрямо нацеливать общество на искоренение социального неравенства и не вооружает достоверными сведениями, чтобы помочь власти.

Он не стал ведущей инстанцией для уже весьма многих частных социологических предприятий. Не припомню совещаний для обмена опытом или дискуссий этих организаций. Так вот, обозначить бы в предлагаемой мною координационной программе единую статистическую стратегию, ясное дело, ничуть не покушаясь на свободные навигации разных научных школ. Однако же... Читаю 25 января в правительственной газете, что в ушедшем году произошёл “рост доходов” (ссылка на исследование некоего холдинга “Ромир”). В тот же день узнаю из другой газеты сообщение другой социологической организации: “Реальные доходы россиян в 2018 году снижаются пятый год подряд”.

Обескураживает и то, что Росстат нередко припудривает-приукрашивает положение социальных дел обманно усреднёнными показателями. Это оттого, что впихивает он в одну статистическую “торбу” банковские счета олигархов и кошельки бедноты.

Но допекло. На декабрьской итоговой пресс-конференции президент сообщил, что доходы населения стали расти. Это сведения от Росстата. На самом деле произошло их падение. Так лишь после этого раздалось долгожданное: “Что касается расчёта реальных доходов населения – большие очень претензии”. Таким стал приговор заместителя премьера г-на Силуанова. И тут же поменяли начальство Росстата.

Журналистика – особая участь! Какое же место займёт она в исполнении социального переустройства страны? Неловко писать о профессионально родных мне СМИ в придирчивом ключе, но и замалчивать совесть не велит. Мало кто поддержал почин журнала “Наш современник” – он ещё в 2016-м дал социологический очерк “О бедных” (моего авторства). Но остался в одиночестве. Не очень-то заметно, чтобы журналисты объявили во всю свою мощь регулярную – день за днём – войну с бедностью. Но как обойтись без этого? Обошлось бы только без кампанейщины...

Война с бедностью... Соучастие в искоренении социальной несправедливости... Так как же без стреляющих рубрик еженемерно? Без взрывных регулярных целевых страниц (полос)?

Уверен: общество ждёт развёрнутых публикаций о том, что думают обездоленные не только о своей нелёгкой доле, но и о делах и планах власти и капиталистов. Почему не обогащают власть и журналистскими расследованиями? Отчего недостаточно выявляются реальные свершения и не контролируется, как власть и партии исполняют свои обещания, данные народу?

А разве узнаешь по столичным СМИ, что в социальных сферах планируют и свершают губернаторы и иже с ними. Исключение составляет только мэр столицы: его публикации частенько появляются и на страницах газет, и на ТВ, а в канун 2019 года он обнародовал планы социальной заботы о москвичах.

Увы, некоторые коллеги приманивают подписчиков всего-то одним: половьем отъявленной пошлости (интим, шопинг, юмор нижепупочного уровня, шаблонно-конвейерная ТВ-обсервация, приём “пи-пи-пизма”).

Пресс-службы... Вот ТВ-отчёты губернаторов перед президентом – прекрасна идея знакомить народ с деятельностью местной власти. Но отчего в картинках – только о свершениях и заманчивых планах и ни звука о критике и самокритике? Или идёт информация о высказываниях председателя правительства по темам исполнения майских указов, но как же кратко, невыразительно!

О сроках исполнения. Прочитал в Послании президента воодушевляющее: страна уже в 2019 году должна почувствовать изменения к лучшему по всем 12 национальным проектам.

Хорош этот наказ ускорять темпы заботы о согражданах! Но я и такое узнаю: “В 8-ми регионах страны начался пилотный проект по борьбе с бедностью”. Неизбежен вопрос – каковы сроки завершения? Я в оторопи от продолжения: “К концу 2019 года там должны выработать некие меры, чтобы их могли использовать другие регионы”. Только лишь “выработать”!

Зарубежный опыт координации. Странное дело: ни власть, ни учёные – ни буквочки в СМИ о том, что есть две великие державы, которые накопили опыт борьбы с социальной несправедливостью.

Вот бы рассказать, как в США формировалась и исполнялась при президенте Кеннеди 10-летка искоренения бедности!

Тем более нужно знать опыт Китая! Но об этом для российского читателя сообщает лишь малотиражный на русском языке журнал “Китай”. Но кому он недоступен?

Знать бы бедным жителям России, что власть нашего восточного соседа приняла решение “О полной победе над бедностью”. Здесь продекларировано: каждый год сокращать численность бедствующих на 10 миллионов человек.

Есть ли результаты? Есть! Эта страна – мировой рекордсмен по ликвидации бедности. Замечу: это заявление пришло не от властей Китая, но от Генерального секретаря ООН. Он уточнил, что за 30 лет более 700 млн китайцев перестали быть бедными, и ныне здесь за чертой бедности осталось всего 8% населения. Да, это всё ещё огромная цифра. Но сопоставим с числом наших бедных: 20 миллионов на 146 миллионов сограждан! Добавлю: Китайский Центр по вопросам бедности обнародовал в 2018-м году директиву: “Полностью ликвидировать бедность сельского населения к 2020 году” (“Китай”, № 11, 2018).

Напомню: китайское чиновничество привычно преклоняется перед мудростью своих древнейших предшественников. Оно частенько напоминает о прелюбопытнейших заветах одного из них – Шень-Яна. Их суть: экономические реформы следует проводить, если они обещают эффект в виде 10-кратного увеличения дохода; политические – если сулят стократную выгоду. Конечно же, это образное выражение (метафора), но будоражит-то всерьёз!

Профсоюзы... Так я и не узнал, как их штаб откликнулся на поправку Института социологии РАН: “Пока российские тред-юнионы (профсоюзы) и другие социальные структуры не научились тому, на что способны их западные коллеги”.

Научиться говорить с народом. Недоумеваю: отчего власть отказывается беседовать с народом о его социальном положении? Как завершаются выборы – так молчок. Это же относится и к тем, кто правит капиталом. Исключение – президент: вспомним его изумляющие мир ежегодные многочасовые горячие линии с согражданами и итоговые пресс-конференции с журналистами.

Но чего ради поминаю я уже изрядно подзабытое слово “гласность”? Только потому, что ничуть не стареет острая надобность объяснять наиболее чувствительные для народа социальные решения. И вступать в общественно значимые дискуссии. И убеждать-переубеждать. Особо выделяю: надо высказывать своё отношение и к другим всеобщим значимым проблемам. К примеру: есть ли прогнозы, какой быть России при неизбежном истощении нефтегазовых кладовых? Хватит ли сил оздоровить окружающую среду? Не теряет ли наш многонациональный народ свою духовную идентичность?

Министры почти всегда выступают лишь с похвальбами. Губернаторы не приучены держать отчёт-ответ за недоработки и иные прегрешения перед своими избирателями. Надо ли продолжать? Порой случается даже такое: даётся интервью о нацпроектах, но ни слова при этом о “бедноте”.

Референдумы... Публичные отчёты государственных деятелей... Обнародование рейтингов не только президента... Дискуссии по особо важным темам развития государства... Конечно, у нас проходят ежегодные экономические форумы, но не печатаются в общедоступных СМИ их рекомендации... А почему чиновникам разрешено не откликаться на выступления СМИ? Ещё одна обеспокоенность: нет обобщающих отчётов о том, как рассматриваются жалобы сограждан. Уж сколько лет “не замечают” мои предложения проверить действенность Закона “О порядке рассмотрения обращений граждан РФ”. Так я решил обратиться с развёрнутыми предложениями напрямую в Управление президента по работе с обращениями граждан и в генпрокуратуру; надеюсь, что меня там поддержат. Нет традиции у журналистов откликаться на ежегодные отчёты уполномоченного по правам человека, а они интересны своей критичностью.

Правительство не научилось откликаться на критику. В итоге не лишено оснований предположение, что мнение сограждан власти просто не интересно. Два примера (из, возможно, многих) того, что осталось без отклика Белого дома:

- 53% опрошенных выступают за отставку правительства, 57% обозначили претензии к правительству: “Неспособность справиться с ростом цен и падением доходов населения”. Об этом писала газета “Правда”.

- Осталась без внимания наисерьёзнейшая подсказка газеты “Коммерсантъ”: “Победа над бедностью требует нового подсчёта уровня бедности на базе многофакторной модели Алкира и Фостера, как это практикуется в ЕС”.

- ... Урок от президента Франции. После бунта “жёлтых жилетов” по причине повышения цен на бензин он вступил с предложением проведения “диалога без табу” с подзаголовком: “Преобразовать гнев в решения”.

Кое-что в завершение. Итак, вызрела идея иметь для 12 национальных программ головную координирующую 10-летнюю программу “За социальную справедливость!”

Особо выделяю, чтобы завершить свои заметки выводом: фундамент для построения общества социальной справедливости – в развитии экономики, которая и обеспечит социальный бюджет.

Однако же правительства каждого нового поколения не раскрывают два “секрета”:

- почему в России уровень производительности труда никак не сравнивается со среднеевропейским?

- отчего у нас нет такой рыночной конкуренции, чтобы влияла на цены, как на Западе?

Не состоялось отклика и на сенсационные предложения обогатить бюджет в интервью “Как найти триллион” бывшего председателя Высшего экономического совета при советском парламенте М. Бочарова. Каков заголовок-то! (См. АиФ, 2019, № 8).

Однако верну внимание читателей к основной теме очерка: не быть экономике успешной, если не укреплять её идеологией повышенного внимания к социальным заботам соотечественников. Вот ради чего и полыхнуло желание взяться за заметки с названием “За сострадание”.

А. ФИТИСОВ

ПОДВИГ ИНЖЕНЕРНОГО СПЕЦНАЗА НА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ

На переломном этапе Великой Отечественной войны возникла острая необходимость в высокоподготовленных штурмовых инженерно-сапёрных соединениях, которые решали бы проблемы инженерного обеспечения наступления на направлениях главных ударов. В течение короткого времени было сформировано 26 штурмовых инженерно-сапёрных бригад. Большинство этих бригад в ходе войны за выдающиеся боевые заслуги получили почётные наименования, государственные награды, а две из них – звания гвардейских. Обеспечение боеприпасами и вооружением производилось на уровне ударных армий, красноармейцы, кроме обычного стрелкового оружия, имели в своём распоряжении огнемёты, холодное оружие, надевали бронешитки.

При необходимости отдельные соединения получали важные задания армейского командования. В нашем коротком очерке мы рассмотрим один из боевых эпизодов Спас-Деменской наступательной операции, которая явилась первой частью Смоленской операции 1943 года. 1-я штурмовая инженерно-сапёрная бригада за успешные боевые действия решением Военного Совета Южного фронта и ЦК ЛКСМУ 25. 07. 1941 года получила звание Комсомольской, а 25. 09. 1943 года – почётное наименование Смоленской*. Прославил бригаду знаменитый штурм высоты 233,3 (Гнездиловской), блестяще проведённый в ходе наступления 10. 08. 1943 года. Для пытливого читателя мы осветим также работу бригады за несколько дней до и после штурма Гнездиловской высоты на основании “Журнала боевых действий”, бережно хранящегося в Центральном архиве Министерства обороны РФ**.

В описываемый период в разгаре была Курская битва, вели наступление фронты Южного направления. 7 августа 1943 года после разведки боем пришёл в движение Западный фронт. Началась Смоленская стратегическая наступательная операция.

8 августа 1943 года

1-й батальон производил разведку и разминирование маршрутов: Сергеевка–Каменка, Сергеевка–Рисавы и ремонт брода через реку Ужрепт у села Сергеевка. Разминировано 98 мин противника.

* Николай Никифоров. “Штурмовые бригады Красной Армии”. М., Яуза, Эксмо. 2008. С. 408.

** Центральный архив Министерства обороны РФ. Фонд 30391, опись 1, дело 27, листы 16–20.

1-я и 3-я роты 2-го батальона сопровождали в бой танки 232-й танковой бригады. Из-за плохой видимости (дым от артподготовки) 9 танков сбились с правильного курса и попали на минное поле противника, где подорвались. Остальные танки в сопровождении сапёров под огнём противника успешно продвигались вперёд через 4 прохода в минных полях.

2-я рота сопровождала танки 248-го танкового полка в районе села Шилово через проходы в минном поле противника, танки благополучно без потерь двигались вперёд. Во время продвижения в районе села Карновка часть танков застряла в топком болоте. По выложенной сапёрами фашинской дороге танки вышли из болота и продолжили движение вперёд. Снято мин: Т-35 – 200 штук, противопехотных мин – 24 штуки.

3-й батальон одной 3-й ротой нёс службу регулирования на маршрутах: Починок–Оселье–Глотовка–Громша и Щёкино–Стаицкое–Хромцы. Построен мостик у колодца на дороге Починок–Оселье, восстановлено ограждение на минных полях этих маршрутов.

1-я и 2-я роты находились в резерве.

4-й батальон восстанавливал мост, разрушенный артподготовкой противника в селе Холмы, ремонтировал разрушенную дорогу Авдеевка–Холмы, производил инженерную разведку маршрута: Холмы–Шилово–Барабаново–Веселуха, разминировал минное поле противника на участке 255-го стрелкового полка, заготавливал элементы для мостов сборной конструкции, повреждённых при бомбёжке.

5-й батальон восстанавливал разрушенный мост через реку Ужрепт по дороге Громша–Рисавы, а также ремонтировал разрушенную дорогу Громша–Рисавы.

При выполнении боевых заданий по сопровождению танков артогнём и авиабомбёжкой убиты 7 красноармейцев, ранено: 1 офицер, 2 сержанта и 20 красноармейцев.

9 августа 1943 года

1-я и 3-я роты 1-го батальона, сосредоточив элементы мостов под грузы 60 тонн в районе села Сергеевка, ожидали боевого распоряжения на постройку этих мостов.

2-я рота разведала и разминировала дороги по маршруту: Сергеевка–Рисавы–Насоново и Рисавы–Речица–Насоново. Снято и подорвано 22 мины противника. Проверен маршрут Рисавы–Насоново до высоты 229,2 – мины не обнаружены. На восточной окраине села Каменка вдоль дороги обнаружено минное поле противника длиной 150 метров. Минное поле огорожено, установлены указатели.

1-я рота 2-го батальона сопровождала танки в их прорыве в глубину обороны противника в районе высоты 227,2 южнее села Барабаново. Под интенсивным огнём противника проделано 3 прохода в минном поле, через которые прошли танки, развивая наступление пехоты. При устройстве проходов снято 464 мины.

2-я рота сопровождала танки КВ и построила мост под огнём противника через ручей и болото под грузы 60 тонн длиной 20 метров по дороге из села Каменка на село Карновка. При движении танков под обстрелом противника устроены проходы в минном поле, снято 114 мин.

3-я рота, обеспечивая продвижение танков на подступах к северному скату высоты 227,2, была брошена в атаку, ворвалась в траншеи противника и вела с ним бой до подхода пехоты.

1-я рота 3-го батальона несла комендантскую службу на проходах минного поля противника в районе сёл Храмцы, Стаицкое.

2-я рота принимала минное поле от 96-го стрелкового полка в районе Голосиловка–Асеевка–Покровка и ремонтировала дорогу по маршруту: Стаицкое–Чащи, Стаицкое–река Ужрепт.

3-я рота – в резерве командира батальона.

2-я рота 4-го батальона закончила разведку и разминирование дороги Холмы–Шилово–Барабаново, снято 5 мин.

1-я и 3-я роты ремонтировали дорогу Холмы–Буда, Холмы–Подвязье. Отремонтировано 2200 погонных метров. Отремонтирован также мост через реку Ужрепт северо-западнее села Холмы и подъезды к нему.

5-й батальон ремонтировал дороги по маршрутам: Громша–Рисавы, отметка 185,1–Шимени. Производились работы в селе Рисавы по разведке, разминированию и ограждению минных полей. Снято 77 мин.

При выполнении боевых заданий, в результате огня противника и авиабомбёжки убито 5 человек, ранено 15 человек. От тяжёлых ран скончался 1 красноармеец. Разбита одна автомашина и один понтон.

10 августа 1943 года

1-й батальон действует с 22-й гвардейской стрелковой дивизией.

1-я рота 2-го батальона, сопровождая танки в районе села Веселуха, под огнём противника устроила проходы в минном поле, сняв при этом 42 мины. Вытаскивая танки, завязшие в грязи, построила 42 метра жердевого настила и 27 метров хворостяной подстилки.

2-я рота сопровождала танки в районе Кошелики–Делягино–Дворище и в болотистых местах прокладывала путь танкам из жердей и хвороста. Разминированы также минные поля противника для прохождения танков по дороге Кошелики–Делягино и снято при этом 113 мин. Все работы выполнялись в ходе боя под сильным огнём противника.

3-я рота сопровождала танки в районе севернее высоты 233,3.

3-й батальон нёс службу по охране проходов в минном поле, производил ремонт дороги, а также расширял проходы в минных полях. Снято 38 мин.

4-й батальон усиливал мост с 9 до 16 тонн через реку Ужрепт севернее села Холмы, улучшал брод рядом с мостом, ремонтировал дорогу Холмы–Ужрепт протяженностью 940 метров, усилив проезжую часть жердевым настилом.

1-я рота (учебная) 5-го батальона передана в 19-й гвардейский стрелковый корпус для совместных действий с 1-м батальоном.

2-я и 3-я роты производили разведку минных полей и маршрутов: Рисавы–Речица, высота 211,0–Шимени, Красный Городок–Речица–Кошели. Ремонтировали дороги на этих маршрутах с выемкой и укладкой грунта.

При выполнении боевых заданий тяжело ранен командир 2-й роты 2-го батальона старший лейтенант Дунаев. Легко ранен красноармеец 5-го батальона Ефименко.

Выше приведены эпизоды повседневной боевой деятельности бригады в условиях наступательной операции: разминирование дорог, минных полей, сопровождение танков, ремонт мостов и дорожного покрытия. Но к 10 августа 1943 года в центре участка прорыва сложилась критическая ситуация: мощный опорный пункт противника – высота 233,3 – препятствовал продвижению вперёд 10-й гвардейской и 33-й армий. Четыре дня две армии, неся большие потери, не могли взять высоту. В этот момент и понадобилась высокое воинское мастерство и отвага бойцов 1-й штурмовой инженерно-сапёрной бригады.

В журнале боевых действий штурм Гнездиловской высоты описан совсем коротко:

1-й батальон получил боевое задание от заместителя командующего войск Западного фронта генерал-лейтенанта Галицкого Ивана Павловича: совместно с 1-й учебной ротой 5-го батальона атаковать высоту 233,3 при поддержке артиллерии, выбить сильно укрепившегося там противника, занять высоту и закрепиться на ней до подхода пехоты.

К 20:00 часам батальон и 1-я учебная рота сосредоточились на исходных позициях у высоты 233,3 и внезапным ударом при поддержке артиллерии после жестоких рукопашных схваток ворвались в траншеи противника, выбили его с высоты 233,3 и к 23:30 часам закрепились на высоте.

В течение ночи с 10 на 11 августа и днём 11 августа противник при поддержке авиации, танков и артиллерии предпринял 8 яростных контратак, но был отброшен от высоты с большими для него потерями.

В бою за высоту 233,3 сапёры-штурмовики уничтожили более 300 солдат и офицеров противника. Захвачены в плен 5 унтер-офицеров, 2 обер-ефрейтора и 2 ефрейтора.

Приказом командующего Западным фронтом всему личному составу 1-го батальона объявлена благодарность, а 91 человек награждён правительственными наградами. Командир 1-го батальона майор Белоконь Фёдор Наумович награждён орденом Александра Невского.

Во время штурма высоты 233,3 смертью храбрых пали:

по 1-му батальону:

- убитых: офицерского состава – 1, сержантского состава – 3, рядового состава – 3;
- раненых: офицерского состава – 2, сержантского состава – 6, рядового состава – 43;

- пропавших без вести: сержантского состава – 4, рядового – 9;

по 1-й учебной роте:

- убитых: сержантского состава – 4, рядового состава – 6;
- раненых: офицерского состава – 1, сержантского состава – 5, рядового состава – 15;
- пропавших без вести: рядового состава – 3 чел.

Кроме этого, при выполнении боевых заданий имеются потери:

по 2-му батальону:

- убитых рядового состава – 1, раненых рядового состава – 2;

по 3-му батальону:

- ранено – рядового состава – 2.

Не могу не представить версию штурма высоты 233,3, которую ветераны бригады отразили в “Книге памяти Калужской области”, в послевоенные годы вспоминая эти героические события:

“Командующий 10-й гвардейской армией генерал-лейтенант К. П. Трубников принял решение атаковать Гнездиловскую высоту силами специально подготовленной 1-й штурмовой комсомольской инженерно-сапёрной бригады. Комбриг выделил 1-й инженерно-сапёрный батальон майора Фёдора Наумовича Белоконя и учебную роту капитана Д. Д. Евтушенко, в которых вместе насчитывалось около 600 бойцов, вооруженных гранатами и автоматами, финскими ножами, на груди у каждого под маскхалатом был бронированный щиток (панцирь), защищавший от пуль и осколков, головы закрывали каски. В полночь 10 августа стало известно, что сапёры-комсомольцы с первой же попытки и почти без потерь овладели высотой. Победили не только недюжинная выучка, но и находчивость, хитрость и большое мужество. Майор Ф. Н. Белоконь и капитан Д. Д. Евтушенко начали штурм высоты без предварительной артподготовки и неожиданно для немцев – поздно вечером, когда те ужинали.

Учебная рота наносила удар в центре высоты, рота 1-го батальона, взаимодействуя с учебной, наступала справа, 3-я обтекала высоту с юго-востока, чтобы перехватить главную коммуникацию противника, по которой он мог совершить отход или подбросить подкрепление. 1-я рота была в резерве командира батальона и наступала за учебной ротой. Комбат Ф. Н. Белоконь находился в цепи 2-й роты, а начальник штаба батальона капитан Л. И. Панкратов с пунктом управления продвигался вслед за учебной ротой.

Когда учебная рота капитана Д. Д. Евтушенко, полукольцом охватив северные скаты высоты, подошла почти вплотную к вражеским траншеям, наблюдатели противника заметили смельчаков и подняли тревогу. Как раз этот момент не упустил майор Ф. Н. Белоконь. Он дал сигнал красной ракетой. Тут же последовало несколько залпов “катюш”, накрывших гитлеровцев. По команде капитана Л. И. Панкратова артиллерия перенесла огонь в глубину вражеской обороны.

Пока немцы занимали боевые места, сапёры и курсанты преодолели отделявшие от них 100–150 метров и стремительно ворвались в траншею. Бой продолжался около двух часов.

Штурмовики забрасывали блиндажи противника гранатами, били гитлеровцев из автоматов, оглушали прикладами, резали финками. Захватив первую линию траншей, наши бойцы стали быстро продвигаться в глубину опорного пункта, уничтожая выбегавших из укрытий фашистов. Не раз в рукопашной схватке фашисты стреляли по штурмовикам в упор, но те оставались невредимыми: голову хорошо защищала каска, а грудь – бронированный стальной щиток. Это ошеломляюще действовало на гитлеровцев, которых охватывал суеверный ужас. Натиск штурмовиков был настолько стремительным, что головорезы из отряда “Ваффен-СС” не выдержали удара и побежали в тыл, бросая своё оружие.

В этом бою наши воины уничтожили и взяли в плен около 300 гитлеровцев, захватили знамя части, штабные документы”*

* Книга памяти. Калужские рубежи. Под редакцией Т. В. Романовой. Том XIX. Калуга, Тула. Гриф и К^о. 2011. С. 319.

С позиции современного читателя, решение командования Западного фронта о ночном штурме высоты 233,3 именно подразделениями штурмовой инженерно-сапёрной бригады представляется не только грамотным, но и достойным войти в анналы военной истории.

11 августа 1943 года

1-я рота 2-го батальона, сопровождая танки в районе высоты 227,2–села Веселуха, проверяла и расширяла проходы в минных полях противника и устраивала их ограждение. Один взвод участвовал в танковом десанте в районе высоты 233,3.

2-я рота действовала с танками в районе Кошелики–Делягино. Группой бойцов произведена эвакуация повреждённых танков в ремонтные мастерские.

Остальной состав рот участвовал в атаке танков на село Делягино, которое было занято и удерживалось до подхода пехоты. Противник предпринял несколько контратак, но все они были отбиты с большими потерями для него.

3-я рота с танками несколько раз атаковала противника в районе высоты 233,3, а также отбивала его контратаки. Перед выходом в атаку рота устроила под обстрелом противника проходы для танков в минных полях, сняв при этом 180 противотанковых мин. Сапёры уничтожили гранатами пулемётную точку противника.

3-й батальон продолжал выполнять предыдущее боевое задание.

Одна группа бойцов 4-го батальона производила разведку минных полей по бывшему переднему краю обороны противника.

1-я и 2-я роты продолжали работы по усилению моста в районе севернее села Холмы через реку Ужрепт под грузы 60 тонн.

3-я рота ремонтировала дорогу Авдеевка–Холмы. Отремонтировано 1700 метров грунтовой дороги и 500 метров жердевой дороги. Производилась разведка по маршруту Холмы–Веселуха.

5-й батальон продолжал выполнение предыдущего боевого задания.

1-я разведывательная рота вела наблюдение переднего края обороны противника.

За отличное выполнение боевых заданий при сопровождении танков командир 23-й гвардейской танковой бригады представил к правительственной награде 42 бойцов и командиров 2-го батальона.

12 августа 1943 года

1-й батальон после передачи позиций на высоте 233,3 стрелковым подразделениям на основании боевого распоряжения командующего Западным фронтом вышел из боя и с 1-й учебной ротой сосредоточился на отдых в селе Холмы.

1-я рота 2-го батальона сопровождала танки в бою за высоту 233,3 и село Надежда. В процессе продвижения танков устроено 4 прохода в минном поле противника и снято 40 противотанковых мин.

2-я рота, сопровождая танки в районе Каменка–Красная Поляна, разминировала мост, сняла 7 противотанковых мин. Взвод лейтенанта Короткова производил разведку и разминирование дороги Шилово–Каменка, снято 150 мин противника.

3-я рота обеспечивала продвижение танков и производила разминирование минного поля противника.

3-й батальон совершал марш на новое место дислокации для выполнения боевого задания.

1-я и 2-я роты 4-го батальона закончили усиление моста через реку Ужрепт под грузы 60 тонн длиной 21 метр, шириной 4,5 метра, высотой 2,3 метра.

3-я рота отремонтировала разрушенный участок дороги Авдеевка–Холмы протяжённостью 110 метров.

5-й батальон совершал марш на новое место дислокации для выполнения боевого задания.

1-я разведывательная рота продолжала наблюдение переднего края обороны противника.

При выполнении боевых заданий убиты: старший сержант Шибинский и красноармеец Смелов, ранено – 9 красноармейцев.

За образцовое выполнение заданий командования приказом командира бригады № 04/н от 12.8.1943 г. по 4-му батальону награждены: медалью “За отвагу” – 2 человека, медалью “За боевые заслуги” – 5 человек.

13 августа 1943 года

1-й батальон произвёл разведку и ремонт дороги по маршруту Шилово–Сергеевка–Каменка–Кошелики–Жданово (северное).

1-я рота 2-го батальона разминировала участок минного поля, сопровождая танки в бою до Пашкино, сняла 143 мины.

2-я рота совместно с танками заняла село Жданово и держала оборону до подхода пехоты.

3-я рота сопровождала танки в районе села Гнездилово и при устройстве проходов через минные поля для движения танков сняла 168 мин Т-35.

1-я рота 3-го батальона несла комендантскую службу в проходах минного поля у села Шилово в районе моста через реку Ужрепт, снято 24 мины.

2-я рота усилила существующий мост по маршруту Чащи–Массалы. Производила ремонт дороги по маршруту Шимени–Красный Городок–Кобели, разрушенной огнём противника.

3-я рота произвела разведку дороги на предмет обнаружения минных полей по маршруту Каменка–Делягино. Произведён ремонт грунтовой дороги Сосновка–Кобели.

1-я рота 4-го батальона построила мост под грузы 60 тонн через реку Демина.

2-я рота построила мост через реку Демина под грузы 30 тонн.

3-я рота оборудовала два брода через реку Демина и несла комендантскую службу на этих мостах и бродах.

Постройка мостов производилась под сильным артиллерийским, минометным и ружейно-пулемётным огнём противника, а также бомбёжке (12 налётов вражеской авиации).

5-й батальон производил заготовку и вывозку лесоматериала для постройки командного пункта штаба армии.

Две группы 1-й разведывательной роты в количестве 33 человек выполняли специальное задание штаба армии по разведке переднего края обороны противника.

13 августа 1943 года – славный день освобождения города Спас-Деменска от немецко-фашистской оккупации. Одним из главных событий в этот день становятся праздничные мероприятия на Гнездиловской высоте, которая явилась ключом к освобождению города и всего Спас-Деменского района. Поисковики производят торжественное перезахоронение останков погибших воинов, ветераны войны и жители района возлагают венки к братским могилам. По номерным ордену “Красной Звезды” и медали “За отвагу” недавно были идентифицированы сержант Кузьмин Александр Григорьевич и старший лейтенант Николаев Василий Павлович. Их родственники были благодарны настойчивости и труду патриотов-поисковиков.

В общей сложности в братских могилах на высоте 233,3 покоится прах более 3 460 воинов. Ещё в годы войны после освобождения района на высоте был воздвигнут деревянный обелиск, затем на каменном постаменте была установлена гипсовая фигура солдата-освободителя*. Три года назад мемориальный комплекс преобразился: силами районной администрации (глава Бузанов В. А.) совместно с Военно-историческим обществом РФ был установлен памятник в виде Бронзового солдата с винтовкой на плече, памятные доски с фамилиями погибших обновлены, братские могилы отреставрированы, вся территория мемориала вымощена брусчаткой.

Память о подвиге павших за освобождение нашей Родины будет жить в веках!

* А. Никольский. “На освобождённой земле”. Издание газеты “Знамя”. Калуга. 1946. С. 18-19.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ПОЭТ, ДИПЛОМАТ, ПРОРОК

К 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина

В 1817 году, то есть двести с лишним лет тому назад, на государственную службу в Министерство иностранных дел Российской империи были зачислены трое выпускников Императорского Царскосельского лицея – Александр Сергеевич Пушкин, Вильгельм Карлович Кюхельбекер, Александр Михайлович Горчаков и выпускник Московского университета Александр Сергеевич Грибоедов. Все четверо впоследствии стали знаменитыми персонажами русского девятнадцатого века.

В конце 2017 года в Министерстве иностранных дел России состоялся историко-литературный вечер, посвящённый дипломатам, сделавшим свой вклад в литературную жизнь России, который открыл Сергей Викторович Лавров такими словами: “Во все времена в Министерстве иностранных дел трудились преданные люди, многие из которых обогатили сокровищницу отечественной культуры”.

Среди многих выступавших на этом вечере сотрудников МИДа членов Союза писателей России В. Мосолова, В. Казимирова, В. Василенко и гостей слово о Пушкине-дипломате произнёс и главный редактор журнала “Наш современник” Станислав Куняев.

“Дорогие друзья, мне очень приятно побывать сегодня на вашем празднике. Послушал, как выступает ваша молодёжь, и думаю, что они нас не подведут и не будут, как американские высокопоставленные дипломаты, путать Австрию с Австралией.

Перед тем, как сюда прийти, я перелистал свой заветный десяти томик Пушкина, который вожу с собой уже лет 40 или 50, с тех пор, как меня после окончания МГУ послали учительствовать в маленький сибирский город Тайшет. Так происходит, что всегда, перечитывая Пушкина, я открываю для себя что-то новое, хотя, кажется, знаю его от корки до корки. И вот что я подумал. Александр Сергеевич никогда за свою короткую жизнь не выезжал за границу. Но каким-то чудом он лучше многих политиков и других людей – интеллигенции, дворянского света, своих друзей-поэтов, регулярно выезжавших в Европу, – понимал сущность всякого европейского и не только европейского народа, – какой-то Божьей милостью, данной ему свыше.

Хотим мы, например, знать, какие из себя поляки? Читаем “Бориса Годунова” про Марину Мнишек, Гришку Отрепьева, польскую шляхту и понимаем характер и менталитет поляков.

Закроешь страницу “Пира во время чумы” и понимаешь, кто такие англосаксы.

Прочитаешь “Скупого рыцаря”, и не нужно тебе больше изучать, что такое немцы, кто такие “псы-рыцари”. Зёрна их национальной сущности Пушкин уже уловил, написав эту **маленькую трагедию**.

Восхищаешься “Подражанием Корану” — и уже знаешь, какие они, арабы.

Прочитаешь “Песни западных славян” и заплачешь вместе с сербами об их судьбе.

Нужно тебе постичь испанский характер — читай “Каменного гостя”.

О французах я уже и не говорю. Пушкина и в Лицее звали “французом”. Он, часто цитировавший Вольтера, Дидро и других, как никто другой знал и понимал Францию, пожалуй, даже лучше большинства учителей французского, оставшихся после нашей победы в войне 1812 года чуть ли не в каждой второй дворянской семье в России. А образы русских! Пугачёв, Гринёв, Савельич, Маша, Швабрин — одна “Капитанская дочка” — это целый мир, а добавьте к нему Онегина либо Троекурова или работника Балду — и вот вам чуть ли не вся Россия...

Америка тогда только-только появилась на исторической арене. Прошло всего несколько десятилетий после возникновения Американских штатов, и Европа ещё плохо знала Америку. Но Пушкин интересовался ею и оставил запись об американской жизни... С тех пор прошло около двухсот лет, но слова Пушкина об Америке сказаны, кажется нам, чуть ли не сегодня:

“С некоторого времени Северо-Американские штаты обращают на себя в Европе внимание людей, наиболее мыслящих. [...] С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавлено неумолимым эгоизмом и страстию к довленью. Большинство нагло притесняет общество. Рабство негров посреди образованности и свободы. [...] Со стороны избирателей — алчность и зависть, со стороны управляющих — радость и подобострастие”.

Полагаю, что эти характеристики Пушкина вполне приемлемы с какими-то оговорками и для современных США. Так что Пушкин мог бы быть послом в любой из перечисленных стран, если бы не чувствовал в себе призвания поэта, потому что посол должен и обязан понимать сущность национального характера народа той страны, в которую он направляется с высокой дипломатической миссией.

Чему ещё научил дипломатов Пушкин? Он научил нас разговаривать с Европой. В 1830 году Европа (французские парламентарии) спровоцировала восстание поляков против России, что крайне взволновало Пушкина.

Осознавая, что предстоит (в современном понимании) информационная война и русскому обществу надо объяснять, что происходит в мировой истории, он идёт к Бенкендорфу с письменным предложением. Вот что он писал: **“С радостью взялся бы я за редакцию политического журнала. Около него соединил бы я писателей с дарованиями. Ныне, когда справедливое негодование и старая народная вражда, долго растравляемая зависть соединила нас против польских мятежников, озлобленная Европа нападает покамест на нас не оружием, но ежедневной, бешеной клеветой (как сегодня. — С. К.), пускай позволят нам, русским писателям, отражать бесстыдные и невежественные нападки иностранных газет”**.

Пушкин хотел завести политический журнал или газету, чтобы как-то объяснить обществу тот феномен, что вся Европа всего через 18 лет после освобождения её от Наполеона стала проклинать нас, лгать и обливать клеветой. Собственно, так же, как и сейчас: 70 лет прошло после нашей победы над фашизмом и освобождения нами Европы от Гитлера, а нападки на Россию продолжают и нет им конца.

Пушкин как патриот не мог с этим смириться. Правда, никакого журнала или газеты завести ему не позволили. Бенкендорф оставил пушкинское письмо без внимания и, может даже, не доложил о нём Николаю I, но Пушкин не сдался. Он сделал ещё один персональный выпад в этой информационной войне, причём такой, который останется навечно и в русской, и в мировой истории. Он написал два знаменитых стихотворения — “Бородинская годовщина” и “Клеветникам России”, в котором поразительным образом прозрел на два века вперёд то, что призывы французских парламентариев

(Лафайета, Могена и других) к вооружённому вмешательству объединённой Европы в русско-польские военные распри через два века повторяются эхом на Украине, куда устремятся уже не французы, но всяческие американские байдены и маккейны с теми же призывами вмешаться на этот раз не в русско-польскую, но в русско-украинскую историю. Ответ Пушкина французам сегодня можно напрямую переадресовать американцам и НАТОвцам, если вспомнить, что роль Наполеона с его “дванадесятью языками” в XX веке попытался сыграть Гитлер, “объединивший” Европу подобно корсиканцу:

*И ненавидите вы нас...
За что ж? Ответствуйте, за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?*

*Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал
до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.*

Не только как великий поэт, но и как великий дипломат Пушкин уловил суть грядущих геополитических распрей и потрясений и сказал пророческие слова:

*от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды...*

Да это же чудесное пророчество! Пушкин словно бы рисует карту России и вместе с нами говорит: “Крым наш!” — а ему вторит Грибоедов строчкой из поэмы “Горе от ума”, вспоминая о временах “Очакова и покоренья Крыма”, который покорился русской императрице Екатерине Великой, а не какому-то украинскому гетману...

Но этого мало! Вспоминая “пламенную Колхиду”, Пушкин говорит об Абхазии, считая её частью великой России, и мы рано или поздно должны выполнить волю великого дипломата, великого историка, великого поэта и великого пророка Александра Пушкина. Я уверен в том, что когда Владимир Путин собирался выступать на международных аренах — в Мюнхене, в ООН, на Валдае — он, готовясь к своим историческим выступлениям, читал и перечитывал Пушкина, и Александр Сергеевич помогал найти Владимиру Владимировичу нужные слова: “Вы грозны на словах — попробуйте на деле”, “Иль нам с Европой спорить ново?”, “Оставьте, это спор славян между собою”...

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Время снятия с Пушкина опалы в 1826 году и возвращения его из изгнания совпало для поэта с рядом значимых лично для него событий. Человек чувствительный, он перенёс тогда несколько глубоких потрясений. Вышло так, что свобода, о которой он мечтал столько времени, обернулась чередой смертей вокруг него.

1826 год – смерть крупнейшего русского литератора той эпохи, автора уникальной книги “Письма русского путешественника” и создателя многотомной “Истории государства Российского”, одного из первых обобщающих трудов по истории России, – Карамзина. Это о нём скажет Пушкин:

“Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотеле им не известную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом”.

В честь человека, “принадлежащего истории”, Пушкин позже издание своего “Бориса Годунова” станет предварять словами:

“Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает Александр Пушкин”.

И тот же, **1826 год** – казнь через повешение пятерых участников попытки государственного переворота, когда на площадь были выведены полки, чтобы не допустить присяги Николаю. Вряд ли Пушкина тогда взволновал факт, что среди членов тайных обществ, прозванных декабристами, убитых было немного. Пострадал от царской карточки и тонул, провалившись под лёд, при попытке переправиться через Неву, прежде всего, простой люд. Большинство причём не были даже в солдатских шинелях (боюсь, сегодня для многих итоги трагедии станут удивительным открытием: среди черни – 903 убитых, малолетних – 150, женщин – 79, нижних солдатских чинов – 282). Но последовавший приговор тем, кому, с точки зрения закона, вменялась вина покушения на цареубийство, бунта и воинского мятежа, а среди них было немало по-приятельски знакомых Пушкину, не мог оставить его равнодушным. Тем более, в числе сосланных оказались лицейские друзья Пушкина Пущин и Кюхельбекер!

Позже декабристов возведут в героев-мучеников, не пожалевших своей жизни ради обездоленного народа. Тезис о самопожертвовании ради общего дела сыграл чуть ли не основную роль в становлении интеллигенции. А создал (сидя в Лондоне: оттуда было виднее!) мифическую легенду о декабристах А. И. Герцен. Но не думаю, что Пушкин думал подобным образом. Впрочем, ещё более странным будет, если мы позволим себе предположить, будто поэт тогда мог рассуждать, например, о том, что решившие бунтовать дворяне, обманывая своих солдат, использовали, как нынче их называют, классические

технологии “цветных революций”. Таких понятий в то время просто ещё не существовало. Так что главным для Пушкина была горечь за страдания друзей.

Но и тут сам побывавший в шкуре опального поэт был не курсе истинного положения декабристов. Первоначальные рудники сменились у них поселением, и со временем всё же условия жизни сосланных стали легче. До какой степени? На этот счёт существуют глубокие разногласия и идут споры. Допускаю и понимаю, что даже в силу удалённости от центра в отношении к сосланным не могли не происходить изменения в лучшую сторону. Но трудно согласиться с тем, если верить работам М. Н. Гернета “История царской тюрьмы” (в 5-ти тт.) и М. О. Цетлина “Декабристы: Судьба одного поколения” (парижское издание), будто каторжную работу ссыльным скоро превратили “в прогулку или пикник с полезной гимнастикой”. Уже сам характер изложения заставляет усомниться в правдивости написанного:

“Материально декабристы ни в чём не нуждались. За 10 лет пребывания на каторге заключённые получили от родственников, не считая бесчисленных посылок вещей и продовольствия, 354.758 рублей, а жёны их – 778.135 рублей, и это только официальным путём; несомненно, им удавалось получать деньги и тайно от администрации”.

“В 1828 году с декабристов сняли кандалы. В том же году им разрешили “выстроить во дворе два небольших домика: в одном поставили столярный, токарный и переплётный станки для желающих заниматься ремёслами, а в другом – фортепьяно”.

“Работали понемногу на дороге и на огородах. Случалось, что дежурный офицер упрасивал выйти на работу, когда в группе было слишком мало людей. Завалишин так описывает возвращение с этих работ: “возвращаясь, несли книги, цветы, ноты, лакмоста от дам, а сзади казённые рабочие тащили кирки, носилки, лопаты... пели революционные песни”.*

“Высланные на поселение получали по 16 десятин пахотной земли, солдатский паёк и одежду два раза в год. Неимущим выдавались пособия. Но на землю селились мало. Предпочитали служить, как Кюхельбекер и др., или работать самостоятельно, как Якушкин, имевший в Якутской школе, которую окончил 1600 мальчиков. Ни то, ни другое не запрещалось”.

Почему к М. Н. Гернету и М. О. Цетлину у меня большого доверия не возникает? Потому что вижу и понимаю: обелять царя Николая I начали отнюдь не сегодня.

И повесил, и отправил кого на каторгу, кого на Кавказ царь по двум причинам, не знаю, какая из них для него являлась более существенной: это было продиктовано необходимостью в борьбе за власть (последующие события в Польше и судьба его брата Константина тому подтверждение) и чувством страха перед возможностью повторения чего-то подобного.

1827 год – скорострельная смерть весной четвероюродного по материнской линии брата Дмитрия Веневитинова. Всего лишь осенью 1826-го тот по протекции княгини Зинаиды Волконской перебрался из Москвы в Петербург, поступив на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Поселился в доме Ланских и 2 марта, перебегая легко одетым с бала в доме Ланских в свой флигель, Дмитрий простудился. Болезнь переросла в тяжёлую форму пневмонии, от которой он 15 марта умер, не дожив до 22 лет. Тело бы-

* Автор “Записок декабриста” Д. И. Завалишин (двоюродный брат поэта Ф. И. Тютчева) в тайном обществе официально не состоял, но постоянно общался с декабристами, “разделял их идеи”. Будучи сослан, знал и видел немало из того, что не укладывалось в героические образы декабристов, которых ещё при жизни стали превращать в романтических “рыцарей из стали”. Его описания единомышленников добавляли больше презрения к этим возмутителям, чем гордости. Поэтому многим Дмитрий Завалишин виделся “искажителем действительности”, “клеветником”, а его воспоминания считаются необъективными и давно подвергаются сомнению исследователями. В этом ряду, к примеру, высказывание Завалишина о своих соратниках по сибирской ссылке: “Не укрепясь ни ясным сознанием, ни нравственною силою, они не выдержали гнёта тяжёлых обстоятельств; отступили назад оттого, что не умели идти вперёд, и с потерю главного своего достоинства – нравственного к себе уважения и значения, заимствованных от идей, которых они были представителями...” Он стал первым, кого сначала сослали в Сибирь, как преступника по первому разряду, а затем выслали обратно в Европу (российскую), причём под строгий полицейский надзор. Впервые эти воспоминания были опубликованы в Германии (1904). Советское декабристоведение книгу никогда не переиздавало – так “неудобный декабрист” Дмитрий Завалишин был предан забвению.

ло отправлено в Москву. На похоронах брата на кладбище Симонова монастыря* Пушкин был вместе с А. Мицкевичем.

1828 год – смерть старушки-“мамушки”. Через 7 лет Пушкин помянет её добрым словом в стихотворении “...Вновь я посетил...”.

1829 год – убит в Тегеране Грибоедов. Пушкин его помянет в “Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года”. Если вдуматься, их и впрямь многое объединяло. Начиная с восприятия мятежа декабристов: это тѣзке Пушкина приписывают пренебрежительную характеристику заговора: “Сто прапорщиков хотят перевернуть Россию!” И кончая отношением к так называемой “передовой части” общества, преданно смотревшей на Запад.

“Воскреснем ли когда от чужевластья мод, // чтоб умный, бодрый наш народ // хотя б по языку нас не считал за немцев!” – это Грибоедов. “Она по-русски плохо знала, // Журналов наших не читала, // И выражалася с трудом // На языке своём родном...” – ирония Пушкина явно имела отношение к тем, кого сам поэт величал чернью, а Константин Аксаков чуть позже, в середине XIX века, назовѣт, в противовес народу, публикой:

“Средоточие публики в Москве – Кузнецкий мост. Средоточие народа – Кремль. Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки; народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ – по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ – в русском. У публики – парижские моды. У народа – свои русские обычаи.”

Публика спит, народ давно уже встал и работает. Публика работает (большой частью ногами по паркету) – народ спит или уже встаѣт опять работать. Публика презирает народ – народ прощает публике. Публике всего полтора года лет, а народу годов не сочѣшь. Публика преходяща – народ вечен. И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в публике грязь в золоте, в народе – золото в грязи. У публики – свет (monde, балы и проч.), у народа – мир (сходка). Публика и народ имеют эпитеты: публика у нас почтеннейшая, народ православный. “Публика, вперед! Народ – назад!” – так многозначительно воскликнул один хожалый”.

Какие-то их жизненные шаги судьбой писались, словно под копирку. Когда в августе 1828 года Грибоедов и Нина Чавчавадзе венчались в древнем соборе Сиони, жених был болен лихорадкой, и у него падает обручальное кольцо – дурной знак. Скверные предчувствия навещают его, но всё равно ему кажется, что впереди у него счастье. Через 3 года в московском храме Вознесения Господня на Большой Никитской во время венчания Александра Пушкина с Натальей Гончаровой случится странное совпадение: надевая кольцо на палец невесте, поэт его выронил – кольцо покатилося по полу, громко звеня в напряжѣнной тишине.

1830 год – смерть в конце лета его “дяди на Парнасе” – Василия Львовича Пушкина, наивного и добродушного московского стихотворца. А ведь был тот не стар, всего-то 64 года. Если кончину можно назвать красивой, то дядюшка умер красиво: взяв в руки томик стихов обожаемого им Беранже и успев перед смертью сказать: **“Как скучны статьи Катенина!”** При чём здесь Катенин? Ситуацию прояснит запись в записной книжке Петра Вяземского: *“Накануне был уже он совсем изнемогающий, но, увидя Александра, племянника, сказал ему: “Как скучен Катенин!” Перед этим читал он его в “Литературной газете”.*

Ох, уж эти литераторы, всегда хотят сказать красиво! Это я к тому, что сам Пушкин тоже оставил рукописный след о словах дяди. Прямо тогда в письмо Петру Плетнёву представил свою версию:

*“Бедный дядя Василий! Знаешь ли его последние слова? Приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: “Как скучны статьи Катенина!” – и более ни слова. Каково? Вот что значит умереть честным воином, на щите, le cri de guerre a la bouche! **”*

* В тридцатые годы XX века, при сносе Симонова монастыря, тело Д. В. Веневитинова было перезахоронено на Новодевичьем кладбище.

** с боевым кличем на устах! (фр.) Пушкин даже в этой ситуации не изменил своей натуре и, желая рассеять мрачные мысли, “подколол” дядюшку. П. И. Бартенов позже писал: “Нам передавали современники, что, услышав эти слова от умиравшего Василия Львовича, Пушкин направился на цыпочках к двери и шепнул собравшимся родным и друзьям его: “Господа, выдемте; пусть это будет последние его слова”.

Ни дневниковой записи Вяземского, ни письму Пушкина не суждено было увидеть свет ещё долго. Зато долго жил Вяземский, и через 44 года в “Русском архиве” он “вспомнил” слова Василия Львовича:

“А вот ещё историческое предсмертное слово. “Как скучен Катенин!” – воскликнул В. Л. Пушкин умирающим голосом. Это исповедь и лебединая песнь литератора старых времён, т. е. литератора прежде всего и выше всего”.

Хотите спросить: так что же всё-таки произнёс пушкинский дядя? Вероятней всего, фразу, запомнившуюся Александру Сергеевичу. Но не без иронии подметила Елена Рабинович:

“Нельзя не заметить, что эффектного “Как скучен Катенин!” Василий Львович не говорил, а “как скучны статьи Катенина!” звучит гораздо менее эффектно, то есть слова эти Вяземский сознательно или, скорее, бессознательно подредактировал ещё в записи 25 августа 1830 года”.

Так или этак попопозался с миром и литературой суждением о Катенине Василий Пушкин, сегодня уже не суть важно. Однако примечательно, что слова Василия Львовича оказались в некотором роде пророческими. После 1832 года Катенин забросил литературу и заперся в своём имении, где жил уединённо, озлобленный и глубоко разочарованный, оттого что читатель не оценил его “должным” образом. Что же касается дяди Пушкина, то, как в таких случаях говорится, вся литературная Москва пришла с ним проститься. За гробом милого говоруна и забавного остряка шли поэты и прозаики: П. А. Вяземский, И. И. Дмитриев, П. И. Шаликов, Н. М. Языков, М. П. Погодин, Н. А. Полевой и любимый племянник покойного Александр Пушкин. Современники рассказывали, что всю дорогу за гробом от Старой Басманной до Донского монастыря Пушкин прошёл пешком – мрачный и подавленный.

Хлопоты и расходы по похоронам Пушкин взял на себя. Единственным наследством, которое досталось ему после смерти дяди, была печатка XVIII века, когда-то полученная Василием Львовичем от отца. В 30-х годах Пушкин запечатывал этой печатью свои письма.

1831 год – уходит из жизни Антон Дельвиг. Лицейскому другу было 32 года. О безвременной смерти праздного сибарита, “сына лени вдохновенного” и насмешника Пушкин, находясь в Москве, узнает от Плетнёва только через четыре дня. Поэтому ни Пушкин, ни его московские друзья на предание земле барона Дельвига в Петербурге на Волковом*, которое состоялось 17 января, не успевали. Через 10 дней после похорон москвичи – Пушкин, Баратынский, Вяземский и Н. Языков – после панихиды “совершили тризну” по нему. Трагическая судьба Дельвига подтверждает пушкинские слова, какие он написал, размышляя о Грибоедове, о превратностях литературной славы: *“Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов”.*

Дельвиг и Пушкин были не похожи ни характерами, ни внешностью. Но у них, говоря высоким стилем, была общность эстетических потребностей и духовного устремления. После Грибоедова только по Дельвигу Пушкин изливал так свою горечь постигшей утраты, которая для него была и личная, и литературная. Из письма Плетнёву:

“Ужасное известие получил я в воскресенье. <...> Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нём как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изю всех связей детства он один оставался на виду – около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? Ты, я, Баратынский, вот и всё.

Вчера провёл я день с Нащокиным, который сильно поражён его смертью, – говорили о нём, называя его “покойник Дельвиг”, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! Согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так.

Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров – и постараемся быть живы”.

“Постараемся быть живы” – сказано тут совсем не для красного словца. Скорбь об утрате друга позже выльется у Пушкина в строфу стихотворения, написанного к лицейской годовщине в 1831 году:

* В 1934 году его прах перенесён в некрополь мастеров искусств (Тихвинское кладбище Александро-Невской лавры).

*И мнится, очередь за мной,
Зовёт меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных,
Навек от нас утекший гений.*

Строки об ушедшем друге появлялись неоднократно в переписке с друзьями:

“Помимо прекрасного таланта, то была отлично устроенная голова и душа незаурядного закала. Он был лучшим из нас. Наши ряды начинают редеть”.

“<его> жизнь была богата не романическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами”.

“Я знал его в Лицее – был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души – и таланта, которому ещё не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского – с ним толковал обо всём, что душу волнует, что сердце томит”. (Выделено Пушкиным. – А. Р.)

Характерная деталь: Пушкин посвящает Дельвигу, если не ошибаюсь, больше, чем кому-либо, стихотворных строк: “Послушай, муз невинных...”, “Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...”, “Любовью, дружеством и ленью...”, “Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил...”, “Послание Дельвигу” (“Прими сей череп, Дельвиг: он...”, “Кто на снегах возматил Феокритовы нежные розы?..”, “Сонет” (“Суровый Дант не презирал сонета”), “Дельвигу” (“Мы рождены, мой брат названный...”), “Чем чаще празднует Лицей...”, “Художнику” (“Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую...”). За несколько лет до смерти друга в стихотворении “К Языкову” (1824) Пушкин написал о Дельвиге: “Мой брат по крови, по душе”. По нынешним понятиям, сказал самое главное, что люди говорят друг другу: ты и я – мы одной крови, мы оба разумные люди, при любых обстоятельствах умеем “сохранить мир своей души, своих интересов, среди которых интерес к литературе – самый главный”.

Причём Пушкин высоко ценил Дельвига как поэта. И, думается, дружеские отношения не были тому причиной. Пушкин отмечал у него необыкновенное чутье изящного, умение не допускать ничего запутанного, “лишнего, неестественного в описаниях, напряжённого в чувствах”.

Колоритная история: происходя из старинного рода лифляндских баронов, до поступления в Лицей Антон не знал немецкого языка. Зато русским языком владел виртуозно. И русскую литературу, по свидетельству директора лицея Е. А. Энгельгардта, он знал лучше всех своих товарищей. Редкий, даже уникальный для той эпохи случай: в нём не было ничего иноземного. Слова знаменитого романа “Соловей мой, соловей” (1825), воспринимаемые многими как народные, принадлежит перу Дельвига и изначально были посвящены Пушкину, отправленному из столицы на Юг. Помнится, я упоминал, что даже Пуцин своему другу, когда тот пребывал в Кишинёве, а позже в Одессе, писем не писал. И я понимаю его – вроде как не о чем было: точек соприкосновения не находилось. Тогда как между Дельвигом и Пушкиным переписка не прерывалась. Им было, о чём поговорить.

В те годы, с 1821-го по 1825-й, Дельвиг служил в Императорской публичной библиотеке – был помощником библиотекаря, Ивана Андреевича Крылова. Лениость не помешала Дельвигу стать недурным издателем. Он редактировал альманахи “Северные цветы”, составившие конкуренцию “Полярной звезде” Рылеева, и “Подснежник”.

В конце 1829 года родилась идея “Литературной газеты”. Пушкину было отказано в издании газеты. Разрешение было получено Дельвигом, но при условии отказа от публикации политических известий. Новое периодическое издание, выходившее раз в 5 дней, поддержано Жуковским, Крыловым, Вяземским, Баратынским, Плетнёвым, Катениным, Ф. Глинкой, Кольцовым,

Д. Давыдовым. Пушкин даже готовил его первые номера, а потом передал бразды правления Дельвигу. Главная задача газеты — “знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы европейской и в особенности российской” и противостоять “торговой журналистике” Ф. Булгарина, М. Погодина, Н. Полевого, Н. Греча, О. Сенковского*. Первое говорится вслух, второе подразумевается.

Ещё была задумка-надежда, что издание будет прибыльным. Но выгоды газета не принесла, к тому же просуществовала недолго — была запрещена. Поводом для закрытия стала даже не публикация, а процитированные четыре строки из стихотворения французского поэта Казимира Делавиня на тему об открытии в Париже памятника жертвам Июльской революции. Они были расценены цензурой как прославление революции 1830 года.

Сам факт отстранения Дельвига от редакторства и последующей ликвидации, как теперь в таких случаях говорят, оппозиционной газеты породил цепочку мифов о смерти барона. Одни с уверенностью очевидцев сегодня рассказывают, будто за этот “проступок” Дельвига вызвал Бенкендорф. Мол, шеф жандармов гневно кричал на него, грозил всю троицу (Дельвига, Пушкина и Вяземского) упечь в Сибирь. Такое поведение Бенкендорфа настолько потрясло впечатлительного, нежного душой и сердцем Дельвига, что он, покинув кабинет могущественного чиновника, сел на улице на скамейку и просидел на морозе несколько часов без движения (дело происходило зимой), отчего заболел и спустя месяц умер от воспаления лёгких.

Другие столь же убеждённо уверяют, что редакционные обстоятельства были ничто по сравнению с душевными страданиями его семейной жизни. Мол, однажды он застал свою жену в объятьях брата поэта Боратынского Сергея, был травмирован её изменой, отчего “впал в апатию”... и скончался. Этакая печально-романтическая версия.

Третьи убеждены, что причиной его смерти был тиф.

В реальности всё было куда проще. Дельвиг, к сожалению, с детства не отличался крепким здоровьем. Подхватить заурядную простуду было для него обычным делом. Даже в его письмах нередко присутствуют строки о плохом самочувствии. Вот в марте 1825 года он пишет Пушкину из Витебска:

“Милый Пушкин, вообрази себе, как меня судьба отдаляет от Михайловского.

Я уж был готов отправиться за Прасковьей Александровной к тебе, вдруг приезжает ко мне отец и берёт с собою в Витебск. Отлагаю свиданье наше до 11-го марта, и тут вышло не по-моему. На четвёртый день приезда моего к своим попадаюсь в руки короткой знакомой твоей, в руки Горячки, которая посетила меня не одна, а с воспалением в правом боку и груди. Кровоупускание и шпанские мухи сократили их посещение, и я теперь выздоравливаю и собираюсь выехать из Витебска в четверг на святой неделе, следовательно, в субботу у тебя буду...”

А в феврале 1827 года он вынужден по издательским делам обратиться к Бенкендорфу:

“Ваше превосходительство милостивый государь Александр Христофорович.

*Продолжительная болезнь до сих пор лишает меня возможности лично исполнить препоручения Александра Сергеевича Пушкина. Осмеливаюсь передать их в письме Вашему превосходительству. Прилагаю при сём в особенном пакете пять сочинений Пушкина: поэма “Цыганы”, два отрывка из третьей главы “Онегина”, “19-е октября” и “К***”.*

В один из январских дней начавшегося 1831 года у него подскочила температура. Вызванные к больному врачи Арендт и Саломон (те самые, что через 6 лет будут пытаться помочь Пушкину) констатировали пустяковую простуду. Но, проболев несколько дней, он скончался. Простуда обернулась, как тогда говорили, смертельной болезнью “гнилою горячкой”, сегодня сказали бы, что Дельвиг умер от осложнения при гриппе. Банальная причина смерти современников не устраивала, и они единодушно утверждали, что

* Последнего современный читатель, возможно, припомнит по знаменитому псевдониму его — “барон Брамбеус”. Имя этого критика и беллетриста, любимца русской публики 30-х годов, считалось “синонимом остроумия и глубокомыслия”. Однако с подачи критиков С. Дудышкина и Д. Писарева он вошёл в историю с определением “Сенковский — дилетант русской словесности”.

поэт не пережил унижения от царского сатрапа. Тем не менее, обвинение Бенкендорфа в смерти Дельвига из разряда обвинения его в смерти Пушкина.

Была ли повинна в его смерти жена Софья Михайловна? Нельзя исключить, что экзальтированная, не склонная отказаться ни от бесконечных новых знакомств, ни от постоянных увлечений, она, возможно, доставляла поэту горькие минуты. Но он их скрашивал на стороне. Дельвиг, несмотря на всю свою лень, женщин любил. Да и не было для него новостью её внимание к другим мужчинам. Кстати, чуть ли не единственной подругой жены Дельвига в Петербурге была Анна Петровна Керн, женщина очень тщеславная и своенравная, не только мужчин, но и женщин привлекавшая своей “трогательной томностью в выражении глаз, улыбки, в звуках голоса”. Поселившись по соседству с Дельвигами на Загородном проспекте, в доме купца Кувшинникова, Анна Петровна так много времени проводила с семейством Дельвигов, что складывалось впечатление, что она не дружески их посещает, а живёт у них.

Будучи свободной женщиной, Керн мечтала о поклонении и успехе в кругу литераторов. Это сблизало 20-летнюю Софью Михайловну с многоопытной кокеткой Анной Петровной, у которой тогда были присущие ей близкие отношения с хозяином дома. Как позже в своих воспоминаниях напишет Керн, Дельвиг даже надписал на подаренном ей экземпляре поэмы Боратынского “Бал”: “Жене № 2-й от мужа безномерного”. Брат Дельвига Андрей, живший в ту пору в доме поэта, откровенно недолюбливал Керн, считая, что она “с непонятной целию хочет поссорить Дельвига с его женою”.

После смерти Дельвига в том же году Софья Михайловна вышла замуж за Сергея Боратынского, который уговорил молодую вдову составить его счастье. Изменилась ли она после этого? Вряд ли. В 19 лет став баронессой Дельвиг* и овдовев спустя 6 лет, она вряд ли в свои 25 лет утратила легкомыслие и пылкость женской натуры. Позволю себе думать, что Софья Михайловна не могла и не хотела противостоять новым увлечениям.

Что же касается закрытия “Литературной газеты”, то винить здесь одного лишь генерала Бенкендорфа вряд ли следует. Справедливой будет сказать, что здесь совпали интересы Александра Христофоровича и Фаддея Венедиктовича Булгарина. Именно в ту пору издатель “Северной пчелы”, чьё творчество подвергалось осмеянию на страницах выпускаемой Дельвигом и Пушкиным газеты, начал свою ответную кампанию против “обидчиков”. “Северная пчела” развернула открытую травлю Пушкина. Булгарин обвинил “Литературную газету” в политической неблагонадёжности, привлекая тем самым к ней внимание III Отделения. В результате та была взята жандармским ведомством, как сказали бы специалисты, в разработку. “Литературная газета” в ответ на это публиковала эпиграммы и памфлеты, разоблачая Булгарина как агента и шпиона, работающего, засучив рукава, на ведомство Бенкендорфа. Авторы обоих изданий сцепились не на шутку. И когда в октябре 1830 года в “Литературной газете” промелькнула цитата из стихотворения К. Делавиня, Бенкендорф вмешался.

Почему? Ничего личного. Решение графа Александра Христофоровича Бенкендорфа абсолютно вписывается в его жизненные принципы. Для него Дельвиг – ещё один поэт и ненавистник всякой власти. Ибо исповедует идеи, которые чрезвычайно опасны. И, следовательно, для государственного порядка и общественного спокойствия он, если глянуть в суть, опасный революционер.

На чём строилась логика Бенкендорфа? Когда Дельвиг издавал альманах “Северные цветы”, среди авторов его сплотился круг поэтов, близкий к идеям декабристов? Сплотился!

“Литературная газета”, которую барон затеял выпускать, печатала, пусть даже анонимно, стихи сосланных декабристов Бестужева и Кюхельбекера? Печатала!

И с Пушкиным, политически неблагонадёжным человеком, состоящим под надзором полиции, Дельвиг в друзьях? В друзьях! Одного поля ягоды, выученики Лицея.

В августе Дельвиг получил выговор за фразу “аристократов к фонарю”, взятую из французской революционной песни? Получил! Но выводов не сделал.

* До этого у неё уже были два романа – с однокурсником Пушкина и Дельвига по Лицею Константином Гурьевым и с будущим декабристом Петром Каховским, который даже сватался к Софье, но получил отказ от её отца.

Потому как через два месяца, в октябрьском номере в газете уже не фраза, а целое зловредное четверостишие процитировано.

Разве мало оснований для отстранения Дельвига от редактирования газеты? Вот и Булгарин говорит, что лучше бы “Литературную газету” прикрыть. А он плохого не посоветует.

Что уж скрывать, это был не единственный случай, когда Александр Христоворвич становился на сторону Фаддея Венедиктовича — были они тоже “одной крови”, оба разумные люди, при любых обстоятельствах умели сохранить мир своей души, своих интересов, которые просто не совпадали с миром душ Пушкина и Дельвига.

Не в том дело, что подобная реконструкция событий, как кому-то покажется, упрощена. А в том, что она воспроизводит обыденное мышление, присутствующее не только заурядным полицейским и обывателям, но и высокопоставленным чинам.

Напоследок осталось отметить ещё одну ниточку, протянувшуюся между друзьями с лицейских лет. Именно Дельвиг заказал художнику О. А. Кипренскому портрет Пушкина, а затем гравёру Н. И. Уткину — сделать гравюру портрета для “Северных цветов”*. Он же настоял, чтобы на заднем плане появилось изображение Музы в виде небольшой античной бронзовой статуи, держащей в руках лиру.

1836 год — весной, после продолжительной болезни, умерла Надежда Осиповна Пушкина. Сейчас трудно сказать, с чего и как её болезнь начиналась. С чего вести отсчёт: с появления первой боли, с первого приглашения врача, с времени озвученного диагноза, с впервые услышанного от врачей приговора? Или с поиска возможной причины болезни?

Можно лишь заметить, как мать Пушкина захватывала болезнь, растянувшаяся на несколько лет, которые пролетели как один миг. В сентябре 1831 года его сестра Ольга писала мужу, что дела у отца очень плохи: “... он должен в казну 175 000 рублей и не в состоянии заплатить проценты”; ему грозит продажа имения с молотка.

Можно ли увидеть причину болезни в бесхозяйственности мужа, итогом которой становятся безденежье и неустроенность жизни, заботы и волнения, подтачивающие её и без того слабое здоровье? Пройдёт немного времени, и Евпраксия Николаевна Вревская**, заметив, что здоровье Н. О. Пушкиной продолжает ухудшаться, а “на докторов нет денег”, сочтёт необходимым подарить Надежде Осиповне тёплую шубку.

Проболел всю зиму 1834–1835 годов, она стала, по её собственным словам, такой старой и худой, что внучка и внук даже пугались при виде своей бабушки. В октябре 1835-го родители Пушкина живут в Петербурге: Надежда Осиповна — у своей подруги В. А. Княжниной, а Сергей Львович пользуется приятельским гостеприимством графа П. А. Толстого. Приехавшая в связи с болезнью матери из Варшавы дочь ещё не нашла родителям квартиру, платит за которую нечем.

Здоровье Надежды Осиповны ухудшалось с каждым днём. Его не добавляет полученное с Кавказа письмо её любимца Льва, как всегда, писавшего о своих долгах. Ольга Сергеевна в письме сетует мужу на то, что сейчас нет здесь Александра, который имеет талант успокаивать мать.

* Этот портрет Кипренского находился в семье Дельвига до смерти хозяина, после чего Пушкин выкупил его у вдовы друга. Ныне знаменитое полотно можно видеть в Третьяковской галерее. Гравюра с портрета Пушкина была отпечатана на титульной странице альманаха “Северные цветы” за 1828 год. Сама же гравюра позднее оказалась в коллекции у приятеля Пушкина Ф. Ф. Вигеля, который затем передал её в дар Московскому университету.

** Е. Н. Вревская — дочь П. А. Осиповой от её первого брака с Н. И. Вульфом. “Хозяйка пиров” в Тригорском, разливавшая по чашам серебряным ковшиком жёлнку, любимую Пушкиным. Он называл её Зина, Зизи. Их отношения со временем обернулись доброй дружбой. Вскоре после женитьбы Пушкина она тоже вышла замуж и переехала в имение Голубово в 18 вёрстах от Тригорского. Муж её, барон Б. А. Вревский, был другом Льва Пушкина. В замужестве она родила 11 детей. В последний раз с Пушкиным она виделась 26 января 1837 года в Петербурге у родственников мужа. Он сообщил ей о предстоящей дуэли с Дантесом и о всех предшествовавших обстоятельствах, “открыл ей всё своё сердце”, но Евпраксия Вревская “не умела или не смогла помешать” гибели поэта. Неизвестно, какие подробности сообщил ей при фактически предсмертной встрече Пушкин, но с того момента её ранее тёплые отношения с Натальей Николаевной были испорчены.

Вернувшийся из Михайловского в Петербург Пушкин ошеломлён последними семейными событиями. Из письма П. А. Осиповой, датированного 26 октября 1835 года:

“Бедную мать мою я застал почти при смерти, она приехала из Павловска искать квартиру и вдруг почувствовала себя дурно у госпожи Княжнинной, где остановилась. Раух и Спасский потеряли всякую надежду. В этом печальном положении я ещё с огорчением вижу, что бедная моя Натали стала мишенью для ненависти света. Повсюду говорят: это ужасно, что она так наряжается, в то время как её свёкру и свекрови есть нечего и её свекровь умирает у чужих людей. Вы знаете, как обстоит дело. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человек, имеющий 1200 крестьян, был нищим. Стало быть, у отца моего кое-что есть, а у меня нет ничего. Во всяком случае, Натали тут ни при чём, и отвечать за неё должен я. Если бы мать моя решила поселиться у нас, Натали, разумеется, её бы приняла. Но холодный дом, полный детворы и набитый гостями, едва ли годится для больной. Матери моей лучше у себя. Я застал её уже перебравшейся. Отец мой в положении, всячески достойном жалости. Что до меня, я исхожу жёлчью и совершенно ошеломлён. Поверьте мне, дорогая госпожа Осипова, хотя жизнь и сладкая привычка, однако в ней есть горечь, делающая её, в конце концов, отвратительной, а свет – мерзкая куча грязи. Тригорское мне милее...”

В начале 1836 года боль в печени у Надежды Осиповны стала невыносимой, и врачи пришли к выводу, что организм перестал справляться с болезнью. Это время, самое тяжёлое для неё, Александр Сергеевич провёл рядом с ней. Тронутая вниманием сына и тем, как он заботится о ней, пытается облегчить муки, Надежда Осиповна решилась на откровенный разговор. Вспоминая былое, говоря, что “сожалеет о несправедливом отношении”, просила прощения. Матери, всю жизнь не скрывавшей предпочтения, которое оказывала сперва дочери, а потом – меньшему сыну Льву Сергеевичу, нелегко дались эти предсмертные слова.

15 марта П. А. Вяземский сообщает И. И. Дмитриеву, что “теперь бедный Пушкин печально озабочен тяжкою и едва ли не смертельною болезнью матушки своей”. Она умерла 26 марта, не дожив трёх месяцев до 61-го года. После её кончины Александр Сергеевич всё повторял, что судьба жестоко с ним обошлась и он “недолго пользовался нежностью материнской”.

Сопровождать тело матери для погребения в Святогорский монастырь Пушкин отправился единственный из всей семьи. 13 апреля, похоронив родительницу, он рядом с её могилой купил участок земли для себя, заплатив монастырю за это 10 рублей. Подарил также обители икону Богородицы в серебряном окладе и бронзовый подсвечник, отделанный малахитом.

Именно в тот день, 13 апреля 1836 года, передавая Дмитриеву первую книжку “Современника”, Вяземский небезразлично выскажется, совмещая литературное и жизненное:

“...самого же Пушкина здесь нет... Скончалась его матушка, и он отправился в Псковскую губернию, где она желала быть погребена. Печальные заботы его в продолжении болезни и при самой кончине её, может быть, повредили лучшей отделке и полноте первой книжки”.

Каждая из смертей заставляла задуматься об уготованной ему самому судьбе. Ещё в 1830 году своё понимание жизни Пушкин выразил в строчке: “Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать”. И надо заметить, лирический герой не отвергает такую, глубоко трагичную, жизнь. А сама жизнь, особенно важно, не виделась ему как нечто такое, что необходимо устранить.

Похоже, самым большим страданием Пушкина той поры – смерть матери это только подтвердила – были его заботы, как тогда говорили, по приисканию денег. Как, впрочем, и ранее, когда скончался дядюшка Василий Львович, в те дни племянник, подтрунивая над “другим Пушкиным”, который даже перед кончиной продолжал литературные споры, вынужден был признать, что “хлопоты по сему печальному случаю расстроили опять мои обстоятельства. Не успел я выйти из долга, как опять принуждён был задолжать”.

Он буквально тонул в счетах, которые слетались со всех возможных и невозможных сторон. Порой уже на них, как на рукописях стихотворений, появлялись пушкинские рисунки, запечатлевшие облик жены. Так, на обороте счёта издания альманаха “Северные цветы на 1832 год” Пушкин набрасывает рисунок молодой Натальи Николаевны в платье с пышными рукавами. Он схож

с тем акварельным портретом, который как раз завершил Александр Павлович Брюллов. Ещё когда они жили в Царском Селе, Нащокин в письмах настоятельно требовал прислать ему изображение Натальи Николаевны. Пушкин вынужден был оправдываться, что «портрета не посылает за неимением живописца».

Договориться с Брюлловым смог лишь к декабрю. А тот приступил к работе, вероятно, только в январе. К тому времени были доставлены и выкупленные Нащокиным по поручению Пушкина бриллианты жены, в них она и позировала художнику. Это единственный известный портрет Натальи Николаевны, исполненный при жизни Пушкина. На полотне прелестная 19-летняя Натали изображена в открытом бальном платье с высокой причёской по тогдашней моде, с ниткой жемчуга с подвеской на лбу и с длинными бриллиантовыми серьгами в ушах.

В живописи подобные полотна относят к жанру портрета женщины, изукрашенной драгоценностями. И что важно, ювелирные украшения из драгоценных камней, выписанные с большой тщательностью, здесь не отходят на второй план, а, напротив, являются важными участниками композиции. Благодаря тончайшей проработке драгоценностей, они выглядят «как живые» и свидетельствуют о статусе женщины.

Выразительный портрет, исполненный А. П. Брюлловым, отразил тип романтической женщины того времени, идеалом которой стало «неземное» создание, подобное мотыльку. Парадный по своему характеру, он ограничивался «прелестной головкой» и перемещался в область прозрачной акварели с эффектом воздушности. В этом ряду известных портретов «пушкинских» женщин Натальи Гончаровой, Дарьи Фикельмон, как ни грустно, уже не видна личность портируемой. Она заслонена пышностью нарядов и роскошью драгоценных атрибутов. Предпочтение отдавалось украшениям с жемчугом. Ведь их носили венценосные особы королевских династий Европы, российские императрицы и самые состоятельные дамы высшего света, которые видели в роскоши украшений символы власти, престижа и богатства. В отдельных случаях у таких портретов была ещё одна цель — показать, что красоту хозяйки невозможно затмить.

В ситуации с Пушкиным, если задуматься, такой портрет являл собой явный нонсенс. Начало XIX века, когда А. П. Брюллов писал портрет Натальи Пушкиной, было куда ближе XVIII столетию (приходится вспомнить, что XVII-XVIII века стали периодом возникновения первых школ ювелирного искусства), нежели нынешнему XXI веку. Сегодня никого не удивит особа, заходящая днём в супермаркет в затрапезных джинсах и с бриллиантами в ушах. Всё течёт, всё меняется. А тогда язык украшений и драгоценных камней был у всех «на слуху».

Бриллиантовый этикет был строг, имелись неписанные, однако строгие правила выбора и ношения украшений. Комбинировать «короля драгоценных камней», особенно кристаллы «чистой воды», с другими драгоценными камнями правила запрещали. Считалось, что огранённые алмазы вполне самостоятельны в своём образе. Этикет особенно был строг в отношении жемчуга, так как было известно, что жемчуга приглушают броскость алмазов, как говорилось, спуская их с облаков на землю.

И есть ещё одна маленькая, но существенная деталь. Натали по знаку Зодиака была «девой». И если у человека, родившегося под этим знаком, слабый характер, то жемчуг ему противопоказан. Он только может усугубить жизненную ситуацию.

Вот и получается, что в нашем случае портрет жены говорил не о богатстве, тем более не о власти, а скорее о тщеславии заказчика-мужа. Потому что в реальной жизни Пушкин издерживал явно больше, чем зарабатывал. Размер назначенного царём жалованья был несопоставим с тратами. После закрытия «Литературной газеты», пытаясь найти выход, Пушкин замыслил было издавать газету под названием «Дневник», но затея провалилась, не начавшись. Официальная записка, где он обосновывал своё желание выпускать ежедневную газету, поданная в III Отделение в мае 1832 года, провалилась там до октября (Бенкендорф отсутствовал). Осенью разрешение было дано при условии, что ответственным редактором газеты станет Н. И. Тарасенко-Отрешков, тесно связанный с III Отделением.

В июле 1833 года после рождения сына Александра Пушкин более всего озабочен поиском денег: он ведёт переписку с переводчиком Морского

министерства А. А. Ананьиним о получении взаймы полутора-двух тысяч рублей, потом берёт в долг у книгопродавца И. Т. Лисенкова три тысячи рублей на полгода.

В том же 1833 году 1 сентября, в день очередных выплат по счетам, Наталья Николаевна, в отсутствие мужа, пишет брату Дмитрию письмо с просьбой денег:

“По поводу денег у меня к тебе просьба, которая, возможно, удивит тебя, но что делать, я сейчас в таком затруднительном положении и не могу обратиться к мужу, местопребывания которого не знаю, потому что он путешествует по России и только в конце сентября или начале октября будет в своём Нижегородском поместье, вот почему я беру на себя смелость умолять тебя помочь мне в том стеснённом положении, в каком я нахожусь, прислав по крайней мере несколько сот рублей, если, конечно, это тебя не обременит, в противном случае откажи мне наотрез и не сердись, что я обратилась к тебе с этой просьбой. Будь уверен, дорогой друг, что только необходимость вынуждает меня прибегнуть к твоему великодушию, так как иначе я никогда бы не решилась беспокоить тебя...”

Дело в том, что Наталья Николаевна сняла новую квартиру, которая дороже предыдущих, и при заключении контракта с хозяином дома должна была выплатить аванс:

“Муж мой оставил мне достаточно денег, но я была вынуждена все их отдать хозяину квартиры, которую только что сняла; я не ожидала, что придётся дать задаток 1600 рублей, вот почему я теперь без копейки в кармане. Ради бога, ответь мне поскорее; до 15 числа этого месяца твоё письмо ещё может застать меня на Чёрной речке, а позднее я буду уже в городе. Я дала бы тебе адрес моего нового дома, но я сама ещё точно его не знаю; мне кажется, это дом некоего г-на Оливье, но вряд ли это тебе поможет”.

Насколько разумно Наталья Николаевна распорядилась оставленными ей деньгами? Боюсь, спустя без малого два века на этот вопрос не ответить. Да и сам Александр Сергеевич в этой области большим умением не отличался. Можно предположить, что сердце-вещун не зря ему в те дни диктовало письмо жёнушке:

“Мой ангел, кажется, я глупо сделал, что оставил тебя и опять начал кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги Параша, повар, извозчик, аптекарь и т. д., у тебя не хватает денег, Смирдин перед тобой извиняется, ты беспокоишься – сердисься на меня – и поделом”.

С весны 1834 года в отношениях с отцом у Александра Сергеевича всё больше преобладали финансовые “разборки”. Сам он сложившуюся ситуацию в письме к Нащокину (март 1834 года) излагал так:

“Обстоятельства мои затруднились ещё вот по какому случаю: на днях отец мой посылает за мною. Прихожу – нахожу его в слезах, мать в постеле – весь дом в ужасном беспокойстве. Что такое? Имение описывают. – Надо скорее заплатить долг. – Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя. – О чём же горе? – Жить нечем до октября. – Поезжайте в деревню. – Не с чем. – Что делать? Надобно взять имение в руки, а отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты. А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва...”

Взяв управление болдинским имением на себя, в чём, надо признать, не был сведущ, Пушкин надеялся, что сможет спасти Болдино от разорения, до которого довёл его отец, и тем самым обеспечить будущее своих детей. Болдино приносило 22 тысячи рублей в год. Но одного казённого долга на нём числилось 190 тысяч, требовавших уплаты 12-ти процентов годовых. Чистого дохода оставалось едва 10 тысяч. Из них по полторы тысячи рублей в год полагалось платить Ольге и Льву. Отцу с матерью оставалось около семи тысяч рублей.

Однако эти доходы не в состоянии были покрыть беспардонные траты, какие позволял себе брат Лев Сергеевич. Он, например, снимал в Петербурге лучшие гостиничные номера по 200 рублей в неделю, занимал тысячи рублей, ссылаясь на старшего брата, и тут же проигрывал их, беспечно тратил деньги, которых не имел, а платить за него приходилось Александру Сергеевичу. Зачастую в приходящих от него письмах, написанных в это время, речь шла только о денежных тратах. Пушкин пытался на цифрах показать брату трудное материальное положение всей семьи и непомерные его, Льва, расходы,

но безрезультатно. Весной 1835 года Александр Сергеевич в очередной раз писал ему:

“Надо надеяться, что... ты займёшься собственными делами и потеряешь свою беспечность и ту лёгкость, с которой ты позволял себе жить изо дня в день. С этого времени обращайся к родителям. Я не уплатил твоих мелких карточных долгов, потому что не трудился разыскивать твоих приятелей — это им следовало обратиться ко мне”.

По отношению к брату Пушкин был нередко резок, называл его “ветрогоном и лентяем”, но в одном из писем жене (летом 1834 года) справедливо писал:

“Лев С. <ергеевич> очень себя дурно ведёт. Ни копейки денег не имеет, а в домино проигрывает у Дюме по 14 бутылок шампанского”.

Не лучше вёл себя и муж сестры Павлищев, который постоянно предъявлял Пушкину денежные претензии, ссылаясь на нужду, которую испытывает Ольга Сергеевна. Ещё не получив от Сергея Львовича доверенности на управление Болдином, Пушкин в один месяц вынужден был выплатить отцу 866 рублей и за Льва Сергеевича 1330 рублей. Как писал Пушкин Павлищеву, “состояние моё позволяет мне не брать ничего от доходов батюшкина имения, но своих денег я не могу и не в состоянии приплачивать”. Финансовые хлопоты, регулярно возникающие из-за родственников, признавал он, “испортили мне столько уже крови, что все пиявки дома нашего её мне не высосут”.

В 1834 году Пушкин получает “приданое” Натали — двух её сестёр, которые поселились в его доме и жизнь которых надо было устраивать. Старшую, Екатерину, берут во фрейлины, но без предоставления места во дворце. Её светская жизнь тоже требовала немалых затрат, которые в той или иной мере становятся дополнительной нагрузкой для пушкинского бюджета.

А ещё приходилось брать на себя заботы Натальи Николаевны о любимом её брате Сергее, который служил в Новгороде, имея жалованье в 250 рублей, из которых должен был платить за квартиру, содержать прислугу и лошадей.

Не будет сгущением красок сказать, что выплата долгов родственников неизменно только ухудшала положение самого Пушкина. Потому что стоило ему уплатить одни долги или выкупить выданные “Лёвушкой” векселя, как появлялись новые его кредиторы, прознавшие, что Пушкин готов расплачиваться за брата. После оплаты одних трат Ольги Сергеевны её муж тут же предъявлял следующие счета, оплаты которых он требовал обычно от своего тестя в виде обещанного содержания Ольги Сергеевны.

В конце концов, Пушкин выделил Льва Сергеевича, о чём написал ему по возможности сдержанное письмо:

“Я медлил с ответом тебе, потому что не мог сообщить ничего существенного. С тех пор, как я имел слабость взять в свои руки дела отца, я не получил и 500 р. дохода; что же до займа в 13 000, то он уже истрачен. Вот счёт, который тебя касается:

*Энгельгардту 1330
В ресторацию 260
Дюме 220 (за вино)
Павлищеву 837
Портному 390
Плещееву 1500
Сверх того ты получил ассигнациями 280
(в августе 1834 г.) золотом 950*

итого 5767

Твоё заёмное письмо (10 000) было выкуплено. Следовательно, не считая квартиры, стола и портного, которые тебе ничего не стоили, ты получил 1230 р.

Так как матери было очень худо, я всё ещё веду дела, несмотря на сильнейшее отвращение. Рассчитываю сдать их при первом удобном случае. Постараюсь тогда, чтобы ты получил свою долю земли и крестьян. Надо полагать, что тогда ты займёшься собственными делами и потеряешь свою беспечность и ту лёгкость, с которой ты позволял себе жить изо дня в день. (С этого времени обращайся к родителям). Я не уплатил твоих мелких карточных долгов, потому что не трудился разыскивать твоих приятелей — это им следовало обратиться ко мне”. (Пер. с фр.)

В новогодние дни (3 и 4 января) 1835 года Пушкин с женой и дочерью навещает родителей в новой их квартире и даёт им на расходы 165 рублей. Надежда Осиповна в письме к дочери рассказывает об их приходе и делится новостями, что больна, что очень слаба, что Натали много выезжает со своими сёстрами:

“... однажды она привела ко мне Машу, которая так привыкла видеть одних щеголих, что, взглянув на меня, подняла крик, и воротившись домой, когда у неё спросили, почему она не захотела поцеловать бабушку, сказала, что у меня плохой чепец и плохое платье”.

Легкомыслие Льва Сергеевича столь велико, что потрясает даже родителей. Ведь младший сын ставит старшего в ситуацию выбора: выплачивая его значительные долги, Александр Сергеевич лишается возможности давать матери и отцу необходимое. Из письма Н. О. Пушкиной дочери:

“Не вини Александра, ежели до сей поры он ничего вам не выслал; это не его вина и не наша, это долги Леона довели нас совершенно до крайности. Заложив последнее наше добро, Александр заплатил, что должен был твой брат, а это дошло до 18 тысяч. Он лишь очень мало мог дать ему на дорогу в Тифлис. В этом месяце он ждёт денег из Болдина и что сможет сделать для вас, сделает непременно, ибо это лежит у него на сердце”.

1 июня 1835 года Пушкин для поправки своих финансовых дел обратился с письмом к Бенкендорфу, понимая, что о нём будет доложено императору. Написание далось ему непросто, рождаются даже два черновика. Он испрашивал разрешения стать издателем политической и литературной газеты, во всём сходной с “Северной пчелой”:

“... что же касается статей чисто литературных (как то пространных критик, повестей, рассказов, поэм и т. п.), которые не могут найти место в фельетоне, то я хотел бы издавать их особо (по тому каждые 3 месяца, по образцу английских Reviews)”.

В издании газеты Пушкину было отказано. После чего для приведения в порядок своих дел он просит царский заём в сто тысяч рублей. Прошение о столь крупном займе осталось как бы незамеченным. Но царь допустил выделение некой суммы, так сказать, на текущие расходы. После доклада Николаю I граф Бенкендорф сделал на письме Пушкина помету-резюме его разговора с императором:

“Есть ли ему нужны деньги, государь готов ему помочь, пусть мне скажет, есть ли нужно дома побывать, то может взять отпуск на 4 месяца”.

Один из двух черновиков содержит набросок пушкинских расходов на год. Первой значится сумма в 6 тысяч рублей за квартиру, снятую с 1 мая 1835 года по 1 июня 1836-го. Далее следует подсчёт стоимости аренды у извозчика Ивана Савельева четвёрки лошадей, закладываемых в экипажи Пушкина, — ещё 4 тысячи рублей. Семейный стол, планирует Пушкин, будет обходиться по 400 рублей в месяц на общую сумму 4800 рублей. Главные статьи расхода составляли сумму 26 800 рублей. Ещё прибавлены разные издержки на тысячу рублей, траты на платье, театр и прочее ещё на 4 тысячи. В итоге набегала сумма в 30 тысяч рублей. Надо понимать, так для себя Пушкин обособывал просимый им займ.

Осень 1835 года оказалась для Пушкина тяжёлой и бесплодной — не было ни одной новой крупной вещи, готовой для печати. “История Пугачёва” потерпела коммерческий крах: отпечатанная огромным, сопоставимым с “карамзинским”, тиражом в 3000 экземпляров книга в продаже, как говорят в таких случаях, не пошла. И в прессе по отношению к поэзии Пушкина ощущается некий поворот. Критик Белинский пишет способные взбесить слова: *“Осень, осень, холодная дождливая осень после прекрасной роскошной весны”.*

Поэтому журнальный замысел — единственный шанс как-то выпутаться из долгов. Пушкин попробовал переориентироваться на Москву: на “Телескоп” Надеждина и “Московский наблюдатель” Андросова, но что-то не удалось. И с петербургским журналом Сенковского “Библиотека для чтения” не сложилось. Собственный журнал нужен был, чтобы содержать семью, помня о выходах в свет Натали, чтобы платить за квартиру, держать на плаву родственников и не забывать слов Николая I, как-то передавшего, что на балу “неприлично ему одному быть во фраке, когда мы все были в мундирах”.

Начало 1836 года внесло некоторые коррективы в планируемое им житьё-бытьё. Лев Сергеевич проигрался в карты. Долг чести составил те самые

30 тысяч рублей, которые Пушкин полагал для “прожитка” всего его семейства в течение года.

Понятно теперь, почему более всего Пушкин в то время озабочен предстоящим изданием вместе с Плетнёвым, при обязательном участии Гоголя, трёхмесячного журнала “Современник”. На него возлагаются последние материальные надежды. В канун нового, 1836 года Пушкин извещён Бенкендорфом о решении императора: издание “позволено через Цензуры” и поставлено в полную зависимость от министра народного просвещения Уварова. Того самого, по поводу которого годом раньше Пушкин заметил: “Царь любит, да псарь не любит”.

Тогда могло сложиться ещё хуже. Бенкендорф подал царю докладную записку о желании Н. А. Полевого* писать историю Петра I. Она составлена им таким образом, что её антипушкинский характер очевиден: Бенкендорф явно протезирует поступившее предложение. Тем не менее Николай I мнение Бенкендорфа не поддержал, отдав предпочтение Пушкину:

“Историю Петра Великого пишет уже Пушкин, которому открыт архив Иностранной Коллегии; двоим и в одно время поручить подобное дело было бы неуместно...”

17 марта 1836 года Александру Сергеевичу пришлось заложить за 630 рублей свой брегет и серебряный кофейник. Он должен всем: лавочникам, камердинеру, дровянику, ресторатору, ростовщикам. Дело дошло до того, что Пушкин закладывает чужое серебро, принадлежавшее его свояченице Александре Николаевне Гончаровой (потому что свои шали и жемчуга уже заложены ростовщику Шишкину).

Сохранились письма книгопродавца Беллизара. Первое, датированное августом 1835 года, — довольно вежливое.

“Честь имеем препроводить Вам на обороте счёт расходов по печатанию, гравированию, пересылке и проч. портрета Пугачёва, на сумму р. 750. 15 коп. Мы произвели эти расходы, сделав Вам любезность, и надеемся, что Вы сообразовали их нам немедленно возместить.

К сожалению, <...> мы вынуждены напомнить Вам, что, за вычетом всех произведённых Вами платежей, счёт наших поставок 1834 г. составляет ещё сумму в 1566 р. 38 к.” (Пер. с фр.)

Во втором, датированном мартом 1836 года, уже чувствуется вполне объяснимое раздражение:

“Так как просьбы, с которыми мы обращались к Вам много раз, неизменно оставались без результата, мы вынуждены повторить шаг, который не может быть Вам более донучен, чем он нам неприятен.

При настоящем письме Вы найдёте общую выписку из нашего счёта, откуда следует, что Вы нам должны ещё 1100 р. за книги, отпущенные в 1834 г. (!) и, без малого, такую же сумму за отпущенные в 1835 г.”. (Пер. с фр.)

Только после смерти Пушкина опека удовлетворила претензии Беллизара. Смерть Пушкина подвела итоговую черту — всего в общей сложности за ним числилось полтора ста тысяч долга.

Знаменитая морошка, которую ему принесли перед самой смертью, осталась также неоплаченной. Позже в опеку был представлен счёт из лавки: “29 января отпущено 2½ ф. мочёной морошки, ценою 2 р.”.

История про морошку “ценою 2 р.”, случившаяся в финале жизни, позволяет совсем по-иному взглянуть на время от времени возникавшее у него желание, а иной раз и мечты покинуть Россию, которые оставались мечтами по вполне прозаической причине. Ею было банальное отсутствие денег.

* Николай Алексеевич Полевой — русский писатель, драматург, литературный и театральный критик, журналист, историк и переводчик. Брат критика и журналиста К. А. Полевого и писательницы Е. А. Авдеевой, отец писателя и критика П. Н. Полевого. Будучи идеологом “третьего сословия”, начинал как либерал и позволял себе нападки на дворянскую литературу, но после закрытия издаваемого им журнала “Московский телеграф” по личному распоряжению Николая I за неодобрительный отзыв Полевого о пьесе Н. В. Кукольника “Рука всевышнего отечество спасла” Полевой сменил либеральные взгляды на верноподданнические и стал издавать иллюстрированный ежегодник “Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития, с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей”.

Надо ли говорить, что тревоги душевные, как и заботы семейные, материальные, о том, “чем нам жить будет?”, – не позволяли ему нормально работать. И – вот что в данном случае важно – они не просто мешали работать, а, воспользуясь мыслью Юрия Михайловича Лотмана, бедность в реальном быту оборачивалась “отсутствием независимости, бывшей для Пушкина синонимом чести”. Такое положение уже не только выводило его из себя, оно ломало сознание литературного гения. Тем самым формировалась почва, на которой могла разразиться катастрофа.

Жизнь решает за Пушкина и поворачивается к нему тем боком, где ни счастья нет, ни покоя и воли, где свет не мил. Мечта о бегстве в “обитель дальнюю трудов и чистых нег” осознаётся не реализуемой. Последняя надежда, что, уединившись в деревне, он сможет отстоять свою свободу творчества и наладить денежные дела, тает, едва появившись.

В тревоге за будущее семьи, Александр Сергеевич не находит ничего лучшего, как остаться в Петербурге и принять решение взять ссуду в 30 000 рублей в государственном казначействе, обязавшись погасить её за счёт своего жалованья. Что в результате? Он попадает в ещё большую материальную зависимость от царя, что вызывает депрессию. И самое скверное, что в начале сентября 1835-го Пушкин, приехав в Михайловское и собираясь провести там три-четыре месяца, впервые чувствует, что ему не пишется. А ведь он надеялся, что вдохновение, обычно посещавшее его осенью, вновь возникнет. Но осенние дни текли один за другим, а вдохновение не давало о себе знать. Его письма говорят о нарастающем душевном смятении.

“Писать не начинал и не знаю, когда начну...” (14 сентября).

“Я всё беспокоюсь и ничего не пишу, а время идёт” (21 сентября).

“Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки, а всё потому, что не спокоен” (25 сентября).

“Авось распишусь” (2 октября).

Не расписался. За полтора месяца в Михайловском из-под пера Пушкина вышли всего одно законченное стихотворение (“Вновь я посетил...”) и незавершённая повесть “Египетские ночи/”. При этом он не смог завершить ни одно из ранее начатых им больших произведений. В середине октября он жалуется П. А. Плетнёву:

“Такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен”.

Вместо вдохновения появляются раздражительность и страх по поводу истощения творческих сил. Полученное в середине зимы царское разрешение выпускать журнал “Современник”, который, полагал Пушкин, позволит ему вырваться из тисков постоянного безденежья, надежд не оправдал. Лишь прибавил новых трудностей.

Из своего удаляющегося от тех дней будущего нам легко видеть своеобразные указатели, которые должны были заставить Пушкина “оглядываться”, чтобы осознать, что его выводит из себя, что лишает прочного, надёжного пространства, что ждёт впереди, что, в конце концов, приведёт к смерти. Зачастую представляется, что, не женись он на Гончаровой, избери себе в жёны другую, и быть тогда его судьбе совсем иной. Да, конечно, иной. Но уместно вспомнить простую гештальтистскую аксиому: целое не является простой суммой частей. Стоит заменить один элемент в системе – меняется вся система, меняется её работа, её путь, её смысл.

Тут есть о чём задуматься: а хотел ли он таких изменений? Готов ли был менять в собственной жизни характер своего дела, путь, каким он шёл, сам смысл жизни, какой он находил единственным для себя?

БОРИС ЛАПУЗИН

ПУШКИНА УБИВАЮТ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.*

А. С. Пушкин.

В замечательном нашем, как говорит митрополит владыка Вениамин, “богоспасаемом граде” культура начиналась с Пушкина. Отечественные первооткрыватели этих дальних берегов, первостроители державного поста на Тихом океане, офицеры транспорта “Манджур”, корвета “Гридень” и впоследствии всех других русских кораблей, входивших в Золотой Рог, привносили поэзию великого поэта, и вдохновенная пушкинская муза витала над первыми казармами, мастерскими, церковью, лазаретом, верфью.

Улица, Народный дом, библиотека, первые литературные кружки, ли-тобъединения, литературные вечера, концерты – всё здесь начиналось с именем “Солнца русской поэзии”, как сказал о нём его современник, ли-тератор Владимир Одоевский. Во Владивостоке всегда многое было с Пуш-киным и от Пушкина. Даже то, что в Покровском парке покоится прах вну-чатого племянника А. С. Пушкина Льва Анатольевича – сына младшего брата поэта, – даже в этом есть сакральный смысл.

Камергер высочайшего двора, почётный блюститель Болдинского учи-лица, вице-губернатор Оренбургской области Лев Анатольевич Пушкин умер во Владивостоке в 1920 году и похоронен на Покровском кладбище. Документальное подтверждение этому нашли в архивах архитектор Юрий Лиханский и краевед, почётный гражданин Владивостока Нелли Мизь, а владивостокский предприниматель Сергей Иванов на собственные сред-ства восстановил в Покровском парке могилу внучатого племянника рус-ского гения. С благословения высокопреосвященного Вениамина после утверждения эскиза священником Александром был поставлен крест, уло-жена брусчатка, высажены кусты багульника и даурского можжевельника.

Широко, празднично Владивосток отмечал в 1899 году столетие Алек-сандра Сергеевича. Комиссия городской Думы по организации юбилейных торжеств решила, что “память великого поэта может быть ознаменована наименованием одной из улиц, а именно Госпитальной, части Безымян-ной, 2-й Портовой до Жариковского оврага”. С тех пор в нашем городе это улица Пушкинская. В 1949 году город так же с размахом отмечал 150-летие

классика русской и мировой литературы. Тогда решением Горисполкома было присвоено имя А. С. Пушкина старейшей детской библиотеке.

Пушкинская библиотека на Светланской, 55, отпраздновавшая в 2014 году своё девяностолетие, не просто занималась — специализировалась на пропаганде пушкинского литературного наследия. Здесь проходили пушкинские конкурсы, викторины, пушкинские внеклассные уроки, встречи школьников с писателями, журналистами, краеведами, артистами, знатными горожанами. Выходил рукописный журнал под знаком Александра Сергеевича.

Всё изменилось, когда бывший градоначальник поставил на должность директора Владивостокской централизованной библиотечной системы рок-музыканта, известного фаната и проповедника группы “Мумий-Тролль” С. Г. Соловьёва. Сразу же исчезло с фасада “Детская библиотека-салон им. А. С. Пушкина”. Вместо неё появилась “Библиотека “БУК” (с английского — “книга”). И во всех рекламных материалах, во всех СМИ не упоминается уже, что это “Пушкинская библиотека”. Кому охота отвечать за должностной и административный подлог — никто же не отменял постановления о присвоении имени великого поэта.

Перестроили хорошо отремонтированные прежним руководством помещения: нагородили какие-то антресоли, лестницы, перегородки. Стало выспренно, неуютно, неудобно. Необоснованно сократили книжный фонд. Было 18 тысяч книг, осталось только 15. “А зачем вам столько классики? Включите интернет, там всё есть”, — отвечает библиотечное руководство.

Стало невозможно общаться с читателями библиотекарям, которые по своей профессиональной обязанности должны всю свою работу строить через книгу. Уже и книга здесь не видно, их запертали в закрытые, стиснутые стеллажи. Родители боятся пускать сюда своих младших школьников, да младшие школьники здесь теперь и не приветствуются. Г-н Соловьёв и его ближайшие замы считают, что это не детская библиотека, а молодёжный клуб.

Я приведу один пример работы этого “молодёжного клуба”. Несколько раз навязчиво прошли радио- и телепередачи о библиотечном проекте “Кот Бродский”. Не пушкинский “Кот учёный”, который “всё ходит по цепи кругом; // Идёт направо — песнь заводит, // Налево — сказку говорит...”, а какой-то “Кот Бродского”. Куратор этого проекта, она же его выдумщица Ольга Аристова то по радио, то по телевидению взахлёб рассказывает приморцам, как она преуспела в своём проекте.

(Интересно, что такого нужного из Бродского предлагает Аристова молодым читателям? Неужели то, как Бродский передразнивает Пушкина: “Я вас любил. Любовь ещё, возможно, // что просто боль сверлит мои мозги”? А может то, как Бродский в своём стихотворческом вдохновении глумится над Россией, над её святынями, над русским народом?)

*Се вид Отечества, гравюра.
На лежанке Солдат и Дура.
Старуха чешет мёртвый бок.
Се вид Отечества, лубок.
Собака лает, ветер носит,
Борис у Глеба в морду просит.
Кружатся пары на балу.
В прихожей куча на полу.*

Или, может быть, Ольга Аристова учит нашу молодёжь на стихотворных рекомендациях Бродского, как оказаться в Америке: “А что насчёт того, где выйдет приземлиться, // земля везде тверда: рекомендую США”).

Библиотечная профессия — одна из самых консервативных профессий. В ней издревле всё те же каталоги, формуляры, хоть теперь и с компьютерным обеспечением. Библиотекари, эти квалифицированные посредники между автором и его читателями, эти лоцманы в книжном море, люди, как правило, хорошо знающие литературу, в основном постоянны, от молодости до преклонных лет сохраняют верность своей профессии.

Директор С. Г. Соловьёв начал было сразу же ломать традиционную библиотечную систему в городе, вплоть до того, что попытался отменить

книги в их бумажном виде, заменить на компьютерное чтение, сделать так называемые электронные библиотеки. К счастью, не удалось – возмущение авторитетных библиотекарей остановило перестроечное рвение новоиспечённого начальника-разрушителя. Но многое всё-таки изменил. И самое серьёзное – переместил центр остойчивости библиотечной армады (в городе 22 библиотеки) с отечественной литературы на иностранную. (Нет, не зря С. Соловьёв проходил стажировку в США!).

Библиотеки начали крениться в сторону зарубежных авторов. Я сам видел в прошлом году в библиотеке им. Чехова полку новых книг Ричарда Макгуайра, Скотта Снайдера, Стивена Кинга, Эндрю Тейлора, Арта Шпигельмана и т. д. Рекомендовались комиксы и такие страшилки, как “Американский вампир” или “Анатомия призраков”. На видном месте у входа лежала то ли памятка, то ли наставление “10 книг, после которых срочно хочется жить”: Абдель Селлу, Кен Кизи, Фэнни Флэгг, Элинон Портер... Ни одного русского писателя! Вероятно, г-ну Соловьёву после книг Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Есенина, Гоголя, Толстого, Достоевского “срочно жить” не хочется.

Ну что ж, того, у кого иностранные предпочтения, вряд ли научишь патриотизму. Некоторых наших чиновников ничему не учит даже личный достойный пример самого президента России Владимира Владимировича Путина. (“Путин во время президентской кампании 2008 года в одной из встреч с народом в Лужниках быстрым шагом взлетел на трибуну, читая на весь зал стихотворение Есенина*:

*Если крикнет рать святая:
“Кинь ты Русь, живи в раю!”,
Я скажу: “Не надо рая,
Дайте Родину мою!”*

О том, какую литературу покупают на бюджетные деньги, по какому принципу работает отдел комплектования, какими людьми представлена закупочная комиссия, в какой мере возможен библиотечный попечительский совет, к примеру, по типу библиотечного попечительского совета Находки, почему в той же детской библиотеке нет общественного совета родителей, учителей, воспитателей – это отдельный разговор, а сейчас продолжим о Пушкине.

В начале Пушкинской улицы в уютном благоустроенном сквере недалеко от Пушкинской библиотеки стоял замечательный бюст великого поэта работы всемирно известного выдающегося скульптора, лауреата российских государственных и международных премий, народного художника СССР Михаила Константиновича Аникушина. Памятник удивительный! Александр Сергеевич стоял здесь с романтически устремлённым взором на бухту Золотого Рога, утверждая необходимость, важность, обязательность русской литературы в нашем городе.

Бюст подарил Владивостоку скульптор, вернее, у него, будучи в его мастерской, выпросил известный наш краевед Борис Дьяченко, привёз и организовал установку. Большая честь для города – такой скульптурный шедевр мирового мастера.

Дважды в год – в день рождения поэта и в день гибели – у памятника собирались владивостокцы, возлагали венки, читали стихи. Учителя проводили здесь пушкинские уроки. Поэты перед Пушкиным состязались в стихосложении. Экскурсоводы приводили экскурсантов. Детская библиотека – она тогда была ещё Пушкинской – шефствовала над Пушкинским сквером – тоже форма воспитания юных читателей.

Когда началось строительство дороги к Золотому мосту, бюст убрали, пообещав, что, как только мост будет введён в эксплуатацию, бюст Пушкина установят снова. Золотой мост открыли в августе 2012-го. С тех пор вот уже шестой год горожане обращаются в городскую администрацию, просят, предлагают, требуют: верните нам нашего Пушкина! Я сам несколько раз выходил на городской отдел культуры, выступал в печати: “Было бы большой потерей для Владивостока лишиться этого скульптурного

* “Наш современник”, №1 за 2018. С. 144.

шедевра”. Бесплезно. В городе по воле бывшего мэра “возникли” скульптурный Солженицын, Высоцкий, моряк заграничавания и др., о памятнике Пушкину власть слышать не желает.

Правда, в прошлом году – году столетия выдающегося скульптора М. К. Аникушина – вроде началась подвижка: на площадке рядом с храмом Успения Божьей Матери и художественным училищем (отличное место!) наконец-то появился постамент для скульптуры – какой-то странный обелиск, очень уж смахивающий на стандартное кладбищенское надгробье. Но оказалось, что верхняя часть никак не совмещается с бюстом. Ломали голову: как быть? Один городской чиновник предложил отпилить от бюста голову и “насадить” её на постамент. Отпилить голову Пушкину! Слава Богу, что нашлись здравомыслящие люди, убедили не делать этого, чтобы на весь мир не ославиться таким вандализмом.

Так вот и стоит сиротливо это несуразное сооружение в середине города среди строительной свалки, замусоренности, стиснутое автостоянкой. Где ж скульптура М. К. Аникушина? Будет она установлена? Будет ли? Словом, Пушкина Александра Сергеевича продолжают убивать во Владивостоке. Конца этому пока не видно.

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

Дорогой Станислав Юрьевич! Я моложе Вас на восемь лет, но тоже, как и Вы, довоенной “выпечки”. В следующем году будет восемьдесят (не могу поверить!). И вот, чем дольше живу, тем резче вижу ту грань (пропасть!), что пролегла между миропониманием довоенного поколения и послевоенного. И чем дальше по времени уходит война, тем больше становится разрыв, всё больше молодых людей судят о прошлом в духе Лженицыных и Лжесуворовых.

Но. Хотя и раздробили нашу культуру, почти изничтожили русскую литературу, но жив ещё “Наш современник”, и уже не сгорит правда о Катynie, о Жрецах и Холокосте...

То, что я говорю о войне в романе “Рядовой Иван Яценко”, о пленении целого полка, вряд ли теперь найдёт подтверждение в документах или памяти свидетелей – их нет. Но горькая правда, рассказанная мне фронтовиками, в том числе теми, кто побывал в плену, должна жить. Да и послевоенная жизнь фронтовиков (и не только фронтовиков) новым поколением, в том числе молодыми (и честными) писателями, воспринимается в искажённом виде.

Жалею, что я мало (из скромности) обращался в “НС” (всего две маленькие публикации за все годы – не упомяну, сколько? – когда я стал читателем журнала).

Здоровья Вам и Надежды.

Иван Комлев, г. Иркутск

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

С удовольствием читаю Ваш журнал и думаю, что его надо читать всем. Очень хороший материал написал о Кожинове Ваш сын Сергей. Одновременно предлагаю свои стихи. Стихотворение о майоре Иванове Генрихе Геннадьевиче, который при испытании атомной бомбы в качестве штурмана летал на самолёте в радиационном облаке при взрыве бомбы. Он в то время служил в Сибири, а последнее время – в нашем авиационном полку в городе Каменск-Уральский в качестве штурмана эскадрильи. За время службы у нас подготовил много штурманов, которые ныне служат полковниками в наших ВВС.

“Есть люди на земле, их помнить // желанья не было и нет, // а вот таких, как он, не вспомнить // нельзя хоть через много лет. / Он с бомбой атомного взрыва // не по картинке был знаком, // как это облако красиво, / он знал, поскольку выжил в нём. // Увы! Таких людей немного, // и всех их невозможно знать, // но то, что в небе их дорога, // нельзя об этом забывать!”

С уважением – майор в отставке **Ю. Ковязин**
г. Каменск-Уральский

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Пишет Вам житель Александр Владимирович из Русской Поляны Омской области. Я врач по образованию, сейчас на пенсии, инвалид II группы, три года уже нахожусь в инвалидном кресле.

Мать у меня была немка – предки приехали с Украины, – отец был русский – Иванов Владимир Иванович, горный инженер, участник ВОВ. Я ношу фамилию матери, моя мать и я были под комендатурой, затем нас реабилитировали, мать с 15 лет работала на шахте. Я служил в армии, работал шахтёром с 1971-го по 1973 год, затем – учёба в мединституте. Читаю Ваши публикации в журнале “Наш современник”. Полностью согласен с Вами. Я горжусь, что есть такие поэты, публицисты, как Вы!

Пишет под мою диктовку моя супруга – Татьяна Дмитриевна, – тоже врач-невролог по образованию (родители из рабочих и крестьян). Сам я, к сожалению, писать не могу из-за болезни!

С уважением и наилучшими пожеланиями к Вам – **А. Энгель**
пгт Русская Поляна Омской обл.